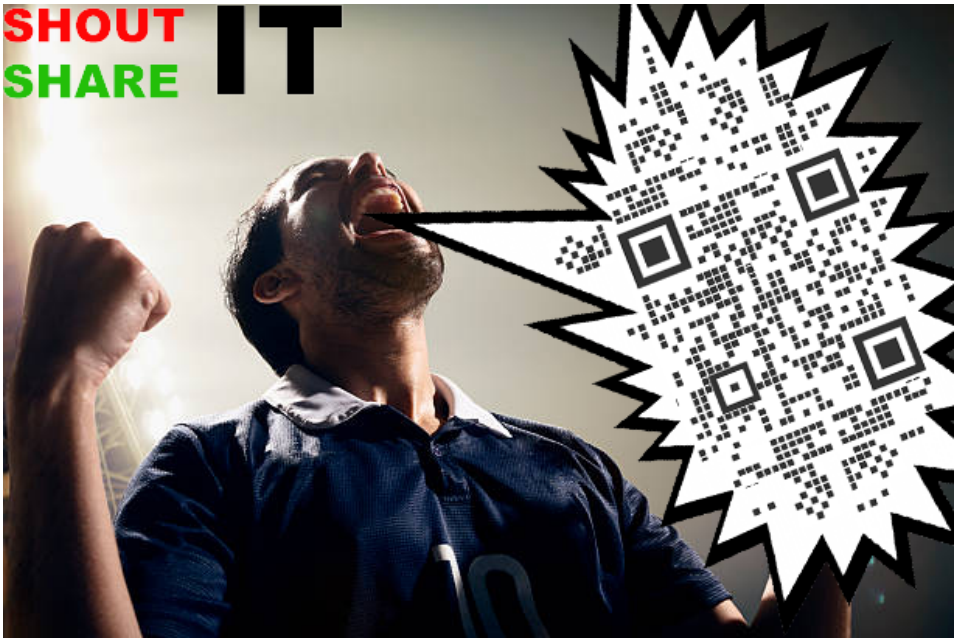
Сергей Фрёлих

ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ

РУССКИЕ И НЕМЦЫ МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

С предисловием Андреаса Хиллгрубера

Перевод с немецкого
Ю. К. Мейера при участии Д. А. Левицкого


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сергей Бернгардович Фрёлих — Сергей Борисович для своих русских друзей — был отмечен своей ненарушимой преданностью русскому народу. До своей смерти в декабре 1982 года он поддерживал борьбу за его свободу с помощью своего журнала «Зарубежье», выходившего с 1965 до 1979 г., распространяя листовки в Венгрии во время восстания 1956 г. Им же было основано общество помощи христианам в Советском Союзе, и, в конце концов, написана эта книга. Те, кто его знал, были поражены его приверженностью делу Власова.

Его отношение к большевизму было непримиримо. Молодым человеком он пережил большевистский переворот и первые годы коммунистического режима в Москве. Он чувствовал свой собственный долг перед павшими в эту роковой эпоху, перед теми русскими и немцами, которые, жертвуя своей жизнью, воспротивились в своих странах этому порабощению. И надо было выполнить обет, данный им генералу Власову, который просил его: «Опиши, что мы не были изменниками…»

Сергей Фрёлих — человек с немецким паспортом, но с русской душой, как его описывает Кромиади, спутник генерала Власова и посредник между лагерями. Он хотел сделать все, что было в его силах, чтобы борьба Власова не ограничилась одними историческими событиями. Девиз генерала «Никогда не поздно спасти народ!» стал и его девизом.

- СЕРГЕЙ ФРЁЛИХ
  -
  - ПРЕДИСЛОВИЕ
  - ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - От сына кулака к красному генералу
    - Военное выдвижение при утеснении семьи
    - Советник в штабе генералиссимуса Чанг Кай Ши
    - Создатель образцовой дивизии
    - Начало войны против Гитлера
    - Из лазарета к Сталину
    - Успехи при защите Москвы
    - Немедленно явиться в Кремль
    - Последовавшие исправления истории
    - Опять у Сталина — начало конца на Волхове
    - Спорная операция второй ударной армии
  - ГЛАВА ВТОРАЯ

- Власов принимает решение начать борьбу против Сталина
- Проблематичное соглашение с немцами
- Конфликты крестьянского сына
- Тысячи перебегают
- Под чьей командой были «добровольческие отряды» — русской или немецкой?
- Русская национальная народная армия (РННА)
- Русская освободительная народная армия (РОНА)
- Боевой союз русских националистов («Дружина»)
- Предприятие «Цеппелин»
- Разговор со Штрик-Штрикфельдтом
- Меня проталкивают прибалты, члены СА
- Смоленское воззвание. Народ мобилизуется
- Началась советская контрпропаганда

○ ГЛАВА ТРЕТЬЯ
- В Дабендорфе мечтают о десяти дивизиях
- Зыков, разочарованный марксист, как пропагандист против Сталина
- Операция «Скорпион Восток»
- Остальные ответственные сотрудники
- Дабендорф — научный центр

○ ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
- В ожидании на Кибитц Вег номер 9
- «Рижане» и друзья из Прибалтики
- Штаб получает оружие
- Советские агенты на Кибитц Вег
- И Гестапо удается обвести вокруг пальца
- Многообещающие проекты и учреждения для лодырей
- Неожиданные союзники
- Всё время новые проблемы
- Балдур фон Ширах под глубоким впечатлением
- Земля крестьянам

○ ГЛАВА ПЯТАЯ
- «Пушечное мясо» на Атлантическом валу?
- Русские батальоны от Текселя до Средиземного моря
- Заражающиеся с дула ружья против танков «Шерман»
- Языковые барьеры
- Сколько же времени еще будет продолжаться

этот обман?
- Немецкий генерал с кораном
- Попытки завербовать Малышкина
- Роковая ошибка союзников
- В потоке вражеского наступления

○ ГЛАВА ШЕСТАЯ
- СС перенимает власовское движение
- «Вступай в колхоз»
- Запоздалый брак
- Посещение Гиммлера
- Дрезденский банк предлагает кредит
- Обнародование Манифеста в Праге
- Споры среди национальных меньшинств и фантазер Розенберг

○ ГЛАВА СЕДЬМАЯ
- Учреждения КОНРа растут на глазах
- Финансовый договор, написанный на листке бумаги
- Японские возражения

○ ГЛАВА ВОСЬМАЯ
- Дело о Русской Освободительной Армии становится серьезным. Роль генерала Кёстринга
- Ноябрь 1944: начинаем формировать РОА
- Оружие для сторожевого батальона
- Старые эмигранты присоединяются к РОА
- Военно-воздушные силы РОА
- Попытка с «вспомогательными частями»
- Первый железный крест Власовскому офицеру
- Боевое испытание у предмостного укрепления на Одере

○ ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
- Отчаянные попытки вплоть до трагического конца
- Усилия по спасению Штрикфельдта
- «Бунт» генералов
- Бесполезные попытки осветить положение Западным союзникам
- Последнее усилие
- Советы генерала Клечанды
- Буняченко в Праге выступает против немцев
- Парламентеры переходят линию фронта
- Последняя надежда на генерала Паттона
- Как я получил приказ начать поход
- Три генерала расплачиваются из-за отсутствия

радио-связи
- Генерал Зверев попадает в советские руки
- Штаб армии капитулирует
- Чудо в Крумау
- В замке, но не в крепости Шлиссельбург
- Первая дивизия больше не существует

○ ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
- Американцы не знают, что они делают
- В лагере военнопленных в Ландау
- Предприятие «мебельный фургон»
- Повседневность в лагере
- Мое бегство
- Советские репатриационные комиссии в лагере Платтлинг
- Туннель, но не спасение
- Попытки спасения без фантазии
- Кромиади борется с мельничными крыльями
- Работе «гиен» положен конец
- Епископы с небольшими недостатками
- Иуда из Тироля
- Проблема для немцев
- И тоже за границей

○ ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
- Палачи в Москве за работой
- Реакция московского Министерства юстиции
- Процесс без защиты
- Обвинительный акт
- Мы сумеем умереть с достоинством
- Доклад генерала Григоренко
- Глазами Ильи Эренбурга

○ ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
- Последнее слово принадлежит генералу Власову
- «Я ненавижу Сталина и презираю Гитлера»
- Отставные генералы в России
- «Унтерменш»
- Немецкое оружие
- «Тотальная война»
- Цифры и масштабы
- Игнорирование Власова
- «Вы меня победили дважды»
- Два доверенных лица
- 20 июля 1944 г.
- Об СС Власов говорил:
- Обман с колхозами

- Необходимо передумать…
- Выживет ли советский режим?
- Победа над Советским Союзом?
- Непонятное юдофобство
- Митрополит Сергий
- «Наша программа переживет нас»
- «Война по телефону»
- О маршале Константине Рокоссовском
- «Кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум»
- «Мое горе посвящено русскому народу»

○ ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА Э. фон Фрейер
○ КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ
○ РЕДАКТОР КНИГИ
○ ПРИЛОЖЕНИЯ
- Список сокращений
- Хронология
- «Толчок должен быть сделан извне»
- Обращение русского комитета
- Манифест,
- Указатель имен

○ ИЛЛЮСТРАЦИИ

• notes
○ 1
○ 2
○ 3

СЕРГЕЙ ФРЁЛИХ
ГЕНЕРАЛ ВЛАСОВ: РУССКИЕ И НЕМЦЫ МЕЖДУ ГИТЛЕРОМ И СТАЛИНЫМ

Генерал Андрей Андреевич Власов в 1943 году.

Выполнив перевод книги С. Б. Фрёлиха на русский язык, я считаю своим приятным долгом искренно поблагодарить Д. А. Левицкого и А. В. Герича, в значительной мере помогших мне в подготовке рукописи, в проверке набора и принявших участие в расходах по изданию.

Ю.К. Мейер

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая Мировая Война, являющаяся одним из самых решающих событий столетия, как и ее свершение, уже освещена не только для историка, но и в значительной мере для общественного мнения. Исследованы также и мотивы, руководившие главными силами и исполнителями, хотя еще отдельные противоречия обсуждаются историками, поскольку они были вызваны основными целями или проистекали из действительного или кажущегося принуждения. Трудно приходится силам и событиям, которые не подходят под общие обобщения. Их история останавливается перед барьерами, созданными по политическим соображениям, устранение которых представляет трудности для историка, которому предоставляются или служебные документы, или он лишен к ним доступа. Поэтому часто случается, что такая «частичная история» просто опускается. О ней умалчивают если не историки, то те, кто в качестве политиков или журналистов пытаются обработать общественное мнение при помощи простых стереотипов.

Вот такой «частичной историей» и является появление Власовского Движения на немецкой стороне во Второй Мировой Войне. Нельзя утверждать, что она неизвестна историкам. На Западе имеется обширная специальная литература, как например недавно вышедшая книга историка Иоахима Гоффмана, из Фрейбурга («История Власовской Армии» в издательстве Военно-Исторического Исследовательского Института, второе не измененное издание, Фрейбург, 1986). Она дает общее представление об истории русского освободительного движения генерала Власова. Она подтверждает, что было много сот тысяч русских солдат, которые с самого начала немецко-советской войны, то есть с июня 1941 года, попав в немецкий плен, оказались готовыми сражаться бок о бок с немецкими солдатами против сталинского режима. Их символом, их вождем был один из наиболее военно квалифицированных сталинских генералов: Андрей Андреевич Власов, сын раскулаченного крестьянина из Нижегородской губернии.

Что эта история в англо-саксонском мире, особенно при конце воины и в первые годы после 1945 г., замалчивалась ответственными политическими деятелями — вполне понятно. Англичане и американцы после крушения Третьего Рейха, вопреки международному праву и всякому человеколюбию, выдали оставшихся власовских солдат Советскому Союзу, где их ожидала страшная участь. Западные союзники при этом

опирались на соглашения, которые раньше, а в последний раз в Ялте в феврале 1945 г., были заключены с советской стороной и касались «репатриации всех советских граждан». Как это страшное событие все еще сказывается в настоящее время, — доказывает меморандум американского участкового судьи из штата Коннектикут от 29 мая 1986 года, согласно которому 70-летний Владимир Соколов был лишен американского гражданства, полученного в 1951 году, потому что в свое время он не показал, что в 1944 году он работал в русском городе Орле в газете, издававшейся немецкими военными силами, и, следовательно., был «власовцем». Если поданная Конгрессом Русских Американцев апелляция будет безуспешной, то может случиться, что через 43 года после события Соколов будет выдан в Советский Союз, где его судьба во всяком случае будет неизвестна.

История Власовского Движения — прежде всего русская история, которая, однако, не подходит к общей картине «Великой Отечественной Войны». Она и в любой официальной истории любого другого государства не была бы отмечена как славная страница. Для сталинского режима был бы убийственным ответ на вопрос: «Как это могло случиться, что только советские военные всех рангов, а не солдаты других наций, поднялись на борьбу против собственного правительства, и притом числом в сотни тысяч?» Мы ведь теперь точно знаем, что их было больше миллиона, как указано в книге И. Гоффмана на стр. 306. Поэтому было только логично, что «Известия» от 2 августа 1946 года в заметке в 27 строк сообщили о процессе Власова и его сотрудников только имена осужденных на повешение, которые были найдены виновными «в измене отечеству и в террористической деятельности против Советского Союза». При этом газета умолчала об их высоких чинах в Красной Армии.

Если, между тем, не удается целиком замолчать «Власова» в советской общественности, то это частично заслуга А. И. Солженицына. В своем «Архипелаге Гулаг» он по-разному возвращается к этой теме. Он пишет: «В два года — 1945 и 1946 — Архипелаг переработал большой поток на этот раз подлинных противников режима (людей Власова и казаков Краснова и магометан из сформированных Гитлером национальных отрядов). Они сражались иногда из убеждений, иногда под принуждением» («Архипелаг ГУЛАГ», Rowholt, 45–48 Tausend, Reinbek под Гамбургом, октябрь 1985, стр. 87). «В своих мечтах и надеждах эти люди рассматривали себя как Третью Силу между Сталиным и Гитлером. Но все: Сталин, Гитлер и Запад вытянули у них эту опору из-под ног. Для союзников они были своеобразной

категорией нацистских помощников, ничем не лучше, чем их хозяева». («Архипелаг ГУЛАГ», стр. 238.)

Солженицын ввел власовских людей в историю сталинского времени под таким видом, который скорее действует смущающе, а не разъясняюще. Но в то время как он развертывает в обзоре концлагерей исключительную трагедию в описании сотен отдельных случаев с точки зрения человечности и психологии, — это описание вызывает частично оскорбленную гуманность. И, как это характерно для русского мышления, придает ему и политический вес.

Удивительно, с какими трудностями приходится иметь дело советским властителям, в связи с разоблачениями Солженицына через десятки лет после события… Вместо того, чтобы все приписать Сталину и Гитлеру, они рассчитывают (раз нельзя все дело спрятать под сукно) отделаться Каиновой печатью «измены». Пришлось обратиться за помощью по меньшей мере к генерал-лейтенанту Шилину, многолетнему начальнику Института Военной Истории в Министерстве обороны СССР, и члену корреспонденту Академии Наук Советского Союза. И тот написал статью на целую страницу в «Известиях» от 29 января 1974 года под заглавием «Как А. Солженицын воспевает измену власовцев». Весьма настоятельно хочется узнать, как советские историки справятся с феноменом «Власова» при начатой при Горбачеве второй фазе «оттепели», введенной Хрущевым…

Конечно, нужно считать Власовское Движение частью немецко-русской истории. Не только из-за чисто военных событий, но и с социально-психологической точки зрения в немецко-русской войне 1941—45 года. Для историка возникает вопрос: как было возможно, что была сделана попытка как с советской, так и с немецкой стороны, мобилизовать из военнопленных силу для борьбы с властителями на родине? Однако только на немецкой стороне эта сила была вооружена и была даже успешно использована в боях. На советской стороне «Национальный Комитет Свободной Германии» остался только пропагандным средством. И не было «Освободительной Армии», которую можно было бы вооружить и использовать против Гитлера. Ответ гласит: армия Власова была создана за спиной «Фюрера», который в не меньшей мере был во власти подозрения, чем советский «вождь» (ведь и Сталин называл себя вождем!), но должен был терпеть самочинные действия своих подчиненных.

Таким образом Власовское Движение превратилось в богатую выводами часть истории немецкого государства во Вторую Мировую Войну, особенно в выяснении той «внутренней структуры» Вермахта в Третьем Рейхе. Наравне с основным

этическим сопротивлением, достигшим апогея в покушении 20 июля 1944 года, на основании военных действий, создалось убеждение в том, что гитлеровский тезис о борьбе с «унтерменшами» ошибочен, что русское государство может быть освобождено от большевизма только с помощью сил, имеющих целью подлинное освобождение, которое не принесло бы новой формы порабощения. Немецкие офицеры, которые вызвали к жизни Власовскую армию, все больше вступали в оппозицию к своему Главнокомандующему, хотя и не были в состоянии себе в этом признаться. Во всяком случае, не случайно некоторые из них стали жертвами события 20 июля. Весьма вероятно, что Власовское Движение пришло бы к концу после 20 июля 1944 года, не перейди сама его идея и организация к этому времени в руки СС. Таким образом становится ясным, что история Власовского Движения является не только советской проблемой. Наоборот, она содержит в себе много зажигательного материала для написания немецкой истории, если, конечно, не ограничиваться тем, что эта тема превращена в запрещенную.

Если главные основы Власовского Движения по меньшей мере известны историкам, то им не хватает познания психологической среды, которое только одно может обеспечить глубокую оценку событий. Нужно знать, как исполнители сами себя оценивали и что они чувствовали. Несомненно, Власов был ведущей личностью среди многих высших советских офицеров, попавших в немецкий плен и увлеченных идеей освободительной армии. Его немецкие сотрудники, которые с его ближайшими помощниками, генералом Малышкиным и генералом Трухиным, могли бы «осуществить задание», не могли избежать обаяния Власова. Выяснение таких психологических взаимоотношений и побуждений готовит историкам значительные трудности. Ведь в их распоряжении остались только устные свидетели.

С этой точки зрения эта только что изданная книга является особенно важным источником. Воспоминания умершего в 1982 году Сергея Фрёлиха, бывшего доверенным лицом Власова, являются важным дополнением к тем событиям, что правильно признал др. Гоффман. Труд, законченный Эдель фон Фрейер, на основании оставленного наследства и теперь изданный, представляет собой значительный документ. Немецкий прибалтиец Фрёлих, инженер из Риги, получивший в латышской армии чин лейтенанта, в 1942 году вступил в ряды немецкого Вермахта исключительно с целью стать связным к Власову. Фрёлих, который был рожден как русский подданный, указавший в своей военной книжке свою национальность как «русский», и который и «мыслил как русский», — прямо был создан, чтобы

понимать этого русского генерала и его поддержать. Он отнюдь не близок к тому, чтобы «обожествлять» Власова, но он делает близкой и понятной эту историческую личность. для читателей, заинтересованных в человеческой судьбе.

Целью Фрёлиха было создать точный образ этого русского патриота, который потерпел поражение, потому что обстоятельства были сильнее его воли. Таким образом автор скорее будет понят теми, кто знает — как трудно жить под авторитарным давлением. Младшим поколениям, которые выросли в современном «западном» индустриализованном обществе и считают, что справедливость — это самое меньшее, что им должно дать государство, — будет трудно понять, как сын преследуемых большевистским режимом крестьян мог сделать карьеру в армии этого режима, вместо того, чтобы отказаться от такой службы.

Как известно, делались попытки объяснить значительный приток в ряды Власовского Движения из лагерей военнопленных существовавшими там страшными порядками, голодом и применяемой вообще нацистами на Востоке политикой физического уничтожения. Если бы это было так, та такие побуждения должны были бы быть сильнее страха от того, что они подвергнутся еще худшим притеснениям при возвращении на родину. Показания, что русские военнопленные в Германии не верили в победу Сталина и поэтому стали перебежчиками, тоже ложно, потому что это перебегание продолжалось еще и в 1945 году, когда оно очевидно было уже «запоздалым».

Такие соображения не соответствуют действительности также и потому, что зимой 1941—42 годов положение в лагерях военнопленных значительно улучшилось, не из человеколюбия, а просто по экономическим соображениям. Нацистское руководство решило использовать потенциал военнопленных вместо того, чтобы их уничтожать.

Журнал Военно-Исторического Института Германской Демократической Республики (Военная История, тетрадь 1, 1977, стр. 15–27) доказывает, что «отношение к пленным стало меняться уже в ноябре 1941 года после окончательной неудачи фашистской молниеносной войны перед Москвой и последовавшей за этим успешной зимней кампании советских войск». В статье Норберта Мюллера, из Военно-Исторического Института Германской Демократической Республики, в Потсдаме, и Маргерса Вестерманис, из Риги, указывается, что улучшение положения в лагерях было вызвано необходимостью использовать «рабочие силы». Эта статья под заглавием «Преступления фашистского Вермахта по отношению к советским

военнопленным в период 1941—45 годов» приводит многочисленные случаи нарушения международных правил. При этом весьма примечательно, что в этом описании нигде не упоминается по меньшей мере сомнительное, с точки зрения международного права, использование русских военнопленных как «готовых помочь» в немецком Вермахте, и тем более как боевых частей в борьбе с советской армией. Ведь используя эти доводы, было бы очень легко осудить это «подстрекательство к измене» как особенно презренное нарушение человеческого достоинства. Вместо того, чтобы упоминать «изменников» или «жертвы», потсдамские историки предпочитают перечислять геройские поступки, доказывающие советский патриотизм (например, как летчик захватывает самолет «Физелер Шторх», чтобы бежать, или как четыре военнопленных завладевают танком и им удается бежать из Риги — стр. 26). Но Власовское Движение не упоминается ни одним словом…

С другой стороны, даже и в немецких описаниях Власова изображают как оппортуниста и карьериста. Против этого говорит факт, что Власов значительно раньше, чем последовавшие за ним простые русские солдаты, осознал, что «все слишком поздно». Уже когда действительно отпала всякая надежда, и ему было некоторыми американскими офицерами предложено бегство (например, в Испанию), он остался верен своему призванию, хотя и был уверен, что в Москве его ожидает петля.

Таким образом нельзя — так звучит наш вывод — представлять Власовское Движение только исторической ошибкой, чистой иллюзией или результатом человеческих ошибок со стороны Власова и его приближенных. Его значение в истории Советского Союза и в истории немецко-советских отношений во время Второй Мировой Войны налицо. Но оно нуждается в дальнейших изысканиях. Было бы желательно использовать многие побудители, исходящие из книги Сергея Фрёлиха, чтобы углубить разрабатываемую тему и определить ее место в связи с более крупными событиями. Было бы также хорошо, если бы советские историки получили возможность принять участие в таких изысканиях. Нынешнее поколение в Советском Союзе, призванное к руководству, действующее и способное рассуждать, будет в состоянии изучить историю в тех частях, которые для него мучительны, и воспринять их справедливо. Ныне живущие не должны чувствовать себя ответственными за ужасы прошлого, разве только с той целью, чтобы они никогда в будущем не могли повториться. Это должно стать обязательным.

Кёльн, март 1987 г.

Андреас Хиллгрубер

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Прежде всего я должен объяснить, почему я с таким опозданием, 40 лет спустя после описываемых событий, написал эту книгу. Уже с давних пор мои друзья и знакомые стали весьма часто заводить об этом разговор и спрашивать: «Почему ты не пишешь книгу? Ты же ведь тот человек, с которым Власов больше всего был вместе. Ты же многое пережил такое, что никто кроме тебя не видел, не слышал и не узнал!»

Чтобы начать писать книгу — было несколько препятствий. Прежде всего, я знал Андрея Андреевича хорошо, возможно — слишком хорошо. О генерале Власове и о военных событиях того времени написано очень много и весьма противоречиво, невзирая на то, что авторы хотели быть правдивыми. Одни из них описывали события с точки зрения американцев, другие писали, основываясь на описании событий, как их понимал немецкий офицер. Наконец, некоторые ограничивались только описанием немецких интриг вокруг власовского начинания и пытались доказать, что все это было утопией, безответственной авантюрой тщеславного оппортуниста, обреченной с самого начала на неудачу.

Такого рода ошибочные описания событий меня беспокоили. Хотя они и не заставляли меня сразу взяться за перо, но вынудили меня к тому, чтобы желающим писать на эту тему предоставить мои записи за период с 1946 по 1950 годы. При этом я не делал различия между людьми, непосредственно участвовавшими в событиях, и специалистами-историками, которые брались изучать этот повергающий в изумление период истории. Ведь, действительно, в самый разгар Мировой войны и даже в се заключительный период доблестный генерал Красной армии смог воодушевить и мобилизовать сотни тысяч своих земляков, оказавшихся, как и он, под немецкой властью, на борьбу со сталинским режимом! Ведь человек, который попытался это сделать, должен был быть исключительной личностью. Он был подлинный герой, защитник свободы, чье влияние стало бы ощутимо во всем мире на Востоке и на Западе не только при его жизни, но особенно после того, как он вместе с 11 своими друзьями был казнен его коренным врагом — Сталиным. Можно ли описывать такую личность, вошедшую в историю, и одновременно упоминать — каким слабостям он был подвержен, и делать это в те годы, когда Сталин еще стоял во главе своего ужасающего режима, и Запад, наконец, был вынужден начать сопротивляться его агрессивности?! Кроме того,

чем больше времени отделяет нас от описываемых событий, тем объективнее будет их описание, освобожденное от ярких переживаний.

Вот поэтому я только сейчас решился приступить к этой книге. В ней я повествую не только о положительных и радостных событиях, но также и о таких, о которых люди не хотели бы слышать, хотя они очень типичны для мировоззрения свидетелей того времени. Недопустимо изображать кого бы то ни было как рыцаря без страха и упрека или как полусвятого, даже если он храбро и последовательно сражался за правду. К тому же Власов был не один. Вокруг него были люди со своими индивидуальными способностями и слабостями. Именно эти их слабости причиняли мне часто заботы и усилия при исполнении моих служебных обязанностей как сопровождающего Власова и чинов его штаба. Мне приходилось сглаживать ошибки, возникавшие благодаря этим слабостям, и отвечать за их последствия.

Последним мотивом для того, чтобы решиться приступить к созданию этой книги, был факт, что я нашел человека, который готов и мог сотрудничать со мной, — это была Эдель фон Фрейер. Она помогла мне привести в порядок наличный материал, просмотреть его, присоединить к нему новый, оживить и прояснить мои собственные воспоминания. Она была также неутомима и жертвенна, трудясь над устранением многих технических трудностей, которые были неразрывно связаны с таким начинанием. Ведь я не был профессиональным писателем. Эдель фон Фрейер принадлежала к младшему поколению, и то, что она полностью восприняла основную тему книги, только доказывало мне, что понятие «Власов» приобрело значение и для молодежи.

Все, что я пишу, является моим субъективным восприятием происходившего. Годы 1943, 1944 и частично 1945, когда я принадлежал к свите Власова, я считаю самыми значительными и яркими в моей жизни. При описании происходившего я сам или оставался в центре внимания, или был скрыт в тени. Однако, в действительности, все определялось личностью этого человека. Только после того, как он преодолел многие душевные препятствия, — Власов пришел к решению принять роль, которая, по его убеждению, была уготована ему историей.

* * *

Для того, чтобы облегчить читателям, особенно

принадлежащим к младшему поколению, понимание событий, описанных в этой книге, я считаю нужным ознакомить их с теми особенностями советской системы и, главным образом, с теми условиями, в которых Власову пришлось жить до 1942 года. Их-то Власов и хотел во что бы то ни стало изменить. Попав в плен к немцам, он увидел, что ему к этому представлялась тогда единственная возможность. Мои политические пояснения по этому вопросу ограничиваются только временем примерно до 1950 года. Господство большевиков, то есть коммунистов, началось с 1917 года и вылилось в тиранический произвол. Оно было основано на теоретических выводах, разработанных опытными революционерами, которые свои тезисы усовершенствовали, испробовав их в ряде кровавых экспериментов над русским народом. К услугам этой «научной» работы, длившейся десятилетиями, был создан подлинно сатанинский аппарат, имевший целью дробление и подавление любого политического сопротивления. Большинство русского народа страдало от этого гнета, но должно было ему покоряться. Отдельные случаи сопротивления подавлялись без всяких колебаний. В период Октябрьской революций. До начала советско-германской войны в 1941 г., число жертв режима стали определять в 40 миллионов. Из них до 10 миллионов погибло от истощения и голода в концлагерях. К ним надо прибавить и жертвы коллективизации в деревнях в 20-е годы. Был целый ряд свидетелей этого страдальческого пути русского народа, но только труды Александра Солженицына заставили мировое общественное мнение понять и усвоить всю безжалостность советского режима.

С самого начала ложь, страх и система доносов были основами большевистского государства. Одновременно с террором пришедшие к власти делали ставку на марксистско-ленинское воспитание народа. В этом отношении Сталин оказался выдающимся мастером.

Это воспитание начиналось с детского сада. Оно имело целью создание так называемого «хомо советикус», то есть такой человеческой породы, которая была необходима для продолжения коммунистического режима. Для того, чтобы понять все значение происходившего, я считаю долгом привести такой случай.

В 1940 году, когда Красная армия вступила в Латвию, моя восьмилетняя дочь ходила в Риге в начальную школу. На одном из первых уроков при новой власти было приступлено к выяснению политической ориентации детей. Придя домой, дочка об этом рассказала:

— Папочка, ты знаешь, о чем меня сегодня спросили в

школе?

— Нет, — ответил я. — Как я могу это знать!

— Меня спросили: кого я больше люблю — папу или маму, или великого Сталина?

Я был так смущен, что промолчал, но девочка продолжала:

— Знаешь, что я ответила? Великого Сталина. Что ты думаешь, правильно ли это?

Я только нашелся сказать: «Да, это было правильно». Но девочка не кончила: «Ты знаешь, папа, это ведь неправда! Я вас с мамой люблю больше, чем Сталина».

Продумайте хорошенько этот разговор! Ребенок в школе солгал, чтобы не создать угрозы для родителей, и дома его за это, поколебавшись, одобрили. Отец боялся сказать лишнее слово, а ребенок сделал первый шаг к превращению в «хомо советикус».

А вот другой пример. В первом же учебнике, введенном советскими оккупантами в Латвии в начальных школах, приводится рассказ о крестьянском мальчике Павлике Морозове. Он донес на своего отца, который на уже убранном поле пытался подобрать оставшиеся колосья. Во всем мире это считается правом бедняков. Во время нашего бегства из Латвии в Германию члены моей семьи тоже подбирали зерна, которые находили на убранных полях. Но в Советском Союзе к этому относятся по-другому. Там отца Павлика обвинили в краже социалистического имущества и присудили к пяти годам принудительного труда. Поступок Павлика Морозова, который донес на своего отца, был использован как доказательство «высокой социалистической сознательности» и был рекомендован ученикам как пример для подражания. Этот случай был дальнейшим, еще более важным шагом в создании «хомо советикус».

А вот, под конец, еще один рассказ моего друга. При вступлении советских танков в Ригу двое людей было задавлено, что и не удивительно при дикой езде красноармейцев. Эти два несчастных случая были использованы, чтобы начать процесс против высших чиновников рижской префектуры. Было выдвинуто обвинение против 18 полицейских чинов (все латыши) в преднамеренном убийстве двух рабочих. Очевидно, новые хозяева искали любого предлога, чтобы расправиться с латышской полицией.

Для того, чтобы создать для этого нужные настроения во всех предприятиях, в том числе и в фирме Волфшмидт, где служил мой приятель, начали созывать собрания рабочего коллектива. На них подвергалась страшной критике жестокость латышской полиции. Выступления главных обвинителей неизменно заканчивались требованием к собравшимся принять резолюции,

согласно которым суд должен был приговорить 18 «подлых преступников» к высшей мере наказания. Другими словами, каждый присутствовавший должен был подать голос за казнь ни в чем неповинных людей.

Мой друг был поставлен перед ужасающей дилеммой: подать голос против резолюции было совершенно невозможно, но и воздержаться от подачи голоса значило возбудить против себя преследование, и при этом пятеро его детей могли потерять своего отца. А с другой стороны, как же мог мой друг высказаться за казнь невиновных?! Но ведь его голос, поданный против, помочь им не мог. И мой друг поднял свою руку вместе с другими — за смертный приговор…

Около двадцати рабочих, которые воздержались от подачи голоса, сразу же погнали в другое помещение, где их всех переписал чин НКВД. Мой друг об этом мне рассказывал. «Когда они поодиночке проходили мимо нас, проголосовавших за смертный приговор, я чувствовал, как они нам — предателям — плевали в душу». И сам он понимал, какой громадный шаг он сделал при таком поведении на пути от порядочного человека к «хомо советикус». А ведь такое поведение шизофреника с уничтожением личного достоинства не было редкостью.

Меня всегда удивляло, как большевикам с их физическим и психологическим террором не удалось превратить в массе русского народа задуманный тип «хомо советикус» в идеальную, достойную примера фигуру. Здесь не помогли ни атеистическая пропаганда, связанная с марксистско-ленинским воспитанием, ни издевательство над всеми религиозными И устарелыми этическими основами. Ничто не смогло в пределах владычества большевиков окончательно потушить в людях веру в Бога.

Кто хочет понять Власова как генерала и человека, должен учитывать две вещи. Прежде всего, его десятилетиями продолжавшееся воспитание в духе «хомо советикус». Оно вело к усвоению замаскированного поведения, становящегося второй природой, сводившегося к тому, чтобы думать одно, говорить другое и, в конце концов, делать третье. И одновременно отчаянное сопротивление против усвоения такого поведения, целиком противоречащего природе человека, которого большевики могли добиться только применением систематического террора. Эти два психологических явления объясняют, каким образом было возможно, что многие тысячи советских граждан во время Второй мировой войны решились в немецкой форме, то есть в форме врага, вести борьбу против сталинского режима с оружием в руках, даже против своих братьев и друзей.

Было бы фарисейством поверхностно объяснять духовный процесс в головах этих людей склонностью к оппортунизму или страхом голодной смерти в немецких лагерях военнопленных. Конечно, это играло известную роль для этих людей, как и для большинства соратников Власова, но для всех них «Власовское движение» было последней, все решающей надеждой. Недаром Власов не только им, но и вообще всегда говорил: «Никогда не поздно начать спасать народ».

С 1945 года многое изменилось на свете, как и в Советском Союзе, Подросшие поколения не знают по собственному опыту всех ужасов сталинского периода. Они не чувствуют в тогдашней мере страха перед режимом. В Советском Союзе теперь решаются использовать редкие ныне существующие возможности для того, чтобы отстаивать индивидуальные нрава не только для себя, но и вообще для человека.

Благодаря Солженицыну и ряду других людей, которые выступают в защиту «жизни без лжи», можно надеяться, что русский народ обретет вновь свои основные права, применяя которые он сделал свой вклад в мировую культуру, и восстановит свое самосознание.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

От сына кулака к красному генералу

Меня часто спрашивают: «Каким же был Власов? Какие соображения побудили его, одного из самых успешных генералов Красной армии, начать сотрудничать с немцами после того, как он попал в плен? Ведь он был прославленным советским генералом с блестящей карьерой в будущем и был отмечен самим Сталиным!»

Да, всё это так. Послушаем, как это произошло.

Андрей Андреевич Власов, сын крестьянина небольшой деревни Ломакино Нижегородской губернии, родился 1 сентября 1901 года. Его отец при Александре Втором служил в гвардии унтер-офицером в Санкт-Петербурге. На эту службу он был назначен благодаря своему росту — 1 метр 90 сантиметров. По своим убеждениям консерватор, он обожал Царя. Будучи сам солдатом, он гордился своим сыном, ставшим генералом. Но в их отношениях наступило известное отчуждение. Да, сын был генералом, но каким? Коммунистическим.

Сын был выше отца ростом, он мерил 1 метр 96 сантиметров, чем выдавался среди окружающих. Голод и постоянное недоедание в течение двух поколений привели в Советском Союзе к уменьшению роста людей. Красноармейцы были на 6—10 сантиметров ниже царских солдат. Я обратил внимание на эту разницу, увидев впервые советских солдат в 1940 году, когда Красная армия вступала в Ригу.

Выразительное лицо Власова было отмечено довольно грубыми, но волевыми характерными чертами. Говорил он глубоким басом и носил внушительные очки в роговой оправе. Власов был безупречным артистом и обладал невероятным шармом, который, однако, не был природным, а скорее приобретенным. Как у многих русских, в нем действовал ярко выраженный инстинкт, который выручал его в неожиданных жизненных ситуациях. По существу он был большим педантом. Любовь к порядку, связанная с энергией, объясняла — почему немцы ему импонировали. Поэтому Власов был в состоянии разрешать ряд проблем с немецкой педантичностью. При этом он не стеснялся в выборе средств и бывал по-русски деспотичен.

Его отец, который принадлежал к классу обеспеченных крестьян, так называемому классу «кулаков», послал молодого Андрея, младшего, из восьми детей, в семинарию. Но Власов

оставил ее, не закончив, чтобы поступить в московский Сельскохозяйственный институт для получения диплома агронома.

Будучи крестьянским сыном, Власов обладал всеми качествами для этой профессии. В нем действовали крестьянская хитрость, мудрость и инстинкт в соединении с образованием, приобретенным в семинарии. Эти качества давали ему возможность позже, при немцах, свободно обходиться в новой среде, состоявшей из генералов, дипломатов, ученых и духовных лиц. Он побеждал своих собеседников, хотя и не владел немецким языком и пользовался услугами переводчиков, своим личным умением обсуждать проблему. При таких собеседованиях я часто выступал как переводчик и всегда был под глубоким впечатлением от способности Власова почувствовать сущность обсуждаемого вопроса. В результате люди, слушая Власова, воодушевлялись и весьма часто при таком общении с ним усваивали его идеи. Он также очень хорошо пел, используя спою октаву. Любовь к пению он усвоил за время своего пребывания в семинарии.

Власов был верующим. Он не признавал церковных догм и не верил в церковную обрядность. Но он считал, что церковное влияние в совокупности было благотворно для русского народа: церковь этически и морально поднимала народ, что было особенно нужно после прихода к власти большевиков. Он часто беседовал на религиозные темы и всегда относился очень терпимо к своим собеседникам. Он любил дух церковных служб и часто ради душевного успокоения сам исполнял церковные песнопения.

Каких политических взглядов придерживался Власов? Конечно, он не был монархистом. «Назад к монархии, назад к помещикам, назад к заводчикам? Нет, это не выйдет», — говорил он. Его симпатии целиком принадлежали так называемым «кронштадтцам». Это были взбунтовавшиеся матросы в крепости Кронштадт. В 1917 году они начали революцию, очень левые по своим убеждениям, но потом они захотели защищать принципы демократии и не признавали диктатуры пролетариата и террор. Я смог познакомить Власова с одним из участников этого восстания, это бы Роберт Плуме, латыш, мои хороший друг. Власов не скрывал своей радости при встрече с живым участником так называемого «кронштадтского» восстания.

Военное выдвижение при утеснении семьи

События после Октябрьской революции втянули Власова. В

1919 году он вступил в Красную гвардию добровольцем, стал вожатым и старшим вожатым — в красной гвардии, конечно, не был в употреблении позорный термин «офицер». В течение всей Гражданской войны, будучи командиром роты, Власов сражался на Юге России против белых. Когда были введены названия чинов, Власов становится офицером и быстро продвигается по службе. К концу войны в 1920 году он уже краском, таков был чин красных командиров.

Его заявление на поступление в Военную академию сначала отклоняется ввиду того, что он получил среднее образование в семинарии. С точки зрения коммунистического руководства это было большим недостатком, и только его третья попытка увенчалась успехом. Благодаря природным способностям и упорной работе ему удается добиваться успехов. В 1930 году он становится членом партии. Это было необходимо, так как иначе его военная карьера была бы закончена.

Занимая такое положение, он был вынужден бессильно присутствовать при том, как его родственники и друзья подвергаются, по советской терминологии, репрессиям только потому, что они крестьяне. Их не спасает то, что они горячо приветствовали Октябрьскую революцию и участвовали в тяжелых боях против белых. Старший брат Власова был уже в 1919 году схвачен ЧК, предшественницей ГПУ, и казнен за участие в заговоре. Родители его жены и его отец как зажиточные крестьяне были лишены их имущества и согнаны со двора. Несмотря на то, что он генерал, Власов связан со своим классом и мучительно переживает все унижения, несправедливости и жестокости, которым подвергается крестьянство. Ведь оно являлось единственным еще оставшимся носителем старого русского духа во время отчаянной и безнадежной борьбы с большевиками, Власов ничего не Может сделать и должен даже участвовать в неистовых манифестациях, прославлявших тотальную коллективизацию в годы 1928–1932, то есть превращение в рабов всего крестьянства. Он ничем не проявляет своего протеста. Наоборот, он одобряет и разделяет с другими официальный восторг. Но в душе он чувствует совсем другое. Спустя много лет он пытался освободить крестьян от гнета коллективизации.

Советник в штабе генералиссимуса Чанг Кай Ши

Осенью 1938 г. Власов назначается начальником штаба дивизионного командира Черепанова, который был главой совещательной советской комиссии при Чанг Кай Ши. После

отозвания Черепанова, его функции поручаются Власову, что нужно рассматривать как особое для него отличие. Он заслуживает доверие Чанг Кай Ши, и особенно его жены, которая происходит из Знаменитого рода Сун-Ят-Сена.

В течение целого года Власов фактически является главнокомандующим китайской армией в войне Китая с Японией. Японцы тогда пытались через Шанхай завоевать Китай. Под давлением американцев (их уполномоченным был тогда Дин Ачесон) и вопреки своим намерениям Чанг Кай Ши был вынужден заключить союз с Мао Дзедуном, которого, с точки зрения мировой политики, он считал более опасным, чем японцев.

В Китае Власов с содроганием знакомится с сущностью большевистской мировой политики. В соприкосновении с некоммунистической страной он убеждается в неискренности советской политики. С одной стороны, она поддерживает националиста Чанг Кай Ши против японцев, а, с другой стороны, старается ободрять китайских коммунистов. Миссия, порученная Власову, состояла не только в том, чтобы помогать Чанг Кай Ши в обучении и формировании его армии, но и в проведении тайного приказа — создавать условия для иуду щей победы коммунистов в Китае.

Власову была противна эта двойная нечестная игра. Советское руководство было не вполне довольно деятельностью Власова: он слишком много внимания посвящал военным делам и пренебрегал успехами коммунистического движения в Китае. А ведь это должно было являться его главным заданием. В конце 1939 года его отзывают из Китая, и он возвращается в Советский Союз. Никакого признания он не получает. Наоборот, ему высказывают порицание, и у него рождаются опасения за свое будущее существование.

Власов охотно рассказывал о своем пребывании в Китае. Это были все больше анекдоты, которые его веселили, чем серьезные описания. Так, у китайцев был обычай вознаграждать за каждое успешное дело подарком — золотыми часами или еще чем-нибудь ценным. Когда настал срок возвращения Власова в Советский Союз, он расстался с Чанг Кай Ши, награжденный им большим орденом и подарками. С ним было три больших, полных ценными вещами чемодана. При промежуточной посадке в Алма-Ате энкаведисты переворошили весь его багаж и конфисковали все ценное. Помимо того, багаж Власова, посланный по железной дороге, так и не дошел до места назначения: НКВД считал нужным скрыть все вещественные доказательства привольной жизни за пределами Советского Союза. Кроме того, Власов получил от Чанг Кай Ши подарки в награду за его военные

советы, а это считалось недопустимым, ввиду того тайного приказа, который ему был дан.

Или вот еще следующий его занимательный рассказ о том, как он вместе со своим переводчиком, молодым юристом Сун Куеи Чи, который хорошо говорил по-русски, находился в дороге… Они ехали по проселочной дороге ночью. Наконец, Власова взяло сомнение — правильная ли это дорога. Он приказал Сун Куеи Чи, который также не был уверен, спросить ближайшего встречного — правильно ли их направление. Скоро они встретились с повозкой. Их машина остановилась. Сун Куеи Чи вышел и вступил в беседу с возницей повозки. Она продолжалась 10, 15, 20 минут… Власов потерял терпение. Через полчаса Сун Куеи Чи вернулся к машине. Власов спросил: «Ну, куда же ведет эта дорога?» Ответ был: «Этот человек не из местных, он не знает…»

Пребывание Власова в Китае спасло его от чистки, которая была связана с так называемым предательством Тухачевского. Я называю «так называемым», потому что позже мы узнали, что это не было изменой. Это была провокация, подготовленная шефом группы СС Хейдрихом, которую Сталин использовал, чтобы во время задуманной общей чистки уничтожить и военное руководство.

Создатель образцовой дивизии

По возвращении из Китая Власов был назначен в 1939 году начальником дивизии. Он получил одно из худших подразделений Красной армии, в котором не было дисциплины и плохая военная подготовка. Офицеры в этой дивизии, унтерофицерский состав и сами бойцы расценивались очень низко. Власову в течение одного года удается создать из этой неудовлетворительной части лучшую дивизию Красной армии — 99-ю стрелковую.

Это не легенда и не хвастовство, мне подтвердили это советские офицеры. Эта дивизия выиграла первый приз при соревновании, которое продолжалось несколько месяцев. При этом проверялась не только политическая подготовка, составлявшая главную часть советского военного обучения, но и чисто военные знания и практическая маневренность в поле. Благодаря этой дивизии, Власов становится известным во всей Красной армии как выдающийся военачальник, и советская пресса оценивает его не только как солдата, но и как человека. Его производят в генерал-майоры 4 июня 1940 года — ему нет еще 40 лет, — и производство это подтверждает, что высшее

советское руководство им довольно.

Начало войны против Гитлера

В первых боях против немцев летом 1941 года Власов отличается как командир танковых соединений и получает орден Ленина. В январе 1941 года он командует одним из лучших танковых корпусов — 4-ым механизированным корпусом, который в начале войны в июне оказывает упорное сопротивление немцам под Львовом. Под конец боя у него, по приказу генерал-полковника Кирпоноса отнимают две трети танков с подчинением их корпусному политкомиссару Вашугину, который считает, что он может управлять действиями танков лучше, чем, может быть, не вполне заслуживающий доверия Власов. Так думает Вашугин. Исход боя доказывает обратное. Комиссар Вашугин маневрировал танками в болотистой и лесистой местности таким образом, что они завязли и стали легкой добычей неприятеля. Вашугин застрелился, а Власов и дальше храбро сражается, но не может добиться многого из-за превосходства противника.

После отхода от Львова в июле 1941 года Власов, как командующий 37-ой армией, получает приказ оборонять Киев. Немцам не удалось взять город на Днепре с налета, первым штурмом. Они перешли Днепр с севера и с юга и взяли в клещи в киевском плацдарме советские армии, к которым принадлежала и 37-ая. С большим опозданием Власову удается после получения согласия свыше, пробиться из окружения с остатками его армии. К тому же он болен, и при этом бегстве через болота и леса его приходится нести. Солдаты очень любили его. Они знали, что он не станет играть их жизнями и во имя честолюбия не будет легкомысленно жертвовать ими. Они доверяли ему. В лазарете в Воронеже Власова застает приказ маршала Жукова явиться к Сталину.

Из лазарета к Сталину

Следующий отчет о вызове генерала А. А. Власова к Сталину был составлен на основании показаний Власова в 1943 году немецким редактором газет «Доброволец» и «Заря» зондерфюрером Вернером Борманом. Последний был в составе 4-го отделения немецкой Военной пропаганды. Единственный экземпляр этого отчета позже удалось спасти. Привожу его текст в сокращенной форме.

Доктора и сестры милосердия получают строгий приказ

поставить Власова на ноги возможно скорее: Сталин уже несколько раз запрашивал, когда генерал-майор Андрей Андреевич Власов будет в состоянии появиться у него в Кремле.

За последние месяцы Власов мог подумать о том, в чем состоит перекос между мерами Кремля и настоящими потребностями народа, а в настоящее время в особенности с потребностями воюющей армии. Несмотря на это, он как солдат выполнял свой долг и неустанной работой превращал доверенных ему людей в лучших бойцов Советского Союза. Его карьера соответствовала его заслугам. В 1938 году он по приказу Сталина назначается советником к китайскому главе государства Чанг Кай Ши. Власову 41 год, а он уже командует корпусом.

Неожиданные поражения советских армий в начале Второй мировой войны убеждают его в том, что виновников этого надо искать отчасти и среди политкомиссаров. Эти невежды в военных делах заставляли принимать решения, выполнение которых приводило к катастрофическим последствиям. К этому времени начальник Оперативного отделения Главного штаба генерал Василевский и начальник Генерального штаба маршал Шапошников сообщают Власову, что он получит приказ сформировать новую армию, которая примет участие в обороне Москвы против немецких боевых дивизий, сражающихся поблизости от столицы.

Власов самым скорым способом отправляется в Москву. Он не беспокоится, но испытывает душевное напряжение. Маршал Жуков сообщает ему, что Сталин примет его, генерала Василевского и маршала Шапошникова через несколько часов. Он знает, что в лице Поскребышева, секретаря Сталина, он имеет очень влиятельного человека, одного из очень немногих, которые душевно близки Сталину.

Поскребышев встречает посетителей словами: «Подождите немного, товарищи, я сейчас доложу хозяину». Это было принятое тогда слегка фамильярное, но вместе с тем и почтительное обращение. Поскребышев спешит к большой тяжелой двери, которая бесшумно отворяется, и открывает вид на другую дверь. «Как подмазанные!», думает генерал, который только сейчас замечает, что стоит на тяжелом мягком ковре. Через несколько минут дверь опять бесшумно отворяется, и товарищ Поскребышев приглушенным голосом произносит: «Пожалуйте!» Генералы входят. Впереди Шапошников, за ним Власов. В нескольких шагах от него стоит Сталин в его знакомой позе, с короткой трубкой во рту, которую он придерживает правой рукой. Он не меняет позы и тогда, когда Власов рапортует. Он не подает руки генералам и только коротко говорит: «Пожалуйста, садитесь». Генерал Власов

благодарит, но остается стоять. «Садитесь», — повторяет Сталин, но никто не использует этого приглашения. Сталин подходит к столу, садится, поворачивается к Власову и указывает ему рукой на стул, стоящий слева от него. Только теперь Власов и оба других генерала усаживаются. Сталин молчит.

Власов осматривает комнату. Это большое помещение для работы и совещаний. Середину его занимает массивный стол, за который по его длине с одной стороны могут сесть 8 человек. Но с каждой стороны стоит только по четыре стула, а Сталин занял место на девятом, в конце стола, покрытого красным сукном. В одном углу большого помещения стоит письменный стол с удобным креслом. Рядом с ним маленький круглый стол, на котором заняли место телефоны. Кроме тяжелого ковра, который заглушает звук шагов и сокращает шум, в помещении нет ничего другого, заслуживающего, внимания.

У Власова такое ощущение, что он сидит в тюрьме. Он сам не понимает, почему, но само помещение, несмотря на свои размеры, действует на него связывающе. Он просто смущается. Если даже ему дадут желанное задание, он не будет в состоянии выполнить его. Ведь общее положение значительно испорчено, и враг продвинулся слишком близко к столице. В те немногие секунды, которые остаются в его распоряжении для оценки обстановки, Власову приходит в голову, что он, кроме той двери, через которую они вошли, не видит другого выхода. Он, конечно, не знает, что однообразие стенной облицовки скрывает две невидимых двери. Но стол Сталина приковывает его взгляд. На нем вороха бумаг. «Какой беспорядок!» — думает генерал.

Сталин неожиданно встает и начинает говорить. Без обиняков он переходит к сущности вопроса — положению на фронтах. Перед ним лежит карта Генерального штаба города Москвы и ее окрестностей. Он говорит вполголоса и по временам посасывает трубку. Власов тоже встает. Сталин идет по комнате. Генералы поворачиваются за ним, не спуская с него глаз. Походка красного диктатора напоминает подкрадывание дикой кошки. Приглушенный голос еще усиливает своеобразное впечатление, что перед вами залег в засаде дикий зверь.

— Власов, вы же понимаете положение! Вы, конечно, сами о нем уже хорошо осведомлены. Вот, смотрите сюда. Здесь вы остановите продвижение немцев. — Сталин строго смотрит на генерала.

— Слушаюсь!

Власов хочет что-то добавить. Сталин на мгновение поднимает густые брови и продолжает:

— Я еще не сказал всего… Вы сформируете новую армию.

Для этого вы получите нужные полномочия. При этом средства и усилия не играют роли. Но все должно быть сделано быстро. Вы меня поняли?

— Рад стараться, товарищ нарком!

Сталин опять садится. Власов слегка поворачивается. Он думает, что вот настал момент проявить то, что у него на сердце.

— Разрешите сказать, товарищ нарком!

Сталин удивленно смотрит, но все же говорит: «Что?»

— Товарищ нарком, я прошу снабдить меня такими полномочиями, которые позволят мне принимать самостоятельно решения, вне зависимости от советов других, то есть политических советников.

Власов намеренно употребил термин «советников», так как он сознает, чем он рискует в данный момент. Сталин смотрит на генерала с нескрываемым изумлением. Он молчит, а затем произносит:

— Вы получите достаточные полномочия, чтобы выполнить поставленную задачу. Прежде всего позаботьтесь, чтобы ваша армия была сформирована и была боеспособна. Остальное приложится.

У Власова отлегло от сердца: он сознает, чем он рисковал. Ему кажется, что теперь будет неразумно возвращаться к теме «советников» и вспоминать о затруднениях, которые они причинили ему во Львове и в Киеве. Однако он понимает, что его просьба по меньшей мере была понята. В какую-то долю секунды он взглянул на Шапошникова и Василевского и заметил, что Шапошников побагровел, а Василевский затаил дыхание. До сих пор Сталин не сказал ни одного слова этим генералам. Казалось, что с момента, когда они переступили порог этого помещения, они находились в состоянии какого-то транса. Власову было известно, что Шапошников не пользуется полным доверием диктатора, но Власов до сих пор не думал, что эти люди, несмотря на высокие посты, занимаемые ими, так мало были солдатами по духу. Правда, Шапошников — старый царский офицер. Еще при царе он служил в Генеральном штабе. Он — специалист первого разряда по всем поенным вопросам и вместе с тем выдающийся тактик и стратег. Его внешность подтверждает его хорошее воспитание, что в значительной мере отличает его остальных военных руководителей. И этого одного достаточно, чтобы ограничить его моральный престиж в Советском Союзе. Особенно повредили ему последние поражения на всех фронтах. Его авторитет при этом значительно пострадал.

Василевский производит более уверенное впечатление, хотя он в присутствии диктатора превращается в нуль. Зато он

пользуется полным доверием. В то время еще было тайной, что Василевский подло и хитро работал над тем, чтобы занять место Шапошникова. Только через некоторое время это ему удалось.

Сталин поворачивается к Шапошникову и задает ему несколько вопросов. Он быстро получает ответ. Цифры звучат в помещении, упоминаются имена, создается впечатление, что в лице Шапошникова перед вами живой энциклопедический словарь. Но ведь он только один из многих, у которых головы забиты данными. Ведь это нужно, чтобы выстоять перед хозяином. Все это часто сопровождается возгласами «Слушаюсь!» и стуканьем каблуками.

Затем приходит очередь Василевского. И он отвечает на все вопросы с такой проворностью, которая вызывает восхищение, но и он не решается сам задать вопрос, несмотря на то, что сама обстановка не только оправдывает такие вопросы, но делает их прямо необходимыми.

У Власова имеются все основания удивляться этим людям. Ведь они уже много раз выстраивались перед своим хозяином и могли освободиться от своего смущения. Но, может быть, это и значит, что как раз из-за этого они запуганы. Сталину, благодаря его жесткой беззастенчивости и непревзойденной по своему хитроумию системе доносительства, удалось, противопоставляя одного другому, превратить своих трабантов в безвольных исполнителей.

Теперь опять очередь за Власовым. Он внимательно слушает и задает несколько вопросов, на которые диктатор или коротко отвечает, или делает вид, что их не слышит. Но все же Власов может считать себя удовлетворенным: по всему существенному он получил нужные разъяснения. Он также теперь точно знает, что ему предстоит делать. Чувство гордости охватывает его при мысли, что и он будет участвовать в защите Москвы. Он придаст новой армии (она будет носить номер 20) свой отличительный знак. На нее он перенесет традиции стрелковой 99-ой дивизии. Правда, это еще большой вопрос, насколько это ему удастся, ведь времени осталось мало. Во всяком случае будет сделано все, что можно. Он Свое сделает! Его первоначальное малодушие сменилось полным надежд оптимизмом с того момента, когда вседержитель заговорил с ним. У него такое чувство, что Сталин внушил ему свою несгибаемую волю. Теперь всё должно удаваться…

Сталин опять вернулся к большому столу. Он бросает еще раз взгляд на карту, показывает пальцем на место к западу от Москвы и холодно произносит: «Смотрите, Власов, я ожидаю, что вы еще до конца года будете стоять здесь со своей армией».

Власов хочет сказать «Слушаюсь!», но не может произнести ни слова. Сталин смотрит на него. Власов, со своей стороны, смотрит прямо в глаза диктатору. Сталин оборачивается, обходит стол и подает руку Власову. На других он не обращает внимания. Они понимают, что прием закончен. Сталин уже у своего письменного стола и берет в руки бумагу. Генералы колеблются еще одно мгновение. В этот момент Власов имеет возможность четко оценить диктатора. Таким он наблюдал его несколько раз, правда, с большого расстояния. Он — небольшого роста. Это напоминает Власову слухи о небольшой скамеечке, на которую Сталин становился на почетной трибуне на Красной площади во время парадов, чтобы не быть на полголовы ниже, чем другие товарищи. Та же скромная тужурка, без орденов и других знаков почета или еще чего-нибудь. Простые брюки, сапоги кавказского образца с низкими каблуками. Его густые усы и волосы значительно поседели. Только его густые черные брови не потеряли своего цвета. Следы оспы, которые не видны на сотнях, тысячах его портретов, теперь ясно проступают без всякого грима. «Не русский!» — эта мысль как молния пронзает голову Власова. А уж, конечно, не русский и выговор. Он выдает с первых слов Сталина как подлинного грузина. Все это Власов давно знает, но в этот момент он еще больше убеждается в этом.

Теперь Шапошников делает направо кругом и первым направляется к двери, ведущей в помещение Поскребышева. Власов покидает помещение последним. У него неприятное чувство, что взгляд всемогущего покоится на его спине. Следует короткое прощание с Поскребышевым. Власов смотрит на стенные часы и видит, что прошло почти два часа с того момента, как он в первый раз в жизни вошел в рабочий кабинет Сталина. Мысли перегоняют одна другую в его мозгу. Он уже формулирует в голове приказы, которые он в сотрудничестве с Шапошниковым и Василевским должен будет издать.

Власов не помнит, как он выбрался из Кремля. Теперь он уже сидит в кабинете Василевского. Начинается работа. Часы показывают уже 4 часа утра. Чашки с горячим чаем стоят на столе, в пепельницах горы окурков. О сне думать не приходится, хотя Власов в нем очень нуждается: лихорадка вернулась, то есть правильнее сказать, он опять её чувствует. Голова тяжелая, в висках колотится, но ничего нельзя поделать — 20-ую армию нужно поставить на ноги. Она будет создана, и она вместе с другими армиями начнет наступление. И будет она под командой генерала Власова сражаться так, как до сих пор ни одна русская армия не сражалась. По рекомендации Жукова он причислен к выдающимся военачальникам Советского Союза в самые

критические времена для страны, когда силы врага подошли вплотную к воротам Москвы. Задача Власова, как он ее понимает, состоит в том, чтобы защитить столицу государства, сердце России, от врага.

Успехи при защите Москвы

Власов немедленно приступил к формированию 20-й армии, используя для этого наличные резервы. Что же тогда поступило в его распоряжение? Дружины рабочих, которые были созваны местными советами и райкомами Москвы. Они были вроде народного ополчения и состояли из молодежи и пожилых. К ним присоединились два военных училища и, как ядро будущей армии, бригады, только что прибывшие из Сибири. Эти два полка были превосходно подготовлены: хорошие стрелки, настоящие сибирские стрелки. Они были дисциплинированы и хорошо вооружены, а главное — одеты по-зимнему, в овчинных полушубках и валенках. В конце концов, Власов мог рассчитывать и на заключенных. Если они заявляли о своем желании вступить в армию добровольцами, то их отпускали и направляли в штрафные батальоны, действовавшие на самых опасных участках фронта.

Недостаточное военное обучение этой собранной со всех концов массы усиленно дополнялось изо дня в день, невзирая на походы и бои. Эта армия, вместе с соседней 30-й и другими соединениями, должна была из Москвы приступить к контр-удару против немцев на стыке, который образовался между советскими армиями, отступавшими с юга и севера столицы. При этом ударе Власов применяет с большим успехом тактический прием. Подкатывающие советские танки, для которых глубокий снежный покров не представляет препятствия, тянут на тросе каждый до десяти саней, на которых сидит пехота. Этот способ дает возможность осуществить быстрое и для врага неожиданное продвижение частей, так как они при этом не используют сети дорог. Немецкие части, наоборот, были беспомощны в глубоком снегу, имея возможность действовать, только пользуясь дорогами.

Миф о непобедимости немцев опровергается первыми советскими успехами, особенно взятием в плен сравнительно большого числа немецких солдат. Немецкое наступление не только останавливается, но и отбрасывается примерно на 200 километров. В суровую зиму 1941—42 годов советские войска были хорошо одеты, в то время как в прямой противоположности немецкие солдаты были в легких шинелях и ботинках, так называемых «кнобельбехерах». Эта обувь оказалась совсем

непригодной: железные подковы на каблуках и подошвы, подбитые гвоздями с большими шляпками действовали при температуре минус 20 градусов по Цельсию как необычайные охладители и проводники холода. Это влекло за собой частые случаи отмораживания ног и другие повреждения. В такой же мере страдали водители немецких легковых машин, где пол, в который упирались их ноги, был стальной. На подошвах русских сапог не было гвоздей. В русской коннице всадники обматывали металлические стремена тряпками или соломой, чтобы не соприкасаться с металлом.

Немедленно явиться в Кремль

После решительных побед молодой 20-ой армии Власова, из Кремля приходит новый приказ — ему надлежит немедленно явиться к Сталину. Описание этого второго посещения берется из записей того же зондерфюрера Бормана.

«На следующий день Власов едет в Москву. У него еще есть время отправиться на свою частную квартиру, чтобы привести себя в порядок. Навестить свою семью он не может, так как она в порядке принятых эвакуационных мер покинула столицу. После этого Власов посещает Оперативное отделение Главного Штаба, чтобы узнать причину нового вызова Сталина. С Шапошниковым говорить нельзя, он занят. Василевский все же как будто лучше информирован, он как-то по-особенному любезен и внимателен. Это хороший знак. Если бы Власову грозило что-либо недоброе, эта хитрая лиса вела бы себя совсем по-другому. Но, конечно, и Василевский не может точно знать — каковы намерения Сталина. Не в обычае хозяина в Кремле высказываться по таким вопросам. Но у Василевского хороший нюх на то, что совершается. Он оставил бы Власова без внимания, если бы командиру 20-ой армии грозила опасность. Во всяком случае поведение этого человека хороший признак для Власова.

Почти в 11 часов вечера перед входной дверью дома Власова стоит большая машина. Власов спешит вниз и садится в нее. Они мчатся в Кремль. Сегодня, как и в первый раз, машина останавливается у Спасских ворот. Однако на этот раз последнюю часть пути генерал проходит пешком. Своего адъютанта Власов оставил в машине, и теперь его сопровождает офицер кремлевской стражи.

Поскребышев и на этот раз весьма вежлив. Этот хитрец ни на секунду не снимает маски безразличия. «Прошу вас подождать еще десять минут. Пожалуйста, садитесь, располагайтесь!»

Власов садится, но, конечно, он неспокоен. В голове у него

неотвратимо мысли о той загадке, которая может стать решающей в его жизни. Неужели Сталин, невзирая на величайшие военные трудности для Советского Союза, может решиться прогнать или устранить своих лучших, военачальников? Кажется, такую вещь нельзя себе даже представить. Но ведь уже пришлось пережить столько неожиданностей, что надо быть готовым ко всему. Слышится звонок. Поскребышев встает и делает жест рукой в направлении двери, говорит: «Товарищ генерал, Хозяин ожидает вас». Власов тоже поднимается, подтягивается и большими, подчеркнуто спокойными шагами направляется к двери, за которой через несколько минут решится его судьба. Генерал твердо верит, что, что бы ни случилось, следующие полчаса будут представлять собой поворотный пункт в его жизни. Тяжелая дверь бесшумно закрывается за ним, и, как и тогда, он стоит в нескольких шагах от Сталина, однако, с весьма значительной разницей: на этот раз ему приказано одному явиться к всемогущему.

Сталин делает шаг ему навстречу и подает Власову руку. Диктатор и генерал пристально смотрят друг на друга — один как бы из засады, другой испытующе.

«Садитесь, Власов!» Сам Сталин, как обычно, садится в конце главного стола и движением руки показывает Власову сесть слева от него. Генерал выполняет это, но вытягивается по-строевому. Одно мгновение диктатор молчит, потом он поворачивается целиком в сторону Власова и без обиняков сразу задает ему ряд вопросов: «Скажите, пожалуйста, почему вы больше не наступаете? Что с вами? Что мешает вам продолжать наступление? Почему вы не прислали мне исчерпывающего доклада? Скажите, почему я вынужден лично вас вызывать? Вы считаете это правильным?» Сталин задает эти вопросы без передышки, не давая генералу возможности ответить на каждый из них.

Власов устрашен таким резким выпадом. Тон всемогущего не даст надежды на благополучный исход. Сталин кажется раздраженным, типичным признаком чего является факт, что он больше не стесняется своего произношения и отнюдь не скрывает своего грузинского акцента. Власов удивляется, как плохо Сталин говорит по-русски… Сталин перестает говорить, и Власов, воспользовавшись этой паузой, приступает к первому ответу:

«Товарищ нарком! У меня слишком мало людей, у меня нет танков. Мне нужны подкрепления и оружие!»

Сталин морщит лоб: «Вы все жалуетесь на одно и то же. А что вы сделали сами? Вероятнее всего, вообще ничего, совсем ничего! Вот, по крайней мере, генерал Голиков предложил мобилизовать

местное население и включить его в свои подразделения. А что сделали вы? Ничего!»

При таком настроении хозяина Власов в значительной мере теряет бодрость. Но при упоминании имени Голикова и задуманных им мер, генерал Власов чувствует, что его шансы увеличиваются. «Товарищ нарком, генерал-лейтенант Голиков предлагает то, что я уже осуществил некоторое время тому назад, встретив, однако, при этом противодействие со стороны Особого Отдела. Мне даже грозили там рядом неприятностей!»

У диктатора озлобленное лицо, глаза его сверкают и выражают многозначительные решения. Сталин делает решительный жест рукой. «Что вы мне говорите! Немедленно все будет приведено в порядок.»

Власов чувствует, что его положение улучшается. Сталин ведет себя спокойнее. «Вы это хорошо сделали. Ну, а как же обстоит дело с офицерским составом?» Власов и тут в состоянии доложить о своих успешных мерах. Сталин слушает внимательно и иногда движением головы дает понять, что он доволен. Он требует точного доклада о формировании так называемых батальонов боевой подготовки и подчеркивает свое удовлетворение инициативой, проявленной Власовым. В этот момент генерал еще не знает, что его успешный пример приведет к тому, что такие батальоны военной подготовки будут сформированы во всех частях Красной армии.

«Скажите мне, Власов, — продолжает Сталин, — почему наши офицеры совершенно неспособны проявить подъем и инициативу?» Власову больше всего хотелось бы ответить ему: «Да ведь потому, что ты сам казнил лучших из них!» Но он говорит: «Товарищ нарком, отсутствие однообразной формы командования является причиной многих неполадок…» И на этот раз Власов думает о влиянии политруков, и Сталин это хорошо понимает. Он что-то бормочет про себя. В этот момент Власов опасается, что сказал слишком много. Но Сталин опять начинает говорить: «Глупости! Всеми недостатками мы обязаны тому, что ваши офицеры слишком мало обучены и поэтому слишком мало знают, Я вот, к примеру, несколько дней тому назад разговаривал с офицерами одного артиллерийского полка и задал им несколько вопросов. Эти люди даже не знали, сколько орудий было у Наполеона в Бородинском бою!»

Власов разыгрывает удивление и качает головой, думая: «С каких это пор у тебя такие глубокие исторические познания? По всей вероятности, только недавно прочел об этом и при первом удобном случае показал свои познания…»

Сталин смотрит на генерала: «Да последите за тем, как

обстоит дело с подготовкой офицеров. Заставьте людей больше учиться и упражняться. Я хочу, чтобы здесь все было по-иному. Вы меня понимаете, Власов?»

— Слушаюсь, товарищ нарком!

Диктатор и дальше задает ряд вопросов, которые относятся к 20-й армии и ее заданиям. Создается впечатление, что ответы не вызывают у него недовольства. Однако кажется, что замечание Власова о «неединообразном командовании» уж никак ему не понравилось. Как будто оно его раздражило, но к этому вопросу он больше не возвращается. Сталин дает еще несколько указаний и неожиданно встает. Прошло уже около часа. Власов тоже поднимается, чтобы откланяться. Тут Сталин идет к Власову, дружески смотрит на него и говорит: «Вы устали, Власов! Ваша семья в Москве? Вам надо было бы отдохнуть!» Власов отвечает, что его семья не в Москве и что он намерен немедленно вернуться на фронт. «Это хорошо, Власов, это правильно!» Сталин подает Власову руку и слегка пожимает руку генерала.

Власов удивлен, так как вообще это большая редкость, чтобы хозяин Кремля справлялся о личном самочувствии своих сотрудников или генералов. Создается впечатление, что его меры и успехи, наконец, получили должное признание. Сталин отпускает Власова. По своему обычаю он от него отворачивается и идет к письменному столу. Власов салютует и покидает помещение.

Стенные часы в кабинете Поскребышева показывают четверть второго. Посребышев любезно прощается. Власову кажется, что этот распорядитель передней старается не только быть корректным, но и проявить предупредительность. То ли этот человек уже осведомлен о том, что Сталин остался доволен Власовым, или острым взглядом и верхним чутьем понял, что и Власов доволен своим посещением вождя.

Последовавшие исправления истории

Власов и другие генералы оттеснили немцев на 200 километров. Он оказался в числе больших героев, спасших Москву. Их фотографии помещались во всех газетах, за границей тоже обратили на них внимание.

Много лет после войны я старался отыскать эти страницы в выпусках «Правды» и «Известий» с описанием великой битвы за Москву, но без всякого успеха. В архивах библиотек, где хранились номера этих газет, нужные страницы были изъяты. В конце концов, нужной копией меня снабдил русский по происхождению профессор Георгий Мейер, который ныне

проживает в Вашингтоне и является членом Конгресса Русских Американцев. Он достал эту фотокопию из архива Белого Дома. Из микрофильма не больше квадратного сантиметра получилась первая страница газеты «Известия» от 13 декабря 1941 года. Ее можно было без труда прочитать и узнать лица на фотографиях. Вся первая страница посвящена битве за Москву. Большое заглавие звучит так: «В последний час. Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы. Поражение немецких войск на подступах к Москве».

На нижней части этой страницы «Известий» помещено девять фотографий героев этой битвы. Величина и порядок помещения их в согласии с рангом изображенных. Так как Жуков командовал участком фронта (по-русски тут употребляется термин «фронт», что соответствует немецкому выражению «хересгруппе»), то в газетах ему было предоставлено первое место: его фотография находится посередине страницы. Справа и слева помещены восемь фотографий генералов, которые в битве за Москву особенно отличились, и между ними генерал-майор Андрей Андреевич Власов, командовавший армией на этом участке фронта. Статья даст точное описание преследования немецкой 2-ой бронетанковой и 106-й пехотной немецких дивизий под давлением наступавших на запад частей генерала Власова.

Мне не надо подчеркивать, какое значение имеет такая оценка, помещенная в партийной прессе. Конечно, такое превозношение Власова не могло быть совмещено с его дальнейшим поведением в Германии, в связи с созданием Русского Освободительного Движения — РОА. Поэтому исторический облик Власова необходимо было исправить. Оттого я предполагаю, что эта первая страница «Известий» в советских архивах была заменена другой, на которой не было ни фотографии Власова, ни упоминаний о нем в тексте.

Все это напоминает роман Орвелла «1984», в котором описывается, как особое министерство целиком занято перепиской газет и журналов, чтобы исторические события соответствовали постоянно меняющейся партийной линии.

Опять у Сталина — начало конца на Волхове

В начале 1942 года Власова производят в генерал-лейтенанты. Его третье посещение Сталина описывает тот же зондерфюрер Борман.

Прошло три недели, и до сведения Власова доводится приказ: он должен сдать командование своей армией и немедленно явиться в Кремль. Власов очень удивлен, ведь он только что

обсудил со Сталиным все, что заслуживало упоминания. Он не может понять, что разыгрывается на самом деле. Неужели он все-таки ошибся, и его доклад оказался недостаточным. Стоит ли он действительно перед концом или это может стать новым началом? Возможно и то, и другое.

Через несколько дней Власов в Москве. Пока еще он не может предполагать, что тяжелый, но блестящий период, «московский» период его военной деятельности, закончился, и его ожидает новое мрачно затемненное поле деятельности, над которым будет стоять название «Волхов». И на этот раз никто не может сказать, что Сталин задумал в отношении Власова. Шапошников сухо замечает: «Своевременно вы это узнаете». Пора к этому приступить.

Вместе с Шапошниковым Власов направляется, в Кремль. В комнате Поскребышева собралось блестящее общество: маршал Ворошилов, генерал Василевский и секретарь ЦК Маленков. Через несколько минут появляются наркоминдел Молотов и Берия, широко известный шеф НКВД. Последним приходит генерал Новиков, командир ВВС.

«Эге! — думает Власов. — Это становится интересным…» Берия уже здесь в передней подчеркивает свою важность и дает всем почувствовать, что здесь в Кремле — он как у себя дома. Молотов тоже выступает с большой уверенностью. Остальные кажутся смущенными и ведут себя тихо, да и сам Власов чувствует себя не совсем по себе. Поскребышев смотрит на часы и говорит: «Пора! Приготовьтесь!» Вскоре после этого он открывает дверь в кабинет Сталина, и присутствующие наркомы и генералы один за другим направляются к хозяину.

Сталин стоит перед массивным столом совещаний и слегка кивает головой. Все почтительно его приветствуют. Сталин показывает рукой на стулья. Первым садится Берия, за ним Молотов. За ними занимают места Ворошилов и Маленков. Остальные продолжают стоять. Сталин тоже садится и как будто некоторое время размышляет. Шапошников, Василевский, Власов и Новиков выстроились по другую сторону стола.

Быстрым взором Власов окидывает собрание, к которому единственно не подходит Молотов, одетый в штатский костюм. Маленков одет почти так же, как и Сталин, — незаметная тужурка, обычные брюки, высокие сапоги. Ему лет сорок, он толст и производит впечатление больного, распухшего человека. Но он не глуп и прежде всего является ходячим справочником для Сталина, которым диктатор постоянно пользуется. Сегодня ему придется многое перенести. Совсем по-другому выглядит Ворошилов. Он сознает важность поста, который он занимает, и

изображает опытного, ответственного вождя, на плечах которого лежит вся ответственность. Задумавшись, со складками на лбу и приподнятыми бровями, он сидит здесь самоуверенно и одновременно ловит каждое слово из уст своего хозяина. Хитроумный и лукавый Василевский, как лиса в засаде, вертится как угорь, но проявляет предельную преданность. Его начальник Шапошников производит впечатление, как будто он ничем не хочет выделяться. Он отлично понимает, что ничем не заставит позабыть его прошлое старого царского офицера… Наркоминдел Молотов сидит спокойно, с видом, что он ждет когда спросят об его мнении. Власов стоит на вытяжку и терпеливо ждет — как будут развиваться события, которые пока представляют собой для него загадку.

Теперь Сталин начинает говорить. Он сначала обрушивается на Маленкова с градом вопросов. При короткой паузе Маленков открывает свою записную книжку, но мало ею пользуется. Ему приходится давать ответы по бесконечному количеству вопросов. Власов искренно удивляется — как этот человек может все сохранять в памяти: производство самолетов, численный состав частей, условия транспорта, имена, названия, цифры… На каждый вопрос у него имеется немедленный ответ, как будто он сам начальник Генерального Штаба.

«Так, — говорит Сталин. — Теперь вы слышали, что наше положение совсем не так плохо. Только в воздушных силах, мне кажется, многое не в порядке. В чем дело, Новиков? Почему у вас все не ладится?»

Берия считает в этот момент, что ему нужно вмешаться, и говорит: «Очевидно, придется проверить вашу лавочку. Воображаю, какие у вас там хорошие порядки!»

Новиков еще больше бледнеет, но ничего не отвечает.

«Оставьте это пока! — говорит Сталин. — Время торопит. Положение под Ленинградом требует быстрых и решительных мер. Здесь любым способом необходимо добиться облегчения. Генерал армии Мерецков — тупица. На своем фронте ничего путного не достиг…» И, взглянув стороной на Новикова, добавляет: «Там воздушные силы оказались совершенно несостоятельными.»

Тот, к кому обратились, еще больше бледнеет и смущенно смотрит вниз. Кажется, будто он хочет что-то ответить, но Сталин движением руки, не вызывающим сомнения, не дает ему слова и продолжает:

«Власов! Подойдите ближе!» Генерал делает шаг вперед. «Я вас пошлю на Северо-западный фронт. Наведите там порядок!» Власов хочет сказать «Слушаюсь!», но его перебивает

Василевский: «Так точно, товарищ Сталин, обо всем будет приказано. Должен ли я написать приказ? Очевидно, Власов станет заместителем командующего фронтом? Так точно, очень хорошо, товарищ Сталин. Значит, заместитель или помощник Мерецкова, как прикажете?»

«Вы же слышали. Власов должен там навести порядок. Новиков, слушайте, что я вам скажу. Я не желаю больше слушать жалобы на вас. Вы поняли?»

— Слушаюсь! — слышится хриплый запуганный голос.

Сталин встает, но перед этим он обменялся несколькими словами с Молотовым; Ворошилов, Берия, Маленков и Молотов тоже быстро встали. Сталин кивает Ворошилову и Шапошникову подойти и идет с ними в угол помещения. Тем временем Власов подходит к Новикову и просит его ответить на несколько вопросов. Он говорит с ним дружески, чтобы не пугать его больше. Маленков подходит к Василевскому и дает ему ряд указаний. Несколько раз слышится обычное «Слушаюсь». Власов слышит также, что упоминается его имя, но не понимает, в чем дело.

Неожиданно Сталин повышает голос и говорит: «О чем вы говорите! Это должно быть сделано! Поняли?» Все смотрят и видят, как Шапошников краснеет и приглушенным голосом отвечает: «Конечно, это будет выполнено, товарищ Сталин». Позднее Власов вспоминает об этой вспышке гнева и понимает, что Шапошников пытался высказать свое обоснованное сомнение в успешности намеченного Сталиным удара для освобождения Ленинграда по болотам вдоль Волхова.

Было общеизвестно, что Сталин лично входил в подробности военных операций и отдавал соответствующие приказы. Не сдобровать было тому, кто решился бы их не исполнить.

Сталин отворачивается от Шапошникова и обменивается несколькими словами с Ворошиловым. Потом он быстро идет к своему письменному столу и берет одну из бумаг — очевидно, это знак, что он больше не нуждается в своих комиссарах и генералах. На этот раз первым у двери оказывается Новиков, который незаметно откланялся, за ним следуют Шапошников и другие. Только Берия и Власов задерживаются на несколько мгновений. Сталин оборачивается к ним и говорит: «Власов, хорошо выполните ваше задание! Покажите Мерецкову, как нужно бить фашистов. Берия, вы еще останетесь?»

В передней к Власову подходит Ворошилов: «Андрей Андреевич, завтра мы летим с вами к Мерецкову. Я думаю, часов в 8. Я буду ждать вас на аэродроме».

Спорная операция второй ударной армии

Таким образом Власов, которого газеты прославляют как героя, получает от Сталина свое новое, но почетное и гораздо более трудное задание. Он становится заместителем генерала Кирилла Афанасьевича Мерецкова, главнокомандующего Волховским фронтом. С помощью войск этого фронта он должен спять осаду Ленинграда. К тому времени все коммуникации с Ленинградом уже были прерваны немцами. Единственная связь осуществлялась по льду Ладожского озера с помощью легковых автомобилей. Позже по льду даже проложили рельсы. Это был длинный обходный путь из Москвы через Вологду, потом по Ладожскому озеру и, наконец, в Ленинград. Самой короткой связью была в царские времена так называемая Николаевская железная дорога, но она была немцами прервана. Трасса этой дороги была указана Государем Николаем Первым, который провел линейкой прямую черту на карте, что было понято как распоряжение. Поэтому пути этой дороги идут прямолинейно по местности и без поворотов скрываются за горизонтом, если смотреть в обоих направлениях.

Поскольку прямая связь с Ленинградом была прервана, задание Власова состояло в том, чтобы он со своей Второй ударной армией возобновил заглохшее наступление вдоль реки Волхова, соединяющего Ильменское озеро с Ладожским. Его армия была хорошо пополнена и снабжена, при ней была и тяжелая артиллерия. Наступление должно было начаться зимой 1941—42 года. Такая операция Второй ударной армии в болотах вдоль Волхова вызывала споры в среде военных стратегов. Ввиду этой исторической неопределенности, мои выводы могут не совпадать со всеми подробностями происшедшего.

Сама операция была разработана лично Сталиным. Зимой ее можно было бы выполнить. Ударная армия переправилась через Волхов, но Власов приказал не переводить тяжелую артиллерию через Волхов, и она осталась на правом его берегу. Согласно его, расчету, нельзя было рисковать тяжелой артиллерией при ее переводе в болотистую местность, тем более, что артиллерия могла поддержать своим огнем движение вперед армии и с другого берега реки. По существу, это было мудрое и правильное решение. Однако этот расчет Власова в будущем был расценен как доказательство измены.

Советская тяжелая артиллерия передвигалась с помощью гусеничных тракторов типа «Сталинец». Эти тягачи можно было в мирное время найти в каждом колхозе. Для сельскохозяйственных работ они были слишком тяжелы, слишком

мощны и расходовали много горючего. И, несмотря на это, по Госплану их продолжали производить: считалось, что они спроектированы на случай войны.

Во исполнение приказа Сталина, Власов продолжает наступление ударной армии, начатое еще под командой генерала Николая Кузьмича Клыкова. Вначале армия добивается хороших успехов. Но весьма скоро пути ее снабжения, так называемый коридор, подвергаются сужению и попадают под большую угрозу немецких войск с двух сторон. Его простреливают не только артиллерия, пулеметы и винтовки, но под конец даже и полуавтоматы. Создается весьма, опасное положение. Несмотря на это, армия храбро сражается и создает известную угрозу немецкому осадному поясу вокруг Ленинграда.

Наступает весна 1942 года и вместе с нею оттепель.

Снабжение армии часто нарушается и, в конце концов, совсем прерывается. Никакие повозки не могут преодолеть болотистую местность, а по воздуху удается снабжать армию очень слабо, так как немецкая авиация господствует в воздухе. Власов предлагает начать отступление, но Сталин это предложение отклоняет. В болотах армия Власова попадает в окружение, как он это и предвидел, но в свое время не решился доложить об этом товарищу Сталину, инициатору всей операции.

Многие немецкие солдаты до сих пор вспоминают эти страшные болота, которые окружают Ленинград с востока и с юга. Это — местность, состоящая из болот с чахлыми лиственными деревьями и с редкими участками сухой земли, которая хотя и обрабатывается крестьянами, но в общем она, главным образом — болотистая трясина. В этом районе Вторая ударная армия оказывается целиком отрезанной и обреченной на уничтожение.

21 марта 1942 г. Власов по собственной инициативе летит в район окружения, увольняет командующего армией генерала Николая Кузьмича Клыкова, потерявшего нервы, и сам принимает командование. Он восстанавливает связь с фронтом и вновь требует согласия на отступление. Но Сталин не хочет слышать об этом и приказывает наступать дальше. Положение безнадежное, и потери армии очень велики. В конце концов Сталин соглашается отдать приказ об отступлении, но уже поздно. Армия в значительной степени стерта, без всякого смысла пожертвована и обречена на уничтожение. Приказ Власову покинуть армию при помощи прилетевшего в ее расположение самолета У-2 (похожего на немецкий самолет Физелер Шторх) генерал отклоняет. «Я остаюсь при армии», — гласит его ответ. И он остается со своими солдатами, число которых вследствие голода и болезней все время уменьшается. Позже он упоминает о страшной вони,

которая стоит от разлагающихся трупов над этими страшными болотами, гнилой водой и лужами. Его армия уже не боеспособна и рассыпается, чтобы попытаться спастись отдельными небольшими группами.

К одной из таких разбросанных групп присоединяются и Власов, его начальник штаба полковник Виноградов, адъютант последнего и кухарка Мария Игнатьевна Воронова, которую жена Власова послала с генералом в поход. Я упоминаю ее здесь потому, что позднее она сыграла значительную роль.

Тут необходимо упомянуть особое обстоятельство. Это — телеграмма, которую Власов получил от своей жены. Он всегда носил ее при себе, сложенной в серебряном портсигаре с монограммой. Такие портсигары для сигарет и папирос были очень модны в старой России, а также и в Советском Союзе. Я сам читал эту телеграмму. В ней стояло: «Дорогой Андрей, вчера у нас были гости, но все кончилось благополучно». Что бы это значило? По объяснению Власова (я по своей наивности этого не понял) это значило: «Вчера в нашем доме был обыск НКВД…» Или другими словами: «Если ты вернешься, тебя будут судить», и одновременно это было предупреждением — «Не возвращайся!»

И, действительно, Власову нельзя было возвращаться, так как его армия стояла перед уничтожением. Совершенно ясно, что причиной катастрофы были приказы Сталина. И, хотя Власов сделал все, чтобы исправить эти ошибки, ему в этот момент была предназначена роль козла отпущения. Отягчающим обстоятельством для Власова было то, что он, вопреки приказу Сталина, не перевел тяжелую артиллерию на другой берег Волхова.

Получение Власовым этой важной телеграммы от жены было подлинным чудом. Она укрепила его в решении не возвращаться, а остаться с армией. Он понял предупреждение и напоминание о том жестоком и неизбежном конце, который до сих пор постигал неудачливых генералов Советского Союза. У советских генералов создалась «привычка» во времена чисток внезапно умирать, когда они попадали под подозрение или становились больше ненужными. Вернее всего, Власова постигла бы та же участь, как многих талантливых полководцев, вроде Фрунзе, Тухачевского, Егорова и многих других.

Начальник штаба Власова полковник Виноградов был ранен и скончался от ран в окружении. Власов покрыл умирающего своей генеральской шинелью. И когда немецкие разведчики нашли этот труп, то донесли генерал-полковнику Линдеману, командующему 18-й армией в военной группе Север: «Нашли тело генерала Власова». Но звено, состоявшее из трех чинов и переводчика, с

которым мне позже удалось переговорить, идентифицировало тело и пришло к заключению, что этот мертвый не является Власовым.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Власов принимает решение начать борьбу против Сталина

Звено, которое обследовало тело якобы Власова, состояло из капитана фон Швердтнера, из Разведывательного отделения армейского корпуса, переводчика зондерфюрера Клауса Пельхау и еще двух солдат. Староста села Туховичи обратил внимание немцев на то, что он запер в сарае партизан. Солдаты открыли ворота сарая, и оттуда Власов крикнул по-немецки: «Не стреляйте! Я — генерал Власов». В доказательство он показал им удостоверение в красном сафьяновом футляре, которое было подписано самим Сталиным и подтверждало, что владелец его есть Главнокомандующий Второй Ударной Армией. Помимо этого, Власов вынул из кармана револьвер и тоже передал его немцам. Так, 12 июля 1942 года Власов стал немецким военнопленным. Сводка Вермахта отметила это 14 июля следующим образом: «При очистке бывшего Волховского котла был взят в плен укрывавшийся командующий Второй ударной армией генерал-лейтенант Власов». Мой приятель переводчик был награжден трехнедельным отпуском, хотя в районе 18-й армии отпуска тогда не разрешались.

Как могло случиться, что русский крестьянин выдал немцам советского генерала? Как раз именно крестьяне в Советском Союзе не питали ничего, кроме вражды, к режиму и его представителям. Это в гораздо более яркой степени подтвердилось в отношении латышских крестьян в курляндском котле в 1945 году. Они сражались в окопах вместе с немецкими солдатами против Красной армии. Об этом мне сообщил Нильс фон Кубе, переводчик в составе окруженных в котле немецких подразделений. По всей вероятности, это были такие же убеждения, которые подтолкнули старосту села Туховичи выдать немцам своего земляка генерала Власова.

На следующим день Власов был по-джентльменски принят своим противником в битве вдоль Волхова, генерал-полковником Линдеманом. Он высказал Власову свое одобрение за то, что он остался при своих частях. Они вместе сидели за штабными картами и обсуждали военные действия своих армий. Между прочим, генерал Линдеман спросил Власова, почему он так яростно защищался в совершенно безнадежном положении? Власов ответил ему вопросом: «А вы, генерал, что сделали бы на

моем месте?» Положение для обоих солдат было ясное. При этой беседе они научились уважать и ценить друг друга.

После этого Власова перевели в лагерь для опроса взятых в плен генералов и штабных офицеров, находившийся в Виннице на Украине. Этот лагерь был в подчинении Верховной ставки. Здесь у Власов начались некоторые недоразумения с администрацией. Немецкий комендант лагеря требовал от Власова, чтобы он наравне со всеми другими пленными при перекличке становился в общий фронт. Власов от этого отказался: «Как генералу это для меня не обязательно. Генерал остается генералом и в плену…»

Проблематичное соглашение с немцами

В Виннице Власову предстояло принять судьбоносное решение, которое представляло собой поворотный пункт. Здесь он встречался не только с генералами и офицерами Красной армии, но и с представителями Отдела «Иноземные войска на Востоке» в штабе сухопутных сил, и в первую очередь с капитаном Штрик-Штрикфельдтом, который все больше стал играть центральную роль в судьбе Власова.

Штрикфельдту было дано задание подыскать, советского генерала, который был бы готов сотрудничать с немцами. По плану Штрикфельдта, целью такого сотрудничества было бы создание русского антикоммунистического движения, во главе с Комитетом, как подобием правительства в изгнании, и формирование русской освободительной армии. Естественно, что Штрикфельдт отправился в лагерь для военнопленных генералов и штабных офицеров в Винницу, чтобы найти подходящее лицо, и приступил к выполнению своего плана, который зародился у него уже в ноябре 1941 года. В лагере Штрикфельдт встретился с Власовым. Последний был популярен, выступал самоуверенно и был проще в обращении, чем другие, старшие в чинах генералы. Во многих беседах Штрикфельдту удалось убедить Власова согласиться с его планом, причем он с самого начала откровенно дал понять Власову, что «мы должны добиться того, что до сих пор не разрешается нашим военным силам. Но мы будем вести дело так, что немецкое руководство примет наш план и даже начнет его поддерживать. Факты, которых мы добьемся, в конце концов сделают невозможным возврат к прошлому».

Что же могло убедить Власова? По существу, он должен был покончить с собой, поскольку Сталин требовал этого от всех, кто попал в плен. Но так поступили очень немногие, считая, что всегда еще можно будет застрелиться. К этому времени советские солдаты переходили к врагу в надежде, что советское господство

в России обречено на гибель, независимо от того, как закончиться война.

Я думаю, что Власов видел в предложениях Штрикфельдта некий третий путь борьбы против Сталина и Гитлера. Он не одобрял Гитлера, видя в нем убийцу и преступника. Но помощь Гитлера была необходима в борьбе против Сталина. Ведь, в конце концов, формируемая Освободительная армия должна быть вооружена и снабжена. И для этого Власов усматривал возможность только с немецкой стороны, так как все остальные Великие Державы состояли в союзе со Сталиным. А как мы позже освободимся от Гитлера, — рассуждал Власов, — это станет нашей заботой только после победы над Сталиным.

Нелегко было для Власова решение принять предложение этого немецкого офицера. Он знал, что этим ставит на карту жизнь свою и своей семьи в России. За неудачу в этом начинании ему пришлось бы заплатить своей жизнью. Месть Сталина достигла бы его даже за пределами Советского Союза. И, несмотря на все это, Власов все-таки решился на этот шаг. Отступать ему было невозможно. При этом несомненно имело решающее значение крестьянское происхождение Власова. Ведь он считал, что в 1917 году советская масть обманула крестьян, обещая им землю, которую так никогда и не дала. Ни один крестьянин не забыл этого обмана. Это доказывают безжалостно подавленные многочисленные крестьянские восстания.

В отношении Сталина у Власова совесть не была чиста. Он мною месяцев знал о существовании нелегальной офицерской организации, так называемого «Союза Русских Офицеров», которые собирался по окончании войны ликвидировать диктатуру Сталина. Эта организация не имела особого значка для своих членов, и Власов никогда не называл тех, кто входил в состав этого антисоветского союза. Но можно предполагать, что среди них были достойные упоминания военные, на помощь которых он тайно рассчитывал. На такую возможность Власов указывал неоднократно в частных разговорах со мной. Во всяком случае он хранил несколько документов этого союза. Весть о действиях НКВД, которые стали ему известны из телеграммы жены, заставляла его подозревать, что эти документы оказались в руках энкаведистов. Возможно, что принадлежность к этой организации сыграла известную роль при размышлениях Власова о предложении, сделанном ему немецким офицером.

О существовании этого тайного союза было известно только от самого Власова. В последующие дни приходилось обдумывать, на кого еще можно было рассчитывать среди русских пленных генералов для создания Русской Освободительной Армии. В том

же лагере находились два важных советских командующих армиями: генерал Михаил Федорович Лукин, командир 19-й армии, и генерал Павел Григорьевич Понеделин, командовавший 12-й армией на юго-западном фронте. Я могу сейчас назвать эти имена, потому что знаю, что оба уже скончались. В разговорах с Власовым в лагере для военнопленных все трое пришли к следующему соглашению: «Ты, Андрей Андреевич, переходи к немцам. Если выяснится, что описываемое тобой задание не является обманом, а это вещь серьезная, — тогда мы с тобой. Если же это окажется обманом — мы не присоединяемся». Так Власов добился согласия от своих старших сослуживцев.

Его привезли в Берлин. На Виктория штрассе 10, где находилось Отделение Военной Пропаганды в составе Главной Ставки Вооруженных Сил, (сокращенно WPr. IV), Власов встретился с другими русскими пленными или перебежчиками, которые выразили готовность сотрудничать с немцами. Начальником этого отделения, которому подчинялся Штрикфельдт и в котором работал капитан Николай фон Гроте, был полковник Ханс Лео Мартин. Штрикфельдт действовал очень умело, подчиняясь одновременно отделению с полковником Мартином и отделению «Иноземные войска на Востоке» с полковником Рейнхардом Геленом. Это давало ему возможность в критических ситуациях отклонять неприятные требования с третьей стороны, причем, заранее заручившись согласием, он мог ссылаться то на одно, то на другое учреждение. Таким образом ему удавалось идти своим путем.

Конфликты крестьянского сына

В Берлине у Власова было много времени, чтобы обдумать мотивы для своего перехода в ряды врагов. Он был сыном крестьянина. Его внутренняя связь с землей и с крестьянством уже давно вызывала душевный разлад. Власов видел, что все надежды и идеалы, за которые он сражался в годы Гражданской войны, оказались неосуществимыми. Правда, его отец не был раскулачен, что означало быть ограбленным и сосланным. Но он был вынужден покинуть свое хозяйство, и только тот факт, что его младший сын имел чин в Красной армии, уберег его от худшего. Родители же жены Власова, крестьяне, должны были как парии влачить свое существование как поденщики в провинциальном городе. Власову было очень трудно убедить все подозревавшее партийное руководство в том, что у него не сохранились связи с родителями жены. Поддержка преследуемого, так называемого «репрессированного», считалась

преступлением. Невзирая на это, Власов пытался помочь тестю и теще через третьих лиц. Дядя Власова, брат его отца, тоже был репрессирован: у него отобрали все до последнего полушубка только потому, что он был кулаком. В царское время в деревнях так называли ростовщиков, которые до следующего урожая ссужали крестьян зерном, а потом требовали уплаты в двойном количестве, большевики расширили это понятие и присвоили его всем трудолюбивым, старательным и, следовательно, зажиточным крестьянам.

Из поколения в поколение несбыточной мечтой для всех русских крестьян был надел собственной земли. Так было до аграрной реформы, осуществленной выдающимся министром Государя Николая Второго, Петром Аркадьевичем Столыпиным в 1910 году и принесшей облегчение и право на собственную землю.

Многие советские генералы происходили из крестьянского сословия и отвергали сталинский советский режим. К ним принадлежал и Власов. Он презирал «великого» Сталина, хотя и пользовался часто лозунгом «за нашу советскую родину, за нашего вождя Сталина, готов отдать жизнь». Но он должен был стать членом партии: без партийного билета у него не могло быть военной карьеры.

Тысячи перебегают

Весьма скоро после начала похода немцев на Восток число военнопленных стало стремительно расти. Они добровольно сдавали оружие. Эти люди часто по собственному желанию оставались при немецких частях и старались быть им полезными. Помимо солдат, то же делали граждане и крестьяне, простые русские люди, покинувшие свои родные места и готовые всеми силами помогать немцам. Они становились водителями машин и механиками в гаражах, подвозили дрова к кухням, чистили там картошку. Они были благодарны за каждую сигарету или махорку (содержащее никотин растение, культивируемое в Южной России), которая использовалась как род табака. Они были довольны, получая подержанную форму, пропитание и жилье.

Этих людей весьма скоро стали называть в немецких частях «наши русские» или «наши Иваны». Позже появилось сокращенное определение «Hiwi,» что значило «готовые помочь». Такое определение не только объясняло, что эти русские добровольно стали служить в немецких военных частях, но одновременно подчеркивало, что у немцев по отношению к этим людям не было никаких обязательств, поскольку говорилось: «Они ведь сами

пришли, никто их не звал». Такая установка была очень удобна и успокаивающе действовала на немецких командиров.

В конечном результате большинство немецких частей на Восточном фронте располагало большим числом таких «Hiwi,» которые с 1943 года назывались «добровольцами» и без которых в то время нельзя было обойтись. Их использовали не только на работах в жилищах и гаражах, но потом стали привлекать и к сторожевой службе, для действий против партизан в тех случаях, когда немецкие пополнения были недостаточны. В конце концов их стали назначать и во фронтовые части. При этом командиры полков по поводу этих «Хиви» столкнулись с трудной дилеммой, так как, с одной стороны не могли отказаться от их услуг, а с другой — были вынуждены официально скрывать их присутствие в частях, так как это было равносильно нарушению запрета немецкого руководства.

Развивающиеся события в последние месяцы 1941 года давали возможность пополнять немецкие части до известной степени этими добровольцами. Число таких добровольных помощников и дальнейших соратников может быть определено только приблизительно. По мнению Александра Далина, весной 1942 года их было около 200,000, а весной 1943 года, по всей вероятности, полмиллиона, если не больше.

«Хиви», в общем, проявляли сознание долга и служили верой и правдой. Такое поведение вызывалось сознанием, что при возвращении в ряды Красной армии им угрожала верная смерть. Каждый из них отлично знал, что смерти будут предшествовать страдания и пытки со стороны специальных советских подразделений. При особой удаче можно было попасть в штрафной батальон, что было равносильно назначению в часть, посылаемому прямо на небо. И, помимо этого, «хиви» старались изо всех сил, чтобы не быть посланными обратно в лагеря военнопленных. Ибо ходили слухи, что условия в этих лагерях в начале похода в Россию были бесчеловечны, и у пленных было мало шансов выжить там.

В связи с этим я считаю нужным вспомнить событие, которое я видел собственными глазами зимой 1941—42 года. Я был поблизости от Витебска и ехал на лошадях в санях по равнине во время леденящей снежной метели. К моему большому удивлению я вдруг увидел на этой производившей мертвящее впечатление местности отдельных немецких часовых. Кого они должны были охранять? Ответ я получил как только наша лошадь освободилась от навоза. В следующее мгновение мне показалось, что снежная равнина пришла в движение. Какие-то закутанные дрожащие фигуры подползали к саням и набрасывались на свежий конский

навоз, отрывая его друг у друга и немедленно поглощая. Только тогда я понял, что мы проезжали через лагерь военнопленных, в котором не было никаких убежищ. Русские пленные укрывались в берлогах, которые они выкапывали своими руками. Голод и надежда, что из проходящих тут саней выпадет что-либо съедобное выманивали их из берлог.

Такие страшные условия, однако, были возможны только в первую зиму войны. Многие «хиви» прижились в своих немецких частях, чувствовали себя там как дома и оставались в них до конца войны. Другие позже переходили в так называемые «восточные батальоны». При откомандировании отдельных частей на Западный фронт они просто брали своих «хиви» с собой. При этом создалось курьезное положение, при котором главнокомандующий на Западе должен был затребовать переводчиков не только для французского, но и для русского языка.

Под чьей командой были «добровольческие отряды» — русской или немецкой?

Уже с ноября 1941 года, помимо появления «хиви», стали формироваться так называемые «восточные отряды», подчинявшиеся штабу «Генерал восточных частей», в ведении сначала Генерального Штаба сухопутных сил. Позже они перешли в Гл. командование сухопутных сил (ОКХ). Начальником этих частей был генерал-лейтенант Хейнц Хелмих. Это был преисполненный долга солдат старой школы, который старался исполнять свои обязанности с предельной точностью и устранять все время возникающие затруднения, не привлекая особого внимания.

С 1 января 1944 года на его место вступил генерал от кавалерии Эрнст Август Кестринг. Перед принятием должности он потребовал переименования этого штаба в «Генерал добровольческих отрядов», так как уже в 1943 году был принят этот термин. Если «хиви» были разбросаны по немецким частям, будучи своего рода помощниками, то добровольцы были сведены в роты, эскадроны или батальоны и использовались как части охранения или прямо как боевые. Части добровольцев вначале подчинялись немецким офицерам, но постепенно все больше своим собственным, русским. К концу 1942 года уже были полки, которые почти на треть состояли из бывших военнопленных. Следуя желанию своих немецких командиров, они выдавали себя за украинцев, казаков или людей других национальностей, выходцев из многонационального советского государства. Это

соответствовало господствующему среди немцев мнению, что следует поддерживать и предпочитать нерусскую часть населения Советского Союза в противовес самим русским. Поэтому весьма часто случалось, что вместо «наши русские» употреблялись выражения как «украинская рота» или «казачий эскадрон». Многие немецкие командиры не могли понять, что человеческое обращение вызывает преданность и старание выполнять обязанности, и никак не могли избавиться от мысли, что хорошее отношение к пленным — это своего рода предательство. Недоверие, которое русские инстинктивно чувствовали, было причиной недоразумений. Были случаи, когда русские убивали немецких надзирателей и перебегали к партизанам. Это могло произойти, например, если по высшему приказу испытанный в боях с партизанами охранный отряд вдруг неожиданно распускался или когда любимый немецкий командир заменялся другим, менее вызывавшим приязнь. В таких случаях чины этих отрядов, придя в отчаяние, бежали в лес.

Однако я не знаю ни одного случая открытого перехода на фронте такого отряда к советской армии. Наоборот, отряды добровольцев или позже сформированных восточных батальонов были самыми верными частями в гарнизонах городов, окруженных советской армией, так как ведь они не могли сдаться.

Постепенно число «хиви» и вступивших в строй добровольцев возросло предположительно до одного миллиона. Сюда надо прибавить добровольные отряды войск СС численностью около 150.000. Общее число до начала формирования дивизий генерала Власова, в которые влились многие восточные отряды, расценивалось в один миллион. По мнению штаба Власова, это число было выше и определялось в 1,2 до 1,5 миллиона. Скрывать эти цифры было уже невозможно.

Когда в июне 1943 года Гитлеру сообщили о численности восточных войск, он вышел из себя, как мне говорили, пришел в бешенство и угрожал вернуть всех чинов добровольческих отрядов в лагеря военнопленных, потому что ему не нужны русские солдаты, а только — рабочие.

Верховному главнокомандующему стоило громадного труда объяснить, что такая мера практически привела бы к распадению Восточного фронта. Несмотря на это, Гитлер настоял на строгом запрете таких формирований в будущем, большая часть участников этих восточных частей добровольцев в конце войны не могла избежать выдачи в Советский Союз. Те счастливцы, которым удалось избежать выдачи, расселились впоследствии в трех западных зонах Германии до того, как они эмигрировали в другие страны по всему миру.

Существование сотен тысяч добровольцев, которые встали на сторону врага в его частях, нужно считать одним из феноменов в истории Второй мировой войны, почти так же, как и то, что миллионы советских солдат сдавались неприятелю. В русской истории нельзя найти другого примера такого явления. Однако вожди Третьего Рейха не поняли этого шанса, который при известных условиях мог бы привести к более скорому прекращению войны.

Русская национальная народная армия (РННА)

Помимо «хиви» и добровольческих отрядов, существовали еще и другие формирования под чисто русским командованием, которые желали вступить в борьбу со сталинским режимом. Это были Русская Национальная Народная Армия, известная также под именем РННА; «Пробное формирование Середина» в Осинторфе; Русская Народная Освободительная Армия в Локоте; Боевой Союз Русских Националистов («Дружина») и начинание под названием «Цеппелин».

Инициатива формирований русских национальных отрядов в Осинторфе, в Белоруссии между Оршей и Смоленском, исходила от двух берлинских эмигрантов: генерал-лейтенанта Сергея Никитича Иванова и полковника Константина Григорьевича Кромиади. В марте 1942 года, при обмене мнениями, они разработали предложение о формировании Русской Национальной Народной Армии. При этом высказывалась надежда, что для ее возглавления найдется кто-либо среди советских генералов, находившихся в немецком плену.

С этими предложениями генерал Иванов полетел в Смоленск к фельдмаршалу фон Клюге. Он получил согласие на то, чтобы в одном из лагерей военнопленных на Среднем фронте выбрать для этого начинания русских людей. Уже к июлю 1942 года были сформированы 4 пехотных батальона, артиллерийских взвод и саперный батальон. Поначалу этим отрядом командовал генерал-лейтенант Иванов, а начальником штаба стал майор ген. штаба Риль. В состав штаба входили: полковник Кромиади, ставший фактически начальником формирования (так как Иванов располагал только очень ограниченным опытом); полковник Владимир Ильич Боярский, произведенный в генералы уже при Власове; майор Алексей Матвеевич Бочаров, позже представитель РОА при казачьем отряде под командой генерала Доманова; полковник Игорь Сахаров, командир полка; генерал Георгий Николаевич Жиленков, впоследствии член Президиума КОНРа (Комитета Освобождения народов России) и начальник Отдела

пропаганды КОНРа; лейтенант Весслер, позже ординарец при генерале Власове, и многие другие. За несколько месяцев были сформированы 5 стрелковых батальонов, батарея полевых орудий, учебная команда, обоз и санитарная часть. Начали действовать и подготовительные курсы для будущих командиров.

В то время рассчитывали передать этот отряд под командование попавшего в немецкий плен генерал-лейтенанта Михаила Лукина, командовавшего последовательно 19-й, 32-й, 20-й и наконец 24-й армиями, и в конце концов поручить ему руководство будущей Русской Освободительной Армией. Однако генерал Лукин отклонил это предложение. Иванов и Сахаров, которые посетили его в лагере военнопленных, вернулись разочарованными. Причины этого отказа стало легче понять после того, как фронт Центра опубликовал протокол показаний Лукина, взятого в плен в декабре 1941 года. Содержание этого протокола приводится в приложении к этой книге.

Начиная с 1 сентября 1942 года, команду над РННА принял полковник Владимир Боярский. При нем численность этого формирования возросла до 8000 бойцов. Его подразделения действовали против советских частей и партизан в тылу немецкого фронта Центра и часто добивались неожиданных успехов.

Мне хотелось бы привести один эпизод из истории этого отряда. К этому времени заболевшего генерал-лейтенанта Иванова заменил полковник Кромиади. 33-я советская армия генерала Михаила Григорьевича Ефремова, 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерала Павла Алексеевича Белова и Пятый корпус парашютистов под командой полковника Александра Федоровича Казанкина оказались окруженными в районе Вязьмы и оказывали ожесточенное сопротивление зимой 1941—42 года. Отряды Русской Национальной Народной Армии, под командой Бочарова и Иванова, получили от немцев приказ неожиданным прорывом взять в плен чинов советского штаба частей, находившихся в окружении. Бойцам РННА удалось без труда пройти защитную линию окруженных советских войск, не вступая в бой, благодаря тому, что они были одеты в советскую форму и говорили по-русски. Внезапность встречи с неизвестными солдатами в советской форме, говорившими по-русски, сначала исключала всякое подозрение. Удивленные защитники даже частично присоединились к Русской Национальной Народной Армии. К сожалению, этой отважной авантюре, несмотря на первоначальные успехи, не удалось довести свое задание до конца. Как часто бывает, только мелкий недосмотр привел к неудаче всего предприятия.

Начальник разведывательного взвода окруженных советских войск последовал по следам появившегося неизвестно откуда отряда. На привалах бойцов РННА, которые они только что покинули, он обнаружил окурки папирос немецкого происхождения. На основании этих доказательств, ему удалось возбудить тревогу в штабе, и там смогли вовремя приготовить часть к «приему» вторгнувшихся врагов. После короткого боя все они были взяты в плен, а их офицеры на следующий день были приведены к генералу Белову. Об их допросе у меня имеются точные сведения. «Вы же по существу изменники!» — сказал Белов. «Нет, мы — патриоты», ответили те. В более узком кругу разговор продолжался следующим образом: «Вы же знаете, что я должен сделать с вами!», — сказал Белов. «Да. Вы должны нас расстрелять». Генерал: «Правильно. Как вы, дураки, могли так рано взяться за такое дело?!»

На следующую ночь штаб-квартира Белова переменила свое местопребывание. При этом пленные не только не были расстреляны, а, наоборот, воспользовавшись этим случаем, они бежали вместе с приставленной к ним стражей.

На основании ряда разговоров с участниками этого начинания, я пришел к убеждению, что это бегство из плена солдат РННА не встретило противодействия, а скорее всего даже было выполнено с согласия генерала Белова. Совершенно непонятно, как такие случаи, которые повторялись несколько раз, не открыли глаза немецкому верховному главнокомандующему Гитлеру на подлинное отношение многих советских военных к Сталину. Правильное понимание этого открывало дорогу к многообещающей перемене немецкой политики на Востоке.

Фельдмаршал фон Клюге посетил РННА 16 октября 1942 года и вынес о ней хорошее впечатление. Но вскоре после этого он все же отдал приказ о роспуске этого формирования, как можно предположить — из страха перед гневом Гитлера. Кадры отряда были включены в немецкие войска, солдат одели в немецкую форму и их командир был сменен. Полковник Каретти сформировал новую часть, которой с того момента было присвоено наименование «Добровольческий полк № 700». После действий против партизан в районе Могилева и Шклова и этот полк добровольцев был послан во Францию. Под конец командование этой частью принял полковник Бочаров, и она отличилась в сентябре 1944 года при обороне крепости Лориан. Попавшие в плен солдаты и офицеры РННА были выданы американцам Советскому Союзу.

Русская освободительная народная армия (РОНА)

Она зародилась в марте 1942 года в районе Брянск-Орел и была тесно связана с именами инженеров Воскобойника и Каминского. Им удалось использовать антисоветские настроения населения и успешно увенчать попытку создания русского самоуправления. Русские стали управлять русскими в занятом немцами районе и создали охранный отряд против партизан. Это начинание нашло поддержку и нужное гражданское мужество у отвечавшего за этот район генерал-полковника Рудольфа Шмидта, командовавшего Второй танковой армией.

После смерти Воскобойника (он пал в сражении с партизанами) инженер Каминский принял руководство над бригадой, численность которой к тому времени достигла 20.000 в районе Локоть. После поэтапного отхода вместе с немцами это подразделение было подчинено войскам СС и с тех пор стало называться «29-й дивизией войск СС РОНА (русской)». Каминский решился на этот шаг в надежде на лучшее снабжение и военное оборудование своего отряда, который уже насчитывал 50.000, считая и семьи его членов-бойцов. Гиммлер произвел Каминского 31 июля 1944 года в бригадные начальники войск СС и наградил его орденом Железного Креста первой степени.

Против своего желания Каминский был вынужден принять участие в подавлении Варшавского восстания. Но, хотя при этом его частям открыто был разрешен грабеж, — это разрешение погубило Каминского. По приказу главнокомандующего группы войск Бах-Залевского, Каминский был арестован, и после военного суда СС его расстреляли. Его офицерам об этом не было ничего сказано. Наоборот, был распространен слух, что он был убит польскими партизанами. Однако эта версия была неубедительной, и заинтересованные лица стали требовать разъяснений. Ответственные руководители СС не могли их дать и прибегли к обману: автомобиль Каминского изрешетили пулями, вымазали гусиной кровью и бросили в канаве. Судя по показаниям доктора Арлта, оберштурмбанфюрера и начальника «Восточного руководства добровольцами», данным им в марте 1951 года, при его денацификации, — тело Каминского было в свое время найдено в Карпатах.

Деятельность Каминского в районе Локтя показала, чего можно было добиться русским самоуправлением в занятых немцами областях, если бы немецкое руководство показало больше понимания в настроениях и положении русского населения. Нужно оценивать Русскую Национальную Народную Армию и Русскую Освободительную Народную Армию как зародыши будущей Русской Освободительной Армии — РОА, — в которую влились многие офицеры этих прежних формирований.

Здесь дело шло об организации, которая набирала в свои ряды исключительно русских военнопленных. Она была занята, под руководством охранной службы СС, организацией боевых отрядов (командо), которые посылались или через фронт, или действовали в тылу, борясь с партизанами. Во главе этого боевого союза стояли бывший советский полковник Гиль-Родионов и другие энергичные и убежденные антикоммунистические офицеры, которых в лагерях убедили принять участие в этом начинании. Среди них были полковник Егоров (Румянцев), майор Михаил А. Калугин, капитан Ивин и другие.

«Дружина» была под командой майора Блажевича. Я ему не доверял, выяснив, что в Советском Союзе он служил в частях НКВД, то есть формированиях, не подчинявшихся военным, а Министерству внутренних дел, и преимущественно предназначавшихся для террористических действий против собственного народа. Сотрудничество с НКВД отпечаталось на характере Блажевича: он был бессовестным, твердым, неискренним и умел заслужить доверие своих немецких начальников своим жестким поведением по отношению к русскому населению и взятым в плен партизанам.

При отступлениях НКВД оставлял в занимаемых немцами областях своих многочисленных агентов с заданием проникнуть в немецкие учреждения. Это им удавалось тем легче, что они в серой безликой массе пленных и интернированных или среди жителей деревень привлекали большее внимание немцев. В большинстве они были лучше накормлены, чище одеты, часто блондины со светлыми глазами. Поэтому выбор немецких офицеров, искавших для себя среди «иванов» подходящего рабочего на кухне или в гараже, невольно падал на такого агента. Укрепившись в таком положении, они должны были терроризировать оставшихся в деревне крестьян, натравливать их на немцев, которых они в свое время принимали как освободителей, поднося им цветы и хлеб-соль. Эти агенты стремились вызвать крайнюю реакцию среди немецких руководителей, в большой мере совершенно несведущих в настроениях русского населения. Эта реакция выражалась в публичных порках, казнях, насильственном уводе и других подобных мерах. К сожалению, приходится признать, что эти немецкие чины местной гражданской власти в большинстве случаев принадлежавшие на своей родине к незначительным членам партии, а теперь в местечках оккупированных областей ставшие неограниченными вершителями судьбы, жизни или

смерти нескольких тысяч жителей, не доросли до выполнения таких функций и действовали как маленькие «нероны». Они часто заводили при себе гаремы и окружали себя подхалимами.

Блажевич, конечно, принадлежал к тем, которые по заданию поступали на службу к немцам. Как махровый энкаведист (сегодня сказали бы «кагебешник») он хорошо выучился на многочисленных курсах, как должен себя вести такой начальник в разных жизненных ситуациях: при службе у врага, в тюрьме, в рабочем лагере или в лагере для пленных.

Начинание Боевого Союза Русских Националистов закончилось трагически. Часть «Дружины» взбунтовалась, перебила немецких офицеров войск СС, контролировавших этот отряд, а также несколько русских офицеров, и исчезла, забрав с собой оружие и боеприпасы, в том числе и минометы, и ушла в леса, кишевшие партизанами.

Как же это могло случиться? Конечно, доля вины лежала на немецком руководстве, которое, в силу непонимания ментальности населения, совершило ряд тактических ошибок. Однако, с другой стороны, и разлагающая работа Блажевича и его товарищей принесла свои плоды. Гиль-Родионов оказался главой заговорщиков. Москва наградила его позже орденом Красной Звезды, самым мелким орденом, который жалуется в таких случаях. Тем не менее полным доверием своих новых хозяев в Москве он не пользовался. Примерно через полгода его тело нашли в лесу, вероятно он был убит партизанами. Это могло быть вызвано только недоверием к нему НКВД. Как можно было доверять человеку, который порядочное время воевал на стороне врага…

Что могло привести Гиль-Родионова к такой перемене убеждений? Конечно, все было жестом отчаяния. Он не ладил со своим немецким начальством и опасался быть в скором времени уволенным. Возможно, что он боялся за свою жизнь и чувствовал со стороны немцев недоверие и опасность для себя лично. Я хорошо знал Гиль-Родионова и поэтому прихожу к такому выводу.

Предприятие «Цеппелин»

Такой же организацией, которая меня интересовала, было начинание «Цеппелин», созданное в 1942 году немецкой СД. Целью ее была саботажная деятельность в Советском Союзе. Оно подчинялось руководителю Иностранной Осведомительной Службы генералу войск СС Вальтеру Шелленбергу. В составе организации «Цеппелин» было в Бреславле русское отделение под командой СС штурмбанфюрера войск при СД, Ханса Клейнерта.

По профессии каменщик, Клейнерт был увлечен идеей русского освободительного движения. Ему был подчинен мой друг Блумберг, в круг обязанностей которого входил выбор для такой деятельности русских в лагерях для военнопленных. После соответствующей подготовки их собирались посылать за линию фронта для актов саботажа, для разведки и для создания антисоветских групп. Когда при первом моем посещении осенью 1942 года я помогал Блумбергу, мы долго говорили с Клейнертом о положении на Восточном Фронте и о том, что война при таком ее политическом ведении не могла кончиться победой для немцев. При этом я узнал больше подробностей о Власове и решил как частное лицо поехать в Берлин и пойти на Виктория штрассе 10.

Разговор со Штрик-Штрикфельдтом

В последние дни 1942 года я использовал свое пребывание в Берлине, чтобы явиться на Виктория штрассе в WPr.IV, поскольку этот отдел опекал Власова.

Самого Власова на этот раз я не увидел, но зато встретился с двумя другими генералами — Федором Ивановичем Трухиным и Василием Федоровичем Малышкиным. Они назвали мне своего немецкого «опекуна». Это был мой знакомый по Риге, капитан Вильфрид Штрик-Штрикфельдт. С ним мне надо будет поговорить, решил я.

Прием мне был оказан холодный и сдержанный. Штрикфельдт заметил: «Здесь мы не можем разговаривать. Приходите сегодня вечером ко мне домой». Он жил в меблированной комнате недалеко от Курфюрстердамма. Когда я появился там в условленное время, Штрикфельдт откупорил бутылку коньяка — это ведь хороший старый метод, чтобы сделать разговорчивым человека, которому не особенно доверяешь. Как я потом узнал, у Штрекфельдта были относительно меня большие сомнения. Он подозревал, что я подослан какой-то партийной организацией, чтобы установить слежку за ним. Я почувствовал это при первом свидании и начал разговор с полной откровенностью. Я — владелец хорошо работающей фирмы в Риге, у меня нет оснований беспокоиться о заработке, я имею достаточно денег. Я мог бы обеспечить свое будущее в балтийских странах, ведь фирма моего отца приносит очень хороший доход. Но к чему все эти соображения на будущее, если мы проиграем войну? И единственный шанс выиграть ее я усматриваю во власовском начинании. Поэтому я и предлагаю свои услуги, я верю, что могу быть полезным в этом деле.

Со своей стороны, Штрикфельдт рассказал мне, что он за две недели до начала войны с Советским Союзом добровольно вступил в ряды военных сил. Во время переселения балтийских немцев в 1939 г. в Познань он жил там. Мобилизация немецких армий уже началась и была настолько всеобъемлюща, что частное движение по улицам Познани было целиком прервано бесконечными колоннами, моторизованных повозок, которые двигались по направлению на восток.

Многие немцы из балтийских стран, которые были поселены в Вартегау, добровольно являлись на службу в немецкие части, и их охотно принимали в качестве переводчиков. В том числе и Штрикфельдт был принят на службу с присвоением ему чина капитана, поскольку он имел его на службе в русской царской армии во время Первой мировой войны, и позже в Гражданской войне в частях генерала Юденича. Он стал старшим переводчиком в штабе фельдмаршала Ганса фон Клюге, главнокомандующего Центральным фронтом. В августе 1942 года он был назначен в Берлин в штаб Военной пропаганды в составе Главного командования вооруженных сил и прикомандирован к Власову.

Будучи начальником переводчиков, Штрикфельдт мог свободно передвигаться по всей территории, находившейся под управлением Центрального фронта, вести переговоры с местными начальниками и свободно посещать все лагеря военнопленных в этом районе. Это давало ему возможность наблюдать, каковы были настроения среди русского населения в надежде на свержение сталинского режима. Это подтверждалось необычно большим числом перебежчиков. С этого времени Штрикфельдт забрасывал своих начальников докладами, в которых он постоянно указывал, что поход в Россию может увенчаться успехом только в случае, если немецкая сторона вступит в союз с русским населением и не будет относиться к нему как к «унтерменшам». Такого рода мысли в то время были определенно революционными и в достаточной мере опасными.

Конкретно, в одном из своих докладов Штрикфельдт предлагал создание антисоветского, дружественного немцам экзильного правительства и, в связи с ним, формирование русской антикоммунистической освободительной армии численностью пока в 200.000 бойцов. С помощью многих друзей удалось в начале ноября 1941 года представить этот доклад тогдашнему Главнокомандующему вооруженных сил фельдмаршалу Вальтеру фон Браухичу. Последний лично положил на докладе резолюцию: «Немедленно начать! Может решить исход войны». Спустя две недели Гитлер уволил

фельдмаршала, и само собой разумеется — все предложенное Браухичем было объявлено ошибочным. Новый главнокомандующий (сам Гитлер), конечно, об этом не хотел и слышать, но эта идея продолжала жить и имела разные последствия.

При наших разговорах мы коснулись и имевшего печальную известность «Приказа о комиссарах». По этому приказу все взятые в плен комиссары и политруки подлежали немедленному расстрелу без всяких судебных формальностей. Штрикфельдт коснулся в одном из своих докладов и этой темы. Само собой разумеется, что этот приказ нельзя было сочетать с моральными убеждениями порядочного офицера. Мы оба так чувствовали. Однако было совершенно бесполезно напоминать ответственным за этот приказ лицам о международных конвенциях, которые, кстати сказать, не признавались советской стороной.

Поэтому Штрикфельдт в своем докладе указывал на следующее. Как начальник переводчиков, он считал своим долгом обратить внимание на последствия такого распоряжения. Ведь они должны были особенно повлиять на боевой дух советских войск и на их готовность к сопротивлению. Чины, подпадавшие под этот приказ, естественно, стали всеми средствами понуждать подчиненные им части к ожесточенному сопротивлению, вплоть до расстрела колеблющихся. В результате выполнения этого приказа о комиссарах вызвало бы дополнительные немецкие потери.

Этот доклад Штрикфельдта, как и протесты других высокопоставленных лиц, в конце концов привели к тому, что хотя приказ о комиссарах и не был отменен, но стало допускаться его неприменение. Штрик такими своими докладами проделывал мудрую, прямо государственную работу и значительно превзошел себя.

Таким образом, полбутылки коньяка было осушено, первоначальное недоверие устранено, и в дальнейшем наш разговор протекал в откровенной атмосфере двух заговорщиков. Мы поняли, что оба мы руководились одинаковыми представлениями. О значении всего задуманного мы были вполне согласны. Чтобы определить дальнейшее планирование, я предложил принять на себя опеку над генералом Власовым. Уже тогда мне было ясно, что его безопасность была под угрозой не только со стороны советчиков.

Штрикфельдт думал, что я должен немедленно начать свою деятельность, приняв при этом фальшивое имя. И поскольку я был высокого роста, он считал подходящей фамилию Мамонтов, взятую от слова мамонт. Я же предпочел выступать под моим

настоящим именем.

Обмениваясь впечатлениями о первом годе войны, мы говорили также и о Боевом Союзе Русских Националистов, в котором я был почетным членом; о Русской Национальной Народной Армии; об организации «Цеппелин»; о событиях, которые были нам известны. Ведь все это имело значение для нашего начинания и стало для нас содержанием нашей жизни на несколько лет. Говоря о «нас», я подразумеваю ту группу людей, которые смотрели открытыми глазами на события на Востоке. К сожалению, этот круг был еще слишком мал для того, чтобы, несмотря на поддержку немецкого Генерального Штаба, успешно бороться с тупостью и отказом понимания у соответствующих политических органов. Точно так же, как и союзники позже, когда решение лежало в их руках, показали мало понимания нашей идеи Русского Освободительного Движения. Все это мы тогда не могли предвидеть. Напротив, мы были полны уверенности, верили в человеческий разум, который должен был нам помочь в признании и осуществлении нашего задания. Сам разговор со Штрикфельдтом, ночь и бутылка коньяка пришли к концу. Штрикфильдт одобрил мое сотрудничество.

Я нарочно так подробно и точно передаю содержание этой беседы главным образом потому, что она стала моим руководством не только на следующие два года, но и на всю мою дальнейшую жизнь. Ведь и эта книга явилась следствием событий, начиная с этой ночи.

После того, как мы с Штрикфельдтом обсудили основные вопросы нашего сотрудничества, мы стали обдумывать — как лучше добиться моего прикомандирования к генералу Власову. Штрик, которого я после нашей ночной беседы стал считать своим другом, держался того мнения, что мое назначение должно быть осуществлено через Отдел военной пропаганды, так как с немецкой стороны этот отдел был занят выполнением задания, связанного с Власовым. Я же полагал, что это лучше всего могло быть разрешено таким образом, чтобы создавалось впечатление, что за мной стоит какое-то учреждение, лучше всего партийное. Только такая маскировка могла обеспечить мне свободу, независимость и уверенность. Дорога к этому была длинная и вела через ряд препятствий.

Меня проталкивают прибалты, члены СА

До этого момента я был штатским. Моя фирма работала успешно. Продажа товаров была нетрудной — любой товар у нас просто рвали из рук. Искусство заключалось в том, как достать

нужное сырье. Мы еще услышим, как связь моих торговых интересов с моей деятельностью в штабе генерала Власова способствовала моей безопасности.

Мое привлечение к работе было начато с большой осторожностью. Мой друг, с которым я был «на ты», доктор Вернер Капп, штурмбанфюрер СА, руководитель Отдела политики при Генеральном комиссариате Латвии, командировал меня в часть СА в Берлине. Капп был убежден, что немецкое руководство войной на Востоке, как его предписывал Гитлер, непременно приведет к катастрофе. Он полностью усвоил все значение власовского начинания.

Учреждение СА в Берлине находилось в здании Государственной канцелярии и занимало примерно треть этого большого здания. Там работало несколько прибалтов, друзей Каппа, которых я тоже знал. Начальником этого учреждения был бригадир Томас Гиргензон, немецкий прибалт и старый член союза «Стальных Шлемов». На войне он потерял ногу, но сумел сохранить очень ясную голову. Он сразу понял положение и немедленно откомандировал меня из руководства СА в Берлин в распоряжение Главного командования вооруженных сил.

Тут я хотел бы забежать немного вперед. Когда я в 1972 году собирал нужные мне документы для получения пенсии, я получил от Томаса Гиргензона следующее дословно переданное, данное под присягой, заявление, касающееся моего назначения в штаб Власова:

«В круг моих обязанностей в то время входило рекомендовать в распоряжение Главного Штаба вооруженных сил подходящих людей для выполнения определенных заданий на Востоке. При этом я работал в тесном контакте с указанным штабом, так как являлся шефом Разведывательного Отделения. По предложению моего сотрудника Бориса Алейса, который, к сожалению, потом пал в бою, я между другими упомянул также и господина Фрёлиха. При этом я предложил одеть его, как и других ради нужной маскировки, в серую форму СА, что было возможно с разрешения всех служебных мест дивизии Фельдхеррнхалле. Надев эту форму, Фрёлих был призван как хауптштурмфюрер, то есть в чине капитана, на службу в Главный штаб вооруженных сил и оттуда получил дальнейшее назначение. В течение этой служебной деятельности, с определенными промежутками, Фрёлих являлся ко мне для доклада и участвовал в совещаниях».

Главный штаб вооруженных сил командировал меня в Отделение военной пропаганды, а Штрик-Штрикфельдт направил меня в Берлин (Далем), куда должен был переселиться генерал

Власов из случайного помещения в подвале учреждения на Виктория штрассе 10. Весной 1943 года я был переведен в Дабендорф, в Пропагандный Отдел на Востоке, где Штрик-Штрикфельдт командовал батальоном. Тут же находилась и так называемая Школа для пропагандистов Власовского движения.

Прежде чем начать мою службу в Далеме, я конспиративно встретился с генералом Малышкиным. Уж если я должен был присоединиться к Власову, то для меня было важно не только быть командированным немецкой стороной, но и добиться полного согласия с Власовым. Самого его посетить тогда я не мог, не вызывая подозрений, и поэтому я обратился к генералу Малышкину, который в то время был правой рукой Власова. И содержание моей беседы с Малышкиным не должно было возбуждать внимания и оставаться неизвестным для немецкой стороны, поскольку в мои обязанности в будущем входила роль немецкого «наблюдателя». По понятным соображениям немецкая сторона стала бы мне не доверять, если бы она узнала, что я в дружеских отношениях с руководством Власовского движения. С другой стороны, я был уверен в том, что Малышкин доложит Власову о нашей беседе и не пойдет ни на какое соглашение, которое не одобрил бы генерал. Мои друзья из НТС, то есть русские солидаристы, единственной тогда активной партии в среде русской эмиграции, которые в то время протянули свои нити к Виктория штрассе, организовали мою встречу с Малышкиным в частной квартире супругов Бенуа в Берлине. Мы беседовали с генералом с глазу на глаз. Я объяснил Малышкину, что вырос в Москве и хочу помочь русским, которые встали на борьбу с большевизмом. Это является основной задачей моей жизни. У меня есть возможность быть командированным офицером для связи в штаб Власова, но я могу принять это назначение только при согласии на это с русской стороны.

Убедили ли тогда мои слова Малышкина в моей честности — я не знаю. Но он одобрил мое назначение в штаб Власова. В последующие затем годы теснейшего сотрудничества я почувствовал, что моя убежденность понималась и одобрялась Малышкиным. Наша работа протекала во взаимном доверии с единственной целью обеспечить успех большому заданию.

Таким образом, моя командировка из Риги в Берлин-Далем была начата и осуществлена моими друзьями и земляками, а именно: доктором Вернером Каппом, Томасом Гиргензоном, капитаном фон Гроте и, в конце концов, Штрик-Штрикфельдтом. Я не называю моих друзей из НТС. Все они были убеждены в важности моей задачи и целиком поддерживали меня. Оправдание моего назначения представлялось именно так, как и

я предполагал, то есть что за мной стоит какая-то неизвестная, возможно тайная и поэтому особенно важная, политическая организация, что до известной степени обеспечивало меня от вмешательства Гестапо.

Предпосылкой к такому назначению было мое поступление в СА. Как уже было сказано, большинство людей, которые мне помогали, сами были членами СА. Эти друзья предлагали мне даже вступить в члены NSDAP. Но такого рода пожелания я всегда отклонял, объясняя, что когда-нибудь я это сделаю. К этому уклончивому ответу я успешно прибегал до конца войны. «Ты действовал тогда умнее, чем все мы», — сказал мне в 1948 году мой друг Вернер Капп.

Какую форму я должен был надеть? Конечно, коричневую форму СА, считали мои друзья. Я решительно протестовал против этого. Русские, с которыми я должен был иметь дело, ненавидели эту форму. Моим друзьям, однако, я объяснял это по-другому. Представьте себе, что мы в пути и выходим из машины на опушке леса. Все в серой форме, один я — в коричневой. Если в лесу засели партизаны, то они, конечно, прежде всего начнут стрелять по коричневому. У меня нет никакой охоты становиться первой мишенью.

После долгих соображений, в конце концов, привлекли к решению начальника штаба СА Виктора Лутце, и я получил специальное разрешение носить серую форму. Такую серую форму СА имели только очень немногие лица в Германии. За всю войну я встретился только один раз с таким человеком.

Итак, моя форма была серая с погонами, как у офицеров, и петлицами не черными, а коричневыми, с пометкой моего чина. На фуражке не было черепа, а трехцветная кокарда с буквами СА. Никто, кто видел меня в этой редкой форме, не мог понять, к какой части я принадлежу. Поскольку я свой служебный значок носил не на груди, как чины Вермахта, а на рукаве, то могли предполагать, что я принадлежал к особо важной партийной организации. Принимая во внимание мой чин как резервного офицера в латышской армии, мне был присвоен чин хауптштурмфюрера, равный чину капитана. Это соответствовало моим предположениям, потому что в советской армии начинают считать настоящими офицерами военных только с чина капитана. Кроме того, этот чин был нужен мне при общении с генералами. Его я сохранил до конца войны, так как производства в Дабендорфе почти не было, потому что сотрудники Власова не считали себя чинами немецкого Вермахта. Награждений орденами тоже не было. Жалованья я не получал и поэтому не числился ни в одном списке. Как выяснилось позже, это

обстоятельство было особенно выгодно для моей безопасности. Органы политического наблюдения, следившие за мной с помощью своих агентов, слушая мои разговоры по телефону, перлюстрируя почту и пользуясь микрофоном в моем кабинете, с удивлением спрашивали друг друга: «От кого же этот человек получает свое жалование? Его нельзя найти ни и одном списке штабов Вермахта и войск СС или партийных организаций. Наверно его командировала тайная, очень важная партийная организация. Будем осторожны.»

Я мог отказаться от жалованья, так как моя фирма в Риге давала довольно прибыли. Мне не нужно было быть в Риге, чтобы кормить мою семью, и при этом у меня еще оставались средства, которые я по своему усмотрению мог тратить в интересах моей задачи. Например, это случалось, когда я по «военно важному» поручению летал в Ригу и возвращался с кусками сала, сигаретами и бутылками водки в моих чемоданах. Все это становилось добавлением к пайку чинов штаба. Какое это имело значение, можно понять, зная тогдашнее продовольственное снабжение и ментальность русских. Они не могли обойтись без стакана водки не при бесконечных спорах и решениях, ни при не менее важных дружеских беседах. В полном согласии с русской поговоркой: «Тут без водки не разберешь». В моем багаже я также привозил и оружие, которое я мог достать для защиты Власовского штаба.

Смоленское воззвание. Народ мобилизуется

Уже в конце 1941 года в Смоленске обозначилась возможность использовать общее недовольство населения сталинским режимом для создания освободительного движения. В результате конфиденциальных разговоров со смоленскими гражданами и немецкими офицерами образовался круг людей, который назвал себя Русским Комитетом Освобождения, готовый проявить инициативу по мобилизации населения в занятых восточных областях на борьбу со Сталиным.

Однако такого рода планы были отклонены немецким руководством. Только весной 1943 года удалось начать такую кампанию в оккупированных областях с помощью летучек. Прокламация, которая содержала текст смоленского воззвания Русского Комитета Освобождения, была подписана генералами Власовым и Малышкиным. Это воззвание перечисляло 13 пунктов политической программы смоленского комитета. Оно призывало солдат и офицеров красной армии и русский народ, как в освобожденных, так и еще занятых большевиками территориях,

равно как и другие народы Советского Союза, примыкать к Русскому Освободительному Движению. Отклик на него, особенно со стороны населения, был исключительный.

Сразу после отхода Красной армии, даже в самых незначительных населенных пунктах, с вызывающим удивление энтузиазмом народа и по инициативе Вермахта, стали открываться церкви. Предметы культа, которые население прятало во время владычества большевиков, стали возвращаться в церкви. Во многих местах объявились прежние священники, которые были вынуждены временно выбрать другую профессию. Для некрещенных детей был восстановлен обряд крещения, который был запрещен в течение последних десяти лет. Молодые пары, которые до этого были венчаны в ЗАГСе, стали теперь дополнительно венчаться в церкви.

С содержанием «Смоленского воззвания» можно ознакомиться по тексту, который приводится в ПРИЛОЖЕНИИ.

Началась советская контрпропаганда

Тут сразу же началась советская пропаганда с целью разуверить население в существовании Русского Комитета Освобождения и поколебать веру в людей, подписавших Смоленское воззвание. Этот подрыв доверия мог быть устранен только личным появлением Власова в оккупированных областях как подтверждение фактов. Таково было мнение друзей Власова на Виктория штрассе, и немецкое руководство не могло его игнорировать. Фельдмаршал фон Клюге также высказался в пользу посещения Власовым оккупированных областей. Сначала последовал отказ с мотивацией: что, собственно, мог лично сказать Власов населению и добровольческим формированиям? Ведь ни Смоленский комитет, ни планы Русского Освободительного Движения не были одобрены… Но, в конце концов, разрешение было получено.

Во, время своего трехнедельного путешествия генерал Власов посетил Смоленск и Могилев. Он говорил убежденно и открыто о своих целях. Необходимо завоевать для народов России свободу, справедливость и благосостояние. Он упоминал о сотрудничестве с Германией, основанном на союзных отношениях для борьбы против большевизма, и при этом указывал на возможность третьего пути — между сталинским режимом и гражданским немецким управлением в занятых областях. Население приветствовало его с радостью и энтузиазмом. Власов выступал и перед добровольческими отрядами и встречал здесь такую же готовность принять участие в борьбе за освобождение России от

большевистского гнета и бесправия. С большими надеждами Власов вернулся в Берлин: его начинание встретило горячий отклик среди русского народа.

Но совсем другой была реакция Гитлера и его окружения. Многие доклады из областей, которые посетил Власов, указывают на внезапную вспышку национальных чувств у населения. И в ставке приходят к выводу, что Власов представляет большую опасность, так как его намерения могли бы привести к воссозданию могучего национального русского государства.

Власову же события при его поездке внушили бодрость. В половине апреля 1943 года он, по приглашению штаба Северного фронта, едет в Ригу, Псков, Гатчину. Его сопровождают ротмистр Эдуард фон Деллингсхаузен и адъютант Антонов. В Риге Власов выступает в редакции русской газеты «За Родину». Он посещает молельню староверов и не один раз — Митрополита Сергия, главу Русской православной церкви в балтийских странах, пребывающего в Риге. И это путешествие, казалось бы, превращается в успех для Власова и его начинания. Тут опять он производит впечатление на своих земляков своей личностью и искренностью, с которой он оправдывает свои мотивы сотрудничества с немцами и разъясняет свои цели. Однако его заявление в Гатчине влечет для него серьезные последствия. Воодушевленный сердечным приемом в штабе 18-й армии, он высказывает надежду, что сможет принять немецких господ в С.-Петербурге как хозяин.

Это заявление становится известным его противникам в Берлине и воспринимается как хвастовство, вызывая возмущение. В общеизвестном обсуждении положения 8 июня 1943 года в Бергхофе, в Баварии, Гитлер принимает решение против власовского политического курса и его выступлений на театре военных действий. Соответствующий приказ Кейтеля запрещает всякую политическую деятельность в тылу фронта и грозит отправкой Власова в лагерь военнопленных и передачей его в руки Гестапо в случае нарушения этого приказа.

Решение Гитлера вызывает разочарование и безнадежность не только у самого Власова и его сотрудников, но и у поддерживавшего его персонала на Виктория штрассе. Однако его популярность в Германии и за границей достигла такого уровня, при котором сам факт его существования не мог быть затушеван.

В решающих немецких кругах разгорелся настоящий бой за и против Власовского движения. Многочисленные учреждения считали своим долгом высказать свое мнение. Особенно болезненно воспринимается отсутствие определенной линии. Если с одной стороны ведется пропаганда в пользу так

называемой «теории унтерменшей», то с другой стороны русские военнопленные приглашаются вступать в так называемые восточные батальоны. В оккупированных областях на Востоке висят портреты Гитлера с надписью «освободитель», и одновременно русскую молодежь захватывают на улицах и посылают на «добровольную» работу в Германию. Бесчисленные листовки предлагают солдатам Красной армии дезертировать. А в вооруженных силах, между тем, служат сотни тысяч русских добровольцев, борясь против большевизма под немецким командованием, в подразделениях не крупнее батальона. Формирование более крупных частей из них было запрещено Гитлером.

На немецкой территории находилось 5,3 миллиона русских, из них 3,2 миллиона военнопленных, которые часто сдавались без борьбы, только чтобы не бороться за ненавистного Сталина. И, наконец, тут были так называемые «ост-арбейтеры», которые своим прилежанием в работе и своей технической изобретательностью опровергали всю ложь о трясине и унтерменшах. К ним присоединялись беженцы из областей, очищенных немцами и вновь попавших под власть большевиков. Все эти три группы были готовы в любой форме продолжать борьбу с режимом Сталина. Однако многие были разочарованы тем, что обещанное пропагандой не было осуществлено. Но, несмотря на это, они все же не теряли надежды и с ожиданием смотрели на Власова и его штаб. Они были убеждены, что уже недалек тот день, когда будет заключено честное соглашение между Германией и Власовским движением и что, в конце концов, удастся освободить родину от сталинского ига.

При таком положении Штрик-Штрикфельдт и его друзья не сдавались и старались, невзирая на запрет Гитлера, продвигать создание русского Освободительного движения и добиться его официального признания. Власов и его тесный круг в его штабе считали, что разум одержит верх. А все другие комбинации представлялись им как самоубийство.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В Дабендорфе мечтают о десяти дивизиях

Весной 1943 года Штрикфельдту удалось, при поддержке WPr.IV и Главного штаба сухопутных сил утвердить предпосылки для создания идеологического центра для Власова и Освободительного движения в барачном лагере в Дабендорфе, к югу от Берлина.

Поскольку Власовское движение, согласно приказу Гитлера, было терпимо только как орудие пропаганды, надо было по его решению от 8 июня 1943 года еще больше утвердить роль пропаганды как единственного задания. Под служебным названием «восточная пропаганда» был создан лагерь для обучения взятых в плен советских солдат, перебежчиков и добровольцев. Для лучшей маскировки эта школа была названа «школой пропагандистов», а на самом деле это было учреждение для подготовки кадров русской Освободительной армии. Она стала составной частью Власовского движения, входя в план, разработанный в Генеральном штабе чинами, поддерживавшими это движение.

С немецкой стороны Дабендорф подчинялся Пропагандному отделу Вермахта и числился там как батальон. Командиром его стал капитан Штрик-Штрикфельдт, а его заместителем ротмистр Эдуард Деллингсхаузен. Ближайшие по штабу сотрудники Власова переселялись в Дабендорф. Эта перемена постоянного пребывания уже представляла собой шаг к свободе. Маленькая группа таких сотрудников перестала числиться за лагерями военнопленных, а перешла в ведение нового учреждения в Дабендорфе. В задание этого учреждения входило создать в согласии с планом посты для генералов и штаб-офицеров и подготовить русский и немецкий преподавательский и административный персонал.

Вначале стали думать о формировании десяти дивизий. Поступавшие заявления из лагерей военнопленных и добровольных формирований обеспечивали пополнение нижними чинами в достаточном количестве. Нужно было только ожидать больших трудностей при заполнении офицерского состава. Поэтому одна из главных задач Дабендорфа состояла в розыске в лагерях военнопленных лиц, могущих быть произведенными в офицеры, и обеспечении для них необходимого военного обучения.

Сперва начальником школы был генерал Благовещенский, которого позже заменил генерал Трухин. Оба они принадлежали к кругам русской интеллигенции и были воодушевленными русскими патриотами. У них имелся большой опыт в обучении и воспитании кандидатов на офицерский чин.

Состав преподавателей был исключительный: главным образом это были русские. В их числе был доцент Александр Николаевич Зайцев, позже принявший псевдоним Артемов, а также председатель НТС[1] Николай Штифанов. Они умели объяснять предметы обучения наглядно и понятно.

Позднее Зайцев избежал покушения на его жизнь со стороны Гестапо, для которого он не подходил как руководитель школы. Благодаря своевременному предупреждению через генерала Малышкина, он с помощью НТС исчез в Берлине. Для подобных целей у НТС был грузовичок с надписью: «Внимание! Опасность заразы: тиф». Такую машину как будто с тяжело больным, пропускали всюду. Когда я встретил Зайцева после войны во Франкфурте на Майне, я рассказал ему о том, что предупреждение об опасности исходило от меня, но не знаю — поверил ли он этому.

Немецким руководителем курсов был балтиец барон Георгий фон дер Ропп, высоко образованный и умный человек. Он был прекрасным переводчиком. До Дабендорфа он работал как руководитель курсов в Вулхейде под Берлином и обучал «пропаганде» русских военнопленных.

Каждый курс, как правило, охватывал от двух до трех тысяч слушателей и продолжался от трех до четырех месяцев. Так как большинство участников после их призыва в красную армию прошло только короткое обучение, то их военная подготовка была полна пропусков. Однако все они были хорошо знакомы с философией Карла Маркса, одни больше, другие меньше были обучены этому в комсомоле первой ступени для молодых коммунистов для вступления в ряды партии, что давало им возможность мыслить философски. Это явление для меня и для немецкого преподавательского персонала было ново. Оно давало возможность создать в умах этих молодых людей новое мировоззрение путем специального преподавания. Преподаватели старались на русско-национальной почве развить у них настоящий, а не советский патриотизм и внушить им любовь к родине. Одновременно преподавание включало и основные сведения по русской истории и литературе.

Параллельно с этим шло и военное обучение. Руководил им полковник Н. С. Бушманов, крепкий, приземистый человек среднего возраста, с очень энергичными чертами лица и голосом

командира. Дальнейшая его судьба, однако, определилась иначе: Бушманов попался в обманчивые сети коммунистического подполья. Очевидно, ему недоставало убеждения его друзей. Вокруг него образовалась коммунистическая ячейка, у которой были связи не только с подобными группировками среди остарбейтеров, но и с немецким подпольем, и даже с французскими рабочими, приехавшими в Германию. При этом шла подготовка к террористическим покушениям. Русская контрразведка в Дабендорфе, под руководством генерала Трухина, напала на след этих махинаций. Я случайно присутствовал при том, когда генерал Трухин сообщал Штрик-Штрикфельдту о результатах произведенного расследования. Действительно, налицо было намерение отравить руководителей школы и немецкий административный персонал.

Следствие продолжалось. Бушманов и его главные заговорщики были арестованы Гестапо, попали под суд и были казнены.

Все слушатели курсов получали новое обмундирование и в кратчайший срок превращались в бравых, хорошо выглядевших и четких в разговорах кандидатов в офицеры. Официально они назывались пропагандистами. Конечно, все это не осуществлялось так скоро и без трений, как вы тут читаете об этом.

Позиция немецких учреждений по отношению к Власовскому движению как к пропагандному начинанию отражалась на внешних отличиях, как например, на форме, кокарде, нарукавной нашивке, флаге и, наконец, на тексте присяги.

Само собой разумеется, что солдаты РОА должны были носить немецкую форму. Это было необходимо, раз они участвовали в боях. Русские не были с этим согласны, но в конце концов необходимость этого была принята. Разница по сравнению с немецкими чинами Вермахта была выражена в знаках отличия чинов, кокардах и широких (как у русских) погонах. Офицеры старших чинов имели на фуражках вместо немецкой, старую кокарду царского времени при цветах: белый, синий и красный. Это соответствовало желанию Власова, и учреждение на Виктория штрассе смогло этого добиться. Кроме того, принадлежность к РОА подтверждалась тремя крупными буквами на рукавах Р О А, что значило Русская Освободительная Армия.

Гораздо труднее была проблема флага. Сперва на всех служебных местах РОА развевался старый национальный русский флаг (бело-сине-красный), пока по приказу его не пришлось убрать. Основанием к этому было то, что этот флаг был введен Петром Великим и являлся символом русского империализма. В конце концов зондерфюрер и пастор Арнольд Шаберт,

состоявший в немецкой свите штаба генерала Власова, пришел к мысли предложить Андреевский флаг. На нем на белом поле изображен диагональный синий крест, так называемый андреевский. Это был военный флаг императорского морского флота. Теперь к нему добавили по краям тонкую красную полосу, и он был одобрен немецкими политическими инстанциями, причем мы скрыли от них, что и этот флаг был введен Императором Петром Великим.

И по поводу текста присяги велась борьба. Необходимо было найти такую формулу, которая служила бы целям военной дисциплины и одновременно удовлетворяла бы чувства не только одних русских, но и добровольцев из других народов России. Они хотели присягать «свободному народу и отечеству» и не приносить присягу Третьему Рейху и его вождю. В конце концов, выработали известный компромисс: пришли к соглашению о следующей формулировке. Первый абзац содержал присягу солдат РОА Власову. Во втором упоминалось обязательство служить союзу с Германией под командой Гитлера, главнокомандующего всеми военными антибольшевистскими силами в борьбе против режима Сталина в России. Помимо этого, русские присягали на верность — русскому народу, а солдаты других национальностей — на верность своим народам.

Текст присяга звучал следующим образом: «Как верный сын моей родины, я добровольно вступаю в ряды войск Комитета Освобождения Народов России. В присутствии моих земляков я торжественно клянусь честно сражаться до последней капли крови под командой генерала Власова на благо моего народа против большевизма. Эта борьба ведется всеми свободолюбивыми народами под высшей командой Адольфа Гитлера. Я клянусь, что останусь верным этому союзу.»

Как же Власов примирился с этим компромиссом? С самого начала ему было ясно, что нет никакой возможности привлечь Гитлера своей идеей, и он знал, что мы были вынуждены тактически действовать очень осторожно. И он сознательно принял участие в этой «игре». Никакие иллюзии не руководили ни им, ни его сотрудниками, ни его немецкими друзьями. Все они абсолютно здраво и реально учитывали обстановку.

Каждый курс в Дабендорфе кончался парадом, который принимал генерал Власов. При этом пропагандисты строились в каре, генерал Трухин подходил с рапортом. Власов в коротком приветствии, звучавшем на параде громоподобно благодаря его басу, поздравлял курсантов с окончанием курса и желал им полного успеха при исполнении будущих трудных заданий. После этого они проходили церемониальным маршем перед Власовым и

его штабом под звуки дабендорфского военного оркестра. Приветствие, ответ и аплодисменты были точным повторением церемониала, принятого в подобных случаях в Советском Союзе. Это давало возможность курсантам восторженно приветствовать Власова, стоявшего на почетной трибуне и тоже аплодирующего. Овации заканчивались лишь когда сам Власов переставал аплодировать.

После производства курсанты отправлялись по местам своего назначения. Их командировали не только в так называемые добровольные отряды и восточные батальоны но и в управления всеми лагерями военнопленных. Тут они призывали своих земляков, с помощью докладов, газет и другими способами, к участию в поддержке освободительной идеи Власова. О своих успехах и встречаемых трудностях они должны были каждый месяц доносить в Дабендорф. Очень часто в их работе им препятствовали местные руководители, которые проявляли полное непонимание в том «чего собственно, хотели эти русские?». На пропагандистах также лежала задача выбирать новых кандидатов для курсов в Дабендорфе. Не прошло и года, как штаб генерала Власова располагал целым списком уже обученных кандидатов для РОА. Короткие характеристики их содержали указания о наиболее успешном и полезном использовании отдельных лиц.

При совместной работе с параллельно действующей русской администрацией успешно сказывался факт, что капитан Штрик-Штрикфельдт, как начальник Отделения пропаганды, одновременно руководил и обслуживающим немецким персоналом, без которого Дабендорф, конечно, обойтись не мог. Я не припомню ни одного серьезного случая, который бы вызвал недоразумение и повлек за собою спор. Единственное «осложнение», которое осталось у меня в памяти, было в случае с сыром.

Надо сказать, что курсанты Дабендорфа получали паек немецких военных частей второго разряда, на ступень выше, чем им полагалось. Второй разряд был предназначен для частей на фронте; первый полагался для частей на передовой боевой линии, а третий частям на родине. Однажды стали раздавать сыр, который был мягким и потек. Русские отнеслись к этому с недоверием и, очевидно, думали: «Раз сыр течет, значит он, конечно, уже испорчен. И так как нас русских считают унтерменшами, то мы и должны есть этот испорченный сыр».

Комендант лагеря майор Элбен, услышав об этом, приказал вывесить на черной доске приказов плакат: «В сыре нет личинок, и поэтому его можно есть». Русский же перевод его гласил: «В

сыре нет червей…» Этот плакат еще больше смутил русских. Теперь они решили: хотя в сыре нет червей, но он плохого качества, и поэтому его хотят скормить им. Об этом было доложено Власову, и он был убежден, что только русские (потому что они русские) получают испорченный провиант.

Когда этот сыр был подан Власову на завтрак, я стал его есть и спросил: «А вы не хотите его есть?» — «Конечно, нет!» — был ответ. После этого я с большим удовольствием съел весь сыр, предназначенный для восьми завтракавших. На меня все смотрели с удивлением, предполагая, очевидно, что я только во имя поддержания немецкого престижа, давясь, поглощаю «испорченный» сыр.

Еще более их удивляло мое совершенно преувеличенное представление о военной дисциплине, заставлявшее меня делать то, что было мне противно. Я привожу этот случай как маленький пример того, как легко возникают недоразумения, особенно из-за взаимного непонимания языка.

В качестве офицера немецкой разведки в Дабендорфе служил барон Хельмут фон Клейст. Во время гражданской воины в балтийских странах в 1918/19 годах он был страшим интендантом балтийского ополчения. Барон Клейст во многом отличался от других немецких офицеров, служивших в штабе. От всего сердца и с твердым убеждением он боготворил государя Николая Второго и тогдашнего главу династии Романовых и претендента на царский престол Великого Князя Кирилла. Однажды он сказал мне: «Если бы Великий Князь приказал мне прыгнуть с колокольни, я бы без колебаний сделал это». В своем штатском костюме он всегда носил на галстуке булавку в виде маленького щита с цветами Императорской России: белым, синим и красным. Его любимым занятием были оживленные разговоры с русскими за стаканом чая.

Штрикфельдт был целиком согласен с тем, как Клейст понимал свои служебные обязанности. Когда в Дабендорфе заподозрили полковника Спиридонова в подпольной коммунистической работе и спешно, по решению капитана Штрик-Штрикфельдта, послали его как «пропагандиста» в отряд в Дании, я спросил с удивлением, почему этот заговорщик не подвергся наказанию?

Штрикфельдт на это ответил: «Неужели вы думаете что нашему заданию пошло бы на пользу, если бы мы каждую вторую неделю раскрывали новый заговор? Это принесло бы нам гораздо больше вреда, чем наше решение сохранить жизнь этому полковнику и отпустить его на волю без наказания. Наш офицер разведки в этом отношении целиком придерживается моих

взглядов. Он ведь любит русских и охотно болтает с ними за стаканом чая и не расследует каждое подозрение. Это именно и хорошо.»

Я должен признаться, что не вполне понимал тогда значения такого мудрого подхода. Еще во время войны выяснилось, что подозрения против полковника Спиридонова были неосновательны: дело сводилось просто к интриге. До самого конца он играл большую роль в КОНРе, и генерал Власов относился к нему с полным доверием. И после войны Спиридонов оставался противником большевиков. Он умер естественной смертью.

Для характеристики барона Клейста, которого я причисляю к моим друзьям, я хотел бы рассказать о забавном случае. Однажды он был на одном русском собрании, скорее как слушатель, чем участник его. Как это в обычае у русских очень быстро завязался ожесточенный спор, все друг другу возражали, дело дошло даже до брани. Это очень огорчило барона Клейста, чье сердце было полно любви к русским. Наконец, он решил вмешаться в спор, чтобы установить мир, и поднялся на подиум. Не вполне правильно владея русским языком, он обратился к споривши со следующими словами: «Дорогие друзья, успокойтесь! Я вижу, что вам нелегко. Жизнь действительно тяжела, но ведь из-за этого не стоит приходить в такое возбуждение! И мне нелегко: ведь каждый день в 6 часов утра моя жена возбуждает меня…» (желая сказать «будит»).

Особую роль в Дабендорфе играл ротмистр Эдуард фон Деллингсхаузен в качестве заместителя капитана Штрикфельдта в должности батальонного командира. Трудно было себе представить лучшего посредника между немцами и русскими. Деллингсхаузен, благодаря своему происхождению, чувствовал себя как дома как у русских, так и у немцев. Он происходил из немецко-балтийской дворянской семьи из Эстляндии. Во время Первой мировой войны он служил в императорской русской армии и получил воспитание в России. Он не только безукоризненно говорил на обоих языках, но и принадлежал к обеим национальным культурам. В императорской армии Деллингсхаузен начал службу как вольноопределяющийся. В меньшей степени о нем знали, что в Первой мировой войне с русской стороны он принимал участие в походе русской армии в Восточную Пруссию под командованием генерала Ренненкампфа. Как командир одного из трех разведывательных взводов он был послан для того, чтобы восстановить связь с армией генерала Самсонова. Когда война превратилась в позиционную и гвардейская кавалерия использовалась в окопах как пехота,

Деллингсхаузен, как и многие из его друзей, перешел к новому роду оружия — военной авиации, став одним из самых выдающихся боевых военных летчиков. Самолеты того времени, незащищенные монопланы и бипланы, назывались летающими гробами. До 1916 года боевые летчики сражались, стреляя из крупнокалиберных револьверов, и бросали во вражескую пехоту ручные гранаты. Деллингсхаузен получил все возможные боевые награды. Никто из его друзей не знал что-либо об этом периоде его жизни. При его скромности и спокойном благородстве он никому не показывал своих отличий.

После Первой мировой войны Деллингсхаузен эмигрировал в Берлин, где зарабатывал на жизнь своей семьи, имея маленькую агентурную фирму. Когда началась Вторая мировая война, Деллингсхаузен явился на военную службу как переводчик и знаток России и был послан в Дабендорф после возникновения Власовского движения. И в этой войне он проявил гражданское мужество, ведя борьбу с расистскими законами Третьего Рейха. На свою собственную ответственность он снабжал полуевреев книжками зарплаты, в силу чего такие лица по закону становились чинами немецкого Вермахта. Как таковые они попадали в подсудность военных судов и избавлялись от прямых покушений Гестапо. Конечно, такая оказываемая им Деллингсхаузеном помощь была связана с громадным риском, так как ведь шло о фальсификации документов. Помимо этого, в Третьем Рейхе считалось преступлением, пользуясь своим служебным положением, обходить расистские законы. Однако глубокое человеколюбие этого балтийского барона, бывшего кавалерийского офицера царской армии, было сильнее всех параграфов служебных предписаний.

Деллингсхаузен скончался в Мюнхене в 1975 году 80 лет от роду.

Зыков, разочарованный марксист, как пропагандист против Сталина

Власов стал собирать первых сотрудников. Штаб стал расти. Из лагерей военнопленных прибыли генералы Малышкин и Трухин, комиссар армии Георгий Николаевич Жиленков, полковники Владимир Ильич Боярский, Владимир Васильевич Поздняков, Михаил Алексеевич Меандров, Алексей Иванович Спиридонов, Денисов, батальонный комиссар Мелетий Александрович Зыков и другие, сыгравшие позже известную роль. Из оккупированных областей заявили о своем участии штатские лица: Юрий Александрович Письменный, Владимир Михайлович

Гречко, доцент Александр Николаевич Зайцев и Николай Штифанов. В Движение вступило и несколько старых русских эмигрантов, как например, группа офицеров из Парижа, которая, преодолев административные трудности присоединилась к Власову. В состав этой группы входили полковник Евгений Васильевич Кравченко и капитан Александр Иванович Путилин.

Самой значительной фигурой в штабе был, без сомнения, Мелетий Александрович Зыков, вызывавший интерес персонаж, чей подлинный идентитет до сих пор остался невыясненным. О своем прошлом Зыков рассказывал многое и каждый раз разное. Когда он напивался, хвастал своими военными подвигами, в которых принимал участие с саблей в руке на диком скакуне в рядах знаменитой кавалерийской армии Буденного. Это, конечно, было выдумкой, потому что Зыков, вне всякого сомнения, был сугубо штатским. В этом можно было убедиться, видя как военная форма висела на нем, как мешок из-под картофеля. Зыков должно быть был высоким партийным функционером, предположительно или заместителем главного редактора «Правды», или даже редактором этой газеты. Главным редактором в то время был Бухарин. Во время сталинских чисток, при которых Бухарин стал жертвой, Зыкова сослали в Сибирь, но через три года, в 1940 году, о нем вспомнили, вернули его обратно, восстановили в партии и послали как комиссара на фронт.

Зыков принадлежал к первым сотрудникам Власова еще на Виктория штрассе 10. Он уже в апреле 1942 года попал в плен к немцам и был привезен в Берлин в специальный маленький лагерь за несколько месяцев до Власова. В этот лагерь собирали военнопленных и перебежчиков, которые поступали в распоряжение немцев для борьбы против сталинского режима. Зыков отнюдь не скрывал, что он — убежденный марксист, может быть с более скромной идеологией, как например меньшевистской. Злоупотребление догмой марксизма при Сталине его разочаровало. Вскоре по прибытии в специальный лагерь Зыков разработал план мобилизации русского народа на борьбу со сталинским режимом, который во многом совпадал с соображениями немецких офицеров Отделения WPr.IV.

Зыков предложил также поручить руководство этим антисоветским движением какому-нибудь популярному генералу Красной армии. Постепенно Зыков превратился в одного из самых значительных идеологов власовского штаба. Он стал редактором двух издаваемых Отделом восточной пропаганды газет — «Добровольца» и «Зари». Первая была предназначена для отрядов добровольцев и «хиви» и вначале имела тираж в 20.000 экземпляров, а с осени 1944 года — уже в 60.000. «Заря»

выходила тиражом в 100.000 номеров и предназначалась для остарбейтеров и военнопленных. Немецким коллегой Зыкова по редакции был журналист зондерфюрер Вернер Борман. Он был прибалтом и хорошо говорил по-русски. Обе газеты выходили два раза в неделю.

Я упоминаю об этих газетах главным образом потому, что после войны историки могли убедиться в том, что Власовское движение отнюдь не было антисемитским. Такие обвинения несколько раз выдвигались просто потому, что издание газет было одобрено самим Гитлером, хотя лишь как органов пропаганды. Исчерпывающее исследование историком Борисом Николаевским также опровергло это обвинение. Обе газеты, бывало, печатали антисемитский материал, но это всегда были перепечатки из «Фёлкишер Беобахтер» или какой-либо другой немецкой газеты, и никогда не исходили от имени редакции. Из этого, явствует, что дело шло о цитатах, которые редакция была вынуждена помещать, но которые абсолютно не отражали убеждений редакции или самого Власовского движения.

Николаевский принадлежал к левым социал-демократам, и его до 1927 года терпели в Советском Союзе, но после этого он был вынужден покинуть родину, попав в волну остракизма, которая обрушилась на многих русских ученых. С тех пор он жил в Соединенных Штатах и там присоединился к группе «Русских социал-демократов в изгнании» и сотрудничал в издательстве ежемесячного журнала очень высокого качественного уровня под тем же названием.

Для Гестапо Зыков представлял скрытую угрозу особенно потому, что он был еврей, что в конце концов вышло наружу, хотя все, кто об этом знал, упорно молчали. Он чувствовал симпатию к западным союзникам. Эти чувства, которые, однако, он скрывал, просачивались то к одному, то к другому из руководящих деятелей Власовского движения. И его немецкие собеседники были неприятно поражены его духовным превосходством.

На основании моего личного опыта, скажу, что Зыков был в состоянии и отступать. В присутствии Штрикфельдта однажды я поспорил с ним относительно принципа прибавочной стоимости. Тема эта рассматривается в «Капитале» Карла Маркса на примере одной фарфоровой фабрики. Под прибавочной стоимостью Маркс понимал разницу между себестоимостью и продажной ценой. Я задал Зыкову вопрос: «Как вы объясните факт, когда две одинаковых фабрики с одинаковой программой производства, одинаковым расходом сырья и одним и тем же рабочим персоналом целиком отличаются, одна преуспевает и добивается прибыли, другая же приходит к банкротству?» Зыков задумался и

признался, что не знает ответа.

Штрикфельдт при такого рода разговорах обыкновенно оставался молчаливым свидетелем. Очевидно, он сам делал выводы, но никогда о них не говорил.

Летом 1944 года Зыков был похищен и, по всей вероятности, убит. Он жил тогда вместе со своей женой, русской эмигранткой, с которой повенчался в Берлине, и со своим адъютантом Ножиным в маленьком пригороде Берлина Рангсдорфе.

Я знал, что Гестапо насильно завербовало его жену в агенты с тем, чтобы она постоянно давала информацию о своем муже. Похищение и необъяснимое исчезновение его довело ее почти до безумия, так как она не могла никак оправдать возможную свою вину.

За два дня до командировки Зыков сидел у себя дома за столом со своей женой и адъютантом. Из ближайшего трактира прибежала хозяйка, сообщив, что его вызывают к телефону. (Поскольку у Зыкова в квартире не было телефона, его вызывали по телефону трактира.) Зыков с адъютантом и хозяйкой вышел из дома. На углу улицы их задержал человек в длинном кожаном пальто, в то время это было обычной одеждой чинов Гестапо. О дальнейшем хозяйка рассказала следующее. Человек этот завязал с Зыковым разговор, который становился все резче. Постепенно они втроем подошли к автомобилю, который стоял у опушки леса и в который Зыков, протестуя, сел. По словам хозяйки, этот человек еще и раньше расспрашивал о Зыкове в её трактире.

После этого никто больше не видел Зыкова и его адъютанта. Согласно немецкой официальной версии, советские партизаны прикончили Зыкова. Однако, скорее всего, вину за это убийство следует возложить на самих немцев, что позже и подтвердилось сведениями из многих источников. По всей вероятности, Зыков был убит одним из командо убийц Гестапо. Когда Власовское движение летом 1944 года перешло в ведение СС, мне пришлось общаться со многими эсэсовцами, и из отрывков разговоров я мог заключить, что такие специальные командо или командо убийц действительно существовали.

Барон Деллингсхаузен, который немедленно включился в следствие по этому делу и вошел в связь с Гестапо, с самого начала был поражен отсутствием всякого интереса у этих людей к этому случаю: «Их все время надо было подгонять, и во время обследования леса они больше интересовались земляникой и красотой природы».

Операция «Скорпион Восток»

Зыков должен был принять участие в пропагандном задании, которое находилось под руководством полковника войск СС, штандартенфюрера Гюнтера д'Алкена, и было известно под термином «Скорпион Восток». Неудачи на Восточном фронте заставили высшее командование немцев проявить большую пропагандную активность, особенно по тылам противника. Было принято решение создать в передовых линиях на южном участке Восточного фронта своего рода немецко-русский пропагандный клин и поручить ему выполнение специальных заданий. При этом опять-таки вспомнили про Власова, чтобы использовать его имя в пропаганде.

Д'Алкен обратился к Власову с просьбой предоставить в его распоряжение лучших русских пропагандистов из Дабендорфа, причем он в первую очередь думал о Зыкове, которого считал самым способным журналистом в штабе Власова. Сразу же при первом собрании, подлежащем созданию штаба под руководством д'Алкена, в котором принимали участие немецкие офицеры СС, генерал Жиленков и Зыков, последний твердо заявил, что он — русский националист. Он также не скрывал своего отрицательного мнения о применяемых до того времени методах немецкой пропаганды, касающихся русской проблемы. В случае своего сотрудничества он требовал для себя полной независимости в своих действиях. Д'Алкен обещал ему полную поддержку и свободу в его работе.

Ряд немецких групп, однако, возражали против сотрудничества с Зыковым, опасаясь этого защитника русской национальной идеи. Многие считали его большевиком. И среди русских проявлялось недоверие к Зыкову, некоторые даже подозревали, что он большевистский агент. Кроме того, его не любили из-за его резкого характера и грубого обращения с подчиненными.

Исчезновение Зыкова стало плохим предзнаменованием для проекта д'Алкена «Скорпион Восток». Он действительно мог стать душой всего начинания, и д'Алкеи возлагал на него все надежды.

Генерал Жиленков, будущий руководитель Главного управления пропаганды КОНРа, в свою очередь, предоставил себя всецело в распоряжение этой задуманной операции. Цель ее сводилась к тому, чтобы с помощью Власовской пропаганды разложить наступающую советскую армию. Судя по книге Ортвина Бухбендера «Звучащая Руда», в этом начинании приняли участие 1500 офицеров и солдат. Листовки печатались в поезде-типографии и сбрасывались с самолетов в тылу у противника. Одновременно пропаганда велась с помощью громкоговорителей и по радио. Невзирая на достойное внимание, большое число

перебежчиков, поздней осенью 1944 года операция «Скорпион» могла показать лишь весьма скромные успехи, так как немецкий фронт начал расстраиваться, а советские войска вели наступление. Эти два невыгодных обстоятельства в конце концов ограничивали деятельность пропагандистов слушанием вражеских станций и разработкой предложений, которые позже не находили применения.

При этом безнадежном предприятии у ряда участников сыграло роль желание найти прибежище в специальном поезде и избежать постоянных налетов на Берлин. В этом поезде были не только все нужные технические установки для воздействия на врага пропагандой, но и запасы продовольствия на долгий срок. После длительного пребывания в Каринтии и Тироле д'Алкен объявил своим сотрудникам, в начале мая 1945 года, что они могут сами выбрать свое дальнейшее направление. После этого поезд был предназначен для снабжения населения продовольствием. Возвращаясь к прошлому, могу сказать, что число перебежчиков составляло в январе 1945 года — 988 человек, в феврале — 422, в марте — 565 и доказывало, что имя Власова и тогда еще сохраняло притягательную силу.

Остальные ответственные сотрудники

Генерал Василий Федорович Малышкин присоединился к Власову, служа в пропагандном учреждении Министерства восточных областей. Он находился в немецком плену уже продолжительное время и был в числе тех людей, которые по указанию министра Рейха восточных областей Розенберга были предназначены для управления в оккупированных областях. Таких людей собирали в лагере Вулхейде под Берлином, и там они чуть было не умерли от голода, не получая продовольствия в результате недосмотра одного из учреждений.

Генерала Малышкина выручило из лагеря Вулхейде отделение WPr.IV и убедило его примкнуть к Власову. После личного разговора с Власовым, которому Малышкин мог доказать, что он не оплачивается немцами, он присоединился к Власову в его борьбе с большевизмом. В Советском Союзе Малышкин во время между двумя войнами находился под подозрением. В связи с большой чисткой в рядах советской армии после дела Тухачевского, Малышкин был обвинен в шпионаже в пользу японцев и осужден. Тогда много тысяч офицеров, начиная с генералов и кончая младшим штаб-офицером, было арестовано и расстреляно. Арестованные были вынуждены не только сознаваться в своей вине, но и выдавать бывших с ними в

заговоре.

Точно так же один из старших офицеров Красной армии, обвиненный в шпионаже в пользу японцев, что было чистейшей выдумкой, не выдержав пытки, признал свою вину и назвал ряд имен своих воображаемых заговорщиков, в том числе и Малышкина. Однако он предоставил Малышкину шанс на спасение. Он обвинил его в том, что тот выдал японцам планы железнодорожного моста через одну из рек. А позже выяснилось, что все обвинение было построено на лжи, так как на этой реке вообще не было никакого железнодорожного моста. Это дало возможность Малышкину опровергнуть обвинение. Но, несмотря на это, он был осужден на годы в лагере строгого режима и стал одним из «зека», описанных позже Солженицыным в его «Архипелаге Гулаг». Всё же жизнь ему удалось спасти.

Когда началась война, понадобились офицеры. Вспомнили об осужденных и привлекли на службу, и Малышкина. В чине генерал-майора он стал начальником штаба 19-й армии, которая должна была действовать против немцев. Становится понятным, что такой столь много претерпевший человек использует первую возможность, чтобы начать борьбу с этим глубоко ненавидимым бесчеловечным режимом.

Малышкин был типичным представителем честной, но целиком неосведомленной о мировых событиях русской интеллигенции: культурный, любящий искусство, корректный и добродушный человек. Как помощник Власова он стал шефом начавшего образовываться Главного организационного управления Освободительного Движения, в котором было несколько отделов. Однако Малышкину в значительной мере не хватало тех основных черт, которые необходимы для руководства большим учреждением, а именно вообще административного таланта и способности в нужный момент действовать решительно. С другой стороны, у него была счастливая рука при выборе помощников.

Как любитель искусства Малышкин свой досуг использовал на изучение своего любимого поэта Есенина, стихи которого он почти все знал наизусть. При этом расскажу об одном характерном эпизоде. Однажды утром приемная генерала Малышкина была до последнего стула заполнена ожидающими приема. Это все были старые русские эмигранты, желавшие говорить с начальником Главного организационного управления КОНРа. Часы показывали уже половину одиннадцатого, а генерала еще не было. На мой вопрос «Где же генерал?» его адъютант смущенно ответил: «Он еще в своей комнате и занят». Я подошел к двери, постучал и услышал разрешение войти. Генерал

с удивлением смотрел на меня. Он еще лежал в постели с книжкой Есенина в руках…

Как следующего человека из власовского штаба я хотел, бы представить вам генерал-майора Федора Ивановича Трухина. Он происходил из старой дворянской семьи. Трухин и Малышкин были теми немногими во Власовском штабе, которые еще при царе были офицерами. Невзирая на это, Трухин стал в советской армии генерал-майором, но не получил в командование дивизию. Он был выдающимся офицером с глубокими военными познаниями и острый аналитик.

У Власова этот бескомпромиссный антикоммунист был на настоящем месте. Трухин по характеру был благородным человеком и обладал неоспоримым авторитетом, а ближайшие его сотрудники относились к нему с глубоким уважением. Всякая интрига была ему чужда. Его большая способность к руководству людьми давала ему возможность использовать каждого человека в зависимости от его характерных черт и способностей. Он не признавал компромиссов, и там, где было нужно, он показывал свою твердость. Его высокий рост и умное энергичное лицо подкрепляли впечатление о нем как о значительном человеке. Власов назначил его начальником школы в Дабендорфе, а потом он стал начальником штаба Русской Освободительной Армии.

Я вспоминаю генерала Трухина с большим уважением. Он стал моим последним военным начальником, когда я еще перед концом войны зачислился в ряды РОА и был назначен Трухиным его офицером-ординарцем.

Весьма достойную внимания роль играл полковник Константин Григорьевич Кромиади, рожденный на Кавказе грек, однако, по своим убеждениям более русский, чем многие рожденные русские. Первым большим событием в его жизни было участие в лихом походе генерала Бичерахова в 1917 году, который имел целью через Персию установить связь с английскими войсками в Месопотамии. В этом походе, в котором принимали участие почти целиком казаки, Кромиади, будучи молодым офицером, был начальником приданному отряду пешего батальона. Со своим прежним командиром Бичераховым он до смерти последнего сохранил дружеские отношения. После Гражданской войны, в которой он, конечно, сражался в рядах Белой Армии, судьба забросила его с эмигрантской волной в Берлин. Здесь в течение 16 лет он зарабатывал свой хлеб насущный за рулем такси. В 1942 году Кромиади использовал первую же возможность, чтобы предложить свои услуги немецким военным силам на Восточном фронте. Он был прикомандирован к штабу создаваемой Русской Национальной Народной Армии

(РННА), начальником который он стал позже. Когда это формирование в начале 1943 года, несмотря на его большие успехи, было ликвидировано немецкими учреждениями, Кромиади вернулся в Берлин. Я сразу же приложил все старания убедить его принять участие в работе власовского штаба. Он стал комендантом штаба, а вскоре и начальником частной канцелярии генерала Власова. На этом посту он пользовался полным доверием Власова и был важным связным с кругами так называемых старых эмигрантов в Германии. Ему мы обязаны тем, что состоялись встречи между Власовым и назначенным немцами начальником Бюро русских эмигрантов в Германии, генералом Василием Бискупским, и главой РОВСа, генералом Алексеем Лампе. Генерал Лампе, который заслужил чин генерала в Гражданской войне в рядах Белой Армии генерала Врангеля, был одним из старейших еще живых генералов, а Русский Обще-Воинский Союз (РОВС) объединял всех участников Белой Армии. Это посредничество было связано с рядом проблем, так как уже пожилые воины Белого Движения не скрывали своих антипатий по отношению к новым русским генералам, вышедшим из рядов Красной армии.

Нельзя винить Кромиади за неудачу его усилий примирить генерала Краснова, главного авторитета для казаков за границей, с генералом Власовым: противоречия были слишком велики.

Но Кромиади преуспел как посредник в русской Православной церкви в Германии. Он убедил обоих митрополитов: Анастасия, главу Синода Православной Зарубежной церкви, и Серафима, главу Православной церкви в Германии, поддержать Освободительное движение. Эти духовные лица посетили штаб генерала Власова в Берлине — Далеме.

Также с помощью Кромиади знаменитые казачьи генералы, герои Гражданской войны Абрамов и Балабин, нашли пути и присоединились к Власовскому движению, став членами КОНРа (Комитета Освобождения Народов России). Это было значительным успехом, так как соответствующие немецкие учреждения предвидели политическое дробление России и рассматривали казаков как нерусскую народность. Именно поэтому в Восточном Министерстве с самого начала существовало Главное управление казачьими войсками, а в Главном управлении СС, под руководством обергруппенфюрера Бергера — правление по казачьим делам.

Под конец войны Кромиади был тяжело ранен поблизости от Пильзена при американском налете, когда он ехал в поезде, перевозившем семьи чинов власовского штаба из Карлсбада в Ванген. В Фюссене он оправился и расстался с генералом

Власовым, который снабдил его и других лиц полномочиями, дававшими им право вступать в переговоры с союзниками.

Совсем особую роль Кромиади сыграл после капитуляции Германии, когда так называемые советские репатриационные комиссии (при содействии американцев, англичан и вновь созданных немецких учреждений) стали охотиться за участниками Власовского Движения. Кромиади пользовался большим уважением среди своих русских земляков и немецких офицеров.

В числе прямых обязанностей учреждения на Виктория штрассе 10 входила и пропаганда в глубине вражеской территории. У капитана Николая фон Гроте родилась мысль изготовить от 6 до 8 миллионов листовок со «Смоленским воззванием» и сбрасывать их в оккупированных областях Советского Союза, нарушая этим распоряжение Гитлера, который допускал такую пропаганду только в непосредственном тылу за линией фронта. Немецкие ВВС приняли участие в этой связанной с риском операции и доказывали свою невиновность, когда началось следствие по этой «непростительно допущенной ошибке».

Николай фон Гроте, семья которого была близка к императорскому двору, во время Первой мировой войны служил в Ингушском полку так называемой кавалерийской Дикой дивизии. Название «Дикая» объяснялось тем, что в ней добровольно служили представители шести воинственных кавказских народностей, которые были освобождены от воинской повинности. Начальником этой дивизии был брат Государя Великий Князь Михаил. Дивизия отличалась строгой дисциплиной, но вместе с тем и семейной простотой в обращении. Так, например, рассказывали, что Великий Князь при обходе расположения дивизии обратил внимание на группу яростно жестикулировавших всадников. На вопрос в чем тут дело он получил ответ: «Погоди! Мы сами еще не разобрались о чем спор…»

Как прибалт капитан фон Гроте принадлежал к тем редким немецким офицерам, которые хорошо знали ментальность русских людей и особенно русских солдат и офицеров. Таким образом круг его обязанностей на Виктория штрассе точно соответствовал его познаниям и способностям и благодаря этому по крайней мере некоторая часть пропагандных начинаний оказывалась целесообразной.

В Дабендорфе по большим праздникам совершались также и церковные службы. Большинство солдат посещали их, потому что, как они говорили, им хотелось «посмотреть как выглядит поп».

Многие из них никогда даже не видели священника. Я хочу упомянуть одно из таких торжественных богослужений.

Солнечный весенний день. Поезд пригородной дороги из Берлина на юг переполнен необычными пассажирами. Это главным образом молодые девушки и парни, которых только недавно голодных, грязных, в лохмотьях привезли под строгой охраной в Германию как остарбейтеров. Сегодня у них выходной день, и все они едут сюда, чтобы посетить лагерь русских добровольцев в Дабендорфе. Завтра первый день Пасхи, который в свое время в России праздновался как самый важный из всех праздников. Об этом молодежь знает из рассказов.

В лагере чувствуется праздничное настроение. Бараки и ворота украшены молодой зеленью. Приготовлена праздничная трапеза. Сначала происходит парад добровольцев. Сам генерал Власов прибыл со своей свитой. Учитывая опасность налета начало богослужения переносится вместо обычного времени (в полночь) на ранние вечерние часы. Большинство солдат — некрещеные, так как только редкие родители отваживались тайно крестить своих детей. Большой клубный барак превращен в церковь, установлен временный алтарь. Хор из добровольцев, который уже несколько недель репетировал, переносит нас почти что в старую Россию.

Молодые солдаты один за другим приходят в церковь. Смущение и любопытство написано на их лицах. Большинство из них смотрит на церковную службу как на спектакль. В детстве и в молодости они слышали только насмешки и кощунство над всей духовной жизнью и церковью, им прививали презрение к религии. И несмотря на это, вы чувствуете, что у них простое любопытство сменяется более глубокими чувствами. Некоторые следят за старшими товарищами и, когда те крестятся, неуверенно им подражают, смущенно, без насмешки и даже с полной богобоязнью.

Генерал Власов тоже в церкви. Его высокая фигура выделяется над всеми. Как бывший семинарист он точно знает все песнопения и своим глубоким басом подпевает хору. Священник, еще недавно простой солдат Красной армии и военнопленный, который годами скрывал свой сан, чтобы избежать ссылки в северную тайгу, — сейчас будто вновь родился. В его словах чувствуются великие страдания русского народа и надежда на скорое освобождение тех многих, кто сейчас страдает в бесчисленных тюрьмах, рабочих лагерях и ссылках…

Так началась борьба за душу русского человека, самая значительная и решающая из всех видов борьбы на Востоке. Эта борьба продолжается, хотя уже давно утихли грозные звуки

войны, но исход которой остается неясным.

Много забот и трудностей создавала глубокая разница между духом, который господствовал в Дабендорфе, и жестким, грубым, нечеловеческим отношением к остарбейтерам, особенно к женщинам. Во всяком случае они, и особенно женщины, нашли дорогу в Дабендорф. Зарождались дружба и романтичные увлечения. В Дабендорфе узнали об их тяжелой жизни, особенно о том, что в большинстве случаев у них не было бомбоубежищ, и во время налетов они должны были оставаться в бараках. Само обозначение «ост» воспринималось как унизительное. И постоянно имели место случаи превышения власти в лагерях для остарбейтеров под вечным предлогом, что «русский любит кнут».

Все эти явления ложились грузом на совесть власовских воинов. Им с трудом удавалось примирить свою готовность сражаться на стороне Гитлера с часто показываемым пренебрежением, которое их земляки были вынуждены терпеть со стороны немецких партийных функционеров.

Дабендорф — научный центр

Нельзя не отметить двух эпизодов, доказывавших, что Дабендорф был не только военным, но и научным центром Власовского Движения. Однако этому необходимо предпослать то прискорбное обстоятельство, что еще до начала войны руководство немецкими военными силами не имело ни исследовательского учреждения, ни информационного центра, которые бы изучали марксистское мировоззрение и, особенно, русский коммунизм. Даже после окончания войны, то есть после сокрушительного опыта при вооруженном столкновении с советско-коммунистической Великой Державой, познание философских основ советской системы, было крайне ограничено. Ныне, то есть более чем через 40 лет, это положение радикально изменилось.

Один эпизод хорошо освещает создавшееся тогда положение. При этом до известной степени дело касается своего рода опыта, выполненного по инициативе одного человека. Советник Отдела прессы при Главном штабе военных сил Федор Краузе, личный друг и советник капитана Штрик-Штрикфельдта, постоянно посещал лагерь Дабендорф. Он родился в 1899 году в Санкт-Петербурге и кончил гимназию со Штрикфельдтом. Родители его были германскими подданными. Как все петербургские немцы, Краузе владел русским как своим вторым языком. С молодости он интересовался философией. Благодаря этому, он быстро вступил в общение с Зыковым, главным идеологом Власовского штаба. У

него он ознакомился с марксистско-ленинским учением. Зыков был исключительно способным научным преподавателем. С его помощью ученик, имея раньше весьма смутное представление о коммунистическом мировоззрении, через известное время получил высшее посвящение в эту догму.

В Отделе, руководимом Краузе, служили высоко квалифицированные переводчики разных языков, в равной мере солдаты берлинской роты переводчиков и штатские лица (мужчины и женщины), призванные по военному времени на службу. Среди них была некая Руфь Блехер, талантливая студентка философского факультета Берлинского университета. Она преклонялась перед своим профессором, известным онтологом Николаем Гартманом. Профессор Гартман родился в Риге и хорошо владел русским языком. Студентка Блехер заинтересовалась марксистско-ленинской философией, которой до тех пор не знала, после того, как Краузе посвятил ее в это учение и особенно в последствия, которые оно вызвало в политике и международном праве. Ей удалось убедить профессора Гартмана принять участие в обсуждении этого учения с бывшим советским политкомиссаром Зыковым. Этот диспут состоялся в одном из бараков в лагере Дабендорф. Зыков и его адъютант Ножин при этом фигурировали как подстрекатели. Главным переводчиком был капитан барон фон дер Ропп, который и при обсуждении философской проблемы проявил исключительное знание русского языка. Генерал Власов лично в этом обсуждении не участвовал. Зато почти все генералы, так же как и немецкий и русский обслуживающий персонал Дабендорфского центра, были налицо и следили за обменом мнений с живым интересом. Г-жа Блехер в сопровождении своего учителя приняла деятельное участие в этом не построенном на противоречиях и взаимно полезном обмене мнениями. Она подтвердила инициатору этой дискуссии после визита Гартмана в Дабендорф, что он как создатель знаменитой теории «онтологии слоев» оказался под большим впечатлением не столько от самого учения, а скорее от остроты доводов «адвокатов дьявола» и их методов убеждения. Ему хотелось бы продолжить обсуждение. Но этому помешали события 20 июля 1944 года. К тому же профессор Гартман покинул Берлин.

Возможно, что это собеседование способствовало зарождению интереса к изучению марксизма-ленинизма, к сожалению слишком поздно себя проявившему. Федор Краузе получил указание явиться в Специальный штаб СС на Фербелинер Плац. Там Эрхард Крёгер сообщил ему следующее: «В ваше распоряжение поступает профессор Иванов. Вы получаете

исчерпывающую библиотеку и будете помещены в замке в Тюрингии для того, чтобы немедленно предпринять изыскания для борьбы с марксизмом-ленинизмом».

Эта встреча состоялась как раз на переломе 1944 и 45-го годов, когда Русское Освободительное Движение стало действительностью, а падение германского Рейха было не за горами.

Как второй достойный внимания эпизод я хотел бы упомянуть о разговорах с «мыслителем» Эйблем. Профессор Ханс Эйбль родился в австрийской Силезии в г. Билиц. В словаре того времени он упоминался под именем «мыслителя», которое он заслужил в истории философии своими трудами об учении Августина и Патристике. Он жил в Таборе в Чехословакии и разработал большую теорию, так называемую Большую Хартию Евразии. Эта теория покоилась на духовном единстве в пространстве от Испании до азиатских пределов. По времени эта теория была созвучна с усилиями Русского Освободительного Движения — сформулировать новую государственную идею, которая обязательно должна была включать все покоренные народы Европы.

Профессор Эйбль прочитал манифест Власова и после этого постарался встретиться с ним. Клаус Боррис, работавший в Отделе общего планирования Военного министерства, снесся по этому поводу с генералом Власовым: для этой встречи Эйбль был готов приехать в Берлин. Боррис информировал меня об этом словами: «Это очень интересное дело, но оно должно оставаться в тайне».

Эйбль приехал с несколькими господами на двух машинах. Генерал Власов и я сели в один из автомобилей и поехали вместе с Эйблем в Езериг, имение, расположенное в Бранденбурге на реке Хавель и принадлежавшее прибалту Сильвио Брёдериху, специалисту по вопросам переселения. Последний поддерживал нашу деятельность.

Беседа генерала Власова и профессора Эйбля продолжалась не менее двух с половиной часов. Я, не будучи философом, был вынужден переводить ее, что далось мне весьма нелегко. Власов же философски был хорошо подготовлен и на нужной научной высоте для такого собеседования. Благодаря изучению марксистской философии, русские научились понимать и другие философские системы.

Профессор Эйбль, ссылаясь на «Пакс Романа», «Пакс Британика» и «Пакс Австрия», доложил нам о своей «Пакс Евразия». Он особенно убедительно объяснял значение «Пакс Романа» при императоре Августе. Власов был одушевлен тем, как

римляне обходились с другими народами, формировали из них легионы и с умом использовали их. Конечно, в наше время использовать такие примеры было бы равносильно измене. Ведь тогда были в силе тезисы, выдвинутые Розенбергом, и претензии на абсолютную власть во внешней политике.

Теория профессора Эйбля доказывала, что народы живут в тесном семейном союзе, в котором установлен твердый порядок для каждого народа в отношении к соседней стране, с которой в течение столетий установлен духовный и кровный обмен. Всякое вмешательство в этот порядок, всякое переселение народностей является преступлением по отношению, к этому живому организму.

Припоминаю также и еще об одной теории Эйбля, доказывающей, что материализм и идеализм являются волнами, сменяющими друг друга. В наше время мы находились на самой глубине волны материализма. Скоро должна наступить очередь идеалистической волны, и Эйбль считал Пражский манифест Власовского Движения своего рода «первой ласточкой». Он сказал генералу, что его Манифест содержит ряд важных положений, которые указывают на начало нового подъема, и что Власов является одним из инициаторов этого подъема.

В общем, состоялось два таких собеседования, касавшихся философии, которые не были преданы гласности. Власов же сам был под их сильным впечатлением. Эти встречи были для него ободряющими, потому что они убеждали его в том, что его задание и его планы неожиданно встречали признание и поддержку среди людей, о которых он ничего до тех пор не слышал.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

В ожидании на Кибитц Вег номер 9

Уже летом 1943 года генерал Власов мог поселиться в достойном его помещении в Берлине-Далеме. Штрикфельдту удалось добиться предоставления Власову пустовавшей виллы на Кибитц Вег № 9. Эта вилла соответствовала дому чиновника. Узкий палисадник отделял ее от улицы, а с задней стороны имелся участок размером в тысячу квадратных метров. В первом этаже было две комнаты, одну из которых с видом на сад превратили в рабочий кабинет генерала, а вторую, выходившую на улицу, скромно меблировали как гостиную и столовую. На втором этаже были три спальни для генерала Власова, его заместителя генерала Малышкина и для адъютантов обоих генералов. Погреб был отделан. В нем была кухня и помещения для денщиков генералов, повара и трех студентов-рижан, о которых я скажу позже.

Все мы получали продовольственные карточки и пропитание из полевой кухни в Дабендорфе. Организованная служба курьеров доставляла продовольствие, которое приготовлялось поваром на Кибитц Вег. Генералы получали месячное жалование по военной табели — по 70 рейхсмарок, а остальные офицеры — по 30 марок. Жизненные условия были, конечно, скромными, но ценились из-за относительной свободы и, особенно, полной взаимного доверия атмосферы, царившей в доме. Любовь офицеров и солдат к Власову находила полное выражение и в этой небольшой вилле. Каждый добросовестно исполнял свои обязанности.

Обширное поступление почты требовало организации личной канцелярии и собственного почтового номера. Первым начальником канцелярии был майор Михаил Алексеевич Калугин, который присоединился к Власову из состава Боевого Союза русских националистов из Бреславля. В 1943 году его заменил как шеф личной канцелярии генерала полковник Константин Григорьевич Кромиади, Калугин же стал комендантом Главной Квартиры.

После войны Калугин переехал в Англию, женился там на англичанке, которая после его смерти эмигрировала в Соединенные Штаты.

В середине 1943 года из Риги прибыл Димитрий Александрович Левицкий, который стал первым сотрудником канцелярии, а моя хорошая знакомая госпожа Антонина Фрейберг

была первой машинисткой. Мы в свое время учились с ней в одной гимназии. На обязанности г-жи Фрейберг, в первую очередь, лежала регистрация ежедневно поступавших заявлений о добровольном поступлении во Власовскую армию. Они приходили от военнопленных и от так называемых остарбейтеров. После того, как был создан КОНР, число таких заявлений доходило до 3000 в день.

После преодоления многочисленных бюрократических трудностей соответствующие немецкие учреждения, наконец, одобрили официальный бланк «Канцелярия генерал-лейтенанта А. А. Власова». Факт, что пленный советский генерал мог иметь бланки с упоминанием его имени и названием канцелярии, был для многих немцев необычен и непонятен. Тогда, конечно, нельзя было толковать, что это была одна из мер, знаменовавших начало большого начинания.

Дневной распорядок был неравномерен. Утром генерал Власов чаще всего гулял по саду. Потом слушал доклады и сидел перед военными картами. Ежедневная сводка Ставки сразу же переводилась на русский язык. Кроме того, слушались иностранные, бывшие под строжайшим запретом, передачи. В общем, обычный порядок дня усложнялся обильными возлияниями в любое время, но особенно по вечерам при игре в преферанс, одной из самых популярных карточных игр в России, похожей на бридж. Когда я не хотел пить, Власов каждый раз говорил: «Как ты больше не хочешь! Ты обязан пить за наше дело…»

Атмосфера в доме была своего рода смесью конспирации, домашнего уюта и ожидания. Власов все время ожидал, что что-то должно произойти. Но ничего не происходило.

С Власовым можно было говорить довольно откровенно. Я считал откровенность единственным правильным путем. Его нужно было посвятить в нашу борьбу за его дело. Ведь она состояла в наших неутомимых усилиях добиваться правильного понимания его движения в немецких учреждениях, вербовке новых заслуживающих доверия сторонников и освоении новых опорных пунктов. И Власов должен был знать об этой борьбе. Без этого он давно признал бы себя побежденным. Одной из моих самых трудных задач как раз было удерживать его в этой позиции ожидания, сохраняя его равновесие и духовную гармонию. Мы же постоянно боролись за признание Власова и независимой РОА, в то время как Гитлер одобрял лишь видимость «наших действий», ограничивая ее только пропагандой. А ведь это было обманом и ограничивалось лишь территорией под советской властью и не было применимо ни в Германии, ни в занятых немцами областях.

Мы не скрывали от Власова этого обстоятельства, а наоборот — точно информировали его о всех наших успехах и неудачах.

Все чаще Власов высказывал свои сомнения по поводу поведения немцев. «Я больше не хочу этого, верните меня в лагерь военнопленных! Все это бессмысленно. Немцы меня обманывают», — говорил он.

В этих случаях Штрик-Штрикфельдт, которого я информировал о таких настроениях генерала, был мастером убеждения. У него был дар «поговорить по душам», согласно русской поговорке. Штрикфельдт в совершенстве владел этим искусством, и при этом сам был убежден в правильности Власовского начинания, как в единственном выходе из создавшегося положения… Такие чисто личные отношения Штрикфельдт создавал и с другими русскими генералами, которые к нам присоединялись.

«Рижане» и друзья из Прибалтики

Этот собирательный термин относился к группе сотрудников Власовского штаба, которые прежде всего не были советскими гражданами, а также не были и эмигрантами и являлись членами русского меньшинства, обосновавшегося в Латвии несколько столетий тому назад. Сначала обозначение «рижане» распространялось только на русских, которые происходили из города Риги и служили в штабе Власова. Но потом оно стало применяться ко всем русским из Прибалтики, которые приняли участие во Власовском движении.

Большую часть этих сотрудников мне приходилось выбирать самому, так как мне нужно было иметь при себе людей, которым я мог абсолютно доверять. Особенно в начале моей работы это имело исключительное значение. Среди моих соучеников в Риге у меня было много друзей. К одному из них, Димитрию Александровичу Левицкому, я и обратился прежде всего. Он сразу же взялся за работу, собрал подходящих людей, и объявил им: «Если сейчас Фрёлих просит помощи, мы должны принять в этом участие!» Из друзей сразу откликнулись трое: Левицкий, Лев Рар и Конради-Кондрашев. Для них на нашей вилле в погребе устроили спальню.

Помимо этих трех товарищей по школе, можно было привлечь также и членов трех русских групп бойскаутов, входивших в состав латвийских разведчиков или бойскаутов. Поскольку я тоже был бойскаутом, я их почти всех знал. В случаях, когда кто-либо был лично мне неизвестен, для меня не представляло труда получить о нем исчерпывающую

информацию.

При дальнейшем выборе оказал мне поддержку уже упомянутый мною заведующий Отделом политики в Генеральном комиссариате Латвии др. Вернер Капп. Он часто был в состоянии путем призыва или по служебной линии направлять нужных людей из Прибалтики в Берлин. Такие лица, предназначенные для службы во Власовском штабе, на время их пребывания в Берлине получали зарплату в полном объеме от своих прежних работодателей. О первых трех сотрудниках личной канцелярии Власова я уже упомянул. Со временем, когда учреждения КОНРа стали развиваться, ряд «рижан» стал служащими разных отделов Главного организационного управления: профессор Иван Давыдович Гримм, будущий начальник Юридического отдела, тоже причислялся к «рижанам», потому что он в довоенные годы проживал в Риге, хотя и был рожден в Петербурге; архитектор Николай Николаевич Рышков; адвокат Анатолий П. Никаноров стали сотрудниками Секретариата, причем последний стал юрисконсультом. Адвокат Николай Кавас был начальником Административно-хозяйственного отдела. Первая секретарша Антонина Фрейберг тоже принадлежала к «рижанам». (Никаноров и его жена погибли при американском налете в поезде, который со служащими власовских учреждений шел из Карлсбада в Фюссен.)

Ввиду расширения Власовского штаба в Далеме возникла необходимость назначить заведующего складом. Я вызвал из Риги барона Виктора Розенберга, того же выпуска из гимназии, как и Д. А. Левицкий. Я знал его по нашей деятельности в бойскаутах. Именно на этой должности была особенно важна неподкупная порядочность. Генерала Власова веселила фамилия этого человека и он любил шутить, когда с улыбкой сообщал своим немецким гостям, что он имеет в своем штабе своего «собственного Розенберга»…

Мое доверие к этим людям было велико и вполне оправдано: никто из них меня не разочаровал. Большим их преимуществом было то, что все они в равной степени владели немецким и русским языками. Когда, при основании государства (18 ноября 1918 г.) в Латвии была введена общая воинская повинность, наши «рижане» все прошли военную подготовку и большинство из них были унтер-офицерами, а Конради-Кондрашев даже окончил офицерскую школу. Этот воинский опыт был хорошей предпосылкой для выполнения задач, которые ожидали их на Кибитц Вег 9.

В конце 1944 года, когда немецкие войска отступали из прибалтийских стран, число «рижан» значительно возросло, так

как многие из них покинули родину, направляясь на Запад. Для генерала Власова эта группа «рижан» поначалу представляла собой некоторую неожиданность, хотя именно члены этой группы встречали его с восторгом при его объезде Восточного фронта и во время его пребывания в Риге. После первоначального недоверия, однако, генерал признал эту группу и стал ее ценить из-за абсолютной преданности и умения в обращении как с немцами, так и с советскими русскими. После войны рижане разъехались по всему свету.

Штаб получает оружие

Оберегая Власова, я считал моей первой задачей принять меры по созданию его личной безопасности. Приходилось считаться с возможностями покушения или нападения, как и разных террористических актов с советской стороны. Исходя из этого, я считал необходимым вооружить всех проживающих на вилле в Далеме. С помощью др. Вернера Каппа я мог раздобыть оружие. В тайные обязанности Каппа входила организация антибольшивистских отрядов. Вооружать их надо было из захваченного трофейного советского оружия. Эти отряды должны были после предполагаемого отхода немецких войск из Прибалтики организовать сопротивление Красной армии. Оружие, которым они располагали, состояло из больших барабанных револьверов типа «Наган», из русских автоматов и стержневых ручных гранат.

Летом 1943 года охрана Власова получила автомат, который Ханс Клейнерт, лично симпатизировавший Русскому Освободительному Движению, сумел извлечь из арсенала СД в Берлине. До этого единственным оружием у нас был револьвер, который днем хранился в маленьком противопожарном стенном сейфе, а ночью выдавался откомандированному из Дабендорфа и несущему стражу офицеру. Когда я первый раз открыл этот сейф, я нашел рядом с револьвером пропагандную листовку «Унтерменш», которая, основываясь на примитивных инстинктах, распространяла расовую теорию Гиммлера. Эту листовку я, конечно, немедленно уничтожил.

Все члены Власовского штаба подготовлялись к вооруженному сопротивлению при помощи дневных и ночных тревог. Мое предписание гласило: ночью все двери на вилле должны оставаться открытыми, а заряженные револьверы или пистолеты — лежать под рукой у постели каждого, будь он повар, денщик или офицер. Время от времени мы устраивали пробную тревогу. Было выработано два плана самозащиты, один дневной,

другой — ночной. Обучение велось беспрерывно.

Ночью оборона предвидела следующее. Наружная защита была поручена двум русским часовым, из которых каждый был вооружен автоматом и по тревоге должен был занять соответствующую позицию: одну перед, а другую позади дома. Часовой в саду должен был занять позицию при бомбоубежище, которое имело вход и выход. Другой часовой должен был со стороны улицы занять небольшой индивидуальный бункер. Эти же позиции надо было занимать и при воздушных налетах.

Внутренняя охрана сначала состояла из трех бывших рижских студентов, которым я мог слепо доверять. Они являлись также и личными охранниками генерала Власова и в штатском сопровождали его на прогулках. От немецкой охраны Власов отказывался. В задачу этих трех рижан в случае нападения входила оборона помещений канцелярии и гостиной, находившихся в нижнем этаже. Они должны были оборонять главный вход в виллу. Повара и денщики, которые спали в подвале, должны были защищать его. На двух адъютантов и полковника Кромиади, который часто ночевал в Далеме, возлагалась защита подступов к спальням генералов Власова и Малышкина, что представляло последний рубеж обороны. Для этого они должны были занимать промежуточную площадку на лестнице. Само собой разумеется, что и оба генерала были вооружены. В серьезных случаях общее командование возлагалось на меня.

Дневной план обороны состоял в следующем: часовой со стороны улицы не имел права покинуть свой пост при главном входе. Часовой в саду должен был в случае нападения поддержать его огнем. Повара тоже должны были поддержать его, стреляя из кухонного окна в подвале. Их готовое к стрельбе оружие должно было лежать на полке за занавеской. Оборона нижнего этажа возлагалась на служащих канцелярии, на возможных гостей, адъютантов и денщиков. Последним возможным действием могло быть отступление в бомбоубежище. Защитники дома делились на три группы, к которым принадлежали и упомянутые русские студенты, повара и денщики, а позже и водитель машины. Они были выбраны из немецких лагерей военнопленных для службы в РОА, все простые солдаты, в мирное время — колхозники или рабочие.

Доверие, оказанное эти людям, которое подтверждалось выдачей им оружия, было для них колоссальным личным переживанием и создавало у них сознание своей громадной ответственности. Это доверие, подкрепляемое умением генерала Власова поговорить с русскими людьми и привлечь их на свою

сторону, убеждало нас в том, что они были надежной составной частью нашей защиты.

Генерал Власов вел себя всегда так, как будто он смотрел на эту «игру в индейцев» с комической стороны, особенно когда при ночных пробных тревогах его офицеры в одном нижнем белье — директива не давала времени на одевание — спешили мимо него с револьверами в руках по неосвещенным комнатам к назначенным им постам. Мне кажется, однако, что в глубине души он одобрял эти мероприятия, он хорошо знал, на что способны «наши друзья». Я же следовал во всем старой русской поговорке, что «береженого и Бог бережет».

К числу оборонительных мероприятий принадлежало также и сооружение уже упомянутого бункера в саду. Я получил от городского управления разрешение на его постройку и нужный строительный материал, добываемый из окружающих нас руин. При проектировании подвального бомбоубежища мне помогли советы молодого инженера Смирнова, который проходил в Дабендорфе один из курсов и прибыл туда из лагеря военнопленных. Он был командирован в Далем именно для постройки бомбоубежища. Кроме того, я мог мобилизовать 25 рабочих и получил две конные подводы. Размеры убежища по проекту были в ширину только 1 метр 20 сантиметров, а в длину 12 или 14 метров, и оно загибалось углом. Тут могло поместиться не менее 30–40 человек, и в нем было два выхода с обоих концов. Правда, убежище это было узковато, но это обеспечивало его сохранность.

Спуск в убежище мы выложили бетонными ступенями, которые извлекали из развалин. Покрытие самого узкого убежища состояло из бревен квадратного сечения, которые были скреплены друг с другом железными скобами. Их укладывали над узкой траншеей так, что они с двух сторон выдавались по крайней мере на метр. На них был насыпан слой земли толщиной в полтора метра, а сверху были положены бетонные плиты и железные балки. Эти балки мы выламывали из руин и клали их вдоль и поперек над убежищем. Эти тяжелые строительные части мы обычно перевозили на наших подводах, но на месте постройки мы были вынуждены обращаться за помощью и к служащим канцелярии с тем, чтобы вручную перетаскивать эти тяжелые стропила. Между бетонными плитами и железными балками мы укладывали железную сеть и камни мостовой, которые доставали из склада, и все вместе закрепляли цементом. Наконец, последний слой опять состоял из земли, насыпанной на полтора метра. Наш расчет состоял в том, что бомба, пробивающая этот земляной покров, взорвется уже в этом слое, а нижний слой

земли и перекрытие из деревянных балок окажет пружинящее сопротивление удару.

Внутреннее помещение бомбоубежища было снабжено фосфоресцирующими полосами, указывающими направление. Оба выхода были задуманы как оборонные пункты. Нужно было предвидеть любой вариант нападения. Налицо была возможность, что на нас нападет специальный отряд коммандо во время воздушной тревоги. Поэтому на другом выходе был установлен защитный поворотный колпак с амбразурами для стрельбы по кругу в 360 градусов. Во время налетов это был пост часового, который обычно дежурил а саду.

Для часового перед домом мы построили маленький бункер на одного человека. В нем также была амбразура для стрельбы по полному кругу. Мы его установили на другой стороне улицы. Эта опорная точка, благодаря своей конструкции, была хорошо замаскирована, и прохожие ее не замечали. Наличие этого бункера должно было оставаться в тайне. Возможные атакующие ничего не должны были знать о нем.

Наличие этих двух бункеров вызывало у Власова чувство гордости. Во время постройки я думал, что с такими бомбоубежищами мне не надо было страшиться за судьбу моих детей. Я не мог предвидеть, что в будущем это убежище действительно защитит их от бомб. После войны вилла в Далеме осталась стоять, и пришлось потратить много труда, чтобы выбрать из грунта это бомбоубежище.

Поскольку мы должны были учитывать возможность больших пожаров — Берлин все время подвергался бомбардировкам — мы постоянно упражнялись в пробном тушении, используя водяные шланги и насосы. В случаях, когда горели дома по соседству, наша команда приходила на помощь, а если тушение становилось безнадежным, мы помогали выносить вещи. В таких случаях генерал Власов тоже сам принимал участие в работах.

Советские агенты на Кибитц Вег

К мерам предосторожности принадлежал контроль при входе на виллу. Однако случалось, что Власов, смотря в окно, отдавал приказ «Впустить» или, находясь в саду, сам открывал дверь. При этом, конечно, всякий контроль становился бесцельным. Именно так могло случиться, что однажды попытка покушения чуть не привела к успеху.

Уголовник, некий Пастернак, присужденный к смерти в Советском Союзе за разбой, принял заказ убить Власова. За это ему обещали помилование. Этого человека в Советском Союзе

соответствующе подготовили пропагандой. Там ему говорили, что Власов изменил своему народу и за деньги и роскошную жизнь продался врагам родины, немцам. Он якобы живет в полном довольствии, любит шампанское и податливых девиц.

Этот Пастернак (фамилия довольно распространенная в России) стоял в один прекрасный день перед дверью нашей виллы и позвонил. Власов сам ему открыл.

— Что вам угодно? — спросил генерал.

— Я хотел бы познакомиться с генералом Власовым!

Без всякой проверки Пастернака пригласили войти. Оба сели у стола друг против друга.

— Ну, теперь мы можем побеседовать, — сказал Власов, очевидно радуясь возможности такой беседой развеять все время мучившую его скуку.

Почему Пастернак в этот момент не вытянул револьвер, который он всегда носил в кармане, мы узнаем из его собственного признания. Помимо покушения на убийство Власова, Пастернаку были поручены и другие задачи такого же рода. В конце концов он попался. При одном допросе немецкой контрразведкой Пастернак рассказал про свои задания, а также о своей встрече с Власовым. Согласно тому, что ему было сообщено, он хотел убедиться в роскошной жизни Власова, а на самом деле вот как это выглядело.

Как рассказывал Пастернак, Власов достал коробку из-под сигар, в которой лежали немецкие сигары и махорка. Ножницами он разрезал сигары на маленькие кусочки, смешал их с махоркой, скрутил, себе папиросу и предложил гостю: «Скрути себе тоже!». В это время вошел денщик с бутылкой водки и с закуской — маленькими бутербродиками. Они состояли из кусочков соленых огурцов, томатов и двух кусочков хлеба.

После дружественного и откровенного разговора, в котором генерал сообщил своему гостю о своих политических взглядах и развил свои планы на будущее, советский агент был приглашен к обеду. И обед удивил его своей простотой. Он состоял из жидкого супа с капустой и жареной картошки с салатом. Это было все.

Тут Пастернак понял, что его обманули, потому что то, что он видел, совершенно не соответствовало той картине, которую ему о Власове нарисовали в Советском Союзе. Человек, который так жил и так думал, не мог продаться. Хотя и уголовник, который спасал свою жизнь, приняв заказ убить Власова, Пастернак оказался не в состоянии выполнить это задание, и револьвер остался лежать в его кармане.

О Власове узнали. Стали появляться женщины, делая ему разные предложения. Он им редко отказывал. Он был очень

гостеприимен и приглашал всех, кто только ни приходил. Если кто-нибудь встречал его в подземке и заговаривал с ним по-русски, то Власов немедленно приглашал его к себе. Это могли быть остарбейтеры или беженцы. И с эмигрантами он тоже поддерживал оживленную связь. Чаще всего они сами приходили к нему, гораздо реже он посещал их семьи. Он очень страдал от скуки, и все чаще случалось, что он сам открывал дверь в доме на Кибитц Вег или из окна приказывал «впустить», и тогда гостя принимали. Среди гостей побывала на вилле не одна хорошенькая женщина.

Я понимал такого рода настроения. Нет сомнений, что Власов уже тогда сознавал приближение трагического конца и с благодарностью принимал все, что ему еще могла предложить жизнь.

В один прекрасный летний день 1943 года у входа в сад звонит звонок. Там стоит молодая женщина, скорее даже девушка, светлая блондинка с ангельским лицом, большими голубыми глазами, длинными ресницами и наивным затуманенным взором. Генерал, который как раз смотрел в окно, приказывает своим басом: «Впустить!». Девушка входит и заявляет, что она слышала, что здесь живет генерал Власов. Она — остарбейтер и пришла из простого любопытства — познакомиться с таким великим человеком. «Это же настоящий маленький ангел!» — заявляет полковник Кравченко. Как этот «ангел» проявил себя — вы скоро узнаете…

Очень быстро появился слух, что эта Оленька (так себя назвала эта молодая женщина) собирается выйти замуж за адъютанта генерала, капитана Р. Антонова. Насколько это соответствовало истине — осталось тайной. Во всяком случае настоящего венчания не было, но у нее были интимные отношения с Антоновым.

Весьма возможно, что она побывала и в других постелях, так как, несмотря на внешность невинного ангела, она проявляла большую любовную активность. Сразу же она стала завоевывать домашние права, уходила и приходила по своему усмотрению, как будто бы она была одним из домочадцев. Она то разыгрывала роль жены, иногда невесты, но чаще всего была просто подругой генерала, эти роли менялись весьма часто. Ее поведение в доме вызывало мое большое неудовольствие, так как ведь вся ответственность лежала на мне. По всей вероятности, я был также единственным, который не был покорен шармом этой девицы.

Как-то раз настроение в штабе было подавленное. Надежды на признание Власовского движения были слабы. Разрешение на формирование армии, казалось, откладывается на

неопределенное время. В этот день попойка, в которой я не мог не участвовать, началась с раннего утра и продолжалась до позднего вечера. Я устал выше всякой меры и сказал Антонову, что не поеду ночевать в свою меблированную комнату в Берлине, и пошел вниз в комнату дежурного по канцелярии. Там стояли рядом две кровати. Я разделся, лег на одну из них и готов уже был заснуть, как вдруг дверь открылась, зажегся свет, и я увидел Антонова с Оленькой. Антонов сказал: «Уже очень поздно, Оленька не может ехать домой и останется здесь. Ведь вот еще одна кровать тут свободна, она может лечь на неё.» Я был настолько удивлен, что вообще ничего не мог на это сказать. Антонов исчез. Оленька разделась, подошла к свободной кровати и легла под одеяло.

Несмотря на то, что мой разум был еще под влиянием алкоголя, я сразу понял, какое создалось щекотливое положение. Я предполагал, что этот «ангел» должен был меня обворожить. Советчики считали меня оком немецкого руководства в окружении Власова, и им было известно, что на меня возложена ответственность за все происходящее на вилле на Кибитц Вег. Я встал, оделся и сказал Оленьке: «Здесь в двери есть ключ. Когда я выйду, будьте добры — заприте дверь». Потом я пошел наверх в кабинет генерала и одетым лег на диван. Рано утром меня там обнаружил Антонов, который не мог скрыть своего удивления. А Оленька после этого меня безгранично возненавидела, как вы вскоре убедитесь.

Все это не особенно способствовало моему отношению к Власову. Я уже тогда подозревал, что Оленька является агентом, а это в конце войны и подтвердилось. Правда, вероятно она пренебрегала своими заданиями, предпочитая приятную жизнь на Кибитц Вег.

После 1945 года я полулегально проживал в Мюнхене. В поисках комнаты для одного приятеля я обратился к посреднику на Принцрегентен штрассе, у которого были хорошие отношения с Жилищным учреждением. За вознаграждение, которое он, вероятно, делил со своим приятелем в этом учреждении, он успешно посредничал при подыскании квартир и отдельных комнат. Пока я сидел у него на первом этаже, я увидел через окно Оленьку, которую не встречал со времен Берлина. В сопровождении саженного американского солдата она переходила улицу. Это было мне крайне неприятно и я попросил посредника, чтобы он не выдавал моего присутствия в том случае, если женщина с американцем начнет справляться обо мне. Из предосторожности я перешел в другую комнату, откуда я мог слышать все, что происходило дальше.

Раздался звонок. Я услышал в коридоре голоса, и особенно взволнованный женский голос. Это была Оленька.

— Тут у вас Фрёлих? — спрашивала она маклера.

— Нет, я не знаю Фрёлиха, — ответил он.

— Ну, ну! Он же вошел в этот дом!

Маклер:

— Послушайте, в доме 5 этажей и в каждом этаже по три квартиры. Ко мне он не заходил.

— Всё же, — настаивала Оленька, входя в комнату вместе со своим спутником. — Он был здесь. И я должна вам сказать, что он настоящий прохвост. Мы должны его схватить и выдать Си-Ай-Эй.

— Почему же? — спросил ее маклер.

— Ну, как же! — возразила Оленька. — Он — человек из Гестапо. Он шпионил за Власовым и даже украл у генерала золотые часы…

Потом, указывая на своего спутника, она заявила:

— Посмотрите на этого человека. Я хочу выйти за него замуж. Он мне нужен, чтобы попасть в Соединенные Штаты. Ведь без помощи американца это весьма сложно и растягивается на долгий срок. Я выйду за него замуж, чтобы он взял меня с собой, а в Соединенных Штатах он мне больше не будет нужен. И вот что: Фрёлих, вероятно, где-нибудь здесь. Если он придет к вам, задержите его!

Маклер обещал, но спросил:

— Откуда вы все это знаете?

— Да, я все это хорошо знаю, — сказала она. — Я была в штабе Власова и знаю там всех. Я попала туда как советский агент и могла следить за всем.

Через некоторое время они ушли. Я вышел из своего укрытия, усердно поблагодарил маклера, смотря в окно, убедился, что Оленька со своим спутником исчезли, и покинул этот дом.

Прошли месяцы, и я получил сообщение, что Оленька появилась в Соединенных Штатах и работает на Толстовской ферме. Благодаря американцу, который на ней женился, она попала в Америку, куда она была направлена как советский агент. Само собой разумеется, я счел своим долгом положить конец присутствию Оленьки на Толстовской ферме. Ведь и там она, конечно, продолжала свою шпионскую деятельность. Один из моих друзей написал по этому поводу по нужному адресу.

Совсем по-другому нужно рассматривать случай с кухаркой генерала Власова, Марией Игнатьевной Вороновой, которая вместе с ним попала в плен на Волховском фронте. Немцы ее выпустили, когда Власов встретился с генералом Линдеманом.

Затем Воронова исчезла. Власов часто справлялся о ней и хотел иметь ее при себе. У советских генералов бывало много сотрудниц женщин — секретарш, докторов или, как в данном случае, кухарки.

Летом 1944 года, когда я полетел в Ригу, чтобы эвакуировать мою фирму, г-жа Воронова неожиданно появилась в моем кабинете. По ее словам, она случайно узнала, что я нахожусь в Риге. И поскольку она также знает, что я имею отношение к Власову, то высказала пожелание переехать в Берлин. Я выхлопотал ей нужные документы и взял ее под предлогом как служащую своей фирмы на большой пароход «Монте Роза», вывозивший гражданских беженцев из Прибалтики. Сухопутная связь с Германией тогда уже была прервана. Воронова в первый раз ехала в Германию. Во время переезда она лежала в своей каюте и читала криминальные романы.

В Берлине-Далеме встреча была восторженной. Объятия, поцелуи и водка лились во-всю. В первый же вечер Воронова созналась генералу, что была послана партизанами с приказом отравить его. Это признание вызвало новую пьянку, которая продолжалась до раннего утра.

После этого она приступила к своим обязанностям кухарки Власова и взялась за уход за ним. Ей было лет 30 и выглядела она симпатично, была кокетлива, готова к романтическим авантюрам и могла поглощать невероятные порции водки, но между прочим была и хорошей кухаркой. Хотя Власов по старой русской традиции обращался с ней как с прислугой, она могла сильно влиять на него. У нее был верный инстинкт на людей, и генерал совещался с ней при оценке людей и зачастую следовал ее советам. К тому же она его не отравила!

Конец ее был типичным. Когда Власовский штаб переехал в Карлсбад, Воронова осталась в Берлине, завязала дружбу с одним из шоферов штаба, за которого потом вышла замуж и вместе с ним ограбила нашу далемскую и еще несколько соседних вилл. Все украденное они погрузили на машину марки Хорх, работавшую на древесном угле, которую штаб бросил. Они поехали навстречу советскому фронту в твердой уверенности, что в Советском Союзе им ничего не угрожает, поскольку они оба утверждали, что выполняли обязанности агентов. Такого рода наивность, очевидно, была наказана: о них я никогда больше ничего не слышал.

Возможно, что были и другие попытки убрать Власова с дороги. При наличии наших мер предосторожности это было совсем нелегко. На Кибитц Вег его охрану внутри и снаружи дома обеспечивали русские часовые, а при поездках Власова его всегда

сопровождали адъютант и я. В машине он обычно сидел рядом с шофером, а я сидел позади, почти всегда имея револьвер со спущенным предохранителем, так как даже при немецких проверках нельзя было наверняка знать — имеешь ли дело с настоящими полевыми жандармами или под них замаскированными.

И Гестапо удается обвести вокруг пальца

Я, конечно, сознавал, что подвергался опасности из-за своей деятельности в Штабе Власова как со стороны эсэсовцев, так, особенно, и Гестапо, то есть тайной полиции. В таком серьезном случае мои друзья не могли бы меня защитить. Если бы меня обвинили в любом проступке против государства, им было бы крайне трудно встать на мою защиту и не быть обвиненными в соучастии. Все это я должен был обдумать заранее, чтобы организовать свою собственную защиту. Для этого в моем распоряжении было довольно мало возможностей, и мне приходилось строить свою защиту главным образом на блефе. В частности, моя командировка в штаб Власова, нарушавшая все принятые правила, была уже сама по себе большим преимуществом.

Поэтому я развил особую тактику «накопления положительных оценок», стараясь, как правило, внешне казаться мало самостоятельным в своих действиях. Такая игра в маскировку мне удавалась особенно хорошо. У моих русских сотрудников я уже пользовался любовью, так как говорил с ними на их языке. Я старался каждого из них убедить в том, что являюсь только маленькой шестеренкой в большом механизме, и что все ежедневно возникающие проблемы я предпочитаю направлять куда-то на решение. На самом же деле такие решения я почти всегда принимал самостоятельно и только в редких случаях передавал их дальше, однако с уже принятым мною решением. И, поскольку я пользовался полным доверием ответственных за Власовское Движение чинов Вермахта — Штрикфельдта и фон Гроте, — то мои предложения всегда одобрялись.

Помимо этого, я старался ввести Гестапо в заблуждение везде, где это было возможно. Я должен был считаться с тем, что мои телефонные разговоры подслушиваются и подвергаются анализу, а поэтому в своих торговых разговорах, касающихся моей фирмы, я по возможности называл как можно больше разных имен. Я рассчитывал на то, что приставленные ко мне следователи займутся выяснением — кем являются названные

мною торговцы и специалисты, и будут отвлечены от слежки за мной. Таким образом я считал, что у этих чрезмерно бдительных органов слежки возникнет подозрение, что названные мною лица или симпатизируют Власову, или организуют заговор против гитлеровского режима. Конечно, на самом, деле ничего подобного не было.

Весьма скоро я убедился, что в служебном телефонном аппарате в моей комнате был вмонтирован микрофон, наличие которого было легко установить. Я накрывал телефон шинелью, и подслушивавшие почти ничего не могли расслышать. Они не могли понять причины и обыкновенно сами начинали вызывать меня, представляясь будто запрашивает Отдел нарушений телефонной связи. Такие вызовы были для меня достаточным доказательством наличия микрофона в моем телефоне.

Прием с шинелью я использовал всегда, когда разговор касался тем, не предназначенных для посторонних ушей. С другой стороны, я сам использовал микрофон, когда выговаривал подготовленные фразы и имена, которые подслушивающие расценивали как подлинную информацию. И таким образом я вводил их в заблуждение.

Помимо этого, я применял следующий обманный маневр. Я знал, что один из водителей в штабе Власова был агентом Гестапо. Поэтому с ним я ездил чаще всего в учреждение СА, находившееся в Берлине. Оно помещалось в здании Государственной канцелярии на Вильгельм штрассе. Здесь я заставлял его ждать меня у подъезда, проходил мимо отдававшего мне честь часового в канцелярию, регистрировался для посещения одного из моих друзей, покидал его после короткого разговора и выходил через другой выход так, чтобы мой шофер не мог меня видеть, а затем ехал дальше на метро и занимался своими делами в городе. Часа через 2–3 я возвращался, входил в Государственную канцелярию через другой вход и выходил к моей машине мимо салютовавшего мне часового. Я садился в машину, зная, что водитель донесет в Гестапо, что я в такой-то день провел в Канцелярии три с половиной часа.

Такого рода «посещения» несомненно способствовали укреплению моей безопасности. Кроме того, я подтверждал мои визиты в Государственную канцелярию, вызывая во время их Власовский штаб по телефону и спрашивал, поступило ли что-либо новое, на всякий случай оставляя и номер телефона Канцелярии, по которому меня можно было вызвать. Эти меры для введения в заблуждение следящих за мной органов были необходимы. Мои многочисленные связи с высшими

ответственными лицами в руководстве СА очень помогали мне. Прибалты, занимавшие такие посты, были лучше, чем другие служащие. Они не были так упрямо последовательны и часто имели свое собственное мнение, что, конечно, не встречало большого одобрения их начальства.

Об этих моих молодых и полезных друзьях я хотел бы сказать несколько слов. Кроме разве Гиргензона, все они были на 5–8 лет моложе меня. Все они были убежденными национал-социалистами, и переход немецкого народа на руководящую роль сначала в Европе, а потом во всем мире казался им совершенно оправданным. Все они были готовы пожертвовать жизнью за такое будущее. Но они не были слепы. Они правильно учитывали весь произвол немецкой администрации на Востоке: это насилие не могло привести ни к чему хорошему. Они говорили с возмущением о рейхс-комиссаре Украины Эрихе Кохе, который рассматривал эту громадную территорию как свою охотничью вотчину и приказал в 24 часа выселить из нее всех крестьян, в результате чего эти крестьяне перебежали к партизанам. Само ведение войны, обращение с военнопленными и многое другое вызывало осуждение у моих друзей. Они верили в Гитлера, и поэтому виновных искали в его окружении. Виновными они считали Бормана и Гиммлера, а также многих немецких генералов, которые не решались возражать Гитлеру.

Эти молодые люди считали, что поддержка Власовского Движения дает возможность повернуть политический штурвал в оккупированных областях в желательном направлении. Они рассматривали мое назначение в штаб Власова как один из шагов в пользу такого рода поползновений к тому, чтобы переменить политику на Востоке. Так создалось положение, при котором пожелания этих национал-социалистов совпадали с намерениями чинов Вермахта, которые требовали поддержки Власовского Движения по совсем другим мотивам.

В какой мере мы могли доверять друг другу — рисует следующее собеседование. Однажды мы сидели в кабинете СА штурмбанфюрера Бориса Алеиса, моего молодого и весьма талантливого спортивного приятеля из Риги, и вели разговор о том, был ли Борман шпионом и в чью пользу. Мы были убеждены, что он, используя занимаемый им пост, наносит вред немецкому делу. Будучи начальником личной канцелярии Гитлера, Борман имел большое влияние на самого вождя. Кроме того, он влиял на выполнение бесчисленных распоряжений и директив. Он самостоятельно редактировал протоколы всех важных совещаний, которые Гитлер проводил в узком кругу своих приближенных. В этих протоколах Борман был полным хозяином и указывал, «куда

поставить последними запятую».

После войны распространилось предположение, что Борман мог быть тем лицом, которое по радио передавало тайные сведения из ставки Главнокомандующего и из частной канцелярии Фюрера британско-советскому шпиону Аллану Александру Футу в Швейцарию. Насколько мне известно, до сих пор ни одно разведывательное учреждение не смогло выяснить, из какого источника такие сведения подбрасывались Футу.

Во время войны Фут находился в Швейцарии. Он являлся приемным пунктом для сведений, поступавших из Германии, и после переработки направлял их в Лондон, так как был коммунистом и действовал как двойной агент, передавая копии своих докладов и в Москву. Его доклады содержали данные о решениях, принятых не больше чем за день или два, и могли быть получены только от человека из непосредственного окружения Гитлера. Все, что обсуждалось в Главной ставке, поступало к Футу уже через день.

Многообещающие проекты и учреждения для лодырей

Много земляков навещало Власова. Приходили к нему также и немцы. Среди них был и полковник Генерального штаба барон Вессель Фрейтаг-Лорингхофен, которого я особенно ценил. Это был балтийский немец, который в совершенстве владел русским и латышским языками. Мы преимущественно пользовались последним при наших телефонных разговорах, наивно предполагая, что при неизбежном подслушивании нас не поймут. Впоследствии, однако, я узнал, что по-латышски произнесенные фразы возбуждали особенное любопытство и внимание, записывались на ленту и потом переводились.

Барон Фрейтаг-Лорингхофен был начальником Отдела II у Канариса. Этот отдел ведал действиями в среде врага. И Власовское Движение до известной степени входило в круг заданий этого отдела. Я несколько раз посещал Фрейтаг-Лорингхофена в его канцелярии на Тирпиц Уфер. При этом наши мысли всегда сводились к выводу, что единственным путем для преодоления советского режима в России является создание Освободительной армии и образование русского правительства в изгнании. В связи с этим мы обсуждали разные возможности использования власовской армии. Так возникло несколько проектов, которые были одобрены Власовым. Они поступали на рассмотрение немецких органов, в том числе и проект «Восстание в Сибири».

Тогда мы предполагали (ныне это подтверждает и

Солженицын в своих книгах), что сидельцы в лагерях принудительного режима в Сибири прямо рассчитывали на возможность восстания при помощи немцев. Такой мятеж вдоль пути снабжения от Владивостока до Москвы, длиной в 6400 километров, мог бы прервать его и выгодно повлиять на исход войны. Фрейтаг-Лорингхофен подал этот план начальству, но натолкнулся на отказ. Основанием отказа было следующее: «Уже раз во время гражданской войны великодержавная национальная русская идея пришла из Сибири. Ее инспирировал адмирал Колчак, Главнокомандующий всеми белыми армиями. Повторение этого не соответствует нашим интересам…»

Было ли это примером ограниченности ума Гитлера или решением, подсказанным советскими агентами, которые пребывали в окружении Гитлера и, пользуясь его слабостями, создавали такие волшебные и «гениальные» (а на самом деле самоубийственные) решения вождя.

Однако мы не унывали. Наш следующий проект назывался «Штурм Кронштадта». Крепость Кронштадт, которая благодаря своей тяжелой артиллерии, господствовала, на подступах к Ленинграду и препятствовала занятию столицы, должна была быть захвачена власовскими солдатами штурмом по льду. Это бы стало первым, еще ограниченным заданием для Власовской армии. Но и этот проект был отклонен.

Третий проект предусматривал «восстание в Туркестане» в Средней Азии, с помощью басмачей. Басмачами назывались богатые крестьяне и скотоводы во время их мятежа против колхозов, поддержанные большим числом последователей. Их опорные пункты были расположены в далеких степях и в горах. Советчики их немилосердно преследовали. К осуществлению этого проекта мы могли подойти вплотную благодаря счастливому случаю. Одному моему знакомому удалось при подготовке и выполнении разных операций командо в тылу советского фронта установить связь с группой военнопленных туркестанцев. В этой группе был брат одного из вождей басмачей. Возобновление восстания басмачей могло бы прервать путь снабжения, идущий из Персии. Советское командование снабжалось союзниками тремя путями: через Персию в Среднюю Азию, через Владивосток и по морю в Архангельск и Мурманск. В советской Средней Азии с помощью туркестанцев были найдены три ущелья. Специальные части должны были, опираясь на басмачей, захватить и удерживать эти позиции. Это привело бы к тому, что громадный район в Средней Азии оказался бы целиком отрезанным от всего мира до будущей весны. После таяния снега организованные и вооруженные немцами басмачи должны были,

согласно нашему плану, позаботиться о том, чтобы этот путь снабжения был и дальше прерван. И эта операция, для начала которой нам нужно было не более двадцати человек и три самолета, была отклонена. К этому времени в спокойном тылу уже существовали учреждения, которые теоретически занимались такого рода проектами. Совершенно понятно, что они были против нашего плана, так как его выполнение означало бы конец их мирной тыловой жизни.

«Основательность» и многообразие этих чисто теоретических приготовлений восстания заходили так далеко, что была даже создана группа, которая получила «всерешающий» военный приказ собирать и изучать туркестанский народный эпос. Внешне эти люди производили впечатление, что они действительно заняты серьезным делом. Это все были пленные туркестанцы. Они были одеты в немецкую боевую форму, приведены к присяге своему вождю, вооружены автоматами и в Риге создавали впечатление на все готовых командо. Многие такого рода ловчили, искали и находили в таких частях убежище и возможность отделаться от посылки на фронт.

Идеологическим главой этой группы был сделан рижский житель, мулла, пекарь по профессии. Все шло по установленному порядку, им удалось даже собрать несколько народных сказок (я сам. их читал!). Затруднения начинались только при появлении комиссий из Берлина, которые должны были проверять деятельность этих людей. Но такие затруднения удавалось устранять с помощью усиленных попоек, причем помогали также и съестные припасы и напитки, которые подносились членам, этих комиссий.

Но упомянутый мулла, кроме своего родного языка, владел только русским и латышским, и с ним нельзя было беседовать непосредственно, это было на пользу ему лично и учреждению по собиранию сказок. Облаченный в свои религиозные одеяния, мулла обращался к комиссии с политическими высокопарными и весьма наивными призывами, в которых он особенно выделял свое личное преклонение перед Гитлером и заверял о своем сотрудничестве в деле привлечения мусульманского мира к национал-социализму. Переводчик (тоже один из собирателей сказок) старался свести эти речи к более скромным размерам, и под конец все расставались, достигнув полного соглашения.

К проектам, которые обсуждались при свиданиях с Фрейтаг-Лорингхофеном, относился план, который, собственно, был вызван инициативой самого Власова, предлагавшего проверить боеспособность своей армии в Северной Африке.

Доводы Власова сводились к следующему: «Вы, немцы, мне не

верите и не хотите доверить мне участок фронта на Востоке. Вы боитесь, что я с моей армией перейду к Сталину и этим открою фронт. Вы не хотите также одобрить штурм Кронштадта или поручить мне организовать восстание в Сибири. Тогда попробуйте испытать нас на каком-нибудь другом фронте. Я не возражал бы, если бы боеспособность моей армии была проверена на фронте в Африке. Это было бы своего рода проверочным испытанием с тем, чтобы после найти нам применение на Восточном фронте, на котором мы в сущности должны действовать и где мы можем сыграть решающую роль.»

Но и это предложение было отклонено Гитлером, сказавшим: «Для чего, собственно, нужны нам эти люди из трясины!». Преодолеть недоверие к Власову и его армии, существующей лишь на бумаге, было совершенно невозможно. Как можно было убедить немецкое руководство в том, что переход солдат РОА на советскую сторону при их операциях на Восточном фронте весьма мало вероятен! В плен может сдаться немецкий солдат, но не власовский, потому что он твердо знает, что на родине его ждет мучительная смерть в одном из каторжных лагерей…

Так сводились на нет все общими силами задуманные и через барона Фрейтаг-Лорингхофена передаваемые немецким учреждениям проекты, хотя они и могли привести к одобрению нашей конечной цели, то есть к созданию антисоветской русской освободительной армии и к образованию правительства в изгнании в союзе с Германией. Но Гитлер и Розенберг, глава восточного министерства, преследовали другие цели: Гитлер мечтал положить конец русской культуре. Русские должны были составлять деревенское население, в лучшем случае уметь читать, писать и считать до 500. Немцы же должны были жить в укрепленных поместьях или городках и господствовать над «унтерменшами». Согласно этим планам, каждому такому городу отводилась роль укрепленного немецкого пункта среди славянского моря, с казармами, школами, театрами и жилыми домами. Время от времени немецкие хозяева могли выезжать в бронированных машинах, чтобы контролировать — как работают славянские рабы.

В более крупных городах уже были созданы штабы, в которых призванные на обязательную службу инженеры и техники разрабатывали планы перестройки городов в опорные пункты будущего. Назначения в такого рода учреждения высоко ценились, так как лучшей брони против посылки на фронт нельзя было и придумать. Конечно, применение на фронте русских боевых частей было в резком противоречии с такими утопическими замыслами. Всякое сомнение в возможности

военного завоевания России немцами считалось проявлением пораженчества и подлежало наказанию.

Барон Весеель Фрейтаг-Лорингхофен принимал участие в заговоре 20 июля 1944 года. Когда через несколько дней после неудачного покушения он получил приказ лично явиться к генерал-фельдмаршалу Кейтелю, он не нашел другого выхода, как застрелиться.

Другим важным немецким гостем в нашем штабе был обергруппенфюрер войск СС — Карл Вольф. Однажды на Кибитц Вег 9 к нашему дому подошли две легковые машины, из одной из них вышел Вольф. Я вышел на улицу и обратил внимание на то, что русский часовой у подъезда нашей виллы в большом волнении дрожащими руками ухватился за свой автомат. Очевидно, почувствовал, что здесь может что-то случиться. Гость выразил желание побеседовать с генералом Власовым.

Я ему ответил:

— Обергруппенфюрер, мне очень жаль, но я не могу вас впустить.

— Как это?

— Я имею строжайший приказ впускать только тех лиц, о приезде которых меня лично по телефону предупреждает мой начальник оберфюрер СС Эрхард Крёгер. Я не имею права подчиниться даже письменному приказу!

Всё это было слегка преувеличено, но соответствовало моему твердому намерению не впускать этого человека. Вольф задал мне еще несколько вопросов, на которые я охотно отвечал в то время, как мы ходили вдоль дома. Тем временем сопровождавшие его тоже вышли из машин и в ожидании смотрели на нас. В конце концов генерал попрощался со мной, сказав:

— Хауптштурмфюрер, поздравляю вас с примерным выполнением служебных предписаний!

Такая положительная реакция на мое упорное противодействие была для меня неожиданной. Когда я больше узнал о Вольфе, я только пожалел, что не допустил его. Возможно, что его беседа с Власовым могла бы помочь нашему делу. Генерал Вольф впоследствии без разрешения Гитлера был посредником при сдаче немецких войск в Италии, 2 мая 1945 года, и тем спас много тысяч жизней.

В числе посетителей виллы на Кибитц Вег 9 нельзя обойти молчанием советника посольства Густава Хилгера. Летом 1944 года он несколько раз побывал у Власова, я о нем уже много слышал. Когда он в первый раз посетил нас, то произвел на меня глубокое впечатление своей искренностью, ясными формулировками и выдающимся культурным русским языком,

так выгодно отличавшимся от вульгарного языка, свойственного нашему советскому генералитету.

И сам генерал Власов мне потом говорил: «Это прямо граничит с чудом, что в этом испорченном свете, где кажется больше не существуют ни честность, ни мораль, еще встречаются люди как этот немецкий дипломат. Можно только завидовать вам немцам, имеющим таких людей. Я боюсь только, что Хилгер не будет понят и признан вашим руководством. А жаль!»

Собеседования Хилгера с Власовым имели место с глазу на глаз. Он приезжал к Власову по собственному желанию, чтобы снова повидать его. Еще раньше, сразу после того, как Власов был взят в плен, Хилгер допрашивал его. Хилгер придавал Власову и его Движению большое значение и предвидел их решающую роль в будущем Германии и России. Будучи убежденным в этом, он прилагал все усилия к защите Власовского Движения. Нельзя было не оценить его роли в Министерстве иностранных дел, где, с полным основанием, его считали лучше всех информированным знатоком Советского Союза. По всей вероятности, этим можно было объяснить факт, что Министерство иностранных дел первым из всех немецких министерств заняло хотя сдержанную, но в общем благоприятную позицию по отношению к Власову. Среди чиновников высшего и среднего ранга идея Власова приобрела там многих сторонников. Но, к сожалению, их влияние было недостаточно, чтобы преодолеть противодействие Гитлера. Высшее руководство Министерства иностранных дел, во главе с Риббентропом, чувствовало себя целиком связанным основными директивами Гитлера.

Биография Хилгера объясняет нам его положительное отношение к Власову. Он родился в 1886 году в Москве и считал Россию своей второй родиной. До Первой мировой войны он по своим торговым делам много ездил по всей России. К кругу его друзей принадлежали многие образованные русские. В августе 1914 года он, как и многие другие немецкие подданные, был сослан в Вологодскую губернию, будучи без достаточного основания заподозренным в шпионаже.

За четыре года своего пребывания в различных местах ссылки и в тюрьмах Хилгер изучил скрытые темные стороны жизни в России. На практике он убедился в том, что до этого он знал только из книг Толстого и Достоевского. Встречаясь с простыми русским людьми, с которыми он делил одинаковую судьбу, он как сочувствующий им изучил тяжелую жизнь русского народа.

Посещения Власова Хилгером стали одним из главных пунктов обвинения в будущем на процессе в Москве.

Неожиданные союзники

Никогда не знаешь, где можешь встретить друзей. Так я был поражен, когда др. Вернер Капп привел меня к начальнику полиции в Латвии обергруппенфюреру СС Вальтеру Шредеру.

Шредер происходил из ганзейского города Любека, где родился в 1902 г. По специальности он был инженером. В период так называемого «захвата власти» он стал государственным комиссаром полиции, в 1933 году — сенатором и полицмейстером, а позже в 1937 году — президентом полиции в Любеке. Все это привело к тому, что весь город знал, почитал и ценил его. Каждый третий прохожий непременно приветствовал его.

Вскоре после того, как Шредер в 1941 году занял в Риге должность шефа полиции Латвии и получил чин СС, он изучил сложное положение страны. К уже и без того трудным проблемам, которые вызывались составом населения, прибавились еще и тяготы войны, которая несколько раз возникала в этой прибалтийской стране. Шредер умел поддерживать хорошие отношения со всеми национальными группами населения. Используя полностью свой авторитет, он старался помогать везде, где не могли преуспеть другие. Через Каппа он узнал о генерале Власове и о моих обязанностях при нем. Он сразу же усвоил все значение русского освободительного движения, стал его сторонником и поддерживал его всюду, где для этого предоставлялась возможность.

Шредер произвел на меня сильное впечатление прежде всего своей наружностью. Его крепкая квадратная массивная фигура выдавала сильную волю, темперамент и ничем не ограниченную готовность к действиям. В своем маленьком кабинете в его учреждении в Риге он указал мне место у маленького четырехугольного столика, сел против меня, устремил на меня свой взгляд в ожидании и сказал: «Говорите!».

Я начал свой доклад, говоря о русском народе, о советском гнете, о надежде на освобождение после вступления немецких войск, о готовности русских сражаться вместе с немцами и о тех многих разочарованиях, которые были вызваны ошибочной оккупационной политикой немецких учреждений, портящей все дело.

Во время разговора Шредер сидел неподвижно. По его глазам я мог судить о том, что он внимательно и с волнением слушал меня, и я чувствовал, что он понимал меня. После моего доклада он задал мне ряд обстоятельных вопросов, из которых было ясно, что многое в моем докладе было для него не ново и уже его

занимало. Его темперамент и сила воли часто проявлялись: он вскакивал, обегал вокруг стола, возвращался к своему месту и ударял обоими кулаками по столу, восклицая: «Ошибки очевидны… Их легко распознать, знаешь, как их устранить и видишь, что ты бессилен!». Вскоре после этого он со мной простился со словами: «Не будем терять время. Приходите послезавтра в то же время, и мы посмотрим, что можно сделать».

Покидая штаб, я увидел несколько молодых эсэсовских офицеров, которые смотрели на своего «папашу Шредера» — как они его называли — с уважением и почтением.

Когда я через два дня опять пришел к Шредеру, он передал мне конверт: «Это письмо передайте лично обергруппенфюреру Хейнцу Йосту в Берлине. Он вхож к Фюреру, может быть, он может нам помочь».

Вскоре после этого я поехал в Берлин и явился в учреждение Йоста. Я подумал, что Йост был уже предупрежден о моем визите, так как меня сразу провели в его кабинет. После того, как он прочитал письмо Шредера и выслушал мой короткий доклад, он сказал мне: «Ваши мысли интересны и ими стоит заняться. Но прежде я прошу вас пообедать с нами в собрании».

При этом обергруппенфюрер Йост познакомил меня с штандартенфюрером, который ведал этими вопросами и которого я должен был осведомить обо всем. Этот человек был своего рода помесью офицера с чиновником. Он внимательно выслушал мой, на этот раз исчерпывающий, доклад и при этом делал себе пометки. Все время он задавал мне вопросы, которые указывали на то, что мои мысли, однако, не вызывают его согласия.

Передо мной сидел скептически рассуждающий чиновник, холодно все учитывающий, взвешивающий на весах каждое слово. Его вопросы подтверждали известное понимание проблемы, но одновременно и полное равнодушие к моим мыслям, которые я преподносил. В конце концов, после почти двухчасовой беседы он меня отпустил, в общем весьма одобрительно. Но я уже давно почувствовал, что и на этот раз мое выступление натолкнулось на резиновую стенку немецкого предубеждения.

Обергруппенфюрер Шредер позже разочарованно выслушал мой доклад о поездке. После, как я узнал, он предпринял дальнейшие шаги с целью добиться признания Власовского начинания, но опять-таки без успеха.

Шредер умер в Любеке 31 октября 1973 года.

Когда протоиерей Александр Киселев первый раз посетил меня в 1944 г. в моем служебном кабинете в Берлине-Далеме, я не подозревал, какую роль этот человек сыграет в моей дальнейшей жизни. Его внешность, его искренние слова и

особенно его теплый голос так пленили меня, что я сразу был готов все сделать для него.

Через много лет, когда о. Киселев посетил меня в Мюнхене, он мне напомнил о нашей первой встрече: Когда я в первый раз решил пойти в штаб Власова, мне сказали — если вы придете в большую виллу на Тилалле, то там висит доска с именами и номерами комнат. Прежде всего найдите офицера связи капитана Фрёлиха. Он вам покажет путь. — Я появился в вашей комнате. Вы сердечно меня приветствовали и потом взяли с вешалки вашу шинель, покрыли ею телефон и отвели меня в противоположный угол комнаты. Там стояли маленький столик и два стула. Мы сели и тогда вы сказали: «Ну теперь, отец Александр, мы можем с вами свободно разговаривать».

Предложение о. Александра Киселева сводилось в 1944 году к тому, что он все свои силы был готов посвятить великой задаче освобождения и спасения русского народа. Под «спасением» подразумевалось возвращение русского народа к христианской вере. И я горжусь тем, что мог помочь ему в первых шагах в этом направлении.

В следующие месяцы я почти не видел о. Александра, мы оба были полностью заняты своими делами. Постоянный контакт у нас возобновился после того, как все надежды были разбиты, и власовская армия ожидала своей судьбы за колючей проволокой.

Всё время новые проблемы

Юрий Сергеевич Жеребков, один из руководителей русской эмиграции во Франции, который уже очень рано без всяких ограничений признал Власова как, вождя антикоммунистического движения, поддерживал его открыто всеми для того нужными средствами. Он издавал в Париже эмигрантскую газету «Парижский Вестник» и в ряде статей поддерживал в ней власовское движение. Как пример могу упомянуть статью под заглавием «Русское Освободительное Движение и русская эмиграция».

Старые эмигранты времен Гражданской войны, которые покинули родину после Первой мировой войны, высказывались против Власова по разным предубеждениям: из-за того, что он выдвинулся в сталинской армии, а вместе с этим и против его начинания. Именно Жеребков предложил Власову приехать в Париж, чтобы объяснить русским эмигрантам свое мировоззрение и свои цели.

Власов был на это согласен, но, как он правильно опасался, его немецким друзьям не удалось получить одобрение на его

выступление в Париже. Согласно не допускающему толкований решению Гитлера, принятому сравнительно недавно, его личное выступление в Париже было бы сочтено за провокацию и вызвало бы обратные последствия. Поэтому вместо него поехали генерал Малышкин и полковник Боярский. Жеребков создал все необходимые предусловия и даже добился одобрения Пропагандного отдела в штабе военного губернатора Парижа.

Собрание состоялось 24 июля 1943 года в одном из больших помещений Парижа — зале Ваграм, который был переполнен. Вместе с русскими эмигрантами тут были представители дипломатических миссий и международной прессы. Генерал Малышкин обрисовал задания и цели Русского Освободительного Движения и говорил о Единой и Неделимой России. Его речь воодушевила слушателей. Многие из эмигрантов пересмотрели свою оценку Власова и Германии, так как возможность обрести давно потерянную родину, благодаря Русскому Освободительному Движению, увлекла их и вызвала взрыв одобрения.

Однако слова Малышкина о «неделимой России» таили в себе опасность для Власовского движения, так как были в противоречии с официальной позицией немецких учреждений, в задачи которых входило по возможности раздробление России. Само собой разумеется, что среди слушателей в зале находились и агенты СД, которые в спешном порядке донесли в Берлин о словах Малышкина, что в результате вызвало яростное волнение, особенно на Виктория штрассе 10.

Что же надо было делать, чтобы устранить опасность, вызванную речью Малышкина в Париже? Мы обдумывали, как бы его лучшим образом сразу с вокзала привезти на Виктория штрассе для первого разговора… Я предложил, что буду встречать обоих и привезу Малышкина в это учреждение. Поэтому я поехал один на Потсдамский вокзал, узнал обоих офицеров в полной форме РОА, рапортовал генералу Малышкину и объяснил ему мое задание: «У нас есть приблизительно 15 минут, в которые я могу рассказать вам все происходящее». После этого мы поднялись на второй этаж ожидавшего отправки еще пустого автобуса, до отхода которого оставалось еще несколько минут, и я рассказал Малышкину о том возбуждении, которое здесь вызвало его выступление в Париже, и о тех обвинениях, которые выдвигаются против него. Мы пришли к соглашению, что в своем обращении он говорил не о «неделимой» России, а о «нерасщепленной» России. После этого разговор на Виктория штрассе был совсем коротким. Малышкин сообщил, что у него в багаже имеются все записи, и на следующий день он представит

стенограмму своей речи.

Насколько я помню, в собеседовании тогда принимали участие штурмбанфюрер СС Клингенберг и Леп, из Главного Управления СС, капитан Николай фон Гроте, один старший лейтенант и я. Непосредственно после этого мы поехали с Малышкиным в Далем, где он вновь написал свою речь, причем он или пропускал опасные места, или формулировал их мягче. Этот обновленный текст я на следующий день передал на Виктория штрассе, и инцидент был исчерпан.

Но я должен подчеркнуть, что такой конец был возможен только потому, что на Виктория штрассе генерал Малышкин пользовался открыто выраженным благоволением офицеров и обоих штурмбанфюреров. И этим людям было важно по возможности изгладить такой инцидент, иначе все Власовское Движение потерпело бы новый ущерб.

В связи с этим следует упомянуть, что некоторые авторы в своих книгах упоминали о драматичном аресте генерала Малышкина чинами Гестапо. Это не соответствует истине. До ареста не дошло, и дело свелось к ликвидации весьма неприятного случая с помощью друзей с Виктория штрассе и в Главном Управлении СС. Кроме того, я должен заметить, что этот эпизод подробно описан Юрием Сергеевичем Жеребковым в «Парижском Вестнике».[2]

Балдур фон Ширах под глубоким впечатлением

Поездке Власова в начале июля 1943 г. к гаулейтеру и рейхсштатгалтеру Вены Балдуру фон Шираху предшествовало совещание с писателем Эдвином Эрихом Двингером в его поместье «Хедвиг Хоф» в Аллгёй, которое продолжалось 4 дня. Кроме хозяина и генерала Власова, в нем приняли участие капитан Штрик-Штрикфельдт, государственный советник по делам хозяйства Зиболд, который с помощью Двингера стал сторонником Власовского Движения. Главной темой обсуждения было сельское хозяйство в будущей освобожденной от коммунистов России.

Крестьянский сын Власов сделал убедительный доклад, в котором описал свое первоначальное воодушевление Октябрьской революцией, так как одно из ее обещаний гласило: «Земля — крестьянам». Этот лозунг, провозглашенный коммунистами в момент перехода к ним власти и тогда замаскированный объявлением его от имени Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, имел решающее значение. Извечной мечтой каждого русского крестьянина было стать, наконец,

владельцами земли, и теперь казалось, что она была близка к осуществлению. Каждый солдат в форме спешил к себе в деревню, чтобы принять участие в дележе помещичьей земли: нельзя было оставаться на фронте и не участвовать в этом судьбоносном событии. Все поезда в направлении на восток были переполнены солдатами, которые самовольно демобилизовались. Многие имели при себе оружие, так как прошел слух, что оно может понадобиться. Так миллионная армия, состоявшая главным образом из крестьян, за сутки стала небоеспособной. Большие деньги, которые Ленин получил от немецкого Генерального Штаба, чтобы организовать революцию, сыграли свою роль. Они помогли большевикам, которые были за мир с Германией, свергнуть Временное Правительство.

Тем болезненнее было разочарование крестьян, как утверждал Власов, когда выяснилось, что этот лозунг «земля крестьянам» был не больше, как пропагандным трюком. С началом сталинской коллективизации земля была в 1929 году отнята у крестьян и передана во владение колхозам. Это соответствовало придуманной большевиками аграрной реформе. В словесном немецком употреблении мы бы воспользовались термином «коллективное хозяйство». Крестьяне сохранили владение своими избами и на участках размером в одну четверть гектара могли держать одну корову и две овцы или двух свиней и птицу, но были обязаны, как на барщине, работать на полях, которые стали собственностью колхозов. Такая работа вознаграждалась очень слабо, часто это были 200–300 грамм зерна за трудодень. Обманутый крестьянин должен был существовать на то, что собирал со своего усадебного участка, и к тому же еще платить налог готовыми продуктами.

Такое поведение советской власти вызывало в крестьянстве ожесточенное сопротивление. Пассивной оппозицией, террористическими актами и вооруженными восстаниями крестьяне пытались бороться с новым крепостным правом. Доклад Власова был вызван личными его страданиями и непосредственными переживаниями. Он считал аграрную реформу самой важной проблемой России.

Все участники совещания считали Власова выдающейся личностью, призванной сыграть в политическом будущем России решающую роль. В предвидении этого Власов в то время обдумывал будущую аграрную реформу в России и изучал немецкий опыт в этом отношении. Государственный советник по делам сельского хозяйства Зиболд растолковал Власову, как баварские крестьяне в Аллгёй пользуются землей. Он особенно настаивал на том, что крестьянские дворы не делятся

наследниками, а остаются как правило во владении старшего сына владельца.

По вечерам в поместье Двингера велись разговоры о будущем Русского Освободительного Движения. Все были согласны с тем, что только искренность в отношениях между этим Движением и правительством Рейха должна быть обязательной предпосылкой. Все приветствовали факт, что имя Власова первый раз появилось на страницах немецкой прессы, а именно в журнале «Wille und Macht.» Редактором этого журнала, за спиной которого стоял Балдур фон Шнрах, бывший вождь государственной молодежной организации, был писатель Гюнтер Кауфман. В специальном номере не только приводился целиком текст воззвания Власова, но он сопровождался и комментариями. Эта статья обратила на себя внимание, и при разговорах ее стали рассматривать как «первую ласточку». Но Министерство пропаганды подняло тревогу и запретило перепечатывание и ссылки на эту статью в немецкой прессе. И этот запрет строго выполнялся.

Последний вечер на «Хедвиг Хоф» был посвящен анализу общего положения Власовского Движения. Большое значение придавалось тому, что Гюнтеру Кауфману удалось привлечь на сторону Власова рейхсштадтхалтера Вены Балдура фон Шираха. Твердые надежды возлагались на то, что ему удастся переубедить Гитлера, то есть заставить его снова продумать все политическое прошлое и, наконец, дать Власову сигнал «Свободный путь» для выполнения его идей. При личном свидании с Власовым Ширах должен был вынести свое впечатление и получить новые доказательства для разговора с Гитлером.

В тот же вечер читали сценарий фильма, написанный Двингером в сотрудничестве с австрийской писательницей Гертрудой Фуссенеггер. Темой фильма было примирение между немцами и русскими и их сотрудничество. На Власова это произвело большое впечатление, так как описание событий могло относиться к Власовскому движению. Власов выразил Двингеру свое одобрение. Собравшийся кружок решил предложить сценарий Министерству пропаганды. Двингер знал, что Иосиф Геббельс уже понял, что поход на Восток так, как он был начат, не мог привести к победе. Поэтому он определенно стоял за признание Власова, но только не решался вступиться за него, не имея на то разрешения Фюрера.

Как потом выяснилось, Геббельс был согласен с содержанием фильма, но все-таки по описанным соображениям не разрешил его снять. Точно так же и другой сценарий, темой которого была немецко-русская дружба и совместная военная борьба с большевизмом, остался неиспользованным. Автором сценария

этого фильма был писатель Ганс Бауман.

В промежуток между визитом Власова к Двингеру и его путешествием в Вену Двингер составил два доклада, которые появились в его книге «Двенадцать бесед 1933–1945». Первый доклад озаглавлен «Что должно произойти в настоящее время, чтобы свергнуть режим Сталина», а другой — «Великая Россия и новый порядок в Европе».

В первой половине июля супруги Двингер поехали в Вену, остановились в отеле «Империаль» и ждали прибытия Власова, которое было отложено на 4 дня. В последний момент возникли затруднения, природа которых осталась невыясненной. Потом мы узнали, что фельдмаршал Кейтель, который, очевидно, хотел доставить удовольствие лично Балдуру фон Ширахуу, сам взял трубку телефона, чтобы сообщить капитану фон Гроте о разрешении на поездку Власова. Многообещающая поездка могла начаться. Штрикфельдт сопровождал генерала.

Посещение Власовым Вены походило на приезд представителя государства. Почетная рота дивизии «Великая Германия» построилась перед домом Рейхсштадтхалтера. После этого был торжественный обед. В праздновании принимали участие, кроме Власова и Шираха, Двингер и его супруга Валтраут, Штрикфельдт и лидер крестьян в гау Мейерцедт. Последний предоставил Власову автомобиль с шофером, заботился об удобствах гостей и был, кроме того, для Власова очень интересным собеседником во всех вопросах, касавшихся австрийского крестьянства.

Власов и Штрикфельдт жили в той же гостинице, что и Двингеры. Однажды утром госпожа Двингер обнаружила в газетном киоске гостиницы несколько пропагандных листков «Унтерменш». Она тотчас скупила весь запас и просила швейцара их уничтожить. Присутствовавший при этом Власов торжествующе улыбнулся, заявляя: «Унтерменшей нет».

Программа в Вене предусматривала посещение оперы вместе с Ширахом. Давали «Волшебную флейту» Моцарта. Как всегда, и при этом спектакле императорская ложа была заполнена ранеными солдатами. Одним из пунктов программы были также скачки. На Власова большое впечатление произвело посещение придворной испанской школы верховой езды в Лайнце, недалеко от Вены, где полковник Подгайский показал высокую школу липицанеров. Власов сразу понял все исключительное значение этой школы и высказался о том, что она должна быть сохранена, невзирая на все тяжкие времена, а если она перестанет существовать, то ее нельзя будет восстановить.

После осмотра собора Св. Стефана Власов сказал: «Для

переживания религиозных чувств нельзя себе представить лучшего чертога, чем этот собор. Я чувствую себя как бедный раскаивающийся разбойник». Ведь этот персонаж часто повторяется в русском эпосе, все чаще с возрастом начинающий раскаиваться и уходящий в отшельничество…

В Вене Власов встретился также с одним из своих прежних немецких противников, участвовавших в битве за Москву, полковником Егером.

На второй день своего пребывания в Вене Власов посетил с Мейерцедтом крестьянский кооператив. Последовавшие за этим деловой разбор и анализы были посвящены сравнению крестьянского, кооператива и советского колхоза, к большому ущербу для последнего.

Вена со своими роскошными зданиями, город, который Власов сравнивал со старым Петербургом, настраивал его меланхолически. Увидав солдата с ампутированными ногами, Власов заметил: «Этого я вообще не могу видеть. В конце концов и мы несем ответственность за это…»

Балдур фон Ширах в большой мере импонировал Власову. Он показал себя как приятный и внимательный член общества, свободный и непринужденный в своих высказываниях. Ширах не считался фанатиком. Он был сторонником взаимного согласия между народами и был очень восприимчив к взглядам Власова. Собеседование их началось с доклада Власова, которому он предпослал короткую личную биографию и сведения о своей военной карьере. Он подчеркнул свою роль при Чан Кай Ши и упомянул битвы под Киевом, Москвой и на Волхове. При этом он указал, что при советских методах войны человеческая жизнь не играла никакой роли. Затем он дословно сказал: «Я больше никакой не коммунист, я — социалист. Я хочу помочь моему народу создать лучшее будущее, освобождая его от большевистского ига. Однако это нам не удастся без посторонней помощи, как доказывают все восстания, которые были потоплены в морях крови».

Его представления об освобожденной России сводились к следующим мыслям: прекращение всех боевых действий после свержения Сталинского режима; перевод военной промышленности на производство ширпотреба и, в первую очередь, сельскохозяйственных машин; свобода для всех; ликвидация ГПУ; свобода религий; открытие церквей; амнистия для членов партии, которые не совершили преступлений против народа; освобождение всех политических заключенных и ссыльных; роспуск колхозов и совхозов; переход к частному хозяйству; свободные торговля и ремесла; без коммунистов, но и

без капиталистов; присоединение к объединенной Европе.

Сам Власов и его программа заинтересовали Шираха. Он сразу начал действовать и послал доклад Гиммлеру и Герингу, в котором указывал на необходимость признать Власова, и при этом сравнивал Советский Союз и будущее дружеское к Германии правительство Власова с занятыми территориями Франции и правительством маршала Петена в Виши. Насколько было известно, Ширах еще раньше попытался на приеме у Гитлера встать на защиту Власова, но потерпел неудачу, Гитлер тогда вышел из себя и высказал свое негодование в следующих словах (они были мне дословно переданы Двингером): «Тот, кто в таком духе занимается восточными проблемами, наносит мне в этот момент удар в спину, в то время как я работаю, чтобы одержать величайшую победу в мировой истории».

Казалось, что рейхсштадтхалтер Вены после этого еще больше утерял доверие Гитлера. И другие участники посещения Власовым Вены не остались незатронутыми, тем более, что положение после вердикта Гитлера значительно обострилось, особенно когда появилась угроза возвращения генерала Власова в лагерь военнопленных.

Двингер, который поехал в Берлин, чтобы посетить начальника Главного штаба СС Бергера на Гогенцоллерн Платц и доложить ему о венских совещаниях, получил не вызывающий никаких сомнений ответ: «Вы сегодня же покинете Берлин, поедете в свое поместье и — будете там пребывать до конца войны, если новый приказ не предпишет вам что-либо другое. Вам запрещается публиковать хотя бы одну строчку по восточным проблемам и, особенно, оглашать их по радио. Ваша переписка и, особенно, посещения будут контролироваться. Неофициально вы арестованы. Мы рассматриваем вас как ограниченного в своих действиях.» Это означало домашний арест.

И д-р Геббельс прекратил всякую свою активность в восточной политике и теперь не решался даже одним словом заступиться за Власова у Гитлера. При этом можно предположить, что в тот момент, то есть в середине 1943 года, он был убежден в неизбежном поражении Германии.

Создание в Министерстве пропаганды должности «Уполномоченного по делам Востока» было отменено. Кандидатом на нее был намечен писатель Гюнтер Кауфман, как я выяснил из его писаний в изданиях Института истории.

Земля крестьянам

Основным пожеланием Власова в его русской

освободительной борьбе был вопрос пользования землей в будущей освобожденной от коммунизма России. это еще раз подтвердилось и при его докладе в поместье «Хедвиг Хоф», и при беседах в Вене. Поэтому я возвращаюсь к этому вопросу, особенно для читателей младшего поколения, в порядке исторического обзора этой старой русской проблемы и к Столыпину, как инициатору решающей земельной реформы.

Непонятно, почему на Западе личности Столыпина посвящается так мало внимания, за исключением разве только специалистов. Я подхожу ближе к описаниям этого великого государственного деятеля России, который, благодаря своему предвидению, мог бы избавить Европу от Первой мировой войны. Он же мог своевременно предпринятыми реформами не допустить до Октябрьской революции со всеми вызванными ею последствиями. Идеи Столыпина о будущем России совпадали с представлениями Власова. Историк из Прибалтики Рейнхард Виттрам считал, что после Бисмарка Столыпин был величайшим государственным деятелем Европы. Его главными заданиями были сохранение мира в Европе и аграрная реформа в России. Уже в 1911 году Столыпин в своем докладе Государю Николаю Второму доказывал, что Россия в своем стремлении к всеобщему миру нуждалась в сильном союзнике. Европейские Великие Державы для этой роли не подходили: Англия была занята своими колониями, Франция вооружалась во имя реванша против Германии, а Германия вступила в соревнование с Англией за превосходство на море. Только Соединенные Штаты казались Столыпину подходящим государством, с которым можно было бы сотрудничать в защите мира.

Что касается второго задания, то есть аграрной реформы, я цитирую балтийского историка Ганса фон Римша из его «Истории России»: «Столыпин обосновывал свою реформу на ликвидации крестьянской общины. Главе семьи давалось право выйти из общины, с тем чтобы все наделы земли его и всех членов его семьи перешли в его владение как личная собственность. Одновременно путем передела делянок должна была быть ликвидирована черезполосица. При этом Столыпин преследовал не только хозяйственные, но и политические цели. Эти меры должны были дать толчок инициативе, вызвать интерес к капиталовложениям. Они должны были укрепить положение зажиточных крестьян, выделив их из среды недовольных. При этом бы создалось ясное представление о собственности и определены правовые отношения. Все это обеспечило бы успех наиболее даровитых».

Старая система землепользования предусматривала, что

земля не принадлежит отдельному крестьянину, а крестьянской общине. В среднем каждые три года земля распределялась наново по числу «душ», как тогда было принято говорить. Благодаря этому, крестьянин не был заинтересован в обработке своего удела в расчете на будущие улучшенные урожаи. Кроме того, он был вынужден придерживаться установленной трехпольной системы, то есть смены озимых и яровых посевов и пара, поскольку эта система применялась всей общиной. Став владельцем земли, он, конечно, стал бы стремиться ввести более прибыльную систему севооборота.

Каждая крестьянская семья, входившая в состав общины, была заинтересована иметь наибольшее число членов, так как от этого зависела подлежащая передаче в ее пользование величина участка. Поэтому все подраставшие дети не покидали семьи. Вот это несоответствие между все увеличивающимся населением и остающейся неизменной площадью пахотной земли вызывало постоянно растущее обеднение.

При осуществлении аграрной реформы Столыпина земля становилась собственностью крестьянина и не подлежала дальнейшим переделам. Таким образом освобождались рабочие руки для бурно развивающейся промышленности.

Прежде чем Столыпин приступил к осуществлению своей аграрной реформы, он объехал Западную Европу, чтобы изучить современные методы землепользования, в том числе и малоземельными крестьянами. Наибольшее впечатление на него произвела Дания. Этим объясняется, что среди его советников числился и датчанин Кёфед.

Само собой разумеется, что аграрная реформа Столыпина начала подвергаться нападкам с многих сторон. Социалисты всех оттенков считали совместное землепользование, то есть крестьянскую общину, первым шагом при создании социалистического общества. Консерваторы, и среди них многие помещики, не хотели менять порядка, который установился с 1500-го года и, по-видимому, оправдал себя. А славянофилы считали, что совместное пользование землей подтверждает их принцип всеобщего братства, которое, но их мнению, было присуще славянам. Реформа Столыпина предусматривала также создание крестьянских банков, которые должны были помочь крестьянам в приобретении новой земли и инвентаря путем дешевых кредитов.

В сентябре 1911 года Столыпин был убит агентом Охраны, то есть Государственной тайной полиции, Богровым, в оперном театре в Киеве во время посещения царем этого города. Богров был одновременно членом Боевой организации социал-

революционеров. Обычно в присутствии Государя зрители в антракте вставали и оборачивались в сторону царской ложи. И Столыпин поднялся со своего места во втором ряду, и его статная фигура возвышалась над остальной публикой. В этот момент Богров, который как член охраны имел свободный проход в опере, прошел между рядами кресел к Столыпину и выпустил по нему с ближайшего расстояния четыре пули. Столыпин был смертельно ранен. Прежде чем упасть он осенил крестным знамением царскую ложу, сказав «Охраняйте Царя». Офицеры схватили Богрова. Он был отдан под суд и казнен.

Сотрудник Столыпина Кривошеин продолжал реформу последнего. В 1915 году уже насчитывалось 3 миллиона крестьянских дворов, которые отделились от деревенской общины, и крестьяне стали владельцами собственной земли. Они образовали новый зажиточный и консервативный крестьянский класс и создали много затруднений сначала Ленину, а потом Сталину пассивным сопротивлением и рядом восстаний.

В начале 1914 года Кривошеин так высказался по поводу аграрной реформы: «Нам нужно еще от 10 до 15 лет, чтобы полностью преобразовать класс крестьянства… Будем надеяться, что война не перечеркнет наши планы».

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Пушечное мясо» на Атлантическом валу?

После неудач немецкой армии под Сталинградом, на Кавказе и на Курской дуге, летом 1943 года Гитлер отдал приказ переправить на Западный фронт все русские добровольческие отряды, которые до того использовались в оккупированных областях на Востоке. Предварительно он намеревался их разоружить и вернуть на положение военнопленных. По его словам, «эти русские переводятся на Запад или они попадут как шахтеры в угольные копи: ведь они показали себя не заслуживающими доверия».

Конечно, о таких всеобъемлющих мерах не могло быть и речи. Действительно из-за ухудшения военного положения летом 1943 года на Востоке имел место ряд случаев, когда добровольческие подразделения, принимавшие участие в боевых действиях, давали основание к недоверию. Но чаще всего это вызывалось несознательным, ложным поведением немецких начальников, которые просто не доверяли подчиненным им русским частям. Кроме того, сыграла свою роль и враждебная советская пропаганда.

Недоверие в ответственных немецких учреждениях как ОКВ и ОКХ при этом возрастало без всякого основания. Дело ведь было в том, что немецкий солдат, сдавшись в плен, сохранял для себя лично надежду быть освобожденным после окончания войны, тогда как захват в плен для чинов добровольческих отрядов означал начало связанной с муками смерти. Для них был только выбор: или борьба до последнего патрона, или самоубийство.

В подтверждение этого я хотел бы включить эпизод: который я лично пережил в 1945 году при отступлении немецких войск из Восточной Пруссии. Я стоял при выходе из маленького местечка и ожидал чего-то. (На войне всегда чего-то ждут.) Неожиданно я услышал обращающий на себя внимание шум, не понимая его происхождения. И тут я увидел колонну, которая приближалась почти бегом. Наконец, я разобрал в голове её немецкого раненого солдата, который опирался на двух русских военнопленных, за ними другой нес винтовку немецкого солдата и шли остальные военнопленные в деревянной обуви, которая, соприкасаясь с мостовой, и вызывала упомянутый своеобразный стук. Колонна замыкалась двумя немцами, которых опять же тащили русские военнопленные, а их винтовки нес еще один русский. Таким

образом эти несчастные парни еще в 1945 году, симулируя пленение, бежали с востока на запад перед наступающей Красной армией, которая должна была их освободить.

Русские батальоны от Текселя до Средиземного моря

Поскольку приходилось считаться с близким вторжением западных союзников, началось перебрасывание русских добровольческих отрядов с их оружием в Голландию, Бельгию и Францию. При этом играли роль опасения немецкого военного командования, что при отступлении немецких войск могут создаться судьбоносные положения, когда русские добровольческие подразделения могут быть перехвачены Красной армией. Перемещение производилось через полигон при городе Милау, прежний Млаве, к северу от Варшавы. Там летом и осенью 1943 года были сосредоточены такого рода части.

Незадолго перед этим отсюда выступила в направлении своего боевого назначения на Балканах вновь сформированная тут Первая казачья кавалерийская дивизия под командой немецкого генерала Хельмута фон Паннвица. Паннвиц уже отличился, командуя немецкими частями, а теперь в кратчайший срок основательно ознакомился со всеми казачьими традициями и выучил вызывающе звучащие русские словесные обороты казаков… Он не считался с немецкими предписаниями и не обращал внимания, когда другие немецкие генералы морщили нос. Казаки на всех служебных уровнях обожали его. Они даже выбрали его своим походным атаманом, то есть боевым предводителем. И это было первым и единственным случаем в обычаях казаков — чтобы иностранец удостоился такой чести. За боевые заслуги, достигнутые им позже, уже во главе казачьего корпуса, состоящего из трех дивизий в Югославии, генерал Паннвиц был награжден рыцарским Железным крестом с дубовыми листьями. Поскольку он всюду появлялся и изображался в красочной донской казачьей форме (правда, с немецкими знаками отличия), — его до сих пор некоторые историки принимают за казака и русского, хотя он таковым никогда не был.

К концу войны казачий корпус, неся большие потери, пробился в Австрию и после большого парада, в полном военном порядке, сдался удивленным англичанам в Каринтии. Вопреки лучшему пониманию и в разительном нарушении Гаагской конвенции о ведении войны, англичане выдали Паннвица с его корпусом Советскому Союзу, где он со своими высшими офицерами закончил жизнь на сталинской виселице…

Полигон, то есть место для обучения военных частей, под Милау, был выбран ввиду его больших размеров. Туда одновременно с добровольческими частями поступал и немецкий служебный персонал для возглавления последних. С этой целью был образован штаб, который в сравнительно короткий срок сумел реорганизовать добровольческие подразделения в совершенно новые части до батальонного размера. По мере готовности они направлялись на Запад, где они попадали в уже подготовленные биваки и боевые позиции и присоединялись к немецким частям, согласно приказу ОКВ, под общим наименованием «батальон IV». Еще при формировании в Милау придерживались старого принципа, по которому в отдельные подразделения поступали люди определенной народности Советского Союза, то есть — крымские татары, волжские татары, азербайджанцы, грузины, казахи, украинцы, белорусы, узбеки и другие. Это соответствовало представлениям Розенберга, согласно которым после немецкого завоевания Российское государство должно было превратиться в раздробленную по многим народностям страну.

Власов же и понимающие обстановку немецкие военачальники отстаивали взгляд, что победа над советской властью станет возможной лишь, если народы России при их многообразии окажутся объединенными под общим, направленным против Сталина, командованием.

В общем, 72 готовых к боевым действиям батальона из добровольцев, набранных из великорусского пространства, были в начале 1944 года дислоцированы на Западе, а именно, начиная с голландского острова Тексель на севере, через Бельгию, северную Францию, вдоль всего Атлантического побережья до Биаррица и дальше вдоль берега Средиземного моря до итальянской границы. Помимо этого, маршевые батальоны были расквартированы на плоскогорье Лангр к югу от Лиона и в Верхней Савойе. В то время, как находившиеся на фронте батальоны подчинялись «Командованию добровольческих частей штаба ОБ Запад», то есть маршалу фон Рундштедту, упомянутые резервные подразделения, переведенные на Запад и предназначенные для пополнения боевых батальонов, находились в ведении «ChefHRustuBdE», то есть подчинялись главнокомандующему всеми военным резервами. В то время им был генерал-полковник Фромм, а под конец Гиммлер. Кроме того, в Конфланс, под Парижем, было открыто офицерское училище для русских добровольцев. Сюда надо причислить военные и полевые лазареты и остальные необходимые тыловые учреждения, как приюты для инвалидов и здравницы, лагеря переобучения и пр. Из резервных частей в

южно-французском районе была образована Основная Добровольческая Дивизия. И ее полки были сформированы по народному отбору и поэтому были не одинаковой численности. Таким образом были созданы полки: украинский, азербайджанский, грузинский, белорусский, армянский, северокавказский, волжско-финский, казачья часть и ряд еще других. Эти полки были наследниками «восточных легионов», которые были сформированы раньше.

Штаб добровольческих соединений в Париже, равно как и командующий таковыми в ОКХ в Берлине, имели редко встречающийся в немецких боевых силах круг деятельности. Хотя эти штабы и входили в состав боевого руководства, они не руководили ни тактическими, ни стратегическими боевыми заданиями на поле битвы этих частей. Их функции ограничивались консультацией и обслуживанием их. Это опять-таки было необходимо, так как дело шло о положении, до сих пор неизвестном в военной истории. Задание состояло в том, как включить в немецкие части добровольцев из великорусского пространства, причем эти немецкие боевые части, под влиянием национал-социалистической пропаганды об унтерменшах, укреплялись в отрицательном отношении ко всему приходившему с Востока и не проявляли ни малейшего сочувствия к такому трудно выполнимому заданию. Решающим при создании обоих штабов в Париже и Берлине было то, что дело касалось не тысяч или сотен тысяч добровольцев, а возможно в будущем и двух миллионов.

Ввиду этого, эти штабы были пополнены, за редкими исключениями, выбранными для такой цели сведущими людьми. Это были офицеры, которые раньше еще на русской земле командовали такими добровольцами, ведя их на войну против Сталина. К ним присоединялись лица, по своему происхождению и карьере способные давать советы немецким учреждениям и командирам частей всех рангов. Такой выбор и должен был гарантировать полное эффективное использование добровольческих частей в современной военной борьбе. С этой целью привлекались так называемые «штохис», то есть штаб-офицеры, оправдавшие уже себя на Востоке в качестве командиров местных вспомогательных сил. Они прикомандировывались как опытные советники к штабам дивизионных, корпусных и армейских начальников и командующих. Но, к сожалению, их было слишком мало. Ведь надо было преодолеть языковые преграды, а главное — психологически вызванные препятствия у немецких командиров, вплоть до унтер-офицерского звания. Нельзя забывать, что теперь

немецкий солдат должен был сражаться плечом к плечу с русскими добровольцами, одетыми в немецкую форму. Многие из них при прежних обстоятельствах несколько месяцев тому назад сражались против нынешних соратников как красноармейцы в советской форме.

Немецкие высшие и самые главные органы, включая сюда Гитлера и Гиммлера, неоднократно рассматривали таких немецких советников как русифицированных, умственно заблуждающихся, и их отвергали. Только используя высший предел убеждения, с целью вызвать эмоциональную поддержку, удавалось убедить некоторую часть начальников частей и самих немецких солдат в том, что русские добровольцы в подавляющем большинстве были готовы сражаться против Советского Союза не. только у себя на родине, но и жертвовать жизнью, сражаясь против советских союзников англо-американцев.

Настоящего, действительно открытого и честного обоснования для перевода русских добровольческих сил с востока на запад с немецкой стороны не существовало, и такое объяснение стало непосильным трудом для немецкого персонала связи с этими частями. Ведь среди добровольцев были не только просто думающие крестьяне, но и прошедшие школу и военную подготовку солдаты, принадлежавшие к высшему слою, вплоть до окончивших академию штаб-офицеров. Если до сих пор немецкая сторона объясняла добровольцам, что они сражаются во имя освобождения своей родины от советского режима, то теперь эти люди задавали себе вопрос: как же я буду отвоевывать свою родину, если я теперь берусь за оружие против так называемых плутократов, англичан и американцев? И при этом у них на всех уровнях, включая и высших офицеров, рождалась мысль, редко выраженная открыто, а чаще скрытая, что мы — оплаченные наемники.

При таком психологически щекотливом положении несущие ответственность немецкие офицеры обратились за помощью и моральной поддержкой к Власову. После долгих размышлений Власов решился обратиться с «Открытым письмом» к не подчиненным ему русским добровольцам и объявить им, как важно вести борьбу не только с режимом Сталина, но и с западными союзниками этой коммунистической власти. Власову было легче выразить убеждение, что теперь пришло время лучше организовать и по военным принципам объединить и обучить современному бою добровольческие части, так как до сих пор их формирование велось не систематически. В конце концов, это могло сказаться с успехом при их дальнейшем использовании на Востоке. Неофициально и с сарказмом Власов добавил к этому,

что не будет большого вреда, если кто-нибудь с этим не согласится: и откажется, приведя тут русскую поговорку: «Баба с возу — кобыле легче». Такое письмо было известным насилием, когда Власова заставили написать его.

Заражающиеся с дула ружья против танков «Шерман»

Как и при походах в России, добровольческие части на Западе, за редкими исключениями, были плохо вооружены и снабжены. Посланным Власовым инспекторам в сопровождении немецких офицеров представилась достойная сожаления картина плохого, часто неправильного и недостаточного вооружения и снабжения. Объяснялось это прежде всего тем, что это был уже пятый год войны, и тем, что немцы понесли большие потери. Но, кроме того, играла роль и непредусмотрительность немецких учреждений, ведавших русскими добровольцами. Немцы говорили: «Эта русская толпа лучше всего сможет справиться с русским, польским и чешским оружием. А нам даже для наших солдат не хватает наших винтовок МГ-42, автоматов и гранатометов».

Конечно, такого рода заявления не делались в присутствии власовских офицеров, которые, как правило, в это время уже хорошо понимали и говорили по-немецки. Они предназначались для немецких советников и уполномоченных. Все чаще немцы повторяли ошибку, считая русских добровольцев как резерв в прорывах фронта, с целью сэкономить немецкую кровь. Они их отнюдь не рассматривали равноправными и выполняющими одинаковые боевые задачи своими боевыми товарищами.

Для рассуждающих немецких идеалистов все это было равносильно борьбе с ветряными мельницами. Как часто я мог в этом убедиться, особенно после того, как 21 января 1944 г. Власов попросил меня сопровождать генерала Жиленкова в его инспекторской поездке во Францию. На самом деле мне не хотелось ехать, так как Жиленков (бывший советский комиссар) никогда не внушал мне симпатии. Но Власов настаивал: «Поезжай, поезжай с ним!» (Когда он был в хорошем настроении, он всем говорил «ты».) Кроме меня поехали старший лейтенант фон Клейст и адъютант Жиленкова.

Наше путешествие продолжалось около десяти дней. Каждый день мы посещали два или три батальона, потом ночевали при одном из немецких штабов — дивизионном или корпусном, которые обычно весьма комфортабельно помещались в старых французских дворцах. А на следующий день ехали дальше. Жиленкова всюду хорошо принимали. Всякий раз сервировался

коньяк и шампанское, а иногда для разнообразия кальвадос (яблочная водка). Таким образом задание не было обременительным. Но зато у нас были самые разнообразные впечатления.

Часто мы убеждались в том, что добровольческие части на Атлантическом валу занимали неправильные позиции. Немецким полковым и дивизионным штабам недоставало понимания ментальности русских людей и их боевых привычек. Так, мы побывали в одном батальоне велосипедистов, который был выдвинут в самые передовые окопы, вместо того, что использовать его как «пожарную команду» слегка позади главной боевой линии. Только там этим молодым парням могли пригодиться их велосипеды. Можно себе представить, как при этом ошибочном размещении отряд мог действовать против современной мощно вооруженной десантной части. Ведь она бы действовала при поддержке тяжелой морской артиллерии, перепахавшей огнем береговые позиции, и вела бы атаку с помощью танков-амфибий. К счастью этого батальона, англичане и американцы не высадились в этом месте…

Мы повстречали также казачье подразделение, которое тоже было загнано в узкие окопы, чтобы отбивать десант, имея всего по 15 патронов на винтовку — большего количества среди трофейного оружия не нашлось. Любящий свободу и выросший на коне в степи казак предпочитает открытый бой. Он чувствует, что стены окопов ограничивают его возможности к действию. Немецкому начальнику этой части убедительными словами была растолкована вся эта глупость. Мы советовали ему этих казаков посадить на реквизированных лошадей, занять ими позицию в двух километрах позади главной боевой линии, тренировать и держать их в постоянной боевой готовности и бросить их навстречу проникшему в это расположение врагу. Такой боевой порядок соответствует диким боевым привычкам казаков в конном строю. Только таким образом они могут оправдать себя в современном бою. Красная армия до сих пор имеет кавалерийские казачьи части в качестве резерва.

Многие немецкие командиры частей были благодарны за такие и подобные советы и охотно следовали им. Немецкие коменданты в населенных местах создавали для себя охрану из таких казаков. Казак выглядит очень красочно: длинная шашка, красные лампасы на штанах, папаха, сидящая на правой половине головы, и вьющийся чубчик волос; помимо этого — патронные газыри на груди, реже бурка, то есть плащ кавказцев из лохматой шерсти. Такой казачий эскорт, сопровождавший комендантов при их инспекционных выездах, очень импонировал французам. Это

были «дикие люди», с которыми ни на каком языке нельзя было объясниться и которые при помощи своей нагайки могли навести порядок.

Здесь я вспоминаю, что в одном батальоне немецкий командир был полностью русифицирован своими добровольцами. Этот человек пил с ними водку, в батальоне был организован хор певчих, который исполнял русские народные песни, а командир меланхолично их слушал. И такое бывало…

Другой батальон, который мы посетили, занимал позицию прямо на берегу Ла-Манша и для немцев заслуживал особого внимания. Солдатами тут были не бывшие чины Красной армии, а молодые добровольцы 18–20 лет, набранные в Белоруссии, а офицерами — эмигранты из Франции в среднем возрасте 40 лет. В этом батальоне атмосфера напоминала порядки в бывшей царской армии: офицеры были «отцами» своих солдат. Ни в одной из советских частей я не встречал такого взаимопонимания, вернее — как раз наоборот. Как правило, в советских частях солдаты ненавидели своих офицеров. Почему? Советская военная система считает необходимой ненависть солдат к офицерам, она исключает возможность прежде всего бунта офицеров или восстания. Такого рода чувства ненависти сохранились и позже, когда красноармейцы попадали в немецкий плен, и даже первое время и во власовской армии. Исключением был непререкаемый авторитет фельдфебеля, которого почитали как вышедшего из солдатского звания. Он был, как это бывало и в немецких частях, чаше всего «ротной матерью».

Генерал Жиленков всюду выступал очень обстоятельно, и ему во многих горячих выступлениях резко возражали. Но в упомянутом батальоне ему не задали ни одного вопроса. Возможно, что его ненавидели не только как бывшего советского офицера, но по выговору распознали в нем бывшего комиссара.

Питание немецких частей, а с ними и русских добровольческих подразделений, что касается качества и количества, с момента десанта нельзя было считать хорошим. Поскольку офицеры и солдаты русских добровольческих частей получали одинаковый с немцами паек и довольствие, то жалобы были сравнительно редкими. Когда же они все-таки поступали, службе снабжения рекомендовалось вместо обычного немецкого рыночного продовольствия посылать русским центнерами лук и чеснок, которые можно было покупать в изобилии и дешево во французских оккупированных районах. Это приходилось по вкусу русским и встречалось как дополнение к обычному немецкому довольствию с благодарностью. Раздачу настоящего кофе тоже можно было заменить чаем.

Языковые барьеры

Точно так же, как и при действиях на Востоке, не хватало переводчиков и на Западе, несмотря на то, что среди добровольцев было достаточно таковых. Все они происходили из более высоких общественных кругов, у которых до 1917 года были немецкие, французские и английские воспитатели. Поэтому они могли оказать помощь в общении не только, с немцами, но позже и после взятия в плен с англичанами и американцами. Однако проблема языкового взаимопонимания все же возникала весьма серьезно, и нам при наших поездках приходилось непосредственно с нею сталкиваться.

Вот случай, который мог завершиться трагично. Мы ехали в трех машинах по высокому берегу вдоль Ла-Манша и при слабом свете фар увидели военный пост и часового в немецкой форме. Он остановил нас и спросил пароль, которого мы не знали. Поэтому я просто передал ему наши бумаги, в которых часовой, очевидно, ничего не мог понять. Тогда я спросил его по-русски: «Ты говоришь по-русски?» и наконец получил нужный ответ: «Да!».

Нужно ведь представить себе такое положение: одинокий часовой проверяет чужих для него солдат ночью на вражеской территории. Этот часовой в немецкой форме понимает только русский язык и может читать только по-русски. Он с трудом выучил немецкий пароль, а тут вдруг появляются три машины, и седоки этого пароля не знают! Я бы на его месте уже стал не дожидаясь, стрелять…

Кто же в Германии еще до начала войны хотел изучать русский язык? Следовательно, мы зависели от переводчиков. Среди них были специально обученные и даже дипломированные переводчики, кроме того — свободно говорившие по-немецки и по-русски прибалты, некоторые родившиеся и выросшие в России немцы, и в конце концов так называемые «фолксдойче», то есть немецкие колонисты, жившие в России. Что касается последних, то и с ними были затруднения. Хотя они с радостью хотели принять участие и стремились уйти из Красной армии и перебросится на немецкую сторону, но беда была в том, что они плохо говорили и по-немецки, и по-русски. В частной жизни это было не так трагично, но при передаче боевых приказов, особенно в сражении, этот недостаток мог создать и смертельную опасность. Даже лучший переводчик становится бесполезным, если переведенные им приказы не понимаются частью из-за грохота в бою. Поэтому было бы обязанностью командиров частей и обслуживающего их немецкого персонала овладеть

несколькими фразами разговорного языка, чтобы в отдельных случаях не через переводчика, а непосредственно немецкие начальники могли отдать приказание.

Еще одно замечание к руководству русских батальонов включенных в состав больших немецких частей. Только в редких случаях оно было в русских руках в сотрудничестве с несколькими немецкими офицерами связи. Были батальоны, в которых все офицеры были немцами, бывало, что батальоном командовал немец, а ротными командирами были русские или немецкие фельдфебели. При наличии 72 батальонов почти невозможно определить — каков был состав настоящего руководства каждой части. При современном учете также нельзя дать положительную или отрицательную оценку. Это, однако, не исключает того, что тот или иной состав руководства мог оправдать себя. Власов с самого начала указывал на то, что советская сторона может быть побеждена только русскими под русским же начальством. При этом он считал необходимым участие немецких штабов координации с целью достижения не только тактических, но и особенно важных стратегических успехов.

В задачи парижского штаба добровольческих отрядов в рамках штаба «ОВ Запад» входило обслуживание русских добровольцев и в духовной, культурной и материальной областях, поскольку эти задания не выполнялись немецкими учреждениями. Парижский штаб обладал гораздо большими возможностями в штабе «ОВ Запад» доставать в оккупированных областях нужные предметы, как например, книги, фильмы, футбольные мячи, шахматы и музыкальные инструменты для снабжения частей. Также проявлялась весьма успешно инициатива по созданию хоров и оркестров.

Особенно успешным было сотрудничество эмигрантских организаций разных народностей, которые существовали во Франции и Германии. Такого рода помощь была, вне всякого сомнения, нужна, чтобы не допустить одичания русских добровольцев. Немецкие части, расквартированные уже 3–4 года во Франции, отряды организации Тодт и подобные вспомогательные или строительные отряды являли собой в этом отношении, то есть в одичании людей, страшный пример. К моменту прибытия добровольческих частей на Запад десант еще не начался, и никаких военных действий, если не считать случайных воздушных налетов и редких нападений французских партизан, не было. При этом нельзя забывать, что безделие является зародышем всех грехов, и, конечно, не только среди штатских.

Нужно поставить себя в положение этих частично еще очень молодых людей. Их семьи покинули их еще в Советской России. Или, поскольку их родные при немецком отступлении из России взяли их с собой, этих русских штатских отделяли в Германии или уже в Милау и направляли в рабочие лагеря. С этого момента они подчинялись немецкому Рабочему фронту (Deutsche Arbeitsfront), во главе с др. Робертом Лейем, и им пришивали на рукав ненавистную нашивку «Ост», и они зачислялись в категорию людей второго класса.

Само собой разумеется обслуживание охватывало и медицинскую и санитарную область, к этому присоединялась и организация домов для отпускных. Ведь поездки к родным были невозможны. Как курьезную подробность упомяну тут жалобу одного французского мэра города, который обратился к Жиленкову: «Простите, господин генерал, почему вы запрещаете вашим солдатам посещать дом терпимости принадлежащий одному французу? Ведь он не пожалел расходов, как только узнал, что целый батальон будет расквартирован в его городе, и старается к трем имеющимся уже девицам прибавить еще трех». На это Жиленков через переводчика ответил: «Русский не хочет стоять в очереди перед каморкой, в которой он за так называемую любовь должен платить. Для любви ему нужна другая обстановка: благоуханная сирень, поющий соловей и звуки балалайки…»

Разные страны, разные обычаи! Таких «особых событий» было несколько за время нашей поездки, или нам о них рассказывали. В одном батальоне доброволец даже избил француза. Когда этот француз узнал, что у него в доме гостит русский, он, естественно, подумал, что тот — коммунист. Все, что хозяин поставил на стол в виде закусок и напитков, было поглощено, но разговор никак не налаживался. Тогда француз достал скрипку и стал наигрывать «Интернационал», в надежде обрадовать гостя. Однако гость, выпивший несколько стаканов вина, возмутился, разбил скрипку и стал бить своего хозяина, который не мог понять — за что? Ведь русский доброволец уже давно перестал быть коммунистом.

Исключительную благодарность добровольцев, переведенных на Запад, заслужил один человек, который с исключительно бюрократической изворотливостью делал все человечески возможное для того, чтобы улучшить судьбу, а с этим и боевую готовность добровольцев. ОКХ, назначая подполковника Ханзена начальником оперативного отдела Парижского штаба, сделало очень удачный выбор, так как в обязанности штаба не входили задачи боевых действий, и они ограничивались лишь консультацией и обслуживанием добровольческих частей. Ханзен с исключительной энергией набросился на эту деятельность, что

сразу же стало сопровождаться успехами. Особенно его надо благодарить за то, что он без пропусков вел свой личный дневник. Он смог сохранить свои записи и после войны, и теперь они служат немногим историкам как исключительный источник для этой темы, касающейся деятельности штаба и подчиненных ему добровольческих частей в период с осени 1943 года до ликвидации штаба весной 1945 г.

Ханзен никогда не скрывал, что он не был боевым офицером, поэтому его хроника часто содержит личные соображения, что, конечно, не уменьшает ее значительности.

Сколько же времени еще будет продолжаться этот обман?

Жиленков, конечно, полностью использовал свое короткое пребывание в Париже. Ведь он перенес и боевую страду, и военный плен, был молод, хорошо выглядел и к тому же был в генеральской форме.

Тут мне вспоминается забавный случай. Русские эмигранты приветствовали Жиленкова, устроив банкет в одном из самых лучших ресторанов. Жиленков сидел во главе богато накрытого стола. Среди примерно тридцати гостей только барон Клейст и я были в немецкой форме. Основной темой разговоров за столом были, как обычно, борьба на Востоке и освобождение России. Я знал склонность Клейста выступать, говоря по-русски. Поэтому меня и на этот раз не удивило, когда он постучал ножом по стакану. Когда наступила тишина, он поднялся, повернулся к генералу и произнес следующие слова: «Господин генерал, шествуйте на Восток сами, а мы при этом будем за вами следить!» Тут он замолчал из-за взрыва хохота присутствующих: и на этот раз Клейст перепутал два русских слова. Он хотел сказать «следовать», а вместо этого сказал «следить», и так как все знали, что Клейст был связан с немецкой разведкой, то такая замена слов вышла особенно забавной.

Когда мы во время нашей инспекционной поездки ночевали при штабе дивизии или корпуса, то всегда находилось время для обширных разговоров о политическом положении. Нам с полной откровенностью задавали много вопросов, особенно потому, что мы приехали прямо из Берлина. «Как долго будет продолжаться этот обман? Все потеряло всякий смысл! Ведь война проиграна. Чего еще хочет Гитлер? К чему мы сидим во Франции? Если союзники высадятся, мы бессильны что-либо предпринять, так как превосходство в воздухе на их стороне…»

Один из лучших батальонов стоял в Ст. Назере, и его

командиром был майор Герст. В свое время он служил в эстонской национальной армии, свободно говорил по-русски, и между ним и добровольцами установилось хорошее понимание.

Известная океанская гавань Ст. Назер окружена высокими скалами, в которых взрывами были вырублены стоянки для немецких подлодок. Вход в бухту прикрывался полуостровом, и на нем занимали позицию 8 батарей. На полуострове находились одни русские, что доказывало, какое большое доверие оказывалось им на такой ключевой позиции.

Когда Жиленков в сопровождении офицеров артиллерийского дивизиона заседал в собрании, заместитель майора Герста, хитрый толстый украинец Попенко позволил себе ряд «шуточек», вроде: «Когда мы приняли от немцев эти батареи, мы были вынуждены, в согласии с нашими навыками, переменить все предписания боевого огня».

Это замечание было оставлено без внимания, но я, не будучи артиллеристом, спросил Попенко — почему это было нужно? Он ответил: «Немцы предвидели для каждой батареи координаты для 480 морских целей, это было слишком сложно. Несомненно люди в решающий момент выбрали бы неправильную цель. Мы же нацелили батареи только на 70 возможных целей».

Тут генерал Жиленков задал вопрос: «А что если противник появится с земли, из ущелья, и у вас для него не будет координат, что вы тогда предпримете?»

— Тогда я скомандую: примерно цель 70 и слегка направо! А кроме того я рассчитываю на природный инстинкт моих русских наводчиков, — хитроумно ответил Попенко.

Немецкий генерал с кораном

Немецкие командиры из состава Штаба добровольческих частей, входившего в состав штаба «ОВ Запад», не ограничивались только изданием кабинетных инструкций и тоже ездили посещать добровольческие части в целях инспекции, с небольшой свитой из 2–3 офицеров в сопровождении переводчиков из Дабендорфа, или без них.

Еще до начала наступления союзников, в начале июня 1944 года, командующим в Париже был генерал фон Вартенберг, после него вскоре генерал Риттер фон Нидермайер, который одновременно был и ординарным профессором военной географии и геополитики. Что касается Нидермайера, то он был высоко ценимым знатоком России. В течение почти девяти лет он, на основании соглашения в Рапалло, был шефом засекреченной военной комиссии в Москве. Свое отношение к службе в Париже

он выражал следующими словами: «Я стараюсь как можно меньше пребывать в этом неприятном месте». Он попал в Париж с итальянского фронта, где начался десант.

Генерал фон Нидермайер был прямо предназначен для своего нового задания. Он уже весной 1943 года на Украине сформировал восточные легионы в составе 162-й пехотной дивизии, которая потом превратилась в 162-ю тюркскую дивизию. Она почти целиком состояла из туркестанских и кавказских добровольцев. Помимо этого, он владел 13 иностранными языками, из которых восемью восточными. По научным соображениям он уже десятки лет тому назад принял исламскую веру.

Всего за несколько дней Нидермайер освоился со службой в Париже и отправился в инспекционную поездку по батальонам добровольцев в сопровождении своего первого офицера-ординарца и водителя машины. Эти отряды, как мы уже слышали, были размещены, начиная от голландского острова Текселя, в Бельгии, Северной Франции вдоль Атлантического побережья до самой Ниццы на юге. Офицер-ординарец знал все батальоны на основании рапортов. На третий день десанта он побывал в передовой линии у сражавшихся там четырех батальонов русских добровольцев и узнал от командующего на этом участке генерала Маркса в St16, что эти четыре батальона, «вопреки всем ожиданиям, сражались превосходно», невзирая на отсутствие воодушевления и недостаточное вооружение и снабжение.

Начальник штаба маршала фон Рундштедта генерал Блументритт приказал, чтобы, на основании такого рода докладов, в военной сводке Главной Ставки была отмечена доблесть русских добровольческих батальонов. После многих дней безрезультатного ожидания, наконец, появилась следующая заметка: «В оборонительных боях в районе десанта храбро сражались плечом к плечу со своими немецкими товарищами также и добровольческие отряды с Востока».

Это упоминание в сводке Главной Ставки вызвало среди сторонников и окружения генерала Власова новую надежду, что Гитлер наконец даст сигнал на создание боевой силы под командой генерала Власова. Но опять ничего, вообще ничего, не последовало. Еще раз не сбылась надежда! Вообще никто (кроме Гитлера и Кейтеля) не знал, что Гитлер никогда не собирался создавать русскую боевую силу против Сталина, так как он мечтал занять западную часть русской территории и превратить ее в свою колонию.

В противовес многим другим, Нидермайер видел в лице Власова единственного человека, могущего обеспечить

возможный успех в борьбе против большевизма, причем он так же, как Власов, предвидел лишь великорусский вариант. Люди же как Розенберг проектировали создание автономных правительств для всех народностей в России.

Одна из первых инспекционных поездок привела генерала Нидермайера в русский полк, которым командовал полковник Буняченко. Этот отличившийся в Красной армии командир сразу предложил Нидермайеру план — как более выгодно использовать добровольческие батальоны. Генерал принял предложения Буняченко и среди них особенно следующее. Он советовал атаковать американские части, днем прорвавшиеся через немецкие позиции, следующей же ночью самостоятельно действующими русскими добровольческими отрядами и оттеснить их обратно. Понимая и психологически правильно учитывая боевые навыки немцев и американцев, Буняченко рекомендовал такого рода ночные действия для русских солдат, которые, в отличие от немцев и американцев, были в них хорошо обучены и охотно участвовали в ночных атаках. Однако при этом Буняченко определенно настаивал на том, чтобы выбранные им для такой операции части были подчинены ему. Для того, чтобы обучить и подготовить людей к такого рода действиям, ему нужна была неделя времени.

Но этот план был заранее обречен на неудачу. Выбранные для этого русские добровольческие части могли лишь постепенно в течение нескольких дней прибывать на сборный пункт. В походах они страдали от атак истребителей-бомбардировщиков и могли быть брошены без приказа сверху в жестокие бои сражавшихся в этом районе немецких частей. Таким образом Буняченко в решающий момент вместо пяти или шести предусмотренных батальонов получил бы в свое распоряжение всего два или три.

Дело было не в недостаточной готовности всех участвующих учреждений и не из-за этого не состоялись ночные атаки. События были сильнее. Численное превосходство американцев и их военно-техническое снаряжение в боевом хаосе обрекали даже самый тактически продуманный план на неудачу. Упорный дух Буняченко не допускал никакого отступления. Этот человек, с необузданной силой воли встречался позже с разными задачами и наконец в конце 1944 года с производством в генерал-майоры был назначен командиром первой одобренной Власову дивизии, которая формировалась в Мюнцингене.

Неутомимо переезжал Нидермайер из батальона в батальон, но везде не хватало все время упоминаемого в пропаганде генерала Власова. Нигде на фронте он не появлялся. Но русские добровольцы и русские начальники частей чувствовали себя

власовцами, а не немецкими наемниками. Они ведь не могли знать того, что было известно в штабе генерала, ведавшего добровольческими отрядами. А там было известно (но должно было остаться тайной), что Гитлер злоупотреблял именем Власова для пропаганды и рассматривал его как марионетку.

Попытки завербовать Малышкина

Для того, чтобы разрешить эту дилемму, Нидермайер обратился за помощью к генерал-майору Малышкину, которого Власов с согласия немецких учреждений послал в Париж. Помимо всего прочего, он хотел представить немецким штабам этого весьма импонирующего бывшего советского офицера генерального штаба как полную противоположность так называемым русским «унтерменшам» и вести хлопоты вместе с ним. По своей сущности и личному шарму Малышкин особенно подходил для того, чтобы выступать на одинаковом уровне с немецкими генералами и опровергать существовавшие предрассудки. При этом было удобно, что генерал Нидермайер мог одновременно взять на себя обязанности переводчика, и не было необходимости вызывать для переговоров какого-нибудь зондерфюрера. При содействии Малышкина удалось добиться уравнения в правах русских офицеров добровольцев с немецкими командирами частей. Во многих случаях неподходящие немецкие офицеры, которых русские считали за «комиссаров», были устранены от командования.

И для Малышкина такие поездки были убедительны, так как он имел возможность поучиться на Атлантическом валу. Конечно, многое для него было ново, как например большие, только при отливе видимые, препятствия на пляжах передовой линии. Это были причудливо сваренные стропила или железнодорожные рельсы против выдвигаемых Голиафов (небольшие танки без команды, управляемые на расстоянии и несущие мощные заряды взрывчатки). Тут же были нацеленные на сушу ракетометы Роммеля и густая сеть препятствии против посадки и парашютистов, состоявшая из укрепленных световых и телеграфных столбов, связанных сверху проволокой. На известном расстоянии на верхушках мачт были примонтированы мощные мины, которые взрывались запалами. Цель их была ясна: воздушные планеры рвались бы на препятствиях, а люди в них становились бы жертвами мин. Роммелевские ракетометы назывались по имени генерал-фельдмаршалла Роммеля, главнокомандующего группой войск «Б» на севере Франции, по инициативе которого они размещались.

Часто упоминаемый Атлантический вал громадной протяженности (от Голландии до испанской границы) был вынужденным пропагандным обманом. То, что он действительно должен был собой представлять, было невыполнимо за три или четыре года для рабочих отрядов организации Тодт, которая использовала как рабочих голландцев, бельгийцев и французов. Однако в ряде пунктов, где предполагалось мог начаться десант, стояли гигантские по тогдашним временам самые современные крепости из железобетона. Они были вооружены орудиями разных калибров и огнеметами. Немецкие части, дислоцированные в таких местах, были вооружены самым современным техническим оружием, включая сюда и зенитные батареи. Было достаточно времени, чтобы подготовиться во всех отношениях к десанту. Где не были построены маленькие или большие бетонные бункеры или они не были нужны, крутые берега давали широкие возможности пробить в скалах места для оборонных позиций. Когда десант начался, то первая волна высадившихся американских войск понесла в таких местах ужасающие потери.

Конечно, для занятия всех этих растянутых оборонных линий у немцев не хватало солдат, они были нужны Гитлеру на всех фронтах. Там, где недоставало немцев, образовавшиеся промежутки заполняли русскими добровольческими отрядами, но они были отвратительно вооружены, и всюду было недостаточно боеприпасов. Там, где командный состав был из немецких офицеров и унтерофицеров, они сами в собственных интересах заботились о том, чтобы располагать или доставать немецкое вооружение, но и немецкий командный состав был явно недостаточным. Уже с 1943 года немецкие штабы, отвечавшие за русские добровольческие отряды, добивались назначения психологически лучше подготовленных командиров, по возможности даже получивших боевые награды. В то же время у недостаточно соображавшего Гитлера удалось отвоевать даже согласие на награждение доблестных русских добровольцев немецкими отличиями за храбрость. Гитлер даже одобрил учреждение особого знака отличия для добровольцев с Востока за храбрость и военные заслуги. Это были золотые, серебряные и бронзовые звезды с мечами и без них, в двух классах, причем так же, как и в Красной армии, допускалось награждение несколькими звездами в одном и том же классе. Соответствующие орденские ленточки были или сплошь зеленые или зелено-белые. У этого ордена не было свастики, это был единственный учрежденный Гитлером орден без нее! По общим соображениям им могли награждаться и немецкие чины.

Для батальонов добровольцев появление генерал-майора Малышкина, который на левом рукаве носил предназначенную для власовской армии нашивку РОА, было видением надежды, так как на самом деле никаких настоящих власовских частей не существовало. Среди 72 действующих батальонов было несколько, которые из-за плохого руководства и слабого вооружения теряли дух и становились отказниками. Они использовали положение и или перебегали, или даже убивали немецкий состав. Хотя это сводилось только к отдельным случаям, но о них надо упомянуть, поскольку они давали Гитлеру и ОКВ предлог, чтобы с подозрением относиться ко всему власовскому движению. Если же учитывать общее число людей примерно в два миллиона, которые по своей воле восстали против советского строя (из которых, правда, почти половина были случайными попутчиками), то остается все-таки 1,2 миллиона подлинных борцов за свободу. А ведь это — настоящий феномен, мало известный и в послевоенный период.

Одним из последних батальонов, который посетил генерал фон Нидермайер вместе со своим первым офицером-ординарцем, был отряд в Бретани под чисто русской командой подполковника Бочарова. Командующий корпусом в Бретани генерал Фармбахер держал отряд Бочарова как свой единственный боевой резерв на всю Бретань. Фармбахер с гордостью говорил, что он поручил охрану своего корпусного штаба взводу из бочаровского батальона. Среди этих, примерно 60, русских добровольцев несколько уже имели знаки немецкого боевого отличия за пехотный штурм. Они были ими награждены еще за боевые действия в составе немецких частей на Востоке. Тогда встречались немецкие командиры полков, которые в воодушевлении при особо доблестном поведении добровольцев снимали со своей груди Железные Кресты первой или второй степени и прикалывали их на грудь боевых русских добровольцев.

Вернемся к Бочарову. И ему фон Нидермайер задал вопрос о его родных. Со стыдом, подавленно и колеблясь, Бочаров ответил ему, что он не может и не хочет писать своей жене. Она его несколько раз в письмах справедливо упрекала в том, что он свою жизнь запродал на немецком рынке и одновременно, будучи высшим офицером в немецкой форме, не в состоянии освободить ее и других своих штатских родных из нетерпимых условий существования в лагере для остарбейтеров в Германии и обеспечить им приемлемые условия жизни.

С такого рода жалобами, как только они частично овладевали немецким языком, и другие русские граждане обращались в письменной форме в немецкие учреждения, предполагая, что они

могут повлиять на их судьбу.

Роковая ошибка союзников

Американцы и англичане после высадки столкнулись с бойцами в немецкой форме, которые не понимали ни немецкого, ни французского, ни английского языка и говорили на языке им непонятном. Кому-то в такой момент должно было прийти в голову, что эти люди должны были быть русскими. После того, как во время боев после высадки все больше говоривших по-русски солдат в немецкой форме попадало в плен, англичане за первые недели называли цифру в 30.000, — союзники попытались увеличивать число пленных русских добровольцев с помощью прокламаций и громкоговорителей на русском языке. Совершенно не понимая настоящего антисоветского настроения бывших советских солдат, они предлагали им складывать оружие, после чего они сразу же будут отправлены к себе на родину.

Это было образцом неправильно использованной пропаганды, которой союзники трагически вызвали среди добровольцев решение сражаться до последнего патрона. Этим достигалось совершенно противоположное тому, что было задумано, в результате чего была вызвана большая потеря кропи.

Многие русские добровольцы, по всей вероятности, с самого начала еще в боях в России не представляли себе ясно навстречу какой судьбе они шли. Но и теперь надо утверждать еще раз, что, благодаря личности Власова и его влиянию на добровольцев, во всяком случае у большинства, укреплялось желание принять участие с оружием в руках в борьбе со сталинским строем.

Когда кончилась война, один из американских офицеров, следователь, задал начальнику всех добровольческий частей в ОКХ, генералу от кавалерии Кёстрингу во время его годичного пребывания в Соединенных Штатах, следующий вопрос: «Как это вы могли, очевидно, с револьвером в руках заставить столько солдат из чужих стран пойти на службу гитлеровской Германии?» Бывший немецкий военный агент в Советском Союзе, а потом бывший начальником русских добровольческих отрядов, устало улыбаясь, ответил: «Неужели вы все еще верите, что мы угрозами насильно могли заставить около двух миллионов людей, прошедших 24-летний гнет при Сталине, взбунтоваться против него!» И по всей вероятности он еще подумал: «Неужели американцы до сих пор не поняли, что сотни тысяч наших вооруженных добровольцев и другие готовые помочь Hilfswillige невооруженные советские солдаты, взятые в немецкие части, не использовали первой возможности на Восточном фронте избежать

и комиссарского коммунистического строя…»

В связи с этим необходимо указать, что Власов и его люди твердо рассчитывали, что западные союзники сразу же после капитуляции Германии начнут борьбу против советской стороны. Это был ошибочный расчет, который превратил Власова в трагическую фигуру.

В потоке вражеского наступления

После того, как десант в Нормандии удался, и союзные части в своем превосходстве распространились по Бретани, а Париж, невзирая на самоубийственное сопротивление, был захвачен, — русские добровольческие батальоны тоже были втянуты в этот общий поток. В это время, когда немецкое военное руководство точно не знало, где находились отдельные немецкие части, нельзя было определить судьбу этих в большинстве доблестных батальонов и выяснить — где они находятся. Отколовшиеся их подразделения по одиночке появлялись у Западного Вала.

Одна артиллерийская часть № 621 (русская) заставила говорить о себе 6 сентября 1944 года. Капитан Кейлинг, имея ее в своем авангарде, получил приказ захватить переправу через реку Шельду у Уенарде и Эйне и удерживать ее для того, чтобы дать возможность армейскому корпусу отступить через нее. Это удалось ему в упорном бою с его переутомленными батареями, и он был за это награжден рыцарским орденом Железного Креста. Позже, уже как майор, Кейлинг стал правой рукой полковника Херре, который, будучи руководителем немецкого штаба по формированию в Мюнцингене, сотрудничал с полковником Буняченко по созданию первой дивизии РОА,

При последней вспышке сопротивления немецких военных сил, опираясь на казалось бы твердую оборонную способность Западного Вала, Гитлер дал сигнал для боя в Арденнах (на рубеже 1944-45 г.). В это сражение были втянуты еще некоторые не пострадавшие добровольческие отряды. Из-за плохого руководства они взбунтовались или перебежали и сдались в плен и были пароходами отправлены в Соединенные Штаты. Другие попали как пленные в Англию или по приказу Гитлера были обезоружены и отправлены в рабочие дружины. Немногие боеспособные остались и были использованы при формировании настоящих власовских частей, которые только теперь, слишком поздно, наконец заслужили право именовать себя РОА — Русской Освободительной Армией.

Тем, кто хотел бы узнать о страшной судьбе членов русских добровольческих частей, оставшихся еще в живых, следует

рекомендовать выдающееся описание английского историка Николая Толстого в книге «Преданные в Ялте. Вина Англии перед историей», кроме того книгу английского лорда Николая Бетеля «Последняя тайна. Выдача русских беженцев союзниками в Советский Союз в 1944—47 годы» и, наконец, книгу Эдгара Венцеля «Так пошли казаки в ад».

Если до сих пор больше всего описывались батальоны, расквартированные во Франции, Бельгии и Голландии, то следует также упомянуть и о добровольческих частях, стоявших в Норвегии, Дании и даже на островах в Эгейском море и, наконец, о Тюркской дивизии, бывшей в Италии.

Имя Бочарова возникло еще раз в один из решающих моментов, когда этот высоко ценимый генералом Фармбахером в Бретани командир добровольческой части появился в северо-восточной Италии как офицер для связи Власова к генералу Краснову. Власову удалось добиться вылета Бочарова из окруженного американцами немецкого опорного пункта Лориан и поручить ему важное задание. Оно состояло в том, чтобы убедить старого эмигранта генерала Петра Николаевича Краснова и его единомышленников, по крайней мере до победы над советской властью, сражаться вместе с власовскими частями. Дело в том, что упомянутые лица как казаки возражали против великорусской концепции Власова. Власов отнюдь не требовал подчинения себе, а только хотел объединенных действий против советчиков, Краснов же был, вместе со старшими казачьими руководителями, против соглашения с Власовым, которого там проклинали как «красного генерала». Кроме того, Краснов хотел подчинения казаков немцам. Его упрямство, вызванное его возрастом, прямо вредило общему делу. Даже его близкие родственники — генерал Николай Николаевич Краснов и Семен Краснов — ожесточенно возражали ему.

Опытный и примиренчески настроенный, произведенный в полковники Бочаров прилагал все усилия, чтобы убедить казачество усвоить великорусскую концепцию Власова. Велись нескончаемые переговоры, на которых присутствовал только один понимавший по-русски немецкий офицер для связи. Все это было очень трудно для Бочарова как бывшего советского офицера, тем более, что руководители казаков ссылались на 500-летнюю традицию и на постоянное военное подчинение казаков Царю… При этом они забывали, что подчиненные им казаки все уже (хотя отчасти и против своей воли) служили в Красной армии и по своему личному опыту лучше знали советскую систему, чем Краснов. В конце концов пришли к соглашению, особенно в связи сотрудничества с немцами, что в будущем следует отложить

обсуждение всех политических разногласий.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СС перенимает власовское движение

Какое значение созданию Власовской армии придавалось в Главном штабе сухопутных войск, видно из следующего факта. Уже в 1942 году особенно интересовавшийся русскими делами майор, а позже полковник ген. штаба, граф Штауффенберг, был назначен делопроизводителем в Организационном отделе Генерального штаба сухопутных войск по созданию всех добровольческих отрядов под немецким командованием.

Посвященные в Генеральном Штабе и Главнокомандующие на Востоке терпели Власовское Движение и поддерживали его, часто прибегая к приемам укрывания от высшего руководства. Все больше оно становилось составной частью планов тех офицеров в немецком Генеральном Штабе, для которых было ясно, что Германия может быть спасена от поражения только при полной перемене политического курса. Для того, чтобы осуществить такую перемену, считалось, что покушение на Гитлера необходимо. Уничтожив Гитлера, можно было бы спасти сотни тысяч человеческих жизней. И не только это. Готовы были к уступкам, чтобы, освободив на Западе силы, использовать их на Востоке. Была надежда, что кампанию на Востоке удастся превратить в гражданскую войну и добиться для этого помощи от западных союзников.

Позже я узнал из достоверного источника, как далеко зашла такая подготовка, а именно — что были готовы аэродромы для прилета союзнических войск. Что касается гражданской войны на русском пространстве, существовал расчет, что в ней примет широкое участие само советское население. Ядром этих антисоветских сил, которые бы были созданы в кратчайший срок, нужно было сделать Власова и его армию.

В обширной литературе на эту тему попытки устранить Гитлера связываются с указанным планом. В связи с этим возникает интерес к тому, в какой мере Власов был информирован об этих проектах. Ответить на этот вопрос весьма трудно. Власов сам никогда не затрагивал этой темы.

Он прерывал такого рода разговоры, заявляя: «Это ваше немецкое дело, которое меня не касается». По поводу же противников Гитлера и о их планах он высказался в разговоре с Гиммлером в сентябре 1944 года. Когда Гиммлер спросил его, почему в 1938 году не удался заговор Тухачевского, Власов

ответил: «Тухачевский сделал ту же ошибку, как и покушавшиеся 20-го июля: они не учли реакции массы».

Конечно, Власов знал о напряженных отношениях между партией и военными, и, естественно, что его симпатии были на стороне последних. Однако он этого не проявлял. Когда, после покушения на Гитлера 20 июля 1944 г. у военных было отобрано руководство Власовским Движением и передано в руки СС, Власов попытался спасти свое движение, если вообще можно было что-нибудь спасти. Он убеждал чинов СС в своей готовности к сотрудничеству. Капитаны фон Гроте и Штрик-Штрикфельдт старались ему это отсоветовать. Но Власов утверждал, что все, кто ему доверяет, не могли бы понять отказа. Он хотел непременно иметь собственную армию, а вместе с ней и известную власть. Весь мир должен был из соответствующей прокламации узнать, что он и его сторонники не изменники, а политические борцы. Власов не хотел допустить ликвидацию организации и возлагал надежду на то, что союзники после поражения Германии смогут ее использовать. Оглядываясь на прошлое, нужно считать, что к моменту покушения на Гитлера в недрах СС уже наметилось благоприятное отношение к Власовскому Движению. Если бы этого не было, то после 20 июля само движение было бы вовлечено в волну общего уничтожения.

Однако порядок, по которому СС и СД переняли Власовское Движение, отнюдь не рождал радости. Они, так поздно пришедшие к нему, неожиданно все лучше знали и прижали к стене нас, поставивших с самого начала с большим гражданским мужеством на карту Власова. «Новые господа», с которыми Власову теперь пришлось иметь дело, возглавлялись эсэсовским оберфюрером д-ром Эрхардом Крёгером. Он приступил к своим обязанностям сразу же 22 июля, после согласия Гиммлера.

Конечно, Власову было ясно, что с этого момента он должен будет отказаться и больше не рассчитывать на сотрудничество и добрые советы своего «домашнего святого», как он обычно называл капитана Штрикфельдта. Он понял, что Штрикфельдт не мог перейти в войска СС. Это было условием руководства СС для его дальнейшего пребывания и штабе Власова и, очевидно, соответствовало их желанию. Заместитель шефа Отдела личного состава частей СС предложил Штрикфельдту переход с одновременным повышением в следующий чин, то есть в штурмбанфюреры (майоры). Но Штрикфельдт этого не хотел, и я понимал его. То, что он отклонил это предложение, было безусловно правильно. Ведь оно не гарантировало, что он все-таки не будет назначен в другое место. Поэтому ему надлежало временно исчезнуть из поля зрения… На торжественном акте в

Праге 14 ноября 1944 г. при обнародовании Манифеста он еще принимал участие. Но после этого он, что называется, был изъят Геленом из «передовой линии» и исчез в поместье «Бибертейг» некоего Кортюма, находившемся в районе Вестштернберг, в 20 километрах к востоку от Франкфурта на Одере, в Померании. Там он занялся писанием военной истории. Прощание с Власовым было чисто формальным. Поведение Власова было для меня еще одним доказательством влияния на него советской школы, а именно: не следует выражать симпатии другу, попавшему в немилость, это ему все равно не поможет. Такое проявление дружбы может стать опасным для жизни, так как всякий симпатизирующий воспринимается контрольными органами как соучастник в преступлении.

«Вступай в колхоз»

Руководство СС предложило мне такое же условие. В беседе со Штрикфельдтом и Власовым последний разрешил мою дилемму, сказав мне: «Дорогой Сергей, вступай в колхоз!». Он сравнил переход в части СС со вступлением в колхоз, что вызывало у русских крестьян сильное сопротивление, поскольку они ненавидели колхозы. Так я сделал этот шаг и мог и дальше выполнять свои задания при Власове и в КОНРе. Весьма важно было, что я мог сохранить мою полевую серую форму СА. Перемена формы вызвала бы замешательство и подозрение среди моих русских сотрудников. Чтобы избежать этого, я подал соответствующее прошение, которое было удовлетворено специальным разрешением.

Если не считать совета по поводу вступления в колхоз, в разговорах со мной Власов никогда не высказывался о замене военных сил Вермахта войсками СС. Об этом он также, видимо, не говорил и ни с кем другим. Это постоянное молчание подтверждало данную ему кличку «молчаливый хитрый китаец», которую он получил в Красной армии.

Мое личное общение с немецким сопротивлением ограничилось только одной попыткой (предпринятой в начале 1944 года) — выяснить, могло ли Власовское Движение рассчитывать на поддержку с этой стороны. При посредничестве одной хорошей знакомой был установлен контакт с одной группой, которая объединялась вокруг полковника Военно-воздушных сил. Насколько я помню, эта группа находилась в Целендорфе или в одном из соседних пригородов. Так или иначе, встреча состоялась в лесу, недалеко от маленького озера Крумме Ланке. Кроме упомянутой дамы и меня, в этой встрече принимал

участие и человек, который, по всей вероятности, принадлежал к упомянутой группе. Имя его не было мне известно. В этом разговоре, который продолжался более часа, я подробно описал планы Власовского Движения — как свергнуть большевистский режим и воссоздать вновь национальную Россию. Меня внимательно слушали, но в конце концов мой собеседник заявил: «Мы не будем вас поддерживать!» На мой вопрос — почему же? — последовал ответ: «Потому что ваши действия могут вызвать победу нацистской Германии, а этого мы не хотим ни при каких условиях…»

Я помню еще мое возражение: «То есть вы придерживаетесь того взгляда, что прикончить кишечного червя (солитера), который угнездился в больном, можно только убив самого больного?» — «Да, — ответил мой оппонент, — это наше убеждение». После этого я больше никогда не вступал в общение с указанной группой сопротивления и ни с какой другой. Тогда существовало много мелких и совсем маленьких групп, о деятельности которых ничего не было известно, но временами открывались пути, если вы их искали. Так, значительно позже я услышал, что группа этого полковника была на поводу Москвы…

Западные союзники почти не обращали внимания на попытки сближения со стороны немецкого движения сопротивления. Некоторые, разочарованные тем, что их старания не встречают ответа на Западе, стали надеяться на Восток. Москва всегда была готова давать широкие обещания, но полагаться на их выполнение нельзя было. И за отсутствием достаточного знания и опыта в сношениях с коммунистами они принимали Сталина за настоящего государственного деятеля.

Это главу я хотел бы закончить выдержкой из книги «Служба — Воспоминания 1942–1971» Рейнхарда Гелена: «Полковник Штиф и майор граф Штауффенберг из Организационного Отдела ОКХ одобрили осенью 1942 года создание «Русского Пропагандного Отдела» (Ost-Prop.-Abtlg.) Таким образом был создан под вывеской пропаганды «Центр русского руководства».» Эти строки, написанные офицером, который, вероятно, был информирован лучше всех, в большой мере подтверждают мои доводы.

Запоздалый брак

Тени 20 июля 1944 года лежали на всех нас. Встреча Власова с Гиммлером, которая должна была состояться на следующий день, была отложена на неопределенное время. Опять-таки все было под вопросом, и настроение в штабе было подавленное. Во

имя безопасности Власова и с целью подсказать ему другие мысли, мы предложили ему посещение Руполдинга, а точнее здравницы для солдат СС поблизости Гаубензее. Этой здравницей руководила г-жа Адельхейд (Хейди) Биленберг, вдова павшего доктора СС. Штрикфельдт, адъютант генерала капитан Антонов и я сопровождали Власова в этой поездке. Она привела нас в Мюнхен, где у нас был короткий отдых в солдатском доме, находившемся там, где теперь стоит универсальный магазин Херти, вблизи вокзала. Из Мюнхена мы ехали дальше поездом в Руполдинг, де нас ждала машина, доставившая нас в здравницу.

Власов увидел в этом маленьком горном курорте типичные для южной Германии пестро раскрашенные, окруженные цветами домики. Он считал их летними дачами капиталистов, которые достигли благосостояния благодаря эксплуатации трудящихся. Он не хотел верить, что в этих домах жили обычные рабочие, лесники. Поэтому мы предложили ему посетить по его выбору один из этих домиков. Любезная хозяйка, которой мы объяснили причину нашего визита, охотно показала нам все: весь дом, комнаты, кухню, кладовую, скотный двор со свиньей и курами. Власов открывал шкафы и ощупывал кровати. Он не находил слов для похвал и, в конце концов, высказался: «Вы немцы дважды победили меня — первый раз на Волхове, а второй раз здесь, в сердце Германии».

Г-жа Биленберг была интересная особа 35–40 лет, культурная, образованная, начитанная и общительная. Она охотно играла на гитаре и пела. Еще до встречи она в кругах эсэсовцев выступала в защиту Власова.

Они познакомились еще раньше в Берлине.

Мы сидели в ее комнате на мягких креслах у круглого стола и пили чай. Казалось, что Власов был под сильным впечатлением от этой необычной уютной атмосферы и вообще от личности самой хозяйки. Они ходили вместе гулять и с удовольствием беседовали. За это время Власов настолько освоил немецкий язык, что мог заставить себя понимать его, а г-жа Биленберг знала несколько фраз по-русски. Постепенно знакомство превратилось в связь, которая в конце концов привела к браку. Однако он в окружении Власова не встретил большого сочувствия.

Крёгер так охарактеризовал г-жу Биленберг: «Свадебный план исходил только и единственно от г-жи Биленберг и поддерживался ее матерью, которую всегда брали с собой в качестве дуэньи. Эта пара была совершенно различна. У г-жи Биленберг вообще не было никакого понимания ни значения, ни сущности Власова. Такой брак не мог протекать в согласии с обычными немецкими представлениями о совместной жизни. Она

добивалась этого брака еще в берлинские времена, используя вечный женский прием отказа. Власов заговорил об этом со мной еще в Берлине. Я был против не потому, что не сочувствовал г-же Биленберг, а потому что политические последствия для Власова были уж очень очевидны. Его большой и растущий авторитет среди солдат, офицеров и рабочих нужно было оборонять от любого опасного упрека, который мог зародиться у его русских противников, а именно — что он только подхалим, блюдолиз и послушный исполнитель при немцах.»

Власов считал, что его жены в России, от которой у него было двое детей, больше нет в живых. Последним проявлением ее жизни была телеграмма, которую она послала ему в окружение на Волхове. Это было для нее очень опасно, но она его любила и ради него готова была на все. Конечно, и г-жа Биленберг любила Власова, но действовала скорее из тщеславия: она хотела стать «генеральшей» и не соглашалась на скромную роль его подруги. Она мечтала походить на Екатерину Великую, став супругой освободителя России, с большим влиянием на политику. Поэтому уже сейчас она требовала особого места при Власове в обществе, хотя официально бракосочетание состоялось лишь 13 апреля 1945 года в Карлсбаде. В день основания русской «Народной Помощи», который должен был начаться церковной службой, г-жа Биленберг хотела ехать вместе с Власовым в автомобиле и при самом торжестве занимать место рядом с ним. Я же считал это неудобным и поэтому попросил ее сесть в автомобиль, в котором уже находились моя жена и жена полковника Кромиади. Потом в зале все три дамы могли принять участие в торжестве, сидя в первых рядах. Я предполагаю, что г-жа Биленберг никогда не простила мне этого перемещения. Она сумела еще до свадьбы подорвать мои отношения взаимного доверия с Власовым… И я действительно перестал быть его постоянным сопровождающим и ежедневным собеседником, как было до этого.

Это бракосочетание состоялось так поздно потому, что для него требовалось специальное разрешение, которое было запрошено у Гиммлера и одобрено им в исключительном порядке. Крёгер пишет об этом: «Разрешение на брак Бергер формулировал недостаточно ясно. Я говорил об этом с ним из Карлсбада по телефону и получил разрешение действовать по своему усмотрению. После этого я решил использовать наименее юридически уязвимый способ, а именно: дать в письменной форме от имени имперского министра внутренних дел Гиммлера указание чиновнику Гражданских Записей в Карлсбаде — заключить этот брак.»

Гражданское бракосочетание было совершено тихо и скромно

в отеле «Ричмонд» в присутствии немногих свидетелей, пастора Шаберта и Крёгера. Из-за желания сохранить тайну — никого из русских не было. Поскольку Власов в этот завершающий период был все время в пути, трудно считать, что это был настоящий брак.

Г-жа Биленберг, наконец, добилась моего перевода в Главное Организационное Управление КОНРа, руководимое заместителем Власова генералом Малышкиным, в котором я доработал с ноября 1944 по февраль 1945 г. как офицер для связи, будучи одновременно и офицером связи со штабом Вспомогательных Частей, которым руководил полковник Антонов. И здесь были весьма важные задачи, так как в круг деятельности Главного Организационного Управления входили задания, для которых не были созданы нужные отделения.

Но мое влияние на Власова было уже недостаточным, и это случилось как раз в такое критическое время, когда надо было сделать все, чтобы защитить его и его сотрудников. Я был этим страшно подавлен. Может быть в будущем я был бы единственным человеком, который мог указать Власову путь к спасению, как возможный пример, в католическом монастыре.

Эдвин Эрих Двингер обещал Власову: «Если все действительно станет совсем плохо, приезжайте тогда ко мне, на мой хутор, Андрей Андреевич. Я всегда найду способы вас спрятать.» Я же всегда считал, что в случае беды нельзя рассчитывать на его помощь, что, конечно, потом и подтвердилось.

Казалось, что Власов сам потерял всякий интерес к своему спасению. У меня создалось впечатление, что он целиком предался своей судьбе, что он был готов допустить все происходящее, как оно произойдет. Но он никогда не согласился бы оставить свою армию.

Г-жа Биленберг добивалась после войны получения генеральской пенсии, но в этом ей было отказано, потому что хотя Власов и был генералом, но не был генералом немецкого Вермахта. Власов оставил ей порядочную сумму денег, но члены его окружения отобрали их у нее под предлогом, что деньги нужны для того, чтобы помочь ему.

После войны я встретил г-жу Биленберг еще один раз. Ныне ее больше нет в живых.

Посещение Гиммлера

Этот визит был назначен на 21 июля 1944 г. Штандартенфюрер войск СС Гюнтер д'Алкен уже в сентябре 1943

года решительно протестовал против безобразного названия «унтерменш» и смог убедить Гиммлера пригласить Власова к себе. Договоренность об этом была достигнута между Гиммлером и д'Алкеном при их встрече в Зальцбурге в июне 1944 г. после немецкого разгрома на Среднем фронте.

Капитан фон Гроте явился на Кибицвег 20 июля, чтобы сопровождать Власова к Гиммлеру. Настроение в штабе было повышенное: возлагалась надежда на то, что эта встреча поможет Власовскому Движению. Однако обещанные для поездки машины все не прибывали. Власов забеспокоился, предполагая опять перемену настроения… Однако мы поняли настоящую причину, когда по радио было объявлено о покушении на Гитлера.

Таким образом встреча Гиммлера с Власовым состоялась только 16 сентября 1944 года. Тем временем Народный Суд ликвидировал многих членов оппозиции, среди которых было много сторонников Власовского Движения. На этот раз Власова сопровождали Штрикфельдт, д'Алкен и как представитель СД штандартенфюрер СС Элих. Штрикфельдт как русофил и с точки зрения национал-социализма не заслуживающий доверия, не мог присутствовать при самом совещании в Главной Квартире в Растенбурге. Вместо него выступал переводчиком оберфюрер СС Крёгер, что вызывало у нас известное недоверие.

Об обмене мнениями между Власовым и Гиммлером уже много написано. Поэтому здесь я ограничусь только сообщением о назначении Власова Главнокомандующим Русской Освободительной Армии, которую предстояло создать. Разрешение на формирование этой армии было связано с производством Власова в генерал-полковники, но он это производство отклонил, так как отрицал право немецких учреждений на такое продвижение. Гиммлер собирался даже произвести Власова в маршалы, но д'Алкен, который имел большое влияние на Гиммлера, сумел его отговорить. Он доказывал, что производство в такой чин могло исходить только от русских. Власов и раньше не надевал немецкой генеральской формы. Он один среди других генералов РОА не пользовался немецкой формой, а носил какую-то выдуманную, без знаков отличия.

Власов получил также разрешение на создание Комитета Освобождения Народов России, то есть КОНРа. Этот комитет должен был объединить все народы России. Я подчеркиваю «все народы России», не только русский, но и все другие, проживающие на территории Советского Союза, то есть украинцев, кавказцев, казахов, калмыков и жителей Средней Азии.

При совещании с Гиммлером Власов указал на большой людской запас, который представляли собой русские рабочие в Германии. Но Гиммлер считал необходимым принять во внимание, что этих людей нельзя будет освободить от их рабочих обязанностей, не нанося вреда военной промышленности. При этом верность этих «остарбейтеров», если бы они стали солдатами, не подвергалась сомнению. Когда позже д'Алкен по поручению Гиммлера информировал шефа Гестапо Мюллера о совершенно новой политике по отношению к этим «унтерменшам», то выяснилось, что вообще не было случаев саботажа со стороны последних.

Помимо всего этого, Гиммлер назначил оберфюрера СС Крёгера офицером для связи при Власове. Крёгер был из Прибалтики и руководил там так называемым «движением», которое выступало за национал-социализм. Генерал Готтлоб Бергер, из Главного управления СС, также был назначен главноуполномоченным Гиммлера по всем делам, касающимся Русской Освободительной Армии. Эти два назначения и отстранение «домашнего святого» указывали, что эта обновленная деятельность Власова уже не будет такой, какой она была при Штрик-Штрикфельдте.

Вне всяких сомнений, Власов произвел на Гиммлера большое впечатление. К тому времени Гиммлер осознал, что в войне больше нельзя победить. В этом отчаянном положении Власов и его движение представлялись ему в совсем новом свете: может быть с их помощью судьба могла еще сделать поворот. Власову же казалось, что Гиммлер проявил определенную сдержанность. Следующий разговор Власова с Гиммлером был назначен на февраль 1945 года, но он так никогда и не состоялся.

Власов вернулся в Берлин, где его ждали с нетерпением. Казалось, что, наконец-то, можно будет приступить к организации Комитета и к формированию РОА. Создание двух дивизий уже было одобрено Гиммлером, и создание трех следующих должно было последовать. Власов был настроен оптимистически, но вместе с тем и сомневался: неужели немецкое руководство теперь готово изменить курс своей политики на Востоке? Создался ли действительный союз в этой игре? Был ли Гитлер целиком осведомлен о его разговоре с Гиммлером? А главное — не запоздало ли все это?

Дрезденский банк предлагает кредит

Клаус Боррис, который по своей должности располагал исключительными связями в немецких промышленных и

финансовых кругах, основал параллельно со своей главной деятельностью в Берлине «Рабочее Содружество Восток» (Arbeitsgemeinschait Ost). Канцелярия его помещалась в здании Промышленной и Торговой Палаты на Унтер ден Линден 210. С 1939 года он, будучи саперным офицером, служил на разных фронтах, но в 1943 году, заболев малярией, был прикомандирован в Берлине к Военному Управлению. Здесь он стал личным референтом (докладчиком) дипломированного инженера в генеральском чине Генриха Фромма, начальника Главного отделения «Железо и сталь» в Министерстве государственного хозяйства. Потом Фромм и Боррис были переведены в Министерство военного снабжения.

Председателем, этого «Рабочего содружества Восток» стад представитель Дрезденского банка, директор Карл Раше. Членами его были также Паул Плейгер и Ханс Керль. Это сообщество, за которым стояли немецкие промышленники и банкиры, было заинтересовано в хозяйственных возможностях в Восточной Европе. Оно высказывалось в пользу такой восточной политики, которая поддержала бы независимость народов Востока и привела бы к облегчению жизненных условий для населения в оккупированных областях и «остарбейтеров» в Германии. В своих многочисленных докладах и прошениях содружество обращалось к ряду лиц, на которых возлагалась надежда, что они, поняв остроту затронутых тем, смогут повлиять на изменение опасной по своим последствиям восточной политики. Такими людьми были лица из партии и ее Организаций, чины войск СС и Вермахта, чиновники министерств, деятели хозяйства и промышленности. От министра по вооружению Шпеера можно было ожидать известного согласия с гуманным отношением к «остарбейтерам» в предположении, что они ему нужны при выполнении его плана.

Власов и его движение были также включены в круг интересов этого «Рабочего содружества Восток». Генерала пригласили на обед. Его расспрашивали о проблемах хозяйственной и финансовой политики в Советском Союзе. И в этом кругу Власов произвел самое хорошее впечатление, последствием чего было, что Паул Плейгер и Ханс Керль стали выступать в защиту его идеи в ряде министерств. Они даже решились на известное выступление в Главной квартире Фюрера, но оно было резко отклонено.

Тем временем Клаус Боррис и д-р Раше размышляли о том, что можно было бы еще предпринять, чтобы облегчить судьбу «остарбейтеров». Они два или три раза в месяц встречались в собрании банка Харди, отделения Дрезденского банка. В этих

встречах часто принимал участие прибалт Сильвио Бредерих, специалист по вопросам переселения. Он поддерживал, нас в нашей работе и в трудные времена часто принимал Власова в своем имении «Езериг», недалеко от Геца, между Вердером и Бранденбургом-Хавель. Я тоже посещал его там.

Благодаря инициативе Борриса и Раше, в конце концов удалось добиться (при поддержке группы влиятельных лиц, во главе с Раше) согласия на открытие кредита генералу Власову в пределах трех миллионов рейхсмарок. Основной целью было создание финансовой базы для находившегося в процессе образования правительства в изгнании и предоставление ему возможности стать независимым от партийных организаций. Условием, однако, было получение гарантии по этому кредиту от Министерства финансов. Боррис между тем уже получил на это согласие от министра финансов графа Шверин-Крозига. Но тут было еще одно препятствие. Использование денег из одобренного кредита становилось возможным только при условии, что существующее пока только на бумаге правительство в изгнании превратится в национальное. За такое признание велась упорная борьба, но нельзя было предвидеть, когда это может состояться. Ввиду всего этого, Раше был готов для преодоления препятствий выдать Власову задаток под этот кредит. Я должен был получить эти деньги.

Боррис вызвал меня однажды по телефону и рассказал о намерении Раше. Он просил меня в определенный день к определенному часу явиться на виллу Раше. Я реагировал следующим образом: «Для чего же? У нас же будет наш финансовый договор как обеспеченная основа для финансовых операций.» Но Боррис возразил: «Этот кредит задуман как совершенно личный для Власова и предусмотрен для целей, которые он один, вне всякого контроля может выбрать.»

Как видите, это было нечто другое. Поэтому я наконец и собрался в дорогу, чтобы получить для Власова эту «мелочь».

Как раз в этот день был тяжелый налет на Берлин. Из-за этого мы на вилле Раше сидели в очень комфортабельном бомбоубежище в удобных креслах при свете свечей и даже пили кофе. Над нами рвались бомбы и был слышен грохот зенитных орудий. Достойное внимания положение! Мы сговорились, что я на следующий день в то же время опять приеду, чтобы принять приготовленные 25.000 марок, которые предназначались в личное распоряжение генерала Власова. На следующий день я не поверил своим глазам: вилла Раше была покинута. Двери и окна были заперты и даже забиты гвоздями. Что могло случиться? Очевидно, Раше вынужден был стремительно покинуть свое жилье. Неужели

он не был осведомлен о таком решении накануне? Эту загадку я никогда не мог разрешить. И из миллионного кредита ничего не вышло. Крёгер, наведя справки в своем учреждении, высказался таким образом: «В то время было бы неправильно предоставить право одному частному финансовому заведению влиять на события». Я лишь позже узнал о таком объяснении.

Директор банка Раше после войны в Нюрнберге был обвинен «в грабеже Протектората Богемии и Моравии», но был оправдан, благодаря показаниям Клауса Борриса, своих друзей и ответственных представителей чешского экономического мира и банков.

Что касается «Рабочего Содружества Восток», то, естественно, ответственные господа подверглись преследованиям за свою деятельность, то есть за выпускаемые ими доклады и циркуляры. В частности, четыре опубликованных доклада были написаны профессором д-ром Теодором Оберлендером, будущим федеральным министром по делам изгнанных, беженцев и пострадавших в войне, как и его друзьями.

Оберлендер был тогда командующим частями из кавказских добровольцев, созданными по его предложению и подчинявшихся Вермахту и его штабу Amt Ausland/Abwehr, Abw II. Эти батальоны «Бергман» состояли исключительно из бывших чинов Красной армии и отличились в ряде боевых действий. Оберлендер и его офицеры при этом сталкивались с определенным противоречием: Гитлером была провозглашена политика относиться к освобожденным от советского режима народам как к объекту эксплуатации, в то время как эти люди были их собратьями по оружию.

Несколько докладов «Рабочего Содружества Восток» сохранились и сыграли значительную роль после войны в процессе против федерального министра Оберлендера.

Картотека лиц, связанных с «Рабочим Содружеством», имела свою судьбу. Вскоре после того, как штаб СС (Reichssicherheits Hauptamt) на Принц Альбрехт штрассе был разбомблен, начальник «Отдела внутренних сообщений» Отто Олендорф подверг допросу Борриса. Олендорф заседал тогда во временном помещении на Александер Плац. Он заявил Боррису: «Вы, кажется, не имеете представления о том, с какими людьми вы общаетесь. Они даже не считаются с личностью Фюрера». Олендорф потребовал выдачу картотеки. Но скоро после этого и это временное помещение на Александер Плац было разбито, и Олендорф исчез из Берлина. Это дало возможность Боррису сжечь картотеку в имении Сильвио Брёдериха «Езериг». Позже Олендорф был повешен в Ландсберге.

«Рабочему Содружеству» иногда удавалось устранять вредные последствия. Так, помимо прочего, оно смогло на известное время воспрепятствовать изготовлению нашивки «остарбейтер», воспользовавшись, тем, что на них не имелось нужной материи. Но тогда последовал разнос со стороны пользовавшегося дурной славой начальника Гестапо Мюллера, и производство нашивок возобновилось.

Обнародование Манифеста в Праге

После встречи с Гиммлером Власов приступил к выработке текста манифеста, который должен был быть оглашен на торжественном, учредительном собрании Комитета Освобождения Народов России — КОНРа. Генерала спросили, сколько времени ему будет нужно для этого. Его ответ гласил: «От двух, до двух с половиной недель». Я точно помню его ответ.

Однако потом оказалось, что для окончательной редакции потребовалось почти два месяца. После бесконечных обсуждений в сотрудничестве со специально для этого созданной комиссией и с прежним Комитетом Освобождения Народов России был выработан проект манифеста. Он содержал 14 пунктов о том, как будет выглядеть Россия, за которую Власовское Движение, Русская Освободительная Армия (РОА) и сам КОНР готовы были вступить в борьбу. В этой России не должно было быть «ни коммунистов, ни капиталистов». Ясно было, что искали средний путь.

Манифест, выдержки из которого приводятся в Приложении, был документом гуманности. Проект текста был послан ряду немецких учреждений, в том числе и Гиммлеру, но не Розенбергу. Как я потом узнал от Власова, текст вернулся, усеянный собственноручными примечаниями самого Гиммлера, главным образом антисемитского характера.

Власов отказался принять эти поправки. В общем Власову и его сотрудникам выработка текста Манифеста была не совсем по силам. Поскольку его написание растянулось почти на два месяца, противники Власовского Движения могли за эти недели создать бесчисленное количество препятствий. К этому времени уже не было централизованного руководства в Третьем Рейхе. Сам аппарат часто бывал сильнее Гиммлера и самого Гитлера. У чиновников оставались еще в силе его слова: «Для чего нам нужны эти русские? Мы и без них можем победить Советский Союз и овладеть им». Когда же они узнали, что генерал Власов собирается издать манифест, который выдвигает его как Главнокомандующего русской антикоммунистической армией,

они предприняли все, чтобы торпедировать эту идею. По программе национал-социалистов русские по-прежнему должны были превратиться в народ рабов.

Первоначальный план предвидел обнародование манифеста в годовщину Октябрьской революции, и это должно было состояться в русском городе. Но этого нельзя было сделать. Вместо Смоленска, уже оставленного немецкими войсками, или какого-либо другого русского города, пришлось выбрать Прагу. Торжественное обнародование манифеста 14 ноября 1944 года состоялось в старинном дворце Храдчане, высоко над рекой Влтавой. С немецкой стороны хозяином был Карл Герман Франк, министр Богемии и Моравии. Как представитель немецкого правительства участвовал также обергруппенфюрер войск СС Вернер Лоренц. Гостями были: президент государства Эмиль Хаха, известные генералы Вермахта и войск СС, многочисленные русские, среди них глава русских эмигрантов в Германии генерал Василий Бискупский, начальник Русского Общевоинского Союза (РОВСа) генерал Алексей Лампе, начальник Дроздовской дивизии генерал А. Туркул, атаман донских казаков генерал П. Н. Краснов и казачий генерал-майор А. Г. Шкуро. Присутствовали также и родственники русских офицеров и чинов добровольческих отрядов и многочисленные остарбейтеры. Не все они сочувствовали власовской идее.

Я также принимал участие в этом событии. Профессор Сергей Михайлович Руднев, русский эмигрант из Берлина и старший член Комитета, открыл собрание короткой речью. Он был так взволнован, что плакал, произнося свою речь. Выбранный президиум состоял из генералов Малышкина, Трухина, Жиленкова, Закутного, профессора Ф. П. Богатырчука и членов-кандидатов профессора Иванова, профессора Будзиловича и Ю. Музыченко (Письменного).

Центральным пунктом при обнародовании манифеста было выступление самого Власова, который спокойно своим глубоко звучащим басом обрисовал цели и возможности своей программы. Переводил его слова барон фон дер Ропп. Это было его последним выступлением для Власовского Движения, так как после перехода его в ведение войск СС многие сотрудники должны были прекратить свою деятельность, если они не хотели переходить в состав эсэсовских войск.

Для генерала Власова это стало большим днем. С ним он связывал большие надежды. Он верил, что обнародование Манифеста будет означать значительный успех для его движения и что он сможет, наконец, приступить к формированию своей освободительной армии. «Мы должны продвинуться в Россию, и

тогда мы будем вести войну главным образом по телефону», — сказал он. Он верил в возможность возникновения гражданской войны и доказывал это словами: «Как только наша армия появится на фронте, противник начнет перебегать». Действительно, это частично и подтвердилось.

В добавление к обнародованию Манифеста были организованы два собрания: торжественный банкет для 60 немецких и русских руководящих лиц, который давался министром Франком во дворце Чернин, и собрание в Автомобильном Клубе, в котором практически мог принять участие любой из приехавших в Прагу на обнародование Манифеста.

При эстрадных выступлениях это собрание очень быстро выродилось в дикую пьянку. Предлагались в неограниченном количестве водка, коньяк, французские и голландские спиртные напитки из захваченных трофейных складов. И русские, и немцы принимали участие в этом пиршестве. Зал наполнился кричащими, жестикулирующими подвыпившими людьми. По углам лежали заснувшие пьяницы. Но эта распущенность объяснялась отчаянием: мы все понимали, что это начинание пришло слишком поздно.

Посреди этого хаоса стоял стол, за которым сидело 6 молодых людей, безукоризненно одетых, в очках с никелированными оправами, хорошо причесанных, которые любезно улыбались на все стороны. Это были японцы. Они пили только минеральную воду. Они тоже были гостями, ведь Япония была верным союзником Третьего Рейха. Власов присоединился к ним около полуночи, сохраняя спокойствие и не высказываясь.

18 ноября 1944 г. Власов огласил Манифест и в Берлине. В большом зале Эуропахаус толпились эмигранты, военнопленные и остарбейтеры, чтобы повидать и послушать председателя КОНРа. Перед Эуропахаус выстроилась почетная рота из Дабендорфа, которой с блестящей выправкой командовал полковник Поздняков. Он салютовал шашкой и подошел с рапортом к Власову.

Власов затронул цели и задачи Русского Освободительного Движения и прочитал Манифест. За этим последовали речи, из которых особенное впечатление произвела речь духовного лица, о. Александра Киселева. Он поклонился двум присутствовавшим митрополитам — Анастасию, Первоиерарху Русской Православной Церкви за рубежом, и Серафиму, митрополиту Германскому, и произнес свою речь по-русски. Его выразительное лицо и внешность, вызывающая симпатию и сочувствие, его убедительный голос, обращенный к сердцу слушателя, произвели

впечатление на многих немцев, которые не понимали по-русски. Всей своей внешностью он убеждал в правдивости, доброте и безграничной любви к русскому народу. Он говорил о великом задании, предстоящем для нас, — освободить русский народ из-под владычества неверующих и вернуть его опять к христианству. После торжества Власов принял обоих русских митрополитов и испросил их благословения.

Поскольку Власов придавал этому значение, мы выслушали еще речи представителей офицеров, солдат и остарбейтеров. Под конец торжества мы прослушали исполнение «Коль Славен», пропетый хором по мелодии песни «Ich bete an die Macht der Liebe» (Я молюсь мощи любви). Все это сопровождалось пестрой программой выступлений, которые были ниже всякого уровня и которые я считал совершенно излишними.

После обнародования Манифеста почти ничего не изменилось. Я уже сказал, что из-за проволочки при составлении текста Манифеста противники Власовского Движения сумели воздвигнуть многочисленные препятствия, которые теперь одно за другим приходилось устранять.

Я иллюстрирую это картинками, и это лучшим образом подтверждает действительность: Власов опять пребывал в Берлине-Далеме на Кибицвег. Учреждения власовской армии росли, и пришлось реквизировать ряд домов по соседству, чтобы их разместить. Но пока этим все и ограничивалось.

Читателю, который ныне спрашивает — почему обнародование такого Манифеста не было сделано раньше, — надо указать, что ведь дело шло о создании Комитета Освобождения Народов России (КОНР) и формировании Русской Освободительной Армии (РОА), и все это происходило на территории Третьего Рейха. Такого рода действия, естественно, требовали одобрения и согласия со стороны центрального немецкого правительства. То, что Гитлер раньше не смог решиться в пользу Власовского Движения, определило судьбу всех нас.

Споры среди национальных меньшинств и фантазер Розенберг

Проблема национальных меньшинств была весьма сложной, потому что существовали противоречия не только между народами на всем русском пространстве, но и между учреждениями в Берлине. Будучи борцом за великорусское решение, Власов хотел объединить в Комитете Освобождения народов России все народы этой страны. Ему представлялось, что

после ниспровержения общими силами большевизма в Москве соберется Учредительное собрание — конституанта. Оно сможет решить — останутся ли отдельные народы в составе русского государственного союза или создадут свои независимые государства: никому нельзя было отказать в выходе из этого союза. Разумеется, что для Власова были обязательны самоуправление, культурная автономия и другие демократические права. Они должны были быть признаны всеми теми, кто был готов присоединиться к национальной России.

Но Розенберг боялся великорусских идей Власова. Правда, его и сам Гитлер считал фантазером и назначил его министром Восточных Дел, только чтобы дать ему какой-то пост. Розенберг окружил себя настоящими или самозванными представителями народностей Советского Союза, которые или прибывали из занятых немцами областей, или присоединялись к нему из кругов эмиграции. От них он требовал создания отдельных национальных комитетов, которые тут же настаивали на отделении от русского государственного союза. Они должны были не допустить, чтобы этот вопрос стал предметом обсуждения, исследования или даже народного голосования. Таким образом, из Восточного (или, как русские его называли «Колониального») министерства сознательно велась антирусская пропаганда против Власова.

Тут было множество самых разнообразных народностей: разных групп украинцев, белорусов, туркестанцев, азербайджанцев, узбеков, армян, грузин, северо-кавказцев, карачаевцев, ингушей, таджиков, туркмен, каракалпаков, волжских и крымских татар, членов одиннадцати казачьих войск и ряд еще других. Розенберг обещал им золотые горы в отношении их будущей независимости, и они верили этому министру Гитлера. Так как Розенберг стремился к полному расчленению России, то он поддерживал все домогания этих народов и почти всюду создавал «правительства в эмиграции».

Его целью было создать на востоке большое число маленьких национальных государств, среди которых русские стали бы лишь одним из них. Большинство таких национальных комитетов вступало друг с другом в борьбу и отказывалось подчиниться КОНРу после его создания.

Как далеко заходила такая враждебность к Власову, показывает его встреча с председателем грузинского национального комитета Мишей Кедией. Когда Кедия, под давлением высоких чинов СС, должен был сесть за стол переговоров с Власовым, он упрямо остался стоять и заявил примиренчески настроенному Власову: «То, что я должен вам

сказать, я могу сказать и стоя и совсем коротко. Мне приятнее стоять лицом к Сталину, чем к заду Власова». При этом сами руководители СС вынуждены были признать, что тут не до переговоров…

Но нашлись и такие, которые просили Власова принять их в КОНР. Первым пришедшим с таким желанием был председатель Калмыцкого Национального Комитета Шамба Балинов.

Украинцы были представлены двумя очень энергичными людьми: профессором Юрием Письменным, впоследствии членом Президиума КОНРа, и профессором Гречко. Профессор Федор Богатырчук, бывший шахматный гроссмейстер, украинец, тоже стал членом Президиума КОНРа.

Белорусы были представлены в Комитете ученым советником Н. Будзиловичем, кавказцы — осетином профессором Цаголом, грузины — генералом Шалвой Маклагелидзе, но только персонально. Они не выступали от имени национальных комитетов.

Хан Иомудский, который из-за своего княжеского титула и независимого выступления считался признанным представителем туркестанцсв, внешне придерживался Строго антирусской политики, чтобы без всяких исключений скрывать свое в действительности про-русское настроение. Немцы решительно поддерживали его при формировании туркестанского легиона. При разговоре с Власовым с глазу на глаз он сказал: «Вы должны меня правильно понять. Я ведь завишу от немцев, как и все мы. Поэтому мы должны выполнять то, что они от нас требуют, это значит, что мы ведем пропаганду за Туркестан, независимый от России. Но между нами я могу вам сказать, что я, так же как и вы, стремлюсь к самому тесному союзу с будущей национальной Россией, при условии, что наши хозяйственные и культурные интересы будут соблюдены. Это я могу доверить вам только с глазу на глаз. Если кто-либо стал бы защищать этот мой взгляд публично, я буду его целиком отвергать».

Власов лично рассказал мне об этом разговоре. Тогда он еще доверял мне.

Со стороны горцев к Власову обратились с просьбой принять их в состав КОНРа Цинбал и Чачук.

Хорошо были представлены казаки. От Донского войска — двумя генералами — Абрамовым и Балабиным (оба по собственному желанию). Они были эмигрантами, один из Болгарии, другой из Сербии. Оба были героями Гражданской войны, выдающимися вождями крупных кавалерийских соединений, отличившихся в битвах со знаменитой конницей Буденного. К ним присоединился также полковник Кононов,

произведенный в марте 1945 г. в генерал-майоры. Он командовал бригадой, позже дивизией в 15-м казачьем кавалерийском корпусе немецкого Вермахта, который в марте 1945-го года формально подчинился Власову. Командовал корпусом немецкий генерал-лейтенант фон Паннвиц. Атаман Донского войска генерал Татаркин, атаман Кубанского войска генерал Науменко и генерал Шкуро также просили Власова принять их в Комитет. Татаркин скончался и погребен в Мюнхене. Другие тоже умерли, а генерал Шкуро был повешен.

Безрезультатны были переговоры с бывшим донским атаманом генералом от кавалерии Петром Николаевичем Красновым, на весь мир известным своим романом «От Двуглавого Орла к Красному Знамени». Он отказался примкнуть к Власовскому Движению.

Все люди этих народностей, которые были временно под немецкой властью — добровольцы, хильфевиллиге, остарбейтеры или военнопленные — после войны рассматривались советской властью одинаково, безразлично были ли они сторонниками Власова или нет. Их ссылали, проклинали, расстреливали. Они считались военными преступниками, коллаборантами, саботажниками, короче — «власовцами». Таких были миллионы…

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Учреждения КОНРа растут на глазах

Недоверие к Власовскому Движению после Праги ни в коем случае не уменьшилось. Как и прежде, оно было под обстрелом немецких учреждений. Розенберг подкладывал камни под ноги Власову всюду, где ему для этого представлялась возможность. Невзирая на это, однако, новые учреждения развивались одно за другим. Границы Кибицвег расширялись. Прибывали все новые генералы, офицеры и солдатские подразделения для новых учреждений Власовского Движения. Для них надо было находить новые помещения в Берлине-Далеме. Стали восстанавливать руины. Это было скорее, чем получить сохранившиеся еще дома. Доставлялся строительный материал. За все платило главное управление войск СС. Семь человек, живших на Кибицвег, превратились в семьсот. Штаб армии был размещен в пятиэтажном здании. Генерал Власов получил для себя отдельный дом на Тил-алле. Для солдат пришлось создавать временные помещения.

Этот прирост личного состава вызвал изменения в штабе. Полковник К. Г. Кромиади передал свою должность коменданта майору Сергею Хитрово, бывшему офицеру Красной армии, который происходил из старой дворянской семьи и вырос в Советском Союзе. Хитрово был уже третьим лицом на этом посту. Первым комендантом штаба был Евгений Васильевич Кравченко.

Первым было создано Главное организационное управление. Его начальником был генерал Василий Федорович Малышкин. У него была легкая рука при выборе сотрудников. Одним из первых, ставший потом его заместителем, был профессор Иванов, опытный администратор, с которым мало кто мог конкурировать. К сожалению, он скоро умер, после того, как учреждения Власова были переведены в Карлсбад. Тогда его обязанности в большой мере принял мой друг д-р Димитрий Александрович Левицкий. Будучи юристом, он приобрел большой административный опыт, благодаря своей службе в страховом обществе в Риге. Ему очень подходили задачи управления, выпавшие на его долю. Короче говоря, он не только пользовался доверием Власова, но и Малышкин считал его испытанным и знающим сотрудником и привлекал его к совещаниям. Левицкий читал всю входящую почту, в том числе и письма, адресованные Малышкину. Он подготовлял текст ответов, предлагал меры и весьма часто

выполнял роль посредника. Приведу для этого маленький пример.

В одном из писем «Союза русских дипломированных инженеров» из Праги, адресованном Малышкину, содержалось приветствие созданию КОНРа и выражалось желание Союза сотрудничать с ним. Это письмо начиналось обращением «Ваше Превосходительство!», что вызвало гнев Малышкина, так как такое обращение к генералам было обычным в царские времена. Он считал его реакционным, перечеркнул красным три раза и добавил еще два толстых восклицательных знака. Левицкому с трудом удалось его успокоить, объясняя, что обращение «Ваше Превосходительство», употребленное Союзом, состоявшим исключительно из старых эмигрантов, отнюдь не является унижением, а наоборот — выражает полное уважение к генералу со стороны старых эмигрантов.

В самом Главном организационном комитете скоро образовались разные отделы, которые впоследствии должны были выделиться в составе КОНРа как самостоятельные учреждения. Вообще, предполагалось, в конце концов, сделать его учреждением эмиграционного правительства, и тогда превратить главные управления в министерства. К концу 1944 года были созданы следующие отделы:

ОТДЕЛ ЛИЧНОГО СОСТАВА. Руководил им старший лейтенант Николай Ливенцев, исключительно деятельный и прилежный чиновник, который, однако, совершил ошибку, превратив этот отдел в «Отдел кадров», по советскому обычаю, то есть в отдел личного состава с расширенными функциями для политической проверки служащих. В Советском Союзе отделы кадров, как в учреждениях, так и на промышленных предприятиях, являются как бы продолжением органов политического надзора, то есть ГПУ и КГБ.

Как шеф такого отдела Ливенцев считал себя обязанным завести тайные дела на всех руководящих сотрудников, с допуском к ним главных руководителей органов безопасности КОНРа и РОА. Естественно, что это вызвало конфликты. Ливенцев был типичным примером того, как противники советского режима, присоединившиеся к Власову, оставались верными обычаям этого режима, против которого они хотели вести борьбу… Без размышления они продолжали применять советские методы.

Ливенцев погиб страшной смертью при переезде КОНРа из Карлсбада в Кемптен. Его поезд попал под град бомб. Крики Ливенцева о помощи из-под обломков слышались полчаса, пока не замолкли…

ЮРИДИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ. Этот отдел Центрального организационного управления подчинялся профессору Ивану Давидовичу Гримму, который был одним из самых значительных людей в более узком кругу около Власова и очень ценился им и всеми его сотрудниками. Его отец был последним ректором Петербургского университета и членом Государственного Совета при Царе. Сам он в 30-е годы был профессором государственного права в университете в Дерпте. Во время Первой мировой войны он был офицером знаменитого гвардейского Павловского полка. В эмиграции, он продолжал свою научную работу в Праге. Левицкий и я старались привлечь Гримма к сотрудничеству с Власовским Движением во время его посещения Берлина. Наша беседа продолжалась далеко за полночь. В конце концов, Гримм сказал: «В общем, вы меня не убедили, и я не верю в успех вашей деятельности. Я также убежден, что Германия проиграет войну. Но ваши доводы вызвали мое патриотическое чувство, и поэтому я даю вам мое согласие».

Во время своей службы Гримм доказал, что он незаменим при всех юридических решениях. Последние годы своей жизни он в полном уединении провел в Австралии и даже не отвечал на письма своих друзей.

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ. На обязанности этого отдела лежала задача превратить (в пределах школы в Дабендорфе) молодых офицеров и солдат Красной армии после их марксистской подготовки в русских патриотов. Руководил отделом доцент Александр Николаевич Зайцев-Артемов, который уже во время войны стал членом НТС, а после войны — председателем этой активной русской эмигрантской организации.

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ И ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ. Этот отдел, помимо, других задач, был занят управлением ряда домов, которые были заняты в районе Берлин-Далема для нужд КОНРа. Я имел право свободно выбирать разрушенные и необитаемые дома в подходящем районе к добиваться их ремонта. Для учреждений Военного штаба нашлись два покинутых школьных здания. Руководителем этого отдела был назначен мой друг адвокат Николай Кавас, из Риги. Он приехал как беженец в Берлин из Прибалтики из-за нарастающей советской угрозы.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ДЛЯ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ. Такое наименование поначалу не было одобрено соответствующими немецкими органами, так как они не хотели признать право КОНРа на такую обширную политическую независимость. Поэтому сперва это учреждение носило название: Главное управление для внешних сношений и было непосредственно подчинено Министерству иностранных дел.

Начальником отдела стал Юрий Сергеевич Жеребков. До начала августа 1944 года он был начальником Бюро русских эмигрантов в Париже, назначенный на этот пост немецкими оккупационными властями. Из-за этого его тесного сотрудничества с оккупантами он не пользовался любовью части русских эмигрантов во Франции. Точно так же его участие как молодого танцовщика в известной труппе «Русский балет» не вызывало одобрения. Такого рода предубеждения, однако, не имели особого основания. Жеребков никогда не злоупотреблял своим положением, особенно в своих личных интересах. Он прибыл в Париж с легким личным багажом и отбыл оттуда с таким же. Другой бы использовал свое служебное положение в сумятице военных событий для личного обогащения. Мне также никогда не пришлось слышать, чтобы Жеребков был несправедлив к людям. Совсем наоборот — он всегда был готов помочь, был всем доступен и мог успешно вмешиваться и посредничать во многих конфликтах, возникавших между эмигрантами и немецкими оккупационными властями. У него были прекрасные отношения в Министерстве иностранных дел, и там у него были друзья, которые в пределах своих полномочий поддерживали Власовское Движение.

Нужно сожалеть, что Жеребков не всегда находил у Власова полное понимание. Шеф Пропагандного отдела генерал Жиленков в большой мере затруднял деятельность Жеребкова. Он рассматривал его как своего соперника и в серьезных вопросах добивался у Власова решения в свою пользу. Как пример могу привести следующее.

Опираясь на свои связи личные и как журналиста, Жеребков хотел создать в нейтральных странах неофициальные представительства. Позднее предполагалось (конечно, без участия немцев) создать связи с западными союзниками. Целью этого было бы с помощью прессы в нейтральных и западных странах оповещать о Власовском Движении. Этот хороший план был отвергнут доводами Жиленкова, что все связи с прессой находятся в ведении его Отдела пропаганды. Власов уступил настояниям Жиленкова и запретил Жеребкову проявлять всякую инициативу в области заграничной прессы. Это ошибочное решение трагически сказалось в мае 1945 года после краха Германии, когда выяснилось, что свободный мир почти ничего не знал о Власовском Движении. Даже руководящие ставки военного командования западных союзников и отделы разведки их штабов были поражены появлением русских частей в немецкой форме. Основываясь на объяснениях, полученных ими от советских штабов для связи, они определили таких солдат как дезертиров, опортунистов или как военнопленных, которых немцы злостным

отношением и голодом вынудили им подчиниться. Это трагическое непонимание положения особенно сказалось в первом году после окончания войны, когда власовские солдаты, военнопленные и остарбейтеры были насильственно и при драматических условиях выданы в Советский Союз. Общественность на Западе молчала, так как она не подозревала, что такая высылка людей на родину против их воли превращалась для них в многолетнее тюремное заключение, ссылку или смерть.

ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ. Им руководил профессор С. Андреев. Все расходы, связанные с выплатой жалованья и содержанием КОНРа и Военного штаба, проходили через этот отдел. Он приобрел свое полное значение лишь после заключения финансового договора между КОНРом и немецким правительством. С этого момента финансовые средства притекали из большого займа, который был одобрен немецким правительством. Возвращение этого займа должно было начаться после низвержения коммунистической власти в России. Об этом «финансировании» я скажу еще отдельно.

ОТДЕЛ ПО ДЕЛАМ ЦЕРКВИ. Этот отдел возглавлял член Президиума КОНРа, лидер белорусов, ученый советник Н. Будзилович. Главной задачей отдела было духовное окормление чинов РОА. Как у бывших советских граждан у большинства из них не было никакого понятия о Боге. Они выросли в атеистическом государстве и с детства ничего не слышали о Боге и церкви, кроме насмешек и издевательств. Весьма возможно, что они нашли путь к Богу только в безнадежном и отчаянном положении, когда им, ставшим военнопленными западных союзников, угрожала выдача в Советский Союз, что значило смерть… Кроме того, этот отдел должен был установить связь с православными епископами и священниками в Германии. Радостно было уже и то, что Восточное министерство против таких усилий не возражало.

Н. Будзилович был скромным, уравновешенным человеком. У него были лучшие отношения с духовными православными лицами. Он был убит при ночном налете на поезд, перевозивший чинов КОНРа, в окрестностях Пильзена.

ОТДЕЛ НАРОДНАЯ ПОМОЩЬ. Этот отдел был создан в целях благотворительных. Его руководителем стал Георгий Александрович Алексеев, член КОНРа. До этого он был начальником Русского Комитета при Генеральном Комиссариате Остланд в Риге.

Отдел Народной Помощи главным образом заботился об остарбейтерах, живших в рабочих лагерях в большой нужде. По рабочему призыву в Германию было привезено большое число

женщин. Они не всегда были здоровы, иногда они прибывали с детьми, иногда обзаводились ими уже в Германии. Эти женщины могли покидать лагерь только с разрешения коменданта лагеря и с желтым ярлычком (как лишенные прав остарбейтеры они не имели удостоверения личности). В Берлине было много таких женщин и детей, которые убежали из лагеря и нашли у кого-нибудь убежище. Чаще всего их принимали к себе старые эмигранты, которых было сравнительно много в Берлине. Я повстречал ряд таких женщин, В большинстве это были девушки и молодые женщины в возрасти от 18 до 30 лет. При некоторых из них были дети 13–15 лет.

Мне пришлось посетить ряд промышленных предприятий, на которых работали остарбейтеры. Например, я побывал на заводе фирмы «Тотал» в Аполде, изготовлявшем огнетушители. Теперь этот завод выпускал огнеметы. В большом цехе работали русские крестьянки, орудуя паяльными лампами и сваривая цилиндры из предварительно свальцованной жести. Я спросил мастера: «Что, это уже обученные работницы? Может быть, они из Донбасса?» — «Да что вы! — ответил он. — Они простые крестьянки.» — «А почему же они умеют сваривать?» — «Этому они здесь научились»… На меня произвело глубокое впечатление, как эти колхозницы, которые в жизни никогда не видели паяльной лампы, работали тут по 60, 80 и 100 человек в цехе и паяли.

Другой раз в плавильном цехе я увидел, как вместе с немецкими рабочими работали русские военнопленные, которых можно было узнать по их захудалому виду. При этом я мог наблюдать, как немецкие коллеги по работе делили свой обеденный паек с русскими. Когда я спросил: «Почему вы это делаете?», мне ответили: «Если мы не дадим такому человеку ничего поесть, он не сможет работать. А он должен работать, и нам поэтому будет легче». Так говорилось. Но я не верю, что при этом милосердие играло большую роль.

ГЛАВНОЕ ГРАЖДАНСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Его руководителем был член Президиума КОНРа генерал Димитрий Ефимович Закутный. То, что он был украинец, придавало ему большое значение в глазах Власова. Точно так же, как и профессор Богатырчук, Закутный был сторонником федерации с Россией и не был сепаратистом. Федералисты, в противовес сепаратистам, высказывались за то, чтобы Украина оставалась в обшей государственной федерации. Немецкие же учреждения поддерживали сепаратистов, которые тогда настаивали на том, чтобы рассматривать Украину как независимое государство. Цели украинского сепаратистского движения совпадали с тогдашней немецкой политикой, согласно которой независимость Украины

повлекла бы дальнейшее ослабление России в будущем.

В советской армии Закутный был командиром пограничного корпуса. Такого рода части не входили в состав армии, а были подчинены НКВД. Таким образом Закутный был партийцем и до конца оставался убежденным коммунистом. Наверно, он был неплохим генералом. Но деятельность его как руководителя Главного Гражданского Управления была ему совершенно чужда. Поэтому он часто проявлял свою растерянность и бессилие. Его помощником был последний городской голова Киева, Форостивский.

В этом управлении было несколько отделов при личном составе в 53 служащих, но настоящим его руководителем был старый эмигрант, петербуржец Юрий Константинович фон Мейер, выпускник Пажеского Корпуса, привилегированного военного учебного заведения в Петербурге. Главным образом Мейер выполнял особые поручения. Благодаря его знанию западного мира и его административному опыту, ряд важных проблем этого управления удавалось удачно разрешать. Он главным образом посвятил себя улучшению судьбы насильно пригнанных из оккупированных областей остарбейтеров.

Во время войны Германия была вынуждена находить рабочих за границей. Они поступали в распоряжение немецкого Рабочего фронта (Deutsche Arbeitsfront) и его шефа д-ра Роберта Лея. В зависимости от национальности и отношения их стран к Германии, они распределялись по 17 группам. В первых группах числились люди германского происхождения, норвежцы и датчане. В последнюю группу попадали люди из оккупированных областей Советского Союза — остарбейтеры — которые даже на нашивке на плече не имели обозначения страны, откуда происходили. Они не имели права входить в магазины, рестораны и кинематографы. Они не получали продовольственных карточек и питались в кантинах фабрик и заводов, в которых работали. Таких людей было около двух миллионов… Совершенно естественно, что Главное Гражданское Управление считало своей главной задачей заняться судьбой этих людей, чтобы улучшить их положение. Гражданское Управление сумело произвести подсчет остарбейтеров, принимало их жалобы и действовало в связи с ними. С целью оповещения их обо всем происходящем, им посылалась уже упомянутая газета «Заря».

Для того, чтобы добиться улучшения их положения, нужны были многочисленные переговоры с немецким Рабочим Фронтом. Мейера постоянно командировали с разными петициями туда и в Ведомство Государственного продовольствия — Reichsnahrstand, поскольку он свободно говорил по-немецки. Эти переговоры

растягивались на месяцы. В конце концов удалось добиться большей свободы передвижения для остарбейтеров и было получено обещание улучшить их питание. Но все усилия отменить нашивку «остарбейтер» и заменить ее национальной не привели ни к чему, и начальник Гестапо Мюллер настоял на ее сохранении, доказывая, что это необходимо для внутреннего порядка в Германии.

После заседания в Министерстве иностранных дел, под председательством рейхсамтслейтера Рабочего фронта д-ра Менде, в феврале 1945 г. было дано разрешение Главному Гражданскому Управлению назначить в каждый гау представителя для связи. Эти представители должны были получить право выступать на местах в защиту остарбейтеров, так как само Управление не имело возможности отвечать на бесчисленные жалобы и претензии, а тем более выступать по ним. В марте первые представители отправились к месту своей службы, но уже в апреле их деятельность была отменена.

После войны Мейер эмигрировал в Соединенные Штаты и поселился в Вашингтоне. Теперь он там почетный член Конгресса Русских Американцев.

О судьбе генерала Закутного можно сообщить следующее. После капитуляции Германии он оказался в Фюссене. Там его однажды посетила комиссия из американских и советских офицеров, которая задала ему вопрос — почему он не хочет вернуться в Советский Союз. Закутный дал понять, что о таком возвращении вообще не может думать. На это советские офицеры заявили: «Не говорите ерунды! Ведь все уже амнистированы!» Закутный попал в сборный лагерь для советских возвращенцев в Аугсбурге. Своей жене, оставшейся в Фюссене, он прислал письмо, которое между строк содержало предупреждение «с вещами». Это обычно принятое в советских тюрьмах предупреждение о том, что предстоит пересылка в другую тюрьму… Однако жена не поняла этого предупреждения и поехала в Аугсбург. С тех пор о ней никто больше ничего не слыхал.

Закутный вместе с Власовым был казнен в Москве.

МЕДИЦИНСКИЙ ОТДЕЛ. Начальником этого отдела был Федор Богатырчук, уже достаточно известный пожилой доктор и профессор из Киева. В составе КОНРа он был выбран председателем украинской секции. Богатырчук был стопроцентным украинцем, который верил, что Россия является сборным центром многих народов.

После войны он основал партию украинских федералистов, из-за чего оказался в острейшем противоречии с украинскими

сепаратистами и враждовал с ними. В своей книге «Мой жизненный путь к Власову и Пражскому манифесту» он описывает подробности основания этой партии и связанные для него с этим трудности.

Этот отдел сотрудничал с медицинским отделом Военного штаба, руководимым старым эмигрантом, известным доктором из Югославии полковником профессором В. Н. Новиковым.

РУССКИЙ КРАСНЫЙ КРЕСТ. Богатырчук сумел убедить генерала Власова создать, параллельно с отделом Народной Помощи, в составе учреждений КОНРа и Русский Красный Крест. Власов, наконец, уступил его уговорам и поручил ему организовать это учреждение. Богатырчук начал с того, что стал собирать пожертвования, которые в большой мере стали поступать от остарбейтеров. Он стал получать немецкие рейхсмарки, которые поступали мешками по почте. В его распоряжении оказалась масса денег, которую он держал в бронированном шкафу, не имея представления, что он собственно собирался делать с этими деньгами. Так из этого ничего и не вышло. Когда штаб Власова должен был покинуть Берлин, этот шкаф закопали в саду виллы, а ключ от него в военной суматохе потеряли. Это и была судьба Русского Красного Креста.

ОТДЕЛ БЕЗОПАСНОСТИ. «На этом посту, — сказал Власов, — можно быть будучи знатоком, сукиным сыном или разумным испытанным человеком без предварительного опыта в этой области».

Весьма интересной, но и весьма загадочной личностью был доцент Тензоров, ставший начальником Отдела Безопасности при штабе РОА, подчиненный непосредственно Власову. В Советском Союзе он, как можно предполагать, был доцентом физики и математики под фамилией Пузанов. При этом ходили слухи, что он был высоким чином НКВД. У Тензорова был определенно выхоленный вид. Под своим военным всегда аккуратным мундиром он носил белые рубашки с накрахмаленным воротничком. Его офицеры, от которых он требовал того же, обращали на себя внимание своей дисциплиной и отчетливостью, как тогда говорили. В своем «Черном Отделе» он собирал в Берлине-Далеме вокруг себя сотрудников, ответственных за сохранность чинов КОНРа и штаба РОА. Невзирая на мои возражения, которые разделяли и некоторые другие чины штаба, Тензоров добился у Власова разрешения, чтобы один из его подчиненных нес постоянную службу на Кибицвег 9, с мотивацией, что он обязан заботиться о сохранности самого Власова. Этим был нарушен существовавший до сих пор порядок о числе лиц, проживавших в штабе, который предполагал

проверку и мое одобрение.

Мои сомнения, касающиеся офицеров Отдела Безопасности, оказались впоследствии оправданными. Позже, при восстании чехов-националистов, поддержанных Первой дивизией генерала Власова, при занятии Праги советской армией, некоторые из этих офицеров перебежали к красным… Нужно думать, что они были агентами НКВД, проникшими во власовскую организацию. И когда они увидели приближавшуюся катастрофу, то попытались вернуться на сторону НКВД.

Учитывая тогдашнее положение в Советском Союзе, нужно считать, что эти офицеры все-таки действовали ошибочно: НКВД должно было и их ликвидировать. Они слишком многого насмотрелись на Западе и предположительно могли быть завербованы американцами. С точки зрения НКВД, они представляли для него определенный риск.

Когда власовский штаб покинул Берлин, майор Тензоров остался там как старший по чину офицер РОА и поселился с ближайшими чинами своего штаба на вилле на Кибицвег 9. Перед самым началом блокады Берлина сообщение поездами было уже прервано. Он пробился со своими людьми к Власову в Богемию. Я лично был свидетелем, как он рапортовал Власову о своем прибытии и был им произведен в полковники.

После войны Тензоров-Пузанов проживал в лагере ДиПи под Мюнхеном, стал наркоманом, запустил свой внешний вид и оказался под подозрением в осведомительной службе в пользу советов. От наркомании весьма часто страдают чины НКВД, а теперь КГБ. Она превратилась в болезнь их профессии: это кровавое и беспощадное ремесло, по всей вероятности, не выдерживают даже самые крепкие нервы и не могут обойтись без дурмана. Деятельность Тензорова в пользу советской контрразведки была доказана на основании его дневника, который был похищен у него его бывшим коллегой по «Черному Отделу» Виктором Ларионовым. Тензоров умер своей смертью еще в лагере.

Виктор Ларионов, работавший также в Отделе Безопасности, был одним из первых участников Гражданской войны в России в 1918 году. Как воспитанник Морского корпуса он служил в знаменитой батарее гардемаринов на Юге России. Гардемаринами назывались кадеты последних двух классов Морского корпуса. За ними укрепилась репутация покорителей сердец. У них была красивая форма, а в качестве оружия — сабли.

После поражения Белой армии в ноябре 1920 года, Ларионов через Галлиполи переехал в Германию и Францию. Он был членом Русского Общевоинского Союза (РОВСа), который сначала

возглавлял Великий Князь Николай Николаевич, бывший Главнокомандующий русских войск во время Первой мировой войны. После него главой РОВСа стал генерал Врангель, последний Главнокомандующий войск Юга России в Крыму, а после его смерти — генерал Кутепов, герой Гражданской войны. По поручению Кутепова Ларионов в 1923 году с двумя соратниками выполнил дерзкий террористический акт в Ленинграде. Ему удалось бросить бомбу в зал, где заседала конференция членов коммунистического клуба, и после этого бежать с сотрудниками в Финляндию.

О заместителе Тензорова в Отделе Безопасности, Чекалове, сложились легенды. Он тоже раньше был чином НКВД. Его хладнокровие и, я бы сказал, дерзость, с которыми он присвоил себе псевдоним «Чекалов» (имя, которое заставляло считать его бывшим сотрудником ЧеКа) вызывали изумление. Ведь ЧеКа, созданная Лениным в 1918 году, называлась Чрезвычайной Комиссией по борьбе с контрреволюцией, саботажем и спекуляцией. Она была предшественницей НКВД, потом ГПУ и, наконец, теперь действующим КГБ. После войны Чекалов продолжал свою деятельность в Мюнхене и был, по всей вероятности, одним из главных советских агентов. Американская разведка до него не доросла: примерно в 1949 году он исчез бесследно, и после этого о нем ничего не было слышно.

ГЛАВНОЕ ПРОПАГАНДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ. Шефом этого отдела был генерал-лейтенант Георгий Николаевич Жиленков. Перед своим призывом в армию он занимал высокий политический пост в городском управлении Москвы. Как заслуживающий полного доверия он был назначен комиссаром и был членом Военного совета 32-й армии. Когда он попал в плен к немцам, ему удалось скрыть свой чин. Иначе бы его наверно ликвидировали, согласно «приказу о комиссарах».

Жиленков нанялся к «готовым помочь» (хилфевиллиге) и работал как водитель машины и как автомобильный механик, пока не услышал о Власовском Движении, и постарался примкнуть к нему. Он был типом подлинного аппаратчика, готового всеми средствами укреплять свое положение с любой стороны. В его жизненном укладе играла большую роль его потребность в роскоши. Свою жажду к жизни он пытался удовлетворить по западному, доселе ему неизвестному образцу. Он женился на женщине из одной из знатных эмигрантских семей и поселился с ней в элегантной вилле в Берлине-Далеме, заведя большую собаку. После капитуляции Германии он выдающимся образом вел себя в американском плену и помог многим содержавшимся с ним. Но в конце концов и он был выдан в

Советский Союз и после процесса в Москве был казнен вместе с Власовым.

Деятельность его учреждения главным образом сводилась к изготовлению листовок, к контролю над русской прессой и культурному обслуживанию военных частей.

Все описанные учреждения и их отделы подчинялись КОНРу и руководились генералом Власовым.

Финансовый договор, написанный на листке бумаги

Власовское Движение неоднократно обвиняли в том, что оно финансировалось Третьим Рейхом, то есть врагом России. Эти упреки исходили большей частью из кругов, инспирируемых Москвой. Мой ответ предназначен им.

Руководство КОНРа с самого начала придавало большое значение тому, чтобы освобождение России от коммунистической диктатуры не финансировалось другим государством. Поэтому оно стремилось к заключению финансового договора, который бы обеспечивал возврат полученных денег. Антикоммунистическая армия, созданная на немецкие средства, считалась бы армией наемников. Но РОА с самого начала была армией патриотов. КОНР же мог выступить только как полноправный в договоре лишь после того, как был признан за такового немецким правительством после 14 ноября в Праге.

Весьма поздно, но твёрдо придерживаясь такого рода убеждений, уполномоченные КОНРа приступили к переговорам о подробностях финансового договора с Министерством иностранных дел, которое они считали единственным немецким учреждением, уполномоченным на это. Они выступали как представители будущего национального русского правительства и настаивали на том, чтобы договор носил характер соглашения между двумя суверенными и равноправными партнерами. Эта точка зрения разделялась не только друзьями Освободительного Движения в штабе немецких вооруженных сил (ОКВ), но и экспертами по русским проблемам в самом Министерстве иностранных дел. Последние тоже придавали значение тому, чтобы такой договор был заключен именно Министерством иностранных дел, в котором в силу этого многие старшие чины оказались убежденными сторонниками власовской идеи.

Финансовый договор носил характер займа у немецкого государства. Русская сторона обязывалась полученный от немцев заем выплатить до последнего гроша после ниспровержения советского режима. Этим было достигнуто то, чего добивались Власов и КОНР. Можно было считать, что содержание Власовского

Движения оплачивается русскими средствами.

При переговорах русская сторона была представлена самим Власовым, начальником финансового управления КОНРа профессором С. Андреевым и членом Комитета Ф. Ф. фон Шлиппе. Приготовления к торжественному подписанию договора были выполнены Юрием Жеребковым. Партнерами по составлению договора со стороны Министерства иностранных дел были советник посольства Густав Хилгер, тайный советник Танненберг и статский секретарь из немецкого Министерства финансов Фриц Рейнхардт.

Текст договора (приводимый в Приложениях) был разработан указанными лицами и одобрен Президиумом КОНРа. Он исключительно короток. Достойно большого сожаления, что Власов не привлек к обсуждению договора начальника Юридического отдела КОНРа, профессора государственного права Ивана Давыдовича Гримма, которому без сомнения удалось бы формулировать текст более выгодно для русской стороны, придав ему форму государственного акта. Нужно отметить, что условия, по которым немецкое государство открывало КОНРу неограниченный кредит, были написаны на обыкновенном листке бумаги для писем с заголовком «Соглашение». Они предвидели условие, что предоставленные русским средства могут быть использованы исключительно для потребностей КОНРа и для формирования и вооружения русских освободительных частей.

18 января 1945 года этот договор был подписан в помещении Министерства иностранных дел генералом Власовым как председателем КОНРа и государственным секретарем Густавом Адольфом бароном Стенграхтом фон Мойландом в качестве уполномоченного Министерства иностранных дел и одновременно представителем немецкого правительства. На этой церемонии с русской стороны, кроме Власова, присутствовали генерал-майор В. Ф. Малышкин, член Президиума КОНРа начальник Финансового отдела профессор С. Андреев, его помощник Ф. Ф. фон Шлиппе и шеф Отдела внешних сношений Юрий Жеребков. Немецкая сторона была представлена государственным секретарем бароном Г. А. Стенграхтом фон Мойландом, государственным секретарем Ф. Рейнхардом, представителем Министерства финансов бароном А. фон Дёрнбергом, шефом протокола Министерства иностранных дел тайным советником В. Танненбергом, советником посольства Густавом Хилгером и посланником В. фон Типпельскирхом.

В немецком казначействе был открыт специальный счет на имя КОНРа, которым управляла немецко-русская комиссия при участии немецкого казначея Риппеля и русского казначея Ф.

Головина. Все требования денег — чеки должны были быть подписаны обоими упомянутыми казначеями. Вплоть до капитуляции Германии этот финансовый аппарат работал безукоризненно. Первая выплата денег последовала в ответ на чек, подписанный генерал-лейтенантом Власовым, полковником Кромиади и начальником Юридического отдела профессором И. Д. Гриммом. Можно предполагать, что в данном случае Гримм был привлечен в результате моего разговора с Власовым после подписания финансового договора.

Тогда Власов с гордостью показал мне текст договора и спросил меня — что я могу об этом сказать. Я ему ответил: «Я не юрист и поэтому не могу высказать своего суждения. Но я сожалею, что к этому не был привлечен профессор государственного права И. Д. Гримм, который был явно предназначен для этого и все время был в вашем распоряжении. Конечно, он бы по-другому сформулировал этот договор. Да и немецкие партнеры, без сомнения, были удивлены тем, что с нашей стороны при переговорах не было ни одного юриста».

Очевидно Власов рассердился, услышав мой ответ, но должен был признать, что я был прав. Для меня же, это послужило доказательством того, что он, будучи выдающимся генералом, совсем не был государственным деятелем.

Японские возражения

С их стороны, чего никак нельзя было ожидать, следовали выпады против Власовского Движения. Посол Японии генерал Эшима протестовал в Министерстве иностранных дел против развертывания Власовского Движения. Такого рода дипломатическая вражда неизменно повторялась.

Япония тогда вела войну против Соединенных Штатов и Англии. С Советским Союзом после подписания договора о ненападении она поддерживала дипломатические отношения и, конечно, стремилась сохранить такой порядок возможно дальше. Правда, она была вынуждена держать одну армию в Маньчжурии, но зато у нее были развязанные руки для действий против атакующих так называемых «прыгунов с острова на остров», как иронически именовались войска генерала Мак-Артура.

По политическим соображениям японцы были готовы оказывать маленькие услуги советскому режиму, что превращало их в защитников интересов Советского Союза в Берлине. Это подтверждалось тем, что вмешательство японского посла всегда следовало, когда в борьбе за признание Власовского Движения чаша весов склонялась в его пользу: например, когда казалось,

что Власов получит согласие на формирование первых десяти дивизий, или в его распоряжение придут разбросанные многочисленные подчиненные генералу Кёстрингу батальоны и роты.

Так как немецкое государство особенно ценило японских союзников, то к их мнению прислушивались, когда они высказывались против признания Власовского Движения. Японцы проявляли большой интерес ко всем событиям, связанным с Власовским Движением. Им удавалось получать ценные сведения, используя при этом многочисленные каналы.

Одним из таких источников был Александр Степанович Казанцев. Он был редактором русской эмигрантской газеты в Белграде и членом русской эмигрантской организации НТС, а в описываемое время принадлежал к числу свободных сотрудников русского происхождения во власовском штабе на Виктория штрассе. Будучи одним из подписавших Пражский Манифест о Русском Освободительном Движении и редактором главного органа этого движения «Воля Народа», он пользовался известным влиянием. Казанцев был служащим немецких Вооруженных Сил, то есть не был чином РОА, что он всегда подчеркивал.

Его жена служила в японском посольстве в Берлине. Супружеская пара Казанцевых часто принимала у себя японских гостей, которые приносили подарки. Хозяева и гости пили водку и беседовали, причем главной темой всегда было Власовское Движение. Как доверенное лицо на Виктория штрассе 10, Казанцев был хорошо осведомлен и мог отлично всех информировать. Так обычно и завязывалась дружеская беседа. О том, что его сведения могли передаваться дальше, он никогда не думал. О такого рода осведомлении я узнал только после войны от г-жи Казанцевой. Кстати, она изменила свои убеждения и стала склоняться влево…

После войны Казанцев опубликовал книгу «Третья сила — история одной попытки». Об ее основной мысли он сам пишет: «Эта книга содержит описания свидетеля и участника попытки в последнюю войну собрать и организовать русские антикоммунистические силы. Третьей силой является русский народ, который решил борьбу между Сталиным и Гитлером в пользу Сталина. Взаимоотношения, которые ныне определились между западными демократиями, с одной стороны, и Советским Союзом и его сателлитами, с другой, — в основном одинаковы с теми, которые в свое время существовали между Германией и Советским Союзом. Опять же русский народ — третья сила, и ему выпадает решающая роль. Союз и совместные усилия вместе с русским народом в борьбе с коммунизмом являются не только

одной из нескольких возможностей, чтобы спасти мир от грозящей катастрофы но и единственной».

Казанцева уже нет больше в живых.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Дело о Русской Освободительной Армии становится серьезным. Роль генерала Кёстринга

Генерал от кавалерии Эрнст Август Кёстринг с 1 января 1944 года стал наследником генерал-лейтенанта Хейнца Хеллмиха, то есть главнокомандующим всех добровольческих частей. Начальником его штаба был полковник ген. штаба Хейнц Данко Херре.

Генерал Кёстринг вырос в Москве, говорил на безукоризненном русском языке и знал русских людей и их культуру. До 1941 года он был военным атташе в Москве. Все друзья и сторонники Власовского Движения были обрадованы его назначением и видели в этом надежду на активное сотрудничество в борьбе за признание власовской идеи. Казалось, что этот человек принес с собой все предпосылки для осуществления наших желаний. Но на самом деле получилось иначе.

Взгляды Кёстринга на его задачу, очевидно, были совсем другие, чем наши. Я не знаю причины такого его столь различного с нашим отношения к проблеме Власова. Было ли это только послушанием своему начальству или его личные убеждения, которые привели его к его позиции? Вопросы такого рода остались без ответа. Все мы, не боявшиеся прибегать даже к непопулярным мерам в целях признания Власовского Движения, были разочарованы поведением Кёстринга. Не было ни одного открытого обмена мнениями, ни намека, что он одобряет действия в пользу Власова. Он ограничивался мерами, чтобы сравнять положение добровольцев с немецкими солдатами.

Кёстринг рассматривал Власова как неудобного подчиненного. Его вмешательство с целью устранения Власова как председателя КОНРа, конечно, не способствовало улучшению отношений. Кёстринг воспользовался отсутствием Власова из Берлина, чтобы предложить генералу Трухину в конфиденциальном разговоре — заместить Власова. Трухин, считая своим начальником Власова, а не Кёстринга, с возмущением отверг это предложение. Эта моральная неудача, однако, не помешала Кёстрингу сделать такое же предложение генералам Малышкину и Благовещенскому. И здесь он не имел успеха. Все генералы РОА, к которым он обращался с таким предложением, доложили об этом Власову. Если бы Кёстриг

осведомился о внутренней структуре Власовского Движения, он бы не потерпел такой мучительной неудачи.

Взаимоотношения между Кёстрингом и Власовым были окончательно испорчены, что Власов определил в следующем комментарии: «Хеллмих был фронтовым солдатом, который ничего не понимал в политике в нынешних переплетенных сложнейших отношениях. Он был неудобен, но определенно не делал ничего злого. Генерал Кёстринг принес с собой все желательные предпосылки и необходимую оценку положения, но он пытается затеять с нами фальшивую игру. Я могу только охарактеризовать его как «хитрую лису».»

Первая встреча между двумя генералами состоялась только в Праге при обнародовании Манифеста КОНРа, 14 ноября 1944 года. Кёстринг успешно руководил формированием власовских дивизий, но приходится очень сожалеть, что такой компетентный человек не был в состоянии убедительно помочь успеху Власовского Движения.

Ноябрь 1944: начинаем формировать РОА

Вот уже конец 1944 года. Комитет Освобождения Народов России создан. Гиммлер одобрил формирование двух дивизий. Как я позже выяснил, он (очевидно под давлением безнадежного политического положения) думал о 12 дивизиях, Гитлер допускал только три дивизии. Военная промышленность не была в состоянии в то время изготовить вооружение для большего числа дивизий.

Добровольцев было достаточно. Число военнопленных, начиная с 22 июня 1941 года до конца войны возросло до 5.237.660. Из них за военные годы умерло два миллиона. До начала 1942 года в самой Германии работало пять миллионов остарбейтеров. Из этого числа к концу войны можно прибавить 2 миллиона оставшихся в Германии. В общем, можно определить число русских на территории Германии в 1943 году примерно в 7 миллионов человек, причем главным образом мужчин, и на 80 процентов в работоспособном возрасте. Это поражающее, никогда до этого не случавшееся, число пленных превосходило все ожидания высшего немецкого командования. С немецкой стороны этот факт лживо объяснялся гением Гитлера, его военным искусством и его победами. На самом же деле причиной были настроения советских солдат, которые не хотели сражаться за «Отца всех трудящихся» Иосифа Сталина.

Поначалу возможности для военнопленных приступить к осуществлению похода в Россию были очень ограничены. Их

лагеря представляли собой пустое поле, обнесенное колючей проволокой, питание почти отсутствовало, даже воды было мало. Таковы были печальные условия жизни в таких лагерях. Когда стало ясно, что гитлеровские армии несут с собой не освобождение от коммунизма, а новый вид угнетения, — в настроениях советских солдат наступил переворот, который повлек и перемену военного счастья. Число перебежчиков сократилось, больше не было побед. К этому моменту народы России взялись за борьбу под новым лозунгом: «Уж если диктатура, так лучше своя русская, чем немецкая».

До ноября 1944 года из лагерей военнопленных и остарбейтеров поступало ежедневно почти 3000 заявлений. Я сам в этом убедился. Их укладывали в мешки и так хранили, так как нельзя было справиться с таким их наплывом. Ведь Сталин объявил, что каждый солдат, который сдастся врагу, не считается больше советским гражданином: он сам и его семья подлежат строгому наказанию. Другими словами, для этих людей не было возврата, и им не оставалось ничего другого, как присоединиться к власовской армии.

Формирование власовских дивизий все время откладывалось, так как все время преобладало опасение привлекать русских к активной борьбе. Только 14 ноября 1944 года начинается в Мюнзингене, в Вюртемберге, формирование первой русской пехотной дивизии, по немецкой терминологии «600 I.D.russ.» которую пополняют большей частью из расформированной бригады Каминского и остатков действовавшей во Франции белорусской эсэсовской дивизии «Сиглинг». Численный состав определился в 12.000 и в последние дни войны возрос до 20.000 благодаря прибегавшим остарбейтерам. Начальником Штаба связи с Первой дивизией стал майор ген. штаба Швенингер.

В январе 1945 года недалеко от Мюнзингена, в Хойберге, было приступлено к развертыванию Второй русской дивизии, по немецкой номенклатуре «650 I.D.russ». Весьма трудную проблему формирования этих двух дивизий должен был разрешить полковник Генерального Штаба Херре, бывший начальник штаба у Кёстринга, который был для этого задания вызван из Италии.

Полковник Херре после войны написал об этом доклад, который я привожу ниже в сокращенной форме:

«Мое новое задание получило следующее служебное наименование — начальник штаба формирования(R). Отдел личного состава штаба генерала Кёстринга для добровольческих частей обеспечил получение мною обученных чинов, особенно офицеров и солдат, служивших раньше в контролирующих и связных учреждениях при добровольческих частях. Для того,

чтобы обеспечить постоянную связь со штабом Кёстринга, была установлена система оповещения, которая каждый вечер между 22 и 23 часами действовала автоматически. В дальнейшем она показала себя особенно полезной.

Начало в Мюнзингене не было особенно ободряющим. Число освобождаемых помещений далеко не соответствовало численности прибывающих транспортов. Питание было обеспечено лишь на очень неудовлетворительном уровне. Местные военные учреждения отнюдь не проявляли особой энергии в предоставлении свободных помещений и налаживании питания. Весьма медленно удавалось убедить людей в том, что власовцы ныне являются нашими союзниками. Местные учреждения и другие служебные места, во главе которых стояли главным образом бывшие военнослужащие из резерва, не имевшие представления о действительности, просто проявляли «страх перед русскими».

Одновременно было приступлено к организации русского штаба Первой власовской дивизии. Ее командиром стал полковник Сергей Кузьмич Буняченко, который при этом был произведен в генерал-майоры. Он был сыном крестьянина из окрестностей Харькова, крупный, мощный человек с лысой круглой головой, с большой долей крестьянской хитрости и необузданной волей, переходящей в самодурство. В советской армии он командовал дивизией. Он окончил школу в Дабендорфе, но был весьма поверхностна знаком с немецкими принципами командования и организации. Был верным сторонником Власова.

Его начальником штаба, что соответствовало немецкой должности дивизионного (Ia), был майор и позже подполковник Николаев, поначалу непроницаемая фигура, который на первых порах часто интриговал против влияния немецкого штаба, но после все чаще проявлял в значительной мере успешное сотрудничество. Среди своих русских сотрудников он пользовался любовью. Параллельно с русским штабом был создан и немецкий штаб формирования, так что главные чины русского штаба дивизии получили немецких партнеров.

Формирование протекало в согласии с предписаниями о боевом уровне и вооружении немецкой гренадерской дивизии. Они в самой незначительной степени подвергались изменениям. В обязанность немецких партнеров при таком формировании входили инструктирование, консультация и заботы о доставке вооружения. Позже к этому прибавилась подача советов — как вести обучение. По вопросу о том, насколько такое сотрудничество приводило к успешным результатам, многое

зависело от человеческого такта и способности включиться в русскую ментальность.

Но, невзирая на положительные действия с немецкой стороны, неизбежно возникали трения, которых нельзя было избежать. Они возникали в зависимости от поведения населения вокруг учебного полигона Мюнзингена. На досуге добровольцы уходили в окрестности в поисках водки и встреч с девушками. В поисках водки они наталкивались на сопротивление крестьян, которые, хотя и имели ее, но отдавать не хотели, что вело к спорам, переходившим в рукоприкладство. Это вызывало жалобы местных партийных чинов, шедшие обычно к руководителям гау.

В поисках девушек добровольцы встречались с женскими остарбейтерами. Часто обращение с ними работодателей вызывало недовольство добровольцев, что опять-таки приводило к ссорам и дракам. В таких случаях жалобы шли по двум путям: добровольцы обращались к своему начальнику дивизии, а работодатели — по партийной линии. Все жалобы стекались ко мне, и мне приходилось находить синтез между представлениями об «унтерменшах» и союзниках. Я пришел к решению, по крайней мере в окрестностях Мюнзингена, покончить с тезисом «унтерменш» и поехал к начальнику гау Мурру в Штутгарт. Растолковал ему, что теоретически эти девушки-остарбейтеры должны рассматриваться как сестры наших новых союзников, власовских солдат и хотя бы поэтому с ними нельзя обращаться как с «унтерменшами». Начальник гау усвоил это и предложил мне, чтобы я по этой щекотливой теме сделал доклад партийным руководителям районов и местечек. Я так и сделал и встретил удивленное и значительно запоздавшее понимание.

Постепенно число этих столкновений стало значительно сокращаться, однако совсем не прекратилось. Пропаганда об «унтерменшах» пустила слишком глубокие корни.

Прежде чем был достигнут численный состав Первой власовской дивизии, пополнения из бывших самостоятельных русских добровольческих батальонов значительно сократились. Стало необходимо искать пополнение из добровольцев в лагерях военнопленных. Однако это способствовало проникновению не заслуживавших доверия элементов. Естественно, что в период формирования это приобретало повышенное значение. С немецкой стороны Рейхсзихерхейтсамт, конечно потребовал для себя осуществление этого контроля. Генерал Кёстринг это требование, исходящее от Калтенбруннера, с такой же ясностью отклонил. Благодаря этому вся ответственность легла на меня. Полная защита от советского проникновения оказалась невозможной.

Самые главные трудности возникали из-за доставки нужного вооружения для формируемых отрядов и для их содержания. Изо дня в день я дожидался вечернего планового разговора. Я торопил штаб генерала Кёстринга, а оттуда торопили те места, которые должны были доставлять вооружение и оборудование. Приходилось также оказывать давление на учреждения, заведовавшие транспортом. Им же приходилось бороться с громадными трудностями, с задержками, вызываемыми постоянными разрушениями при налетах… Это была изматывающая борьба, от успеха которой для моего штаба формирования зависело сохранение престижа и оправдание потери доверия в глазах штаба Власова.

Буняченко был очень склонен говорить: «Андрей Федорович (так они называли меня), вы, конечно, нам не доверяете. Вы просто не хотите дать нам мортиры!» Он также не стеснялся такого рода подозрения доводить в своих докладах до сведения Власова.

Крайне неприятные последствия вызывал недостаток топлива, несмотря на все требования. Власовские солдаты конечно, перешли к тому, что стали жечь мебель, что вызывало самые острые жалобы и столкновения с местными властями.

Буняченко все время возражал против разбивки на подразделения и на организацию дивизии по схеме немецкой гренадерской дивизии. Это было меньше всего по существенным основаниям, а главным образом потому, что русские отвергали вообще все немецкое, что им навязывалось. Такая причина сопротивления была весьма характерна.

Длинные разговоры с Буняченко по этому поводу всегда сводились к одному и тому же. Я сговаривался с ним — когда приду. И как только я появлялся в его бараке, мне предлагали закуску и водку: толстые куски колбасы с луком из военных консервов и военного размера стакан, наполненный до краев водкой: «На здоровье, Андрей Федорович!» Было бы обидой, если бы я после этого не закусил толстым куском колбасы с луком и не выпил бы залпом полный стакан водки. Только после этого могли начаться переговоры.

При этом Буняченко всегда начинал с вещей, которые ставили меня в трудное положение. Он перечислял ошибки, которые были сделаны немецкой стороной по вопросу о добровольцах. Иногда это были ошибки принципиального значения, относившиеся к прошлому, иногда — небольшие технические ошибки, которые были только что допущены. Буняченко умел всякий раз приводить новые примеры или повторял старые по-новому, причем эти примеры редко включали

неправду.

Поэтому мне всегда приходилось маневрировать, чтобы занять более выгодную для меня позицию при переговорах. Я перечислял ошибки, которые допустили сам Власов, Буняченко или их люди, причем стаканы по несколько раз наполнялись водкой и опустошались. Только после этого мне удавалось перейти к убеждениям добиться того, чего с точки зрения технической или другой можно было достичь в данный момент. Необходимость спешить и сомнение «Не поздно ли все это!» были также препятствием для выполнения моей задачи.

Я полностью вошел в жизнь власовских людей. Приходил есть с офицерами и садился на разные места, чтобы познакомиться с возможно большим числом их. Я разговаривал с ними, конечно, на их языке об их литературе и музыке. Я посещал их собрания культурной самодеятельности, пел и танцевал с ними. Все это ясно подтверждало им, что «Андрей Федорович» не смотрел на них как на унтерменшей. Власовские офицеры в самые горькие часы катастрофы продолжали доверять мне.

Обучение власовских солдат употреблению немецкого оружия не представляло никаких трудностей. Когда к нам поступали самые современные виды оружия, они радовались как дети новой игрушке. На самоходных артиллерийских орудиях они целый день ездили кругом, так что мне было трудно доставать горючее. Также они проявляли большое умение привести в готовность два трофейных танка Т-34.

Простая в употреблении немецкая базука была легко освоена власовскими солдатами, коэффициент попаданий заслуживал достойного признания. Последствием этого было одобрение штаба ОКХ создать несколько противотанковых подразделений, которые потом были использованы под командой доблестных молодых офицеров в боевых действиях на фронте к северо-востоку от Берлина. Они там оправдали себя в ряде боевых схваток.

Для того, чтобы принять добровольцев, которые еще не соответствовали поставленным требованиям, была создана резервная бригада под началом власовского полковника Койды. В нее поступали вновь прибывающие добровольцы после того, как численный состав Первой дивизии был пополнен.

В начале 1945 года поступление добровольцев из лагерей военнопленных настолько возросло, что можно было приступить к формированию Второй дивизии Власова (650.I.D.russ.). Это началось в Хойберге, недалеко от Мюнзингена, и сопровождалось такими же начальными затруднениями, как и с Первой дивизией. Начальником был назначен полковник Зверев, позже

произведенный в генерал-майоры, настоящий солдат прямо прусского образца.

Кроме того, в Хойберг прибыл военный штаб Власова. По существу он был поделен, в соответствии с немецким штабом армии, однако со значительно большим личным составом и обозом. Самыми выдающимися лицами в этом штабе был начальник штаба генерал Трухин и начальник Оперативного отдела полковник Нерянин.

Трухин отличался своим твердым характером и основательными военными знаниями. Ростом почти в два метра с обхождением по западному образцу и ясно анализирующим умом, сильно импонирующая личность с абсолютным авторитетом в своем штабе.

Поначалу Нерянин, небольшого роста, производил мало заметное впечатление, но его ясные глаза как-то сразу внушали доверие. Очень скоро подтвердилось, что он полностью заслуживал доверия и был военным знатоком.

В остальном штаб состоял из множества менее замечательных лиц, в большинстве выпускников из школы в Дабендорфе. Этот штаб привлек к себе множество ловчил опортунистов, а, возможно, и несколько провокаторов. Особенно подозрительным мне казался в этом отношении Отдел разведки, хотя за время формирования только в одном случае были основания к возбуждению дела о советском проникновении.

Только уже после катастрофы выяснились основные подозрения, показывающие, что именно Разведывательное отделение военного штаба было насыщено советскими провокаторами.

Офицерская школа находилась в Мюнзингене. Так как число наличных офицеров превосходило предусмотренный штат, то эта школа рассматривалась как резерв для возможных будущих формирований. Начальником школы был полковник Меандров, один из самых ценных людей во власовском руководстве. Еще в августе 1941 года после сражения под Уманью, где Меандров, будучи начальником штаба корпуса, попал в плен, я разговаривал с ним и спросил его, что наверно русское сопротивление в скором времени закончится, после уничтожающих поражений летом 1941 года.

Меандров мне тогда ответил: «Я отношусь с большим уважением к немецкой армии, к ее ударной силе, основанной на людском составе, материальном оборудовании и ее военном руководстве. Но, несмотря на это, немецкая армия никогда не будет в состоянии победить Россию… разве только ей удастся мобилизовать русский народ против Сталина».

Я подружился с Меандровым, который жил в Мюнзингене в соседнем с моим бараке. Он был одухотворенным человеком, который на первых порах был увлечен социализмом в марксистском духе, а потом еще сильнее разочаровался в злоупотреблениях большевистского режима. Он был идеальным начальником офицерской школы, так как в нем объединялись серьезные военные способности и выучка с умением руководить людьми. В школе он не терпел сомнительных людей и ненавидел ловчил. Он твердо был намерен предлагать для руководства во власовских дивизиях только идеалистов. Против изменников он действовал решительно, предавая их военному суду.»

Несмотря на сумятицу при формировании двух дивизий, чувствовалось особое доверие к Власову. Говорили: «Он знает, что ему нужно делать, он справится с положением даже в последний момент».

Поведение солдат было образцово. Часто они являлись на службу, не имея полного обмундирования. Каждый усвоил, что здесь он обучается и вооружается в собственных русских частях и что им предстоит в собственной независимой армии начать под командой Власова борьбу за родину и добиться лучшего признания со стороны немцев. После окончательного поражения немцев к ним на помощь придут союзники. Все знали советчиков и не верили в их дружбу с западными державами. Власовские солдаты еще будут нужны и им окажут помощь в предстоящей борьбе за освобождение родины. В общем, было принято считать, что западные союзники после окончательного подавления Германии, в союзе со всеми антикоммунистическими силами, продолжат войну против Советского Союза… Однако тут приходится говорить только об иллюзиях.

10 февраля 1945 года генерал Кёстринг передал Власову командование обеими дивизиями. Первая дивизия полностью сформирована и состоит из трех пехотных полков, одного артиллерийского полка, разведывательного подразделения, противотанкового подразделения, саперного батальона, подразделения для связи, запасного полка и обоза. Передача была ознаменована парадом. Об этом полковник ген. штаба Херре также пишет:

«Большой парад имел целью подтвердить возглавление Власовым его частей и объяснить это его солдатам.

Власов с узким кругом приближенных поселился в бараке для генералов вблизи полигона в Мюнзингене. В день парада при холодной зимней погоде он поехал на покрытое снегом поле для парада вблизи лагеря. На возвышении он был встречен генералом

Кёстрингом, командующим всеми добровольческими отрядами; уполномоченным по формированию военно-воздушных сил власовской армии генералом Ашенбреннером; командующим военным округом 5, на территории которого находились места формирования Мюнзинген и Хойберг, генералом Фейелем; начальником полигона Мюнзингена генералом Вейнингером и, наконец, мною. Власов в коричневой шинели без портупеи и оружия приветствовал нас немногими словами. Затем он пошел к фронту части. Буняченко вышел ему навстречу и рапортовал от имени дивизии. Власов поблагодарил его в торжественном тоне. Потом решительно и даже быстро стал обходить фронт полков и подразделений, останавливаясь то там, то здесь, чтобы задать вопросы офицерам и солдатам.

После этого Власова повели к трибуне, украшенной елками и с двумя пушками по сторонам, пока части перестраивались для церемониального марша. Началась легкая поземка. Время ожидания было заполнено моим докладом Власову, в котором я передал Власову мою оценку последних недель формирования. Он расспрашивал меня о подробностях и в конце концов спросил меня — оправдает ли себя дивизия в боевом отношении. Я подтвердил ему это с оговоркой, что для этого ей надо дать правильный тактический шанс. Власов кивнул мне головой.

Потом двинулись маршевые шеренги, вперив взгляд в своего главнокомандующего. Власов пропускал их, обращаясь к каждой роте, как это было принято в России, с несколькими ободряющими словами: «Вперед, молодцы!» или «Смело, сыны мои!». Он настаивал, чтобы генералы Кёстринг, Ашенбреннер и я, поскольку мы говорили по-русски, тоже приветствовали проходившие части такими же подбадривающими словами. Мы это и делали. Под конец прокатили танки Т-34, как некие советские призраки.

День закончился большим банкетом. Портрет Власова больше человеческого роста украшал главную стену зала, украшенного в белые, синие и красные цвета. Все выдающиеся присутствовавшие выступали с речами. Звучали тосты за общую победу над большевизмом, за традиционный русский боевой дух, за победоносную немецкую армию, за командующего добровольными частями и его штаб, за власовские части и, конечно, за самого Власова. Власов говорил особенно серьезно, Кёстринг ободряюще, а Буняченко — коротко и весело в стиле вождя войск и фронтового бойца. Алкоголь постепенно развязывал языки. В сердцах участников первоначальные искорки надежды разгорались пламенем.

За днем парада последовала поездка Власова к его войскам и

военному штабу в Хойберге. При этом несколько машин застряло в снегу. С юмором Власов принял участие в устранении препятствий. Когда я с ним шагал километра два, пока машины могли опять двигаться, мы говорили о покорности судьбе. Как сильно было это чувство у Власова!»

Оружие для сторожевого батальона

Когда в 1944 году должны были создать сторожевой батальон, я вспомнил о своем знакомстве с Клаусом Боррисом, служившим в Отделе центрального планирования в Министерстве обороны. Я передал ему мою просьбу и сказал ему, что мне нужно оружие для сторожевого батальона в составе Русской освободительной армии.

Боррис реагировал следующим образом: «У меня имеется только незначительный запас, которым я могу сам распоряжаться, и я колеблюсь — кому его дать — народному ополчению или вам. Я думаю дать его вам».

Через три дня в Далем подъехали две пароконные повозки с винтовками и боеприпасами. Это было первое оружие для сторожевого батальона, который тогда еще стоял в Берлине. Командиром его был майор Беглецов. За личную безопасность Власова отвечала стража под командой капитана М. В. Каштанова.

Из добровольцев сторожевого батальона и из других частей был сформирован ударный отряд, который под командой полковника Сахарова в феврале 1945 года принял участие в боевых действиях на фронте вдоль реки Одер.

Военный штаб генерала Власова, возглавляемый генералом Трухиным, переселился только в феврале 1945 года из Берлина в Хойберг. Все эти части: Военный штаб, Вторая дивизия, Офицерская школа, Сторожевой батальон, резервная бригада под командой полковника Койды, только в середине апреля 1945 года выступили из Хойберга в направлении на Линц-Будвейс. Преодолевая серьезные затруднения, они прибыли туда в конце апреля. Трухин задумал объединить все русские военные силы в этом районе, чтобы после неминуемого разгрома немецких военных сил вступить от имени целой армии в переговоры с союзниками.

Какую же силу представляла собой Освободительная армия? Если считать всех, включая «хиви», то это были сотни тысяч. Хотя они и носили нашивку РОА и были обработаны пропагандой из Дабендорфа, но Власову не подчинялись. Непосредственно под его командой находились только Первая и Вторая дивизии со

всеми подразделениями и воздушные силы.

Старые эмигранты присоединяются к РОА

Как я уже упоминал, Гитлер одобрил создание Русского освободительного движения только в целях пропаганды, то есть его целью было разложить пропагандой Красную армию и вызвать возможно большее число перебежчиков. Его не интересовало развертывание Власовского Движения до уровня серьезного начинания, которое могло принять решающее участие в борьбе с коммунизмом. Эта ограниченная цель допускала только полумеры, причем Освободительная Армия становилась фикцией.

При этом непредвиденным оказался отклик старых эмигрантов, которые захотели принять участие в освобождении их родины от большевизма. Для многих осевших в Европе и освоившихся с новой жизнью эмигрантов с начала войны на Востоке наступило время, которое означало конец долгим годам тихого ожидания и возможность активно принять участие в борьбе за освобождение родины. Они заявляли о своем желании и предлагали свои услуги. Это главным образом были люди старшего возраста в большой волне эмигрантов, которые после поражения белых сил в Гражданской войне 1918—20 годов прибыли в Европу. Среди них были высшие государственные чиновники России, дипломаты, военные, духовенство, промышленники, в общем представители прежнего правящего класса. Часто они располагали хорошими связями на международном уровне. Немецкая сторона правильно понимала, что с такими людьми будет гораздо труднее обходиться, чем с советскими военнопленными. Они ведь были хорошо знакомы с западными условиями жизни, владели языками, создали себе жизненный уклад и вместе с тем известную независимость в оценке событий и в своих действиях. Немецкое руководство считало, что они очень скоро разберутся в фальшивой игре с Русским Освободительным Движением и отвергнут ее. По этим соображениям немцы сперва весьма неохотно смотрели на участие старых эмигрантов во Власовском Движении.

Однако очень часто прием в движение этих людей удавался, благодаря усилиям немецких чиновников, бывших под впечатлением искренности патриотических чувств старых эмигрантов. Перед их использованием в рядах РОА они часто выполняли обязанности переводчиков и консультантов по проблемам Востока. Позже среди них стали искать подходящих командиров для добровольческих отрядов.

Так, например, благодаря храбрым и своевольным действиям

одного из начальников немецких дивизий, граф Георгий Ламсдорф был назначен командиром Восточного батальона. По просьбе Штрик-Штрикфельдта барон Борис Людингхаузен Вольф был назначен взводным командиром в сторожевом батальоне Власова. Оба офицера участвовали на стороне генерала Франко в испанской Гражданской войне. Точно так же князь Леонид Мансырев, призванным на немецкую военную службу в состав артиллерийской зенитной дивизии, был но собственному прошению переведен в РОА. Полковник Константин Кромиади, чин которого не признавался берлинским военным мобилизационным учреждением, временно числился переводчиком, согласно его военной книжке. Но уже в 1942 году он командовал РННА в Осинторфе, а в 1943 году стал начальником личной канцелярии Власова.

К РОА присоединялись также, преодолевая административные препятствия, бывшие участники белых армий из Франции. В их числе были полковник Евгений Васильевич Кравченко, который известное время был комендантом штаба при Власове, капитан Черемисинов и капитан А. И. Путилин. Все три офицера стали потом командирами батальонов добровольцев. В одном из батальонов РОА, стоявшем на берегу Ламанша в Голландии, все офицерские посты были заняты старыми эмигрантами зрелого возраста из Франции.

В связи с этим нельзя не упомянуть героя Гражданской войны генерала А. В. Туркула. В 1945 году он получил поручение от Власова приступить к формированию в Вене стрелкового корпуса РОА, что не встретило возражений с немецкой стороны. Туркул приступил к этому, но военные события помешали ему выполнить задание. У него были люди, но не было оружия. После капитуляции он сумел спасти своих людей от американского плена, распустив их на свою ответственность. Плен у американцев наверняка закончился бы для них выдачей Советскому Союзу… Несомненно также, что его решение было вызвано печальным опытом в отношениях с союзниками, который у него имелся, когда он был генералом в Белой армии во время Гражданской войны…

После войны генерал Туркул до своей смерти проживал в Мюнхене; в его жизни были весьма интересные периоды. В Гражданскую войну он служил в выдающейся части — в «дроздовцах». Сначала это был только полк, но потом он разросся до армейского корпуса. Эта часть носила имя своего основателя полковника Дроздовского. После смерти Дроздовского командование перешло к генералу Туркулу. В ноябре 1920 года, при поражении последней Белой армии генерала Врангеля в

Крыму, на долю «дроздовцев» выпала героическая роль: отчаянными контр-атаками они задержали продвижение значительно превосходящего их противника и сделали возможной эвакуацию Крыма.

Отношение большинства офицеров РОА, вышедших из Красной армии, к прежним участникам Белой борьбы было основано на ряде предубеждений. Но их обычно удавалось преодолевать, когда начиналась совместная работа. Офицеры РОА придерживались такого мнения: «Офицеры Белой армии слишком стары и ничего не понимают в современном ведении войны. Одной доблестью в настоящее время нельзя выиграть войну.» Старые же эмигранты на это возражали: «Эти солдаты — все прежние коммунисты и доверять им вообще нельзя. Они же только против Сталина, но не против советского режима. Помрет Сталин или будет устранен другим способом — они опять станут защищать советский режим!»

Однако в ежедневном сотрудничестве такого рода предубеждения постепенно сглаживались, люди начинали уважать и ценить друг друга. К числу людей, которые вообще не разделяли этих, предубеждений, принадлежали генералы Трухин и Малышкин, которые (правда, еще молодыми офицерами) служили в царской армии.

Власов очень хорошо разбирался в политических настроениях эмигрантов. Его отношение к ним становится ясным при чтении объяснений, опубликованных полковником Кромиади в журнале «Зарубежье»:

«Власов отводил старым эмигрантам в предстоящей антикоммунистической борьбе значительную роль носителей всех старых русских моральных, культурных и религиозных убеждений, которые были затоптаны коммунистами. С его точки зрения, старая эмиграция должна была быть связующим звеном между прежней исторической Россией и современностью».

Старым эмигрантам Власов говорил: «В Гражданскую войну мы боролись друг против друга, но тогда каждый из нас защищал свою правду, как он ее понимал. В конечном результате вы проиграли войну и были вынуждены покинуть родину, а мы, хотя и выиграли ее, но попали в такое положение, которое было не лучше вашего. Коммунисты обманули народ тем, что присвоили себе власть, создав этим непереносимую диктатуру. Что же получилось? И белые, и красные в равной мере проиграли Гражданскую войну. Нам надо забыть прежние предубеждения и как братья, как дети одной матери, освободить наш народ от несчастья, которое его постигло!»

Чтобы эмигранты его правильно поняли, он добавлял:

«Историю нельзя повернуть обратно. Мы боремся не за реставрацию и восстановление дореволюционного порядка, а за права народа, которые он завоевал в Февральскую революцию и которые были отменены коммунистами».

Военно-воздушные силы РОА

Это был Виктор Иванович Мальцев, сын крестьянина Владимирской губернии, родившийся в 1895 году, посвятивший себя с присущей ему энергией в Летцене (Восточная Пруссия) созданию воздушных сил РОА. Он был одним из многих «отступников», отпущенных из тюрем при начале Второй мировой войны, и уже в 1941 году предложил свои услуги немцам, вступившим в Крым. Он остался в Ялте при отходе советских войск и, став городским головой, позаботился о том, чтобы жизнь в городе наладилась возможно скорее. Его решение принять участие в борьбе с большевизмом привело его к Власову и его движению. Вместе с руководителем отдела Auswertestelle Ost штаба Военно-воздушных сил подполковником генерального штаба Холтерсом и его переводчиком Адольфом Идолом он создал предпосылки по созданию ячейки власовских воздушных сил. Мальцев набирал людей в лагерях военнопленных, к которым он имел свободный доступ. Желающих была масса, большое число добровольцев отзывалось. Все они раньше служили, как профессиональные офицеры, в рядах Красной армии, а теперь являлись, чтобы принять участие в борьбе против большевизма.

С осени 1943 года все эти кандидаты были собраны в специальном лагере в Сувалках, в Польше. Тут эти «кадеты», как их теперь называли, должны были пройти двухмесячную проверку и тренировку. После принесения присяги и определения их чина они переводились для дальнейшей подготовки в группу Холтерса в Морицфельде у Инстербурга. Мальцев познакомился с Власовым только в феврале 1944 года в Морицфельде. Из этой встречи со временем родилась подлинная дружба. Мальцев писал своей жене: «Власов не политический деятель. Он хороший, искренний, порядочный человек. У нас много общего».

В этой поездке Власова сопровождали его адъютант капитан Антонов и я. Время поездки было выбрано не случайно. В Берлине для Власова опять создалось неблагоприятное положение. Партийные организации потребовали ограничений в его деятельности. Чтобы избежать личной опасности для Власова, советник начальника штаба Военно-воздушных сил по делам русских добровольцев в таких частях, генерал-лейтенант

Ашенбреннер, предложил во имя осторожности вывезти Власова на несколько дней из Берлина и предоставить ему «Auswerirestelle Ost» (штаб военно-воздушных сил) в Морицфельде.

Мы использовали скорый поезд, для которого требовалось специальное разрешение и который каждый вечер отходил с Силезийского вокзала в Берлине в Главную Ставку — «Волчье Логово». Поезд состоял только из спальных вагонов, а пассажирами были главным образом высшие офицеры и партийные функционеры.

Засекреченный «Auswertestelle Ost» расположен среди Мазурских озер. На ближайшей станции нас встретила машина из Морицфельда. Среди леса мы нашли полевой аэродром. С северной стороны находились бараки и более солидные постройки для добровольцев и для немецкого и русского опрашивающего персонала. Снаружи была ограда из колючей проволоки. В Морицфельде велась также военная и техническая подготовка добровольцев из лагеря в Сувалках для их будущих заданий. Бывшие советские летчики, все молодые люди, были в совершенно новых, хорошо пригнанных формах чинов немецких воздушных сил с соответствующими обозначениями их чина. Дух, который здесь господствовал, произвел на Власова глубокое впечатление.

Нас поместили в бараке на краю аэродрома, вблизи леса. Подполковник Холтерс заботился о строгой дисциплине, порядке и абсолютной чистоте во всем лагере. Замечание Власова, что Холтерс был бы хорошим председателем колхоза, основывалось на том, что подполковник одновременно организовал тут большую кроличью ферму.

Настоящим главой и руководителем опросов был выходец из Эстонии старший лейтенант Алольф Идол. Он хорошо говорил по-русски и проявлял деловой подход к опросам и внушавшую доверие человечность.

Личное появление Власова вызвало сенсацию. Мы присутствовали при нескольких опросах и удивлялись — с какой готовностью советские летчики описывали свою службу, военные задания и события на родине. Сначала вновь прибывших осведомляли о целях и задачах РОА и отвечали на их многочисленные вопросы. Весьма быстро они переставали быть скрытными и начинали высказывать свое одобрение Власову и его движению. Власов часто принимал участие в разговорах, с целью выяснить подробности.

Согласно приказу Главного штаба Военно-воздушных сил, все сбитые советские летчики не подлежали опросу местных штабов, а только штаба в Морицфельде. Как правило, требовалось не

больше двух-трех дней, чтобы доставить их в Морицфельд. Поскольку главным образом это все были новички или служившие в гражданской авиации, — в их показаниях было много интересного из области их профессии. В помещении для опросов висела большая карта Советского Союза, на которой был намечен маршрут возможной прямой воздушной связи Берлин — Токио… Тут же находились и самые современные аппараты.

Между советскими летчиками, которые присоединились к Власовскому Движению, были некоторые, занимавшие в советских воздушных силах ответственные посты. Были даже и «герои Советского Союза», как, например, капитан Бычков. Это звание приблизительно соответствует званию кавалера немецкого рыцарского ордена Железного Креста.

Интересной фигурой в этом кругу была летчик майор Серафима Захаровна Ситник, известная под кличкой Симочка, высокого роста, красивая, самоуверенная женщина лет тридцати. Ее самолет был сбит в воздушном бою. Она смогла спастись на парашюте, но при этом была тяжело ранена. В Морицфельде она ходила еще в своей советской форме с майорскими нашивками и с тремя орденами на груди, Она была начальником Разведывательного Отделения 205-й Дивизии истребителей. То обстоятельство, что немцы привезли к ней ее мать и пятилетнего сына из занятых областей, привело ее к Власову. Она провела несколько вечеров с ним и его спутниками, играла на гитаре и пела приятным голосом. От нее я в первый раз услышал в замечательной передаче общеизвестную солдатскую песню во время Второй мировой войны в Красной армии «Землянка». Слова этой песни написал поэт Константин Симонов:

Вьется в дымной печурке огонь,
На поленьях смола как слеза…
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза,
О тебе мне шептали цветы
В белоснежных полях под Москвой…
Я хочу, чтоб услышала ты
Как поет мой голос живой.
Ты сейчас далеко, далеко,
Между нами поля и снега,
До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти — четыре шага.
Пой, гармонь, зимней вьюге назло,
Запоздалое счастье зови!
Мне в холодной землянке тепло
От твоей негасимой любви.

Мать Симочки была простой крестьянкой, которая говорила, что она думала… Так, она сказала мне, крестясь при этом: «Господь наградит Сталина, Господь даст ему здоровье и успех. Ведь это он сделал из моей Симы летчика и офицера. Не будь Сталина, она бы теперь доила коров и вывозила бы навоз!». Про себя я думал: скорее всего при этом Симочка была бы счастливее, чем став майором.

Конец Симочки был грустным. Из-за ее ранений ее перевели в Пропагандную часть, и она стала жертвой немецкой провокации. В чаще Мазурских лесов, как предполагали, действовали партизаны, и будто бы этому были даже доказательства. С Симочкой заговорили немецкие агенты, которые выдавали себя за советских партизан. Симочка поверила этому обману и за это заплатила жизнью.

Меня беспокоило то, что нас поместили в немного отдаленном бараке. Если действительно налицо были партизаны, то они пошли бы на любой риск, чтобы похитить Власова. Полевой аэродром представлял большие возможности для такого командо-предприятия. Из-за этих опасений я по несколько раз в ночь обходил подлесок. При этом я часто останавливался и прислушивался, но кроме только повторявшихся криков вальдшнепа я ничего не слышал. Когда я днем рассказал о моих наблюдениях старшему лейтенанту из лагерного персонала, он возразил: «Это, конечно, не был вальдшнеп. В это время года они еще не кричат.»

Подозрение, что такой крик был подражанием человека — что было весьма просто — очень меня обеспокоило, и я решил убедить Власова поскорее уехать. Если партизаны действительно готовили нападение на него, то им потребовалось бы несколько дней для подготовки. Поэтому я пустил слух, что мы уезжаем в пятницу, а на самом деле мы уехали во вторник.

Как я позже узнал, в Auswertestelle Ost допрашивали несколько важных военнопленных, в числе которых был сын Сталина, капитан артиллерии Яков Джугашвили. Его допрашивали неделями, и ответы его записывались на пленку. После этого из вырезок составили воззвание, которое призывало голосом сына Сталина офицеров Красной армии прекратить сопротивление немецким войскам. Эта манипуляция состоялась без ведома опрашиваемого, и он, конечно, никогда не согласился бы с таким воззванием.

По рассказам всех, кто его знал, Джугашвили был спокойным, скромным и всегда корректным офицером. Он вообще не признавал всех методов своего отца. Возможно, что отрицательное отношение к отцу было вызвано тем, что Сталин

покинул свою первую жену, его мать — грузинку.

После того, как подделанное воззвание было обнародовано, след Якова Джугашвили теряется… Немцы потеряли к нему интерес. Мне стало известно, что после войны советские агенты лихорадочно искали в Германии этого человека, но найти его не удалось. Теперь мы знаем, что он сам искал смерти.

О его брате Василии известно больше, благодаря сообщениям маршала Красной армии Рокоссовского. У него было много неприятностей из-за сына Сталина, который, благодаря отцу, занимал высокий пост в Военно-воздушных силах. Василий постоянно обращал на себя внимание, вызывая раздражение своим громким и нахальным поведением. Его загулы, большей частью переходившие в драки, вызывали открытое осуждение маршала Рокоссовского. Военная карьера Василия резко оборвалась сразу же после смерти его отца.

Мы покинули Морицфельд, эту первоначальную ступень воздушных сил, с весьма радостными впечатлениями и надеждой, что эта небольшая лётная часть быстро разовьется в план, задуманный полковником Мальцевым по созданию собственных воздушных частей.

Но конкретные шаги в этом направлении могли быть предприняты лишь 16 сентября 1944 года, после признания Власовского Движения. С начала марта 1945 года (на самом деле уже 4 февраля 1945 г.) Военно-воздушные силы РОА в составе Русской Освободительной Армии перешли в подчинение генералу Власову, который призвал произведенного в генерал-майоры Мальцева к командованию Воздушными силами КОНРа. Генерал-лейтенант Ашенбреннер с присущей ему энергией и рядом действий прилагал все усилия к формированию, обучению и вооружению воздушных сил РОА.

Боевой состав этой части насчитывал 5000 человек.

Если в этот заключительный период войны еще удалось сформировать несколько воздушных частей, то этим мы обязаны не только генерал-майору Мальцеву, но главным образом генерал-лейтенанту Ашенбреннеру. Он предпринимал все, чтобы устранить с дороги все нараставшие препятствия. Он гордился этими частями, которые отличались внутренним крепким боевым духом. Они это и доказали, когда самолеты эскадрильи ночного действия поддерживали наступление Первой дивизии на советское предмостное укрепление Эрленхоф к югу от Фюрстенберга на Одере.

Штаб ВВС РОА пребывал сначала в Карлсбаде, а потом в Мариенбаде.

Попытка с «вспомогательными частями»

Конец 1944 года. Невзирая на все обещания, формирование частей Власовской армии сопровождается сплошными проволочками. Из-за этого у нас вырабатывается план в надежде, что удастся обойти ужасающие затруднения в немецких учреждениях в этот последний период войны, которые мы расценивали как саботаж. Этот план предусматривал формирование вспомогательных частей в сотрудничестве с организацией Тодт. Благодаря моим посредникам, руководство этой организации было оповещено о наших планах, и были выдвинуты предложения по возможному расширению ее функций. Вообще, было приятно, что каждое учреждение или ведомство прилагало все усилия для получения возможно большего числа заданий. Там думали — и, может быть, это и было правильно — таким путем добиться защиты от возможного свертывания, что вызвало бы для служащих перевод на фронт.

Для этих вспомогательных войск стали вербовать людей не только среди военнопленных, но и среди остарбейтеров. Отклик и тут был очень хороший. Желающих собирали в лагеря, и там они подчинялись русскому руководству. Очередной задачей при этом стало найти среди этих людей (в большинстве штатских) будущих руководителей подразделениями. При этом было необходимо проявлять известный личный авторитет, чтобы настоять на своем даже у немецкого коменданта, часто лейтенанта, в обязанности которого входили чисто административные функции. Большинство лагерников были настолько запуганы немецкой грубостью в обхождении с русскими, что они совсем не подходили на занятие командных постов.

Предполагалось объединить участников вспомогательных сил в строительные дружины, которые должны были чинить дороги по заказам организации Тодт. Шел также разговор о большом канале, который после повреждений от бомбардировок должен был опять стать судоходным. Таким образом эти вспомогательные силы поначалу не предназначались для службы на фронте. Конечной же целью было их вооружение и присоединение к РОА. Но до этого дело не дошло.

Штаб этих вспомогательных сил помещался в доме постановщика фильмов Фрёлиха в Берлине-Далеме. Его не следует смешивать с кино-артистом Густавом Фрёлихом. Это была громадная вилла со сравнительно небольшим садом. В подвале находился большой зал для кинематографа и другие помещения; на первом этаже еще несколько, шесть или семь комнат.

Русским начальником этих вспомогательных сил номинально подчинявшихся организации Тодт, был назначен инженер-подполковник Клавдий И. Попов. Он был родом из промышленного района Украины и был специалистом по шамотным камням, получаемым из доменных печей, но ему совсем не подходили организаторские функции, а его обхождение с немцами было неудовлетворительно. Он был боязлив и уже поэтому не подходил для этого поста, будучи бессильным настоять на своем даже против самого незначительного зондерфюрера.

По моему плану Попов должен был как начальник занять лучшую комнату на вилле — спальную бывшего домовладельца на первом этаже с большой стеклянной дверью на балкон и видом в сад. Но Попов захотел жить в кинематографе. Его письменный стол был поставлен в зале, причем так что каждый входящий в этот громадный зал должен был пройти от 20 до 25 метров, чтобы приблизиться к нему. Может быть его решение было вызвано подражанием какому-то сановнику из его прошлого…

Кроме этого письменного стола, его кресла и стула для посетителей, в этом помещении другой мебели не было. Обычно Попов сидел целый день за этим столом и пытался писать карандашом письма, диктовать он не умел, как между прочим, многие русские. При этом у Попова была замашка всем командовать и все решать самому. Только с большим трудом мне удалось заменить его другим начальником, а именно полковником Антоновым, старым танковым специалистом. В Советском Союзе Антонов был преподавателем по танковому делу в военном училище. На этом, в общем, кончались его познания. Но как начальник вспомогательных сил он оказался способным усвоить наши соображения, был разумен, приятен и скромен. И Власов ему доверял.

Конечно, и это формирование вспомогательных сил было начато слишком поздно: они не участвовали ни в каких действиях. Все участники смогли вовремя покинуть Берлин, последовали за штабом в Прагу и оттуда разошлись, сохранив индивидуальную свободу.

Инженер Попов после войны жил в Аргентине и переписывался с полковником Кромиади.

Первый железный крест Власовскому офицеру

Полный скептицизма вопрос, с которым немецкое руководство обращалось к Штрикфельдту, фон Гроте и другим сторонникам власовской идеи, гласил: «Неужели вы

действительно убеждены в том, что Власов и его люди не воспользуются первой возможностью, чтобы перебежать к советским войскам?» Это абсурдное подозрение не удавалось опровергнуть никакими доказательствами. Господствовало мнение, что Власов и его сторонники разыгрывали неискреннюю роль.

Гиммлер решил противостоять этому ложному представлению и послал в бой особую боевую группу добровольцев из состава сторожевого батальона Власова, как первого подразделения РОА. Эта часть силой в 150 человек прошла короткую военную подготовку, причем особое внимание было сосредоточено на употреблении противотанковых базук. Уже при тренировочной стрельбе были достигнуты хорошие результаты. Как мне сообщали, отдельные солдаты, стреляя из базук, попадали в стволы деревьев на расстоянии в 40–50 метров.

Эта маленькая часть была под командой полковника Игоря Сахарова и майора графа Г. Ламсдорфа и была послана для выполнения боевого задания на фронт, который уже тогда находился на Одере, то есть во время, когда война была уже потеряна. Бойцы оправдали себя во всех отношениях. Советские танки были подбиты и взяты пленные. Весть о присутствии власовской части на фронте распространилась на советской стороне с быстротой ветра и смутила красноармейцев. Появились перебежчики, которые искали власовскую часть. И это в феврале 1945 года!

При этом опыте особенно отличились два старших лейтенанта, Анатолий Ромашкин и Алексей Бабницкий. Они руководили действиями части в передовой линии и проявили личную доблесть и разумность действий, служа примером для солдат РОА. Полковник Сахаров был за эту операцию награжден орденом Железного Креста первой степени и упомянут в докладе Верховной Ставки.

Несмотря на этот, по нашему мнению, полный успех, эту часть через три недели послали обратно в Мюнзинген и после этого не предпринимали новых опытов того же порядка. Недоверие осталось в силе…

Полковник Сахаров позже командовал на фронте на Одере русским пехотным полком, который потом стал четвертым полком Первой Дивизии. Не попав в американский плен, он сумел спастись от выдачи. После войны он поселился в Австралии, где в середине 50-х годов погиб в автомобильной катастрофе. Обоих старших лейтенантов после войны я встретил в окрестностях поместья Двингера «Хедвиг Хоф». Верена фон Дистерло, бывшая тогда секретаршей у Двингера и хорошо

знавшая их обоих еще со времен Дабендорфа, нашла для них место, где они могли спрятаться в лесу. Это было время, когда репатриационные советские комиссии обыскивали все беженские лагеря в погоне за солдатами РОА. Это укрытие было так хорошо замаскировано, что я не смог его распознать даже с десяти шагов, хотя Верена фон Дистерло, которая меня привела туда, сказала: «Вот мы пришли, смотрите прямо перед собой!»

Старший лейтенант Анатолий Ромашкин позже переселился в Соединенные Штаты, и там я потерял его след. Алексей Бабницкий после долгих лет депрессии решил вернуться в Советский Союз, хотя он хорошо знал, что его там ожидало. Это пример того, что русские не в состоянии противостоять своей безграничной тоске по родине, невзирая ни на какие соображения.

Боевое испытание у предмостного укрепления на Одере

11 апреля 1945 года Первая дивизия выдерживает свое боевое испытание на предмостном укреплении Эрленхоф. И это при том, что сама подготовка к операции сопровождалась неблагоприятными предзнаменованиями. При этом стало ясно, в какой малой степени немецкое командование придерживалось своих заверений. Власов только от генерала Буняченко узнал, что немцы обошли его, отдавая боевой приказ. Буняченко подозревал фальшивую игру немцев с РОА. Его давнишнее недоброжелательное отношение к немцам с тех пор усилилось вплоть до враждебности. И сам Власов был против этой операции, которая не давала никаких шансов на успех, потому что его части были недостаточно вооружены. Он надеялся, что именно первая боевая операция его дивизий принесет ему политический успех, который бы способствовал тому, что недоверие немецких ответственных учреждений к преданности и боевой силе его армии сойдет на нет. Но и Красной армии он хотел доказать независимость его боевой силы, выступавшей в общем ударе на одном из участков фронта.

Но положение на этом участке было крайне невыгодно. Советские силы к югу от Франфурта на Одере переправились через реку. Две недели перед тем две немецких дивизии безуспешно пытались ликвидировать предмостное укрепление Эрленхоф. Все пространство перед ним было заболочено, и нападение можно было вести только с обоих флангов вдоль реки. Эти пути для атаки подвергались обстрелу как с предмостного укрепления, так и с другого берега. Своевольный власовский

генерал Буняченко, особенно неприятный для немцев, очень быстро признает всю бесцельность такой операции: соотношение сил слишком неблагоприятно. Сначала он возражает против приказа главнокомандующего 9-й армией генерала Буссе, — которому он до сих пор подчинялся, — на том основании, что он подчиняется только Власову, и потому еще, что не прибыли другие части РОА. Но, в конце концов, он должен подчиниться приказу.

Первые линии врага прорываются. В убийственной артиллерийской перестрелке следующие атаки останавливаются. После короткого перерыва по приказу начальника Дивизии атаки возобновляются. Предмостное укрепление сильно сужается, но ликвидировать его не удается. Дивизия потеряла 370 человек, среди них много офицеров. Но ни один солдат Дивизии не перебежал к врагу, невзирая на предельное моральное напряжение, а ведь всего несколько километров разделяло противников… С этой точки зрения Дивизия себя полностью оправдала. Буняченко отказывается от предложения немецких офицеров — повторить такую безнадежную операцию на другом участке фронта: «…Мы не хотим быть втянутыми с вами в вашу гибель, когда мы наконец получили возможность честно сражаться так, как мы обязаны нашему народу…»

Ему удалось сохранить свою дивизию. Он повел ее на юг с тем, чтобы в Чехословакии соединиться с другими частями РОА.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Отчаянные попытки вплоть до трагического конца

Война медленно продвигалась к своему концу. Власов ясно видел его приближение. Радиостанции союзников, передачи которых все время прослушивались в штабе, давали ему в этом полное подтверждение. Военные передвижения, как на Востоке так и на Западе, на основании сводок немецкой ставки и передач радиостанций союзников, ежедневно отмечались флажками на больших картах. При этом Власов замечал: «Все ведет к катастрофе, если не случится чудо!» Но вместе с тем он был убежден, что если бы ему дали полную свободу действовать, можно было бы еще повернуть военное счастье. При этом он возлагал надежду на историческую английскую политику, которая, как мы теперь знаем, была в отношении Советского Союза особенно дружественной. Он также недооценивал американского влияния и дружбы Рузвельта с Советами. Власов определенно хотел передать свою армию в распоряжение западных союзников. Он, как и многие из нас, не знал подлинных оснований американской политики, которые выражались в желании пойти навстречу большевикам.

Власов тогда говорил о невероятной ошибке, которая привела к тому, что последние еще боевые части были истрачены в наступлении в Арденнах. Позже их недоставало при сопротивлении против наступавшего советского вала. Вот мнение А. А. Власова: «При таком ведении войны теряется всякая надежда. Всех нас ожидает тяжелая судьба. Если бы мы победили, мы стали бы героями, тогда мы были бы патриотами. Но поскольку мы станем побежденными, то нас отметят как изменников, и нас ожидает злая судьба».

Усилия по спасению Штрикфельдта

Когда в январе 1945 года фронт под Лодзью был прорван советскими войсками, для Штрикфельдта в имении «Бибертейх», в Померании, создалась большая опасность. Так как, очевидно, немецкие учреждения о нем забыли, нам пришлось его как-то спасать. Нормальная поездка в этот район казалась в то время невозможной. Мы начали экспедицию, в которой кроме меня и водителя принял участие и генерал Жиленков. Нужно признать, что он в подобных ситуациях проявлял особое личное мужество.

Мы поехали в так называемой «печи в ванной», то есть на большом автомобиле, который приводился в движение древесным углем. При этом Жиленков был в немецкой форме генерала с погонами, петлицами и красными отворотами и сидел рядом с водителем. Таким образом и вооруженные всеми официальными пропусками мы могли преодолеть все военные преграды. Я позвонил Штрикфельдту и осведомил его. Он должен был сразу же ехать во Франкфурт и оставить в Кунерсдорфе записку о том, где мы могли его найти.

После двухдневной поездки, наконец, мы прибыли в «Бибертейх» и нашли там полную идиллию: двор был полон гусей, на скотном дворе стоял скот. Мне даже помнятся замороженные зайцы, которые висели где-то. Хозяйство, сколько позволяло зимнее время, было в полном ходу. Красная же армия стояла всего в 20–30 километрах от имения. Владелец его, господин Кортюм, не хотел покидать своего поместья. Он собирался (так он говорил) взять ружье и пристреливать любого советского солдата, который бы появился на его дворе, пока его самого не прикончат…

Мы провели одну ночь в «Бибертейхе» и на следующее утро отбыли в направлении Франкфурта на Одере. Штрикфельдт покинул это имение накануне и по дороге во Франкфурт оставил в Кунерсдорфе записку, о которой я его просил. Он сообщал, что будет ночевать в определенном доме у моста на восточном берегу во Франкфурте. Рано утром я постучал в этот дом. Владелец мне открыл, но, увидев петлицы СС и нашивку на рукаве моей формы, не хотел признать, что Штрикфельдт находится в его доме. Я же настаивал и произнес его имя так громко, что Штрикфельдт мог это услышать и сам вышел к нам. Здесь мы еще спокойно переночевали и потом поехали назад в Дабендорф и, поскольку Штрикфельдт не мог там долго задерживаться, — дальше к Гелену.

«Бунт» генералов

Был конец января — начало февраля 1945 года. На Западе операция в Арденнах закончилась неудачей, с потерей лучших боевых частей. Советская армия уже перешла Одер, Берлин был под угрозой, и кто мог покидал столицу. Гражданские учреждения КОНРа и их служащие были в опасности, и мы обдумывали эвакуацию.

Как уже было сказано, Власовское Движение после неудачного покушения 20 июля было изъято из ведения Вермахта и подчинено СС, за исключением формирования РОА.

«Зихерхейтсдинст» создал параллельно со штабом для связи СС, под руководством оберфюрера Эрхарда Крегера, свое «Зондеркомандо Ост», во главе с др. Фридрихом Бухардтом. Это учреждение состояло из представителей всех отделов «Рейхсзихерхейтсхауптамта» и видело свою задачу в том, чтобы влиять на деятельность КОНРа, на формирование власовской армии и вести наблюдение за ответственными лицами Власовского Движения.

Все время обнаруживалось, что в среде СС и СД сторонники власовской идеи, ее противники и служебно проводимая политика на Востоке стояли друг против друга. Др. Фридрих Бухардт принадлежал к сторонникам Власова. Он убедился в особенной притягательной силе имени Власова среди военнопленных, перебежчиков и гражданского населения во время своего пребывания в районе войск Центрального фронта.

Весьма быстро выяснилось, что эвакуация Власова из «крепости Берлин» желательна и в интересах специального штаба, который тоже не хотел подвергаться захвату русскими. Поэтому Крёгер появился у Власова и сделал ему следующее предложение: «Андрей Андреевич, вы должны немедленно покинуть Берлин. Вы можете взять с собой по вашему выбору около 30 человек.» Власов, настроенный безнадежно и апатично, и к тому же под влиянием алкоголя (что использовал Крёгер) устало дал на это свое согласие.

Мне было ясно, что согласие на план Крёгера, при котором эвакуация только верхушки КОНРа, то есть только русских генералов и их близких, означало бы моральную смерть для всего Власовского Движения. Ведь оставление на произвол судьбы своей части вождем или командиром никогда не прощается! История гражданской войны в России приводит этому достаточно примеров. Мне известно, с каким презрением относились к таким людям, безразлично — были ли они еще в живых или умерли.

Если бы Крёгер со своим штабом, с «Зондеркомандо Ост» и русской верхушкой КОНРа покинули Берлин, то этим они бы предали и обрекли на уничтожение сотни русских, которые своей связью с КОНРом политически себя скомпрометировали. Поэтому я попытался объяснить Власову, что наступил час когда он должен сам ставить условия. Так как специальный штаб Ост непременно хочет покинуть Берлин и может сделать это только совместно со штабом Власова, то они там наверно в большей мере пойдут навстречу его требованиям. В отдельных случаях они даже будут готовы ввести в заблуждение стоящие над ними учреждения, лишь бы только удовлетворить его пожелания. Я советовал Власову, если будет нужно, ударить кулаком по столу и

энергично дать понять немцам, что в противном случае он сам не покинет Берлина. Но мое вмешательство было безуспешным, и мои логические доводы не смогли сломить его апатии.

Тогда я обсудил создавшееся положение с моим другом Димитрием Левицким, из Секретариата Главного Организационного управления, и мы решили привлечь к обсуждению генералов из власовского штаба. Первый, с кем я говорил генерал Трухин сразу же понял, в чем было дело и был возмущен планом специального штаба Ост. Генерал Малышкин также понял и еще добавил: «Мы, по всей вероятности, идем к гибели, но мы не можем принять на себя этот позор». И генерал Жиленков согласился со мной. Четвертый генерал украинец Закутный, тоже согласился с нами. Убежденные мною генералы посоветовались и решили предъявить Власову ультиматум о том, чтобы он потребовал от специального штаба Ост предоставления ему отдельного поезда. Наконец Власов дал себя убедить и потребовал поезд, который и был ему предоставлен.

По этому поводу Димитрий Левицкий в своем письме от 15 июля 1983 г. описывает ряд подробностей:

«Сам Власов в это время, вероятно, был целиком занят, и все его внимание было посвящено военной стороне его деятельности. 28 января 1945 года КОНРу и Власову как главнокомандующему была передана власть над РОА, а 2 февраля 1945 г. Власов вместе с Мальцевым и Крёгером были приняты Герингом в Каринхале. Весьма возможно что поэтому он не хотел ссориться с Крёгером из-за эвакуации гражданских учреждений КОНРа. В это время другие генералы, особенно Малышкин и Закутный, проявляли особенную заботу о подчиненных им учреждениях и своих сотрудниках и показали большое понимание в необходимости их эвакуации».

Этот транспорт, комендантом которого я был назначен, принял штаб Власова в узком составе и со всеми подчиненными КОНРу учреждениями, чтобы перевести их в Карлсбад в Чехословакии, то есть в район, который сравнительно мало пострадал во время войны. Наш состав стоял четыре часа на одном из вокзалов в пригороде Берлина, после чего он, полностью загруженный, 6 февраля покинул Берлин. Каждый говоривший по-русски человек, который появлялся на станции и хотел уехать, мог свободно сесть в поезд, без различия — был ли он сотрудником Власовского Движения или чиновником Восточного министерства. Люди часто сидели на своем багаже в проходах и были рады покинуть находившийся под угрозой Берлин.

Путешествие продолжалось две ночи и один день. Мы ехали

через Дрезден и прибыли в Карлсбад ночью с 7-го на 8 февраля 1945 г. Здесь штаб Власова был помещен в первоклассном отеле «Ричмонд». Другие власовские сотрудники были размещены по школам, специально для этого реквизированным.

Бесполезные попытки осветить положение Западным союзникам

С согласия автора Юрия Жеребкова я привожу отрывок из его статьи «Попытки КОНРа завязать контакты с западными союзниками». Эта часть статьи уже была опубликована в издаваемом мною журнале «Зарубежье», в тетрадях за февраль, апрель и июнь 1979 года.

«Каковы же были подлинные отношения западных союзников к Власову, РОА и, в конце концов, к КОНРу? Как их правительства, так и верховное командование вне всякого сомнения относились отрицательно и даже больше — враждебно — к формированию русских антибольшевистских добровольческих частей. Это отрицательное отношение и враждебность усилились после того, как немецкое высшее командование осенью 1943 года перевело большую часть добровольческих частей во Францию, Италию, Бельгию и Данию. В то время Власов только символически возглавлял русское Освободительное Движение и еще не сформированную РОА, и поэтому не мог протестовать против отправления этих батальонов на Запад. Союзническое высшее командование или было плохо информировано, или вообще не хотело знать, что офицеры и солдаты, носившие на левом рукаве нашивку РОА, на самом деле Власову не подчинялись. При десанте западных союзников 6 июня 1944 года в Нормандии они натолкнулись на эти батальоны во Франции, потому что те были вынуждены принять участие в защите Нормандии против десанта. Это обстоятельство в глазах союзников очень повредило Власову и его движению. Они поставили в вину генералу и его движению сотни убитых своих солдат во Франции. Англия и Америка упрекали движение и РОА в том, что они были созданы при поддержке Германии и поэтому должны рассматриваться союзниками Третьего Рейха. Они не понимали, что в то время русские патриоты не могли найти другой поддержки в своей борьбе с советской властью, так как в то время западные союзники не только не были врагами Советского Союза, а наоборот — друзьями и в союзе с ним.

Для большинства русских было непонятно и нелогично, как западные демократии, провозгласившие, что они ведут войну во имя свободы народов и в защиту человеческих прав, могли

вступить в союз со злейшим тираном и диктатором Сталиным.

Власов и КОНР предполагали, что если поверхностное общественное мнение на западе не могло понять Русского Освободительного Движения, поддерживаемого Германией, то, по крайней мере, ведущие политики западных стран должны были понять, что сотрудничество КОНРа с Германией было лишь тактическое и временное. Против западных держав, в особенности против Соединенных Штатов, у участников Русского Освободительного Движения не было никакого враждебного чувства.

Руководители Движения не желали вести борьбу против западных союзников, и поэтому после создания КОНРа и подчинения РОА Власову они решили добровольческие части ни в коем случае против них не посылать. Власов и его сотрудники были твердо убеждены в том, что западные демократии будут рано или поздно принуждены вести борьбу против Советского Союза — чтобы не быть самим уничтоженными коммунизмом.

В январе 1945 года я, с согласия Власова, начал переговоры с Министерством иностранных дел и Крёгером с целью добиться их разрешения на непосредственные переговоры КОНРа с Международным Красным Крестом (МКК) о защите интересов русских добровольцев, попавших в плен к западным союзникам. О судьбе их волновался Власов и все мы, опасаясь — к сожалению, обоснованно — выдачи их Советам. Кроме письменных сношений по этому вопросу с Женевой и моих переговоров с представительством Международного Красного Креста в Берлине, ген. Власов хотел послать меня в Швейцарию с целью не только защиты интересов русских военнопленных, но и для того, чтобы я от имени КОНРа вошел в непосредственные, или через третье лицо, сношения с американским и английским посольствами в Берне.

Известие о моей предполагаемой поездке вызвало различную реакцию в германских инстанциях. В то время как Министерство иностранных дел готово было дать свое согласие, круги СС разделились на два лагеря — на согласных с моим планом и на его противников. Последние были решительно против моей поездки и требовали за предполагаемую «измену» моего физического уничтожения. Впоследствии, 4 апреля 1945 г., в отеле «Ричмонд» в Карлсбаде Крёгер сказал мне следующее: «Многие из нас противились вашей поездке в Женеву, догадываясь об одной из ее целей. Теперь я могу вам сказать, что мы не только не против, но, наоборот, будем приветствовать, если вам удастся связаться с англо-американцами».

12 апреля статс-секретарь Министерства иностранных дел,

барон Стенграхт, лично отдал распоряжение, чтобы в мой паспорт было поставлено разрешение на выезд. Я не преувеличиваю, если скажу, что мысль о возможном соглашении с англо-американцами с использованием имени Власова стала запоздалой надеждой немецких учреждений, когда принимались последние решения и действия, касавшиеся Освободительного Движения. Основываясь именно на этой нереальной надежде, все немецкие учреждения, включая Главное управление СС, за последние недели были готовы поддержать план моей поездки в Швейцарию.

Тем временем в Берлин пришел ответ от председателя МКК, профессора Бургхарда, который гласил:

Международный Красный Крест по получении письменного обращения КОНРа, предпринял все нужные шаги перед англо-американскими правительствами. Однако, ввиду деликатности и сложности положения КОНРа, благодаря его сотрудничеству с Германией, защита интересов добровольцев, попавших в плен к западным союзникам, очень нелегка. Для того, чтобы облегчить шаги Бургхарда перед англо-американцами, необходима какая-то крупная услуга, какой-то факт, могущий оправдать в мнении западных союзников самое существование Освободительного Движения.

На мой вопрос, какая услуга или какой факт могут помочь КОНРу, представитель МКК в Берлине д-р Лених мне пояснил:

Ввиду неминуемого поражения Германии, МКК и западные союзники опасаются того, что в последний момент СС могут уничтожить всех находящихся в концентрационных лагерях. Но Международный Красный Крест считает вес ген. Власова достаточным для того, чтобы с его мнением и его словами посчитались ответственные германские круги. Поэтому Бургхард обращается к Власову с просьбой как можно скорее снестись с Гиммлером и высказать ему пожелания КОНРа и свое лично, дабы этот нечеловеческий акт не был допущен.

Я ответил представителям Международного Красного Креста, что ген. Власов и возглавляемый им КОНР сделает все для спасения жизни заключенных в концлагерях.

В тот же день я был принят швейцарским поверенным в делах в Берлине, советником посольства д-ром Цендером (Zehnder), который заявил мне, что, несмотря на его поддержку, виза для меня не пришла. Цендер сказал, что присутствие в Швейцарии представителя Освободительного Движения, то есть миллионов антикоммунистов, нежелательно ввиду того, что это может вызвать раздражение Москвы и повредить интересам страны. Цендер, живший долгие годы в Москве и выехавший оттуда в 1918 году, хотел всячески помочь и поэтому посоветовал мне

проехать к швейцарской границе. На следующий день атташе посольства передал мне от его имени письмо, которое должно было помочь моему переходу границы. На мой вопрос Цендеру — мог ли бы Власов рассчитывать на политическое убежище в его стране, он ответил, что, конечно, в данных условиях швейцарское правительство принуждено было бы ответить отказом.

В отеле «Алкрон» в Праге я передал ген. Власову пожелания Международною Красного Креста. Власов поручил Крёгеру немедленно снестись с Гиммлером и передать ему настойчивую просьбу, согласно с пожеланием и просьбой проф. Бургхарда. Было бы несерьезно утверждать, что вмешательство ген. Власова спасло от смерти сотни тысяч узников в концлагерях, но что некоторое влияние на решение Гиммлера оно могло произвести — этого исключить нельзя.

Моя последняя встреча с Власовым произошла 27 апреля 1945 г. в горах, вблизи «Фернпаса». После скромной трапезы он пошел со мной в лес, чтобы наедине окончательно оговорить все подробности моей поездки в Швейцарию и выслушать его последние пожелания и инструкции. После моего разговора с Цендером я предвидел все затруднения для моего въезда в Швейцарию и не скрывал от Власова все трудности. Он, как всегда, был внешне спокоен, но в нем что-то изменилось. За этим внешним спокойствием я заметил усталость и потерю энергии. Некоторые произнесенные им фразы могли создать впечатление, что он не видел, не хотел видеть надвинувшуюся близкую опасность. Мне показалось, что стремительный поток последних событий захватил его и он готов был быть им унесенным к трагической развязке. Во время этого разговора я посоветовал ему спасти свою жизнь для будущего России и улететь в Испанию, где Франко помог бы ему и его движению. Власов остановился, внимательно посмотрел на меня своими умными и в этот раз грустными глазами и медленно ответил: «Нет, я останусь до конца со своими солдатами и разделю их участь, какая бы она ни была». Власов дал мне два написанных по-французски документа: полномочие для моих переговоров за границей и письмо для ген. Франко, в котором он просил его и испанский народ помощи для Освободительного Движения и спасения РОА. У нас уже были хорошие связи с испанским посольством в Берлине, и мы знали, что Франко с большим сочувствием и интересом относился к Власову и Движению.

28 апреля 1945 г. мне посоветовал главный представитель МКК в Германии д-р Мартин, который знал, что нельзя рассчитывать на легальный въезд в Швейцарию, перейти границу нелегально.

30 апреля я приехал к швейцарской границе и остановился в отеле в Наудерс, недалеко от Решенпаса. Швейцарские пограничные власти, несмотря на письмо Цендера, отнеслись ко мне более чем нелюбезно. После их телефонного запроса в Берне мне было заявлено, что Швейцария меня впустить не может.

Исполняя последнее поручение Власова и желая всеми способами добраться до МКК, я трижды пытался ночью в горах перейти сильно охраняемую границу. После третьей удачной попытки я проник в Швейцарию, но несколько часов спустя был задержан пограничной стражей и после очень неприятных часов и телефонного запроса в Берне был доведен пограничниками к границе недалеко от Наудерса, уже занятого американскими войсками. С полномочиями ген. Власова я 10 мая 1945 г. явился к американскому коменданту Наудерса и после допроса отправлен в Имст в Тироле, где американцы продержали меня два месяца.

Другая попытка связаться с западными союзниками была сделана через швейцарского журналиста Георгия Брюшвейлера. Он просил меня в Берлине в конце января 1945 г. представить его Власову. Брюшвейлер родился в Москве. До его посещения Власова я имел с ним конфиденциальный разговор, приведший к его обещанию помочь Освободительному Движению. По возвращении в Швейцарию он должен был переправить англо-американскому Главному Командованию меморандум о Движении и, кроме того, подготовить почву для непосредственного контакта КОНРа с западными союзниками. Во время приема у Власова Брюшвейлер обещал поместить ряд статей в «Нейс Цюрихер Цейтунг», правильно освещающих Освободительное Движение. 4 или 5 февраля он с данным ему материалом выехал в Швейцарию.

Насколько мне известно, в «Цюрихер Цейтунг» статьи помещены не были. Возможно, что тамошняя цензура, не желая раздражать Советский Союз, запретила печатание правдивых статей о Власове. Были ли Брюшвейлером предприняты обещанные шаги перед союзным командованием — мне неизвестно.»

Таково сообщение Юрия Жеребкова, датированное 1979 годом.

На мой запрос в «Нейс Цюрихер Цейтунг» о том, опубликовал ли что-любо Брюшвейлер, я получил только ссылку на отчеты от 25, 26 мая и 4 июня 1943 года и сообщение о казни Власова от 2 августа 1946 года. Эти статьи весьма кратки и подтверждают лишь очень поверхностное понимание проблемы. При этом сотрудник ссылался на издаваемую Отделом восточной пропаганды газету «Заря» и на сербскую газету, которой Власов

дал интервью.

Кроме этого Жеребков пытался через Густава Нобеля в Швеции и генерала графа Ф. М. Нирода в Испании осведомить общественное мнение о целях Власовского Движения, чтобы воспрепятствовать выдаче его участников.

Сюда принадлежит также призыв к западному миру, который был по заказу Власова составлен профессорами Эмблем и Рашхофером и Юрием Жеребковым. Он был направлен в Объединенные Нации в Сан-Франциско и должен был быть транслирован в эфир по случаю создания Организации Объединенных Наций. В этом призыве Власов изложил мотивы своего сотрудничества с немцами и цели своего движения, одновременно высказав протест против участия Советского Союза в этой организации. Это воззвание содержало заявление Власова по еврейскому вопросу, в котором Власов обещал евреям равноправие в будущей России. Кроме того, воззвание содержало предупреждение об опасности большевизма.

25 апреля 1945 года генерал Власов хотел обнародовать это воззвание через Пражское радио. После этого должны были быть обнародованы английская и французская версии воззвания. Жеребков, который отвечал за ведение международных дел КОНРа, сопровождал профессора Эйбля к государственному министру Богемии и Моравии Франку, который должен был одобрить текст воззвания. Принципиально Франк был с этим согласен, но потом прибавил: «Это воззвание далеко превосходит мою компетенцию, так как оно касается важного политического вопроса. Я должен доложить о нем Фюреру.» Но Франку не удалось установить связь с бункером Гитлера в Берлине, и он не решился на свою ответственность одобрить наше ходатайство.

При посылке в эфир этого воззвания западный мир узнал бы о существовании и значительности русского Освободительного Движения, и, возможно, что при известных условиях выдача Власова не состоялась бы. Сам текст этого воззвания после войны не мог быть найден ни в наследстве профессоров Эйбля и Рашхофера, ни у Жеребкова.

Последнее усилие

Чем безнадежнее становилось военное положение, тем фантастичнее становились предлагаемые планы, чтобы спасти Германию или хотя бы часть ее, а, с другой стороны, не допустить выдачи власовской армии Советскому Союзу. Тогда мы считали выдающимися такие планы, которые сейчас звучат как авантюрные и нереальные. Однако они, благодаря ежедневно

меняющейся военной обстановке, всегда устаревали. Я здесь не хочу говорить о планах обороны, разработанных немецкой стороной в районе Богемских гор или «Альпийской Крепости», из которых ничего не вышло, а ограничусь лишь нашими замыслами — как спасти Власова и его армию.

Никто из нас не мог себе представить, что союзники ограничатся победой над Германией. Мы все верили, что после этого наступит решающий конфликт между Западом и Востоком, в котором власовская идея приобретет весьма серьезное значение. В связи с этим мы думали, что у Власова будет шанс только на признание его как военного фактора, и что он будет признан западными державами таковым. При этом ему, конечно, не следовало слишком идентифицировать свои интересы с немецкими. Поэтому на последнем заседании КОНРа 28 марта 1945 года в Карлсбаде было решено сконцентрировать все имеющиеся силы в районе Иннсбрука или Зальцбурга. Быстрое передвижение фронтов оставляло возможность сосредоточить наши части еще только в лесах Богемии, особенно там, где горные хребты опоясывают Богемский котел с востока и севера.

«Богемский котел» — старое географическое понятие. Он ограничивается Баварским лесом, хребтами Ризе, Фихтель и Эрц и Татрами, а Прага расположена как раз посередине. Протекторат Богемии и Моравии, равно как и район Судетов до начала мая 1945 года мало пострадали от войны. Поэтому идея сводилась к тому, чтобы усилить Власова до возможного предела в военном отношении и этим обратить на него внимание союзников. В связи с этим, Власов даже обдумывал совместные действия с национальным чешским движением. Мне же тогда уже было ясно, что национальные чехи этого плана не одобрят, что и подтвердилось при разговоре с генералом Клечандой 17 апреля 1945 года.

При этом существовали и другие части, на которые Власов мог рассчитывать. В марте 1945 года Паннвиц со своим кавалерийским корпусом — двумя казачьими дивизиями в 25.000 бойцов — подчинился Власову. Кроме того, существовал Русский Охранный Корпус, сформированный Вермахтом, насчитывавший одно время до 15.000 бойцов, но впоследствии сократившийся до 5.000. Он состоял главным образом из младшего поколения русских эмигрантов из Югославии и других стран; этой части под командой генерала Штейфона, было дано обещание использовать ее на фронте против Советского Союза. Но вместо того эта добровольческая часть из русских эмигрантов была вынуждена воевать против коммунистических партизан в Югославии, что вызывало возражения у участников, так как многие из них

выросли в Югославии и с симпатией относились к этой стране. Они в достаточной мере говорили по-сербски или по-хорватски, и многие были женаты на сербках и хорватках.

В Югославии было два рода партизан: верные Королю, под командой генерала Дражи Михайловича, и красные — под руководством Тито. До конца 1943 года англичане поддерживали Михайловича, но после по требованию Сталина они эту поддержку прекратили и стали помогать Тито. Генерал Михайлович, предоставленный самому себе, не имел возможности продолжать борьбу. В марте 1946 года он был предан сторонниками Тито в Боснии и захвачен в плен, а после показательного процесса — казнен коммунистами.

Власову подчинился также и созданный СС в Югославии специальный полк «Варяг», под командой полковника Семенова, который был своего рода конкурентом Русского Охранного Корпуса.

Даже французы, входившие в состав дивизии «Шарлемань» и в другие добровольческие отряды, хотели присоединиться к Власову. Эти люди, которые отличились на Восточном фронте и которые силой в несколько сотен принадлежали к последним защитникам Берлина, оказались в таком же безвыходном положении, как и власовские солдаты: им было невозможно укрыться в Германии, занятой союзниками. Сдаться в советский плен было равносильно смерти. И во Франции они были бы осуждены как изменники.

Поскольку они еще существовали, заявили о себе и русские добровольческие батальоны, которые были в подчинении немцев. Мы считали возможным усилить наши ряды и мобилизацией словенского населения и сербскими добровольцами. Мы думали также и о том, как найти союзника в нашем последнем сопротивлении в еще боеспособной армии генерал-фельдмаршала Шёрнера. С этой целью генерал Ашенбреннер послал парламентеров в Иозефштадт к Шёрнеру, который, однако, отклонил участие в этом плане на том основании, что он не мог действовать без одобрения Гитлера.

Наконец, у нас была надежда при содействии государственного министра Франка мобилизовать чешский легион для совместной борьбы с большевиками. Эти легионеры жили в Богемии. Помимо этого, офицерский и унтерофицерский корпус в Чехии находился с 1938 года «в отпуску». Но и тут у Франка не хватило мужества действовать без согласия Гитлера. Для вооружения, как мы думали, можно будет привлечь еще работающую военную промышленность в Брно и заводы Шкода в Пильзене. Помимо этих военных усилий по сбору сил, мы

попытались заинтересовать в судьбе власовской армии и Франца фон Папена. Мы не хотели пропустить ни одной возможности и поэтому послали и ему «призыв о помощи». После того, как его отозвали из Турции, где он был послом, он в ожидании нового назначения жил в Гмюндене в Хунсрюке… Однако фон Папен в письме к Клаусу Боррису отклонил всякую поддержку Власова, прибавив к отказу слова «меа кулпа».

Эти последние силы сопротивления должны были быть подчинены Власову, им надо было укрепиться в Богемском котле, оказывать там сдержанное сопротивление и ждать конца войны. Тогда, мы надеялись, станет возможным убедить американцев с помощью этих антикоммунистических сил начать войну против Советского Союза и не дать Красной армии занять Чехословакию. Из этого конгломерата разных народностей должна была родиться последняя боеспособная армия на Восточном фронте. Только она одна была бы готова оказать отчаянное сопротивление от Дуная до Одера, так как любой из ее участников боролся бы за свою жизнь. При этом престиж Власова в таком начинании как главнокомандующего последнего контингента в борьбе с большевизмом сильно бы возрос.

Но даже и этот последний план объединить последние боеспособные части под командой Власова был запоздалым.

Советы генерала Клечанды

Я не верил, чтобы национальные чехи присоединились к этому плану. Поэтому я испросил у Власова и Крёгера разрешения вступить в переговоры по этому вопросу с одним из руководящих генералов чешского Сопротивления. Получив это разрешение, я поехал в Прагу и выяснил у русских эмигрантов, которых там было много, кто из чешских генералов в прошлом сражался с коммунистами в составе Чешского Легиона под командой Колчака. К сожалению, не удалось найти генерала Радола Гайду, который был офицером в Сибири в Чешском Легионе. Но здесь нашелся другой, ставший теперь дельцом, — генерал Клечанда. Я разыскал его для конфиденциального разговора. Мы встретились в одной из задних комнат его торговой конторы. Мы были только вдвоем. Я представился ему как уполномоченный генерала Власова и сказал ему, с каким заданием я прибыл, и что я полагаю совершенно открыто говорить и прошу его также отнестись ко мне с полным доверием, поскольку не будет никаких свидетелей нашей беседы и не предполагалось вести какой-либо протокол.

Поскольку я был ему рекомендован нашими общими

друзьями, генерал Клечанда поверил мне, и у него не появилось подозрения, что я мог быть шпионом. Он сразу сказал мне: «Прежде чем мы начнем наш разговор, я хотел бы задать вам вопрос: возникло ли движение Власова с согласия и одобрения Сталина или, наоборот, оно было против него?»

Другими словами, что это движение могло быть пятой колонной, которая в решающий момент могла бы переменить фронт. Я ответил ему: «Нет, оно было против Сталина». На это он сказал: «В таком случае ваше дело проиграно, и вы погибнете». Я спросил — почему? Генерал Клечанда ответил мне:

«Я знаю русских. Вы, сторонники освободительного движения — фантазеры. Будучи по горло в воде, вы все еще будете комбинировать, планировать, надеяться и искать выхода. В то время, когда Гитлер вступал в Чехию, я был посланником в Риме. Мои первые шаги были сначала к английскому, а потом к американскому послу. Обоим дипломатам я говорил, что по крайней мере следует спасти чешских офицеров, так как они понадобятся в будущем. Сперва я назвал цифру в 30.000, но затем стал скромнее. Что же произошло? Меня высмеяли и сочли за сумасшедшего! Никто не интересовался судьбой этих чешских офицеров. Точно так же обойдутся и с вами. Союзники только таким образом поступят с вами. В их глазах вы — дезертиры из советской армии, которые по какой-то причине присоединились к Гитлеру, и поэтому должны рассматриваться как злейшие нацисты».

Я спросил: «Господин генерал, что бы вы сделали на нашем месте?» Клечанда ответил: «Я вижу для вас только один путь: общий поход, отступление к одному из портов Средиземного моря, может быть, Триест или Фиуме, или еще какой-нибудь… Одновременно вы должны вступить в переговоры с каким-нибудь южно-американским государством, которое согласилось бы принять вас как белых рабов. В портовом, городе вы должны оказывать отчаянное сопротивление пока не прибудут суда, которые вас примут. В этом я вижу ваш единственный шанс на спасение».

Я заметил: «Господин генерал, но вы ведь, очевидно, понимаете опасность, которая угрожает Чехии с приходом коммунистов?» — «Да, — согласился он, — я вижу это очень ясно. Но я об этом не могу никому ничего сказать, потому что, если бы я объявил, что придут коммунисты и это будет означать гибель Чехии, то станут говорить: старый Клечанда спятил с ума или продался немцам…»

На это я сказал генералу: «Подходят черные дни. Чехословакия будет занята коммунистами. Как вы расцениваете

Бенеша?» Генерал ответил: «Вы знаете, Бенеш все время выступает по радио, он выступает из Москвы. По его речам я заключаю, что это не прежний Бенеш. Это — Бенеш, который сидит под советской плеткой. Его уже сломили, и он не прежний свободный чех. Он против своей воли защищает промосковскую политику».

— И вы этого не можете никому сказать? — спросил я.

— Я никому не могу этого сказать потому, что Бенеш и советская армия в настоящее время являются освободителями Чехии от немцев…

— Но если вы все так ясно понимаете, почему вы не уйдете? — задал я ему прямой вопрос, на что он мне ответил: «Вы должны знать — командующий в Праге не может оставить своего поста». Из этого я заключил, что он в согласии с планом чешского Сопротивления должен был возглавить его в Праге.

Я обратился к генералу с последним вопросом:

— Скажите, пожалуйста… сегодня мы не можем ничего обсудить с вами сообща. Но когда черные дли пройдут, может быть, через три месяца, и чешский народ начнет понимать, в какое положение его вовлекли… сможем ли мы тогда заняться общим делом?

— Да, тогда мы сможем, — ответил мне генерал.

При следующей встрече в Праге, в которой, кроме Власова и нескольких немецких офицеров, принимал участие также и государственный министр Франк, я доложил, что нет никакой надежды на участие национальных чехов в защите Богемского котла. Но моего мнения не послушались. Было решено продолжать план, но его выполнение было предупреждено новыми событиями.

Как я позднее установил, существовали национальные и красные чехи. Последних поддерживала Москва. Они получали боеприпасы и оружие, к ним примыкали добровольцы и советские офицеры. Национальных же чехов никто не поддерживал, и чехи коммунисты их вытеснили.

В начале 1947 года, то есть через два года после моей беседы с Клечандой, я уже работал с американцами. В мои обязанности входил допрос беженцев, которые переходили баварско-чешскую границу. Я задавал им дополнительные вопросы, интересуясь, между прочим, и судьбой генерала Клечанды. Однажды появился чешский политический деятель, член консервативной клерикальной партии. С ним я мог хорошо побеседовать, хотя и не говорю по-чешски. Но он понимал мой церковно-славянский язык, и я мог понять его. Этот человек рассказал мне о последних днях Клечанды. По его словам, генерал не был арестован, но

должен был каждый третий день являться для допросов в чехословацкую тайную полицию SNB, где его допрашивали советские и чешские чины НКВД. После того, как Клечанду оправдали в гражданском суде, он должен был предстать перед военным судом. Но до этого не дошло, потому что он покончил с собой, выпрыгнув в окно. Он был убит на месте. Знаменитое выпрыгивание из окна очевидно стало традицией в Чехии.

Буняченко в Праге выступает против немцев

Так как события вокруг Пражского восстания уже много раз были подробно описаны, я хотел бы ограничиться коротким сообщением.

Первая дивизия под командой генерал-майора Буняченко двигается на юг с целью войти в Богемию, чтобы соединиться в районе Линц-Будвейс с южной группой РОА. При этом она попадает в район действий центрального военного фронта под командой фельдмаршала Шёрнера, которому она подчиняется. После бурного обсуждения Буняченко, склонный к самоуправству, отказывается подчиниться Шёрнеру, не выполняет его приказа и усиленными маршами двигается дальше на юго-восток. Он занимает к юго-западу от Праги район Бераун и 6 мая своевольно и против желания Власова вмешивается в Пражское восстание. Национальные чехи просили его о помощи. Выдвигается лозунг: против фашизма и большевизма! Антикоммунистические чешские повстанцы обещали Буняченко и его дивизии убежище в свободной Чехословакии.

6 мая 1945 года Первая дивизия вступает в Прагу и включается в сражающийся фронт. Уже 7 мая город оказывается в значительной мере в руках восставших и Первой дивизии, которая достигает восточных пригородов. В то время как американские войска останавливаются к западу от Праги, на востоке появляются первые советские части, под командой маршала Конева. К тому же в Праге, тем временем образовался чешский национальный совет как представитель чешского правительства. Из 12 членов совета там 8 коммунистов, которые «не желают иметь никакого дела с изменниками и немецкими наемниками». Не объединенные национальные чехи проиграли. Сидящими в седле оказались промосковские чешские коммунисты и попутчики, которые слушались Бенеша. Таким образом оставалась только надежда на американцев. Власовская дивизия оставила Прагу, потеряв там 300 бойцов убитыми и ранеными. В то время, как большая часть дивизии выступает на юг, в Праге остаются небольшие группы, которые сдаются советским войскам.

Таков был ход событий вплоть до капитуляции 8 мая 1945 года.

Особенно убедительно описывает власовскую трагедию в этот период чешский писатель Станислав А. Ауский в книге «Войска генерала Власова в Чехии». Ауский был чешским офицером, прикомандированным чешским национальным Сопротивлением к первому полку власовской дивизии, и проделал с ним поход на Прагу.

Поведение руководства дивизии в дни восстания в Чехословакии могло дать основание к отрицательной оценке всего Власовского Движения. Из-за этого я хотел бы объяснить отказ Буняченко подчиниться приказу фельдмаршала Шёрнера и его решение встать на сторону национальных чехов против немцев.

У Шёрнера не было никаких особых расчетов на Власова. В то время, когда все усилия Буняченко сводились к тому, чтобы спасти дивизию от выдачи, Шёрнер хотел выдвинуть ее на фронт, то есть, другими словами, пожертвовать ею в бою. Поэтому Буняченко отклонил исполнение приказа Шёрнера, который из-за этого очень взволновался и поручил уже потрепанной танковой дивизии СС разоружить дивизию Власова.

Однако это не состоялось. После войны Шёрнер посетил полковника Кромиади и просил его удостоверить, что он никогда не относился враждебно к Власову. По всей вероятности, ему нужен был такой документ на судебном процессе, в котором он участвовал в 1954 году. Кромиади, который всем выдавал удостоверения, не отказал и Шёрнеру.

Решение Буняченко присоединиться к национальным чехам было им принято в связи с его усилиями спасти дивизию. О моих переговорах с Клечандой он, очевидно, ничего не знал. Буняченко исходил из общего политического положения. Германия была повергнута на землю, советчики заняли Берлин, американцы подошли к Эльбе. На всех фронтах начался распад. Надежда на понимание союзников всегда кончалась обманом: от них мало чего можно было ожидать. Угроза выдачи Советскому Союзу нависла тучей над власовской армией. Буняченко считал своим долгом использовать любую возможность, чтобы спасти порученных ему людей.

Конечно, и у Власова была такая же цель, но не ценой новой измены, на этот раз немцам. Он мог признать побуждения Буняченко к отказу в послушании и к поддержке чешских повстанцев в Праге, но не мог одобрить того порядка — как это было осуществлено. После последнего разговора с начальником своей дивизии на эту тему Власов больше ничего не

предпринимал. «Трагические моменты, очевидно, привели его к тому, чтобы больше не вмешиваться», — так пишет об этом Крёгер.

Из доклада начальника немецкого штаба связи при Первой русской дивизии (600 I.D.russ.) майора ген. штаба Швенингера, прочитанного им после войны, я цитирую следующее заключение: «Те, кто на основании пражских событий считает оправданным вывод, что Власовское Движение в целом оказалось несостоятельным, только доказывают свое полное непонимание проблемы».

Парламентеры переходят линию фронта

Что же произойдет с Русским Освободительным Движением после капитуляции Германии?

Вплоть до, самого младшего офицера все убеждены, что начнется конфликт между Западом и Востоком. Ведь западные державы являются политическими противниками большевиков! — так тогда считали. Никто не верил тому, что они не учитывали опасности коммунизма для Европы и всего мира. Господствовала только неясность: возникнет ли такой конфликт сразу же, как только советские и союзные войска соприкоснутся, или через несколько месяцев. Чтобы установить связь со штабами союзников, высылаются, по приказу Власова, парламентеры или прилагаются усилия, чтобы фронт перекатился через уполномоченных. Снабженные доверенностью КОНРа они в тылу продвигающихся англо-американских частей должны вести переговоры о капитуляции частей РОА. При этом единственным условием, которое они должны ставить, был отказ от выдачи этих частей советчикам.

В связи с посылкой парламентеров через линию фронта, пришлось думать о том, чтобы перевести армию Власова в круг ответственности немецкого вермахта, так как считалось, что представители СС будут не в состоянии вести переговоры с союзниками. Поэтому ставка была сделана на генерала Ашенбреннера, как уполномоченного немецкого генерала при КОНРе, и думали о том, как заменить Крёгера капитаном Оберлендером. Чтобы выполнить этот план, требовалась большая осторожность при переговорах. Кому-то надо было их вести, и так как я при перемещении власовского штаба из Карлсбада в Фюссен явился в штаб Ашенбреннера в Мариенбаде, то, естественно, и стал одни из участников.

Власов был оповещен о нашем замысле, точно так же, как и генерал Малышкин. Моим партнером в переговорах со стороны

СС был оберфюрер Крёгер. Он проживал вместе со штабом Власова в парк-отеле «Ричмонд» в Карлсбаде. Генерал Ашенбреннер тоже жил в большой гостинице поблизости. Оба они, Крёгер и Ашенбреннер, не доверяли друг другу и избегали личного общения. Я курсировал между двумя лагерями. В конце концов я подал Крёгеру мысль, чтобы Ашенбреннер как представитель немецкого Вермахта принял руководство (с чем были согласны Власов и Малышкин) и чтобы представители СС ему подчинились. Одновременно с этим следует подумать о том, чтобы переменить форму членов СС и особенно «Специального штаба Ост». Союзники скорее допустят их к переговорам в форме немецких ВВС. Я уже это проделал по собственному почину и носил форму капитана немецких ВВС с красными петлицами зенитной артиллерии. К тому же у меня имелась соответствующая книжка зарплаты на имя капитана в отставке.

Крёгер внимательно меня выслушал, но при свойственной ему подозрительности, захотел проверить мои слова. Штаб Власова как раз собирался покинуть Карлсбад. Крёгер догнал машину Власова, задержал ее и вызвал генерала на короткий разговор. Он спросил его: «Вы действительно хотите перестать подчиняться войскам СС и считаете правильным, чтобы генерал Ашенбреннер как представитель Вермахта принял ответственность за вас?»

Власов ему возразил: «Ни в коем случае. С Вермахтом мне пришлось воевать целые два года. Правильное решение состоялось только когда руководство над нами перешло к СС. Я весьма доволен нашей совместной работой».

Этот ответ поразил Крёгера. Он сел в свою машину и погнался за автобусом, в котором ехал генерал Малышкин. Через несколько километров он догнал автобус и задержал его. Малышкин вышел, и Крёгер задал ему такой же вопрос и получил ответ в том же духе. После этого Крёгер вернулся в Карлсбад и приказал мне явиться к нему. «Слушайте! То, что вы мне нарассказали, совершенно не соответствует действительности. Они не хотят переходить к Вермахту. Наоборот, хотят продолжать работать с нами. Вы меня ложно информировали, и я должен был бы, собственно, вас арестовать».

Я возразил ему: «Оберфюрер, что же, собственно, должны были сказать в такой момент оба генерала? Вы же должны знать, что имеете дело с русскими!» Он посмотрел на меня и сказал: «Ваш ответ представляет для меня известный интерес…» И на этом все дело было закончено. Я же надеялся, что Крёгер ничего не предпримет против меня, так как ведь мы были земляки. Именно поэтому я мог себе многое позволить, что было бы

невозможно при других условиях. Но, несмотря на это, весь план оказался неосуществимым.

Поведение русских генералов было характерно для так называемого советского человека. Хотя Власов и Малышкин высказали мне свое полное согласие, но увильнули, когда эсэсовский офицер потребовал от них объяснений. У них не хватило мужества сказать: «Да, мы хотим уйти от вас. Дальнейшее сотрудничество с вами означает нашу гибель. Мы ищем новых путей».

Прежде всего не так легко прямо в лицо высказать другому лицу свое совсем противоположное мнение. А кроме того они опасались неожиданной реакции со стороны СС. Во всяком случае, то, что Крёгер потребовал объяснений от Власова и Малышкина, опрокинуло все, о чем мы с ними договорились раньше.

От парламентеров не поступает никаких ответов, и нет также никаких признаков успешного выполнения данных им поручений. В конце концов, Власов поручает своему заместителю генерал-майору Малышкину установить связь с американцами. Малышкин остается с узким кругом чинов своего штаба вблизи города Фюссена и дает о себе знать продвигающимся американским войскам. Его сопровождает капитан Штрик-Штрикфельдт, который в своей книге «Против Сталина и Гитлера» подробно описал встречу с подполковником Снайдером, из штаба американской дивизии в Аллгёй, и генералом Пэтчем, командиром 7-ой американской армии. Роковая неосведомленность союзников сказывается тут с прежней силой. Наличие русской антибольшевистской армии встречается генералом как полная неожиданность.

Штрикфельдт цитирует дословно американцев:

«Русские офицеры? Значит, наши союзники? Боже правый! Каким же образом русские дивизии появляются в Баварии и как раз здесь в Нессельванге, в Аллгёй!»

Переговоры принимают крайне драматический характер, когда генерал Малышкин раскрывает подлинную сущность ситуации. Результат этих переговоров с американцами сводится к вежливой фразе, а именно — что даже генерал Эйзенхауер не может принять решения, так как случай является делом чисто политическим. Решение нужно получить из Вашингтона. Поэтому вот его предложение: «Прекращение всякого проливания крови с обеих сторон. Русские дивизии должны немедленно сложить оружие. Вы должны понимать, что я ведь только солдат». В надежде, что их пропустят через фронт в их штаб, Малышкин и Штрик-Штрикфельдт ждут у американцев. Но тут 8 мая

происходит капитуляция Немецкого Рейха. Их объявляют военнопленными и через Аугсбург направляют в Маннхейм, где они будут ожидать своей судьбы вместе с другими русскими генералами и офицерами и немецкими пленными фельдмаршалами и генералами.

Малышкин, Жиленков и другие русские офицеры потом вызываются американцами и для выдачи отделяются от немецких пленных.

Последняя надежда на генерала Паттона

В то время как генерал Малышкин и капитан Штрик-Штрикфельдт пересекли линию фронта, чтобы попасть к американцам, капитан Оберлендер, выполняя поручение генерала Ашенбреннера, попытался установить связь с американцами, Оберлендер тогда заменил Штрик-Штрикфельдта как командир батальона в Дабендорфе. Штаб генерал-лейтенанта Ашенбреннера находился в Мариенбаде. Ашенбреннер в это время (24 апреля 1945 г.) прилагал старания оттянуть вооруженные силы РОА из Мариенбада и независимо от судьбы других частей направить их на самых выгодных условиях в плен к американцам. В укрепившейся надежде, что при переговорах о капитуляции удастся обсудить вопрос о выдаче власовской армии советчикам, в большой спешке был образован смешанный штаб из немцев и русских, который как старший в чинах возглавил генерал-лейтенант Ашенбреннер. С немецкой стороны в его состав, кроме других, вошли также капитан Оберлендер и лейтенант Клаус Боррис, в качестве ударной силы. Со стороны русских участвовал генерал Мальцев. Мы находились в гостинице «Прокоп», примерно в 10 километрах от баварского Айзенштейна, высоко в горах в Богемском лесу. Здесь было принято решение послать капитана Оберлендера к генералу Паттону, командующему 3-ей американской армией, чтобы передать ему предложение Власова — сдать без сопротивления его армию американцам, однако, при условии, что она не будет выдана советчикам.

Оберлендер 23 апреля 1945 г. перешел линию фронта и был направлен в Фихтах к начальнику штаба 12-го американского корпуса бригадному генералу Кэнайну, который счел такого рода переговоры возможными только на высшем уровне. Он дал понять, что генерал Паттон, которому он подчинялся, возможно, согласится переговорить с Власовым. Эта весть укрепила нашу надежду, что, может быть, через Паттона удастся устроить встречу Власова с генералом Эйзенхауером. Нам казалось, что

генерал Паттон понял коммунистическую опасность и поэтому серьезно намерен не допустить выдачи РОА Советскому Союзу. Запись Кэнайна в его дневнике подтверждает такое предположение. Он видит путь для спасения власовской армии с выводом ее из Чехословакии и признанием за ее чинами статуса перемещенных лиц.

Мне было дано поручение информировать об этом Власова. Однако генералы Ашенбреннер и Мальцев приняли решение перебраться к Кэнайну и пересекли линию фронта 24 апреля 1945 г. в районе города Нейерена. В переговорах в течение двух следующих дней обсуждалась только судьба ВВС РОА.

Кэнайн объявил генералам, что безусловная сдача оружия подразделениями ВВС необходима. О предоставлении убежища он вести переговоры не уполномочен. Разговор шел об интернировании, но дальнейшее зависело от Вашингтона.

Очевидно, парламентеры согласились на это двусмысленное предложение. 27 апреля в районе между: Цвизелем и Регеном состоялась сдача оружия, в которой участвовал также белорусский отряд силой в 2000 человек с обозом, под командой полковника Шувалова. Я не знаю, был ли это действительно Шувалов или он только так себя именовал.

Все они перешли линию фронта с развевающимися бело-сине-красными русскими национальными и белыми флагами, которые должны были защитить их от атак американских летчиков и обстрела пулеметами с борта самолетов и от бомб. Позже выяснилось, что американские обещания о почетном интернировании ВВС РОА не были выполнены. Мне рассказывали пережившие это люди (как, например, ротмистр Деллингсхаузен), что обезоруженные солдаты оставались три дня в болоте и трясине до щиколоток, без воды и еды. После офицеры были отделены от генералов.

В то время, как группа из 200 офицеров в сентябре 1945 г. после временного интернирования во французском морском порту Шербуре была выдана Советскому Союзу, надо сказать, что значительная часть чинов ВВС РОА смогла избежать такой участи. А генерал Мальцев, после исчерпывающих допросов, по требованию НКВД был ему выдан из лагеря военнопленных немецких генералов в Шербуре. Он два раза пытался покончить с собой — сначала когда содержался НКВД в Борегаре под Парижем, а потом в строго охраняемом советском военном госпитале в Париже. Но это не помешало переводу его в Москву, где он вместе с Власовым и его приближенными сотрудниками был осужден на смерть и казнен.

Я сопровождал Ашенбреннера в автомобиле Шкода до линии

фронта и ничего не знал о соглашении между Кэнайном, Ашенбреннером и Мальцевым. Выполняя данный мне приказ, я отправился на машине штаба Ашенбреннера в сопровождении одного полковника немецких ВВС и водителя на поиски Власова. В это время он был при своих частях, из Мюнзингена и Хойберга идущих походом на юго-восток. Сначала мы ехали по направлению в Аллгёй и добрались до Обераммергау. Когда я хотел продолжать путь на Фюссен, полевой жандарм сказал мне, что это невозможно, так как в нескольких километрах отсюда на мосту через Лех стоят американцы. Поэтому я должен был повернуть и не знал как поступить, потому что на длинные обходные пути у меня не было достаточно бензина. В обмен на сигареты мне удалось получить бензин в складе театра Страстей Господних, и я выбрал другой путь на восток и поехал через Лермоз вдоль тирольского горного хребта. Тогда это была единственная дорога, связывавшая восточную и западную части Германии.

По этой узкой дороге беспрерывно двигались колонны в обоих направлениях. Как только где-нибудь образовывалась пробка, немедленно появлялся полевой жандарм. (Мы называли их «цепными собаками», потому что они на шейной цепочке носили эмблему времен Фридриха Великого.) Жандарм направлял одну машину на обочину, другая следовала за ней, и тогда третья уже могла проехать, и пробка была ликвидирована.

Подобная обстановка при царской или советской армии вызвала бы хаос на такой узкой дороге. При всякой такой пробке пришлось бы сталкивать машины под откос, возникали бы драки и ругань. Тут же все протекало спокойно и дисциплинировано. Я мог только удивляться…

На перевале я встретил штаб Власрва и специальный штаб Ост и при нем штурмбанфюрера СС фон Сиверса, замещавшего Крёгера. Власова тут уже не было. Мне сказали, что он поспешил с оберфюрером Крёгером и ближайшими сотрудниками вперед. Я опять повернул и стал их догонять.

Я догнал его поблизости от Линца. Он только что переехал через Дунай к Первой Дивизии. Поскольку при Власове были Крёгер, оберштурмбанфюрер Макс Пех и советник по русским делам фон Бухардт, мне пришлось ожидать случая, чтобы переговорить с ним с глазу на глаз, так как ведь я приехал От Ашенбреннера, которому Крёгер не доверял. Мне это удалось лишь, когда Власов пошел в места удобств, где я и оповестил его о начале контактов с американцами. Наш разговор в таком месте мог быть лишь самым коротким. Поэтому я на следующее утро использовал другую возможность, когда Власов стоял около

машины со своей свитой и собирался ехать дальше, а Крёгер и Пех уже отбыли. Я снова настаивал и просил его приехать в Шпицберг около Пильзена для переговоров с генералом Паттоном, которые были начаты капитаном Оберлиндером по приказу генерала Ашенбреннера, с целью свести его с Эйзенхауером.

Власов тогда находился в плохом настроении. Он был не совсем на высоте, если можно так выразиться, был болен и глубоко разочарован. Я понимал его. И все-таки он был готов на следующий день ехать в Шпицберг.

Это была моя последняя встреча с Власовым. Прощальный разговор так и не состоялся. Но это еще не было прощанием. Русские ведь оптимисты, у них еще теплилась надежда на благоприятный поворот. Я же направился в обратное путешествие в гостиницу «Прокоп», которой я достиг без особого труда. Когда я спускался с альпийских вершин, на меня произвело глубокое впечатление озеро Хим, которое мне показалось большим блином на плоскогорье. При моем приезде в гостиницу, однако, выяснилось, что всякая надежда отпала: готовность генерала Паттона к переговорам превратилась в ничто, так как он тем временем получил другие указания.

Американцы совсем не понимали отчаянного положения власовской армии. Они рассматривали этих русских как комическую нацистскую часть, которая была послана в последний бой. Георгий Фишер в своей статье «Случай Власова» в Журнале ДЕР МОНАТ, тетради 33, 34, 35 за 1951 г., пишет:

«Под влиянием интенсивной «антифашистской» агитации, развернутой советской стороной, а также подлинного отвращения почти ко всему немецкому как отражению фашизма, ни общественное мнение, ни правительства западных союзников не были склонны поступить милосердно с таким явлением — Власовским Движением. В такой уверенной просоветской и страстно антинемецкой атмосфере участники этого движения могли рассматриваться только как достойные презрения коллаборанты.»

Как я получил приказ начать поход

В то время как гёнерал-лейтенант Ашенбреннер вместе с ВВС РОА перешли к американцам, я не спешил сдаваться в американский плен. Меня это совсем не соблазняло. В истории войн не было случая, когда по окончании войны те, кто ее пережили, попадали бы в плен, их просто посылали домой. Даже французы, которые в линии Мажино после продвижения немцев

пережили капитуляцию, не были взяты в плен, а могли попросту разойтись по домам.

Поэтому я остался пока в гостинице «Прокоп» в ожидании того, что произойдет дальше. Американцы уже стояли в районе Железна Руда, в другой половине двойного города Баварский Эйзенштейн, на чешской стороне.

Через 2–3 дня кто-то вошел в мою комнату и закричал: «Американцы идут. Их танки поднимаются в гору, их можно уже слышать!» Я открыл окно. Можно было слышать лязг гусениц, правда еще довольно далеко. Я думал, что до их прихода остается еще 10–15 минут. Тем временем мой старый друг и товарищ по спорту из Риги, Евгений Блумберг, уже сложил свои вещи. Рюкзаки были полны. Помимо всего остального, там были санитарный пакет, сигареты и несколько бутылок водки, так как я знал, что в самых затруднительных положениях эти вещи могут сыграть важную роль.

Когда я яснее услышал приближение американских танков, я побежал к старшему офицеру — полковнику — и сказал ему: «Пожалуйста! Я прошу выписать мне приказ-направление, так как я с моим фельдфебелем ухожу и хочу присоединиться к штабу генерала Власова».

Полковник, сидя за своим письменным столом, с удивлением посмотрел на меня, так как он ничего другого так страстно не желал, как попасть в плен к американцам без проливания крови. Он возразил мне: «Для меня война закончена, я не могу выдать вам никакого документа». — «Ах так! — сказал я. — Для вас война закончена?» и положил руку на пистолет на моем поясе. «Нет, нет, — я выдам вам бумаги…» — возразил полковник. В две минуты они были готовы для нас обоих. Я засунул их в мой карман на груди, и мы с Блумбергом, обвешанные нашими рюкзаками и автоматами и с револьвером на поясе, сбежали по лестнице в лес.

При этом нас увидал Клаус Боррис. Позже он мне рассказывал: «Когда ты тогда промчался, я подумал: этого человека я никогда больше не увижу».

Судьба, однако, решила по-другому. Мы выбежали в последний момент — танки были уже совсем близко — и спрятались под соснами. Оттуда мы могли наблюдать, как 6 американских танков (они не были самыми большими, но все-таки на все стороны готовые к бою, с закрытыми люками) стали медленно подниматься к гостинице «Прокоп». Когда они прошли, мы углубились в лес, и здесь во мне проснулся инстинкт моих предков.

Кругом все было довольно оживленно. Мы крались под

кустами, следили по сторонам и наталкивались на людей. Врагов или друзей? При ближайшем наблюдении мы убеждались, что большинство их освобождалось от военной формы и надевало что-нибудь штатское. Но были тут и чешские партизаны, которые нападали на одиноких солдат, мучили их и убивали. Ручьи были полны брошенных автоматов, базук и другого оружия. В отдельных домиках лесников скрывались солдаты.

Блумберг и я были полностью вооружены. Когда мы находили такой домик, я говорил ему: «Ты оставайся на опушке, так чтобы они могли тебя видеть», а я тем временем переходил через поле с автоматом к дому. Там чаще всего находилось 30–40 солдат, которые побросали свое оружие и ждали американцев. Встреча при этом была холодная, что называется на расстоянии, безмолвные взгляды, без приветствий и даже без кивка головы. Я ведь им ничего не сделал, но и они ничего мне не сделали. После такого рода проверок мы с Блумбергом шли дальше по лесу, пока неожиданно не встретились с первой боевой немецкой группой. Ее вел фельдфебель, и она состояла примерно из двадцати человек. Вероятно, в ее задачу входило выяснить — где находятся американцы. Фельдфебель сказал мне: «Вы — первые два человека, которые выходят из леса вооруженными».

Большую помощь оказали полученные нами приказы, которые мы могли показать. А то бы фельдфебель нас арестовал и передал своей части в ближайшем городке. Но, благодаря приказам, мы явно были в пути вполне законно.

Когда мы шли дальше через красивые лесные участки Баварского и Богемского лесов, где тянулись прямые мощеные щебнем дороги, — мы услыхали издалека звук конной повозки. Не зная, кто там едет, мы укрылись за кустами и стали ждать. Скоро мы увидали пароконную военную повозку, нагруженную багажом, и трех эсэсовцев. Мы задержали их и спросили — куда ведет эта дорога. Они ответили: «В Стракониц». По их выговору я заметил, что это не немцы, а скорее всего латыши. Тогда я спросил их по-латышски: «Что вы, латыши?» — «Да.» — последовал ответ, и тут же была заключена дружба. Мы подсели на повозку и продолжали путь уже впятером. Усиление нашей группы в этом занятом партизанами лесу было весьма полезно.

За два дня и две ночи мы, наконец, приехали в Стракониц, Там мы опустили наши рюкзаки на тротуар. Этот район был еще в немецких руках. Пока Блумберг сторожил наши вещи, я пошел в комендатуру и спросил, где находится штаб Власова. В отчаянии мне сообщили, что Первая дивизия взбунтовалась, приняла участие в пражском восстании и отказалась выполнять приказ главнокомандующего средним военным фронтом, фельдмаршала

Шёрнера.

На это я сказал: «Вот видите, и из-за этого я должен как можно скорее пойти к этим людям!» Мне посоветовали отправиться дальше на восток в направлении к Каплице. Когда я из комендатуры вернулся к Блумбергу, он подмигнул мне: «Сейчас нам дадут чего-то поесть!» — «Кто же?» Он ответил: «Не расспрашивай. От восставших…» — «Что значит от восставших?» — «Ну да, от чешских повстанцев. Они хотят нас накормить.» — «Но отчего же люди из Чешского Сопротивления собираются кормить нас?» Блумберг ответил: «Не расспрашивай больше. Я сказал им, что мы латыши и боимся эсэсовцев. Смотри, там на углу стоит человек. Мы должны пойти за ним».

Мы подняли наши рюкзаки и оружие. Человек двинулся, и мы пошли за ним. Он повернул в боковую улочку и мы тоже. Он прошел в открытые ворота во двор. Мы последовали за ним. Он вошел в дом, и мы за ним в кухню, где стоял уже накрытый на двоих стол. А чехи, с которыми мы могли объясняться только по-чешски, то есть едва понимали друг друга, сняли с плиты сковороду со свининой и клецками по-чешски (кнедличками). Мы поели, поблагодарили их и направились в дальнейший путь в Каплицу.

При выходе из города мы увидели издалека велосипедиста. Когда он приблизился, мы обнаружили, что он был в форме РОА со знаками отличия капитана. Фамилию его я позабыл. Он происходил из знатной русской семьи, эмигрант из Парижа, и ехал в Каплицу как квартирьер для Штаба армии. Мы присоединились к нему и втроем обеспечили помещение для штаба, который прибыл вечером того же дня. После этого я явился к генералу Трухину, который находился со своими ближайшими сотрудниками в Райнбахе, к северу от Фрейштадта, и был зачислен в РОА как прикомандированный к нему офицер.

После того, как выяснилось, что план о переводе РОА в район Иннсбрука устарел, Вторая дивизия, следуя приказу Власова, начала двигаться через Линц в Богемию. Штаб армии с начальником штаба генералом Трухиным и его заместителем генералом Боярским, офицерская школа с генералом Меандровым, кадетский корпус Второй дивизии, резерв офицеров, формируемая бригада под командой полковника Койды, которая должна была развернуться в Третью дивизию, — все эти части собрались в районе Будвейса. Здесь они хотели соединиться с остальными частями РОА, но это соединение никогда не состоялось. У отдельных частей, вообще, не было никакой взаимной связи.

Одной из моих последних задач было сопровождение

генерала Трухина при его инспекции Второй дивизии, которая шла походом по широкой Богемской равнине. Она была поделена на ряд мелких групп из 10–20 бойцов в каждой. Когда мы на нашей машине ехали по этой равнине, во многих местах мы видели поднимающиеся дымки. При приближении к ним мы убеждались, что солдаты сидели вокруг костров, в которых они пекли картофель, — это все был только что посаженный картофель, который они, будучи голодными, выкапывали у крестьян с их полей. Когда мы подъезжали, обычно старший вставал и рапортовал: «Первый взвод Третьей роты такого-то полка на походе, бойцов и унтер-офицеров столько-то».

Три генерала расплачиваются из-за отсутствия радиосвязи

5 мая 1945 года начались первые переговоры с американцами. Трухин послал к ним делегацию, состоявшую из генерала Асберга и полковника Позднякова, чтобы предложить им капитуляцию всех частей РОА при одном единственном условии: гарантии невыдачи их Советскому Союзу. Американцы дали свое согласие, но потребовали, чтобы капитуляция состоялась в течение ближайших 36 часов. Трухин не хотел принимать такое судьбоносное решение без согласия Власова. А тот в начале мая находился при Первой дивизии в Косоеде, вблизи Праги. Генерал Шаповалов, которого Трухин послал к Власову, чтобы получить инструкции для запланированной Третьей дивизии, командиром которой должен был стать Шаповалов, только что вернулся оттуда. Он передал Трухину устный приказ Власова, согласно которому штаб армии со Второй дивизией и всеми другими частями должен был усиленными маршами начать поход в сторону Праги. По дороге они должны были принимать в свои ряды освободившихся «остарбейтеров», преодолевая при этом немецкое сопротивление, если оно обозначится.

Генералы Трухин и Меандров были удивлены таким приказом. Они не доверяли его устной передаче, отказывались его выполнить и требовали его письменного подтверждения.

Поскольку штаб армии не располагал радиосвязью с Первой дивизией, генерал Боярский был послан штабом в Прагу к Власову, чтобы получить там письменный приказ. Помимо этого, он должен был доложить Власову об ультиматуме американцев и посоветовать ему направить Первую дивизию в плен к американцам.

Боярский, убежденный антикоммунист, еще до пленения

Власова на Волховском фронте отличился на немецкой стороне, когда он командовал так называемой РННА (то есть Русской Национальной Народной Армией). Он хорошо выглядел, ростом был 1,90 метра, подтянутый в обращении с людьми. Будучи адъютантом Тухачевского, он смог избежать чистки в советской армии только благодаря тому, что был в то время арестован.

До Власова Боярский не доехал. Время было на исходе, срок американского ультиматума истекал. Так как Боярский не возвращался, то Трухин сам отбыл в Прагу в сопровождении своего адъютанта Ромашкина и водителя. Шаповалов, который незадолго перед тем говорил с Власовым и знал, где находится Первая дивизия, поехал за Трухиным на своей машине. Оба эти генерала так и не доехали до Власова, а Ромашкин, которому удалось спастись, рассказал следующее:

«Мы ехали на запад, направляясь в Прагу. По дороге нас все время задерживали чешские повстанцы, но как чины Власовской армии мы могли ехать дальше. Когда мы въехали в Пржибрам, приблизительно в 20 километрах от Первой дивизии, нам пришлось преодолеть установленную чешскими повстанцами из Сопротивления танковую преграду. Но при выезде из города нас задержал патруль коммунистически настроенных партизан, который направил нас в комендатуру. Пока мы — генерал, русский водитель и я — ожидали в машине перед комендатурой, неожиданно появился советский офицер и спросил: «Что вы здесь делаете? Игра кончена.» Я спросил генерала: «Ехать?» Но Трухин вышел из машины, и я должен был последовать за ним, и мы вошли в комендатуру. Навстречу нам вышел советский капитан с сумкой для карт Боярского. Я сразу же узнал ее по резинке и отточенным мною карандашам. Очевидно, и Боярский был захвачен в Пржибраме…

Как я узнал позже, в Пильзене днем раньше повесили власовского генерала после того, как он дал пощечину советскому офицеру. По всей вероятности, это мог быть Боярский.»

Дальше Ромашкин рассказал:

«Генерал Трухин после допроса был заключен в тюрьму. Я сидел в соседней камере и слышал, как он ходил взад и вперед. Можно себе представить, в каком настроении он находился! Около 10 часов утра я услышал, как конные подводы проезжали мимо тюрьмы. Я влез на подоконник моей камеры и увидел колонну солдат РОА из Первой дивизии. Я разбил окно и криками обратил на себя внимание. Эти солдаты меня освободили. Соседняя камера была пустой. Партизаны и советские офицеры очистили Пржибрам, взяв с собой Трухина.»

Это было все, что стало известным о судьбе генерала Трухина до того, как он предстал перед судом в Москве и был казнен.

И генерал Шаповалов тоже не добрался до Власова. Его имени также не было и в большом процессе в Москве. Он был взят в плен вместе с генералом Трухиным и сразу после этого расстрелян. Он был третьим генералом, погибшим из-за отсутствия радио-связи. Я не могу себе объяснить, как такая связь могла отсутствовать.

Поскольку срок ультиматума истекал, а у нас все еще не было связи с Власовым, и мы только поверхностно были информированы, что Прага занята национальными чешскими повстанцами и Первой дивизией, — я предложил поручить мне установить нужную связь. Чтобы соблюсти все меры предосторожности, я составил группу из четырех человек. Кроме водителя, меня сопровождали майор Шейко из штаба армии, чешский жандарм в форме с красной фуражкой и золотой вязью и чешский повстанец Сопротивления.

Мы поехали и останавливались в каждом местечке, чтобы собирать сведения. Я ходил в комендатуру, жандарм — в жандармерию, а повстанец — к своим людям. Собрав сведения о ситуации, мы встречались у нашей машины и обменивались ими.

Генерал Зверев попадает в советские руки

Сначала мы поехали к штабу Второй дивизии РОА, находившемуся к северу от Каплицы. Сам начальник со своим штабом и охраной помещался в отдельно стоящем большом крестьянском дворе из нескольких строений, сараев и жилых домов. Мы прибыли туда ранним утром, в 6 часов. В штабе все были в отчаянии из-за продвижения советской армии в Чехословакии. Чешское радио уже сообщало о вступлении советских войск в Прагу. Жена Зверева, не видя другого выхода, ночью отравилась. И как это бывает у русских, когда они попадают в такое положение, они ищут забвения в алкоголе. Они сидели вокруг стола и пили французский коньяк из винных Стаканов.

Это было мое первое знакомство с генералом Зверевым, бывшим полковником Красной армии, доблестным бойцом, хорошим тактиком и испытанным руководителем больших подразделений. После того, как он был взят в плен немцами, он явился к Власову, поступил к нему на службу и был произведен Власовым в феврале 1945 года в генералы и назначен командиром Второй дивизии, которая формировалась в то время. Он поручил мне передать его поклон Власову.

Потом мы ехали от местечка к местечку, пока не прибыли в Табор, городок среднего размера, точно на полпути между Каплицей и Прагой. В Таборе я остановил немецкого офицера в его машине, въезжавшего в город с севера, то есть из Праги. Я спросил его — сможем ли мы еще проехать. Ответ его был: «Если поедете полным ходом, то может быть вам удастся проскочить мимо танков советского авангарда.» — «А что же происходит в Праге?» — задал я ему еще вопрос. — «В Праге — всеобщее ликование, так как туда как раз вступают советские войска…»

Я вспомнил мой разговор с Клечандой, который все это предвидел. Такого же рода сведения получили мой жандармский офицер и боец Сопротивления. Из-за всего этого я решил повернуть обратно. Где же мы при таких обстоятельствах должны были искать Власова и Первую дивизию?

На нашем пути мы опять проехали мимо штаба Второй дивизии. Генерал Зверев спросил меня, поговорил ли я с Власовым. «Нет, — ответил я, — мы повернули в Таборе и не смогли найти его.» — «Почему же?» — «Потому, что в Прагу вступили советские войска. И вам, господин генерал, пришло время приказать дивизии начать отход. Советские танки находятся не больше, чем в двадцати километрах к востоку отсюда. Где Власов и Первая дивизия — мы не знаем.» Генерал заметил: «Так вы приказа не выполнили.» Я ему ответил: «Офицер должен действовать по обстоятельствам. Было бы бесцельно ехать дальше в Прагу.» — «Ну, это мы еще выясним», — сказал генерал, вызвал капитана и приказал ему поехать на мотоциклете в Прагу и установить связь с Власовым. «Слушаюсь, господин генерал!» Четкий поворот кругом, и он помчался на своем мотоциклете. После этого мы о нем больше ничего не слыхали.

На обратном пути из Табора в Каплицу мы ехали как в пустыне: ни одного человека на улицах, ни одной машины, ни одной подводы, все вымерло. Немецкие войска уже были западнее от нас, а наступавший с востока советский танковый авангард еще сюда не прибыл. На каждом перекрестке я смотрел вперед, чтобы узнать, сможем ли мы проехать до следующего. Наконец мы натолкнулись на толпу: грабили большой немецкий склад продовольствия. Это были главным образом солдаты Второй дивизии.

Эту картину я непременно хотел посмотреть. Как грабят склад продовольствия, человек может увидеть только раз в жизни! Поэтому мы остановились и вошли в склад. Особенное желание возбуждали напитки, которые не только захватывались, но тут же на месте и распивались. Большие винные бочки разбивались, вино текло в подвалы. Солдаты лежали на полу,

захлебываясь алкоголем. Единственная стража — чешские жандармы, — пытались умиротворяюще воздействовать на эту кричащую, бунтующую, пьяную солдатскую толпу. Все было бесполезно. Картина полного разложения, которая останется для меня незабываемой.

Мы ехали дальше в направлении к штабу Второй дивизии и едва могли двигаться вперед, потому что дорога превратилась в своего рода тропинку муравьев. Одни мчались с пустыми повозками к этому складу продовольствия, можно было слышать, как они хлестали кнутами лошадей. Между повозками брели отдельные солдаты с пустыми мешками, а обратно текла непрерывная цепь людей, тяжело нагруженных напитками и консервами, а среди них шатающиеся фигуры с бутылкой коньяка в каждом кармане, с автоматами в руках с откинутыми предохранителями, из самодурства иногда дававшие залп в воздух, делая еще несколько спотыкающихся шагов, падая и засыпая на обочине…

Так грабила Вторая дивизия, но к ночи все вернулись на свои квартиры. Пьяные, но они были там. Хотя советские части шли вперед, генерал Зверев по непонятным причинам не выполнил приказа армии. Однако начальник его штаба полковник Богданов в течение следующей ночи двинул несколько частей на запад к американцам. Пьяные еще накануне, недостаточно выспавшиеся солдаты шли. Стояли ли они твердо на ногах — я не знаю. Но несколько подразделений Второй дивизии все-таки отступили на запад.

Зверев оставался в том же крестьянском дворе. Он хотел провести эту ночь у тела своей жены и отбыть только на следующее утро. Он любил свою жену.

Но эта ночь с 9-го на 10 мая 1945 года решила его судьбу. Советский отряд напал на крестьянский двор, генерал и другие чины штаба были ранены и взяты в плен. Спастись удалось только двоим. Одним из них был ординарец, 17-летний парень. Ему удалось в темноте выскочить и найти на следующий день дорогу к штабу армии. Я лично выслушал его. Много он, конечно, не мог мне рассказать. В середине ночи двор был неожиданно атакован советчиками. Почти не было сопротивления, так как, очевидно, все были пьяны. Приказы и крики раздавались во дворе. Советчики быстро бросились к комнате генерала. Скорее всего, им показал дорогу кто-то, кто был осведомлен. Раздалось несколько выстрелов. Адъютант был убит. Потом свидетель слышал крики: «Санитар! Санитар! Генерал ранен…»

Это было началом конца генерала Зверева. Позже, вместе с Власовым, он был казнен в Москве.

Штаб армии капитулирует

Когда я после этой неудачной поездки в Прагу со своими спутниками опять приехал в Каплицу, я нашел помещения нашего штаба армии покинутыми. Я узнал, что тем временем переговоры о переходе штаба армии Второй дивизии, как и отдельной бригады полковника Койды, благополучно закончились, и что эти части уже были в походе, чтобы перейти линию фронта. За отсутствием генерала Трухина и других генералов, генерал Меандров принял на себя командование над частями РОА, находившимися в этом районе. Утром 9 мая 1945 года штаб, офицерская школа, отдельная бригада и Вторая дивизия выступили через Каплицу в направлении Крумау. Там состоялась встреча с американцами. Генерал Меандров в сопровождении своего начальника штаба полковника Нерянина выехал вперед в Крумау. Ему было обещано почетное интернирование с сохранением оружия.

Мы спешно поехали за колонной, догнали ее и присоединились к ней. Я ведь был уже переведен в состав Власовской армии и принадлежал как офицер-ординарец к штабу генерала Трухина.

Полковник Херре в Крумау отделился от русских. Я коротко поговорил с ним до того, как он ночью исчез. Как я позже узнал, Херре использовал суматоху, чтобы направиться в штаб Кёстринга, вместе с которым он попал в американский плен. Перед этим он сказал мне, что я должен как можно дольше оставаться при штабе армии.

Наши части были интернированы американцами, и им было оставлено оружие. Они были размещены в ряде сел вокруг Крумау. Нас принимали главным образом судетские немцы. Они критически смотрели на дальнейшее развитие событий. Уже издали можно было судить по флагам, кто жил на хуторе — чехи или немцы. Чехи подчеркивали свою радость победы чешскими и красными флагами, немцы-судеты вывешивали американские флаги. Штаб армии был помещен в старом замке, окруженном парком и с роскошным рассадником роз. Посередине этого сада находился прудок с золотыми рыбками. Наши русские очень скоро выловили их из пруда и съели. При этом выяснилось, что золотые рыбки безвкусны. Лошади, которых стреножили, чтобы они не убежали, могли пастись в этом саду роз. Ничего не поделаешь, это война!

Мы теперь находились на чешской земле, которая принадлежала к району, подлежащему оккупации американцами. Согласно договоренности с советчиками, американцы должны

были очистить этот район, так как они не должны были иметь свои войска в Чехословакии. Приблизительно через неделю выяснилось, что мы должны быть готовы передвинуться в район дальше к западу, за демаркационную линию. Наступил день, когда наша колонна численностью в 6.000 — 8.000 человек, кто на лошади, кто пешком, была направлена сначала на восток. Эта колонна походила больше на обоз маркитанток, так как в ней на конных повозках ехали жены офицеров. Генерал Меандров, единственный генерал, начальник офицерской школы и резерв офицеров двигались во главе.

Американцы тем временем отобрали у солдат все оружие, то есть оно сдавалось по требованию. Это разоружение выполнялось постепенно: сначала солдаты, потом офицеры и, наконец, штабные офицеры. Я сохранил 9-миллиметровый радон, трофейный польский револьвер, еще один револьвер и автомат. Радон я носил на поясе под расстегнутой офицерской шинелью, с обоймой в кармане. Автомат лежал заряженный под брезентом в повозке, за которой я шел. Мне оставалось только передвинуть предохранитель, и тогда эта штучка стала бы палить.

Я принял твердое решение — живым в плен к советчикам не попадать. Я знал, что перед смертью мне придется перенести пытки и мучения. От этого я хотел избавиться. Точно так же я пришел к решению, прежде чем покончить с собой, начать стрелять направо и налево… Во всяком случае я хотел использовать мое оружие. Ведь никто из нас не знал, что собирались сделать с нами американцы. Может быть, они вели нас на встречу с Красной армией? Многие из тех, кто сначала шел во главе колонны, теперь оказались в ее середине и даже в ее конце. Точно так же и те, которые были на мотоциклах, больше не были впереди.

Чудо в Крумау

Мы прошли через маленький городок Крумау в Судетах, на берегу Молдавы. Наша колонна наподобие червяка запрудила все узкие улочки городка, пробиваясь через это местечко. Я подумал: теперь мы узнаем, куда нас поведут, и обратился к паре пожилых людей, стоявших на тротуаре. Я спросил их по-немецки: «Скажите мне поскорее — где находятся советчики?»

Мужчина тотчас же мне ответил: «Как только вы выйдете из города, вы увидите, как дорога вьется между холмами в направлении на восток. Там вы заметите и речку с мостом над ней, к нему и ведет эта дорога. За этой речкой стоят советские войска.»

Мы выступили из города. Я увидел желтую дорогу, покрытую щебнем, зеленый холм и серебристую реку с мостом. Советчиков я пока не видел. Но я знал, что они должны быть там, может быть, они уже двигались нам навстречу? За каждым холмом, который мы проходили, за каждой возвышенностью справа или слева от нашей дороги я уже рассчитывал увидеть советских солдат, которые бы стали нам кричать: «Сдавайтесь! Теперь вы должны возвратиться на родину.»

Так мы приближались к мосту. Я пристально смотрел на первые ряды нашей колонны. И тут произошло чудо! Колонна повернула на 90 градусов направо, то есть на юго-запад, и продолжала поход по западному берегу Молдавы.

В этот момент я понял, что буду жить дальше. Какое это прекрасное чувство!

За этот день мы покрыли от 40 до 45 километров и наконец достигли речной луки, которая была похожа на греческую букву «омега». Она окружала косу, которая должна была принять нас на следующие 4–5 дней. Местность была частично холмистой, поросшей молодым лесом, а частью заболоченной. Американцы пригнали нас на этот полуостров, направили на нас свои пулеметы и много прожекторов и дополнительно освещали нас ночью еще и с помощью автомобильных фар.

Мы выбрали себе места посуше, и, как полагается русским, немедленно построили бивуак, так что сразу же каждый из нас имел крышу над головой. В одну из ночей было убито много лошадей, и их мясо распределили между пленными. При этом часть лошадей убивали из-за того, что отдельные части их туш ценились как деликатес. Особенно по вкусу нам были печень, филе и язык. Все остальное закапывалось: американцы не должны были знать об этом, так как эти лошади рассматривались как трофеи. Лошадей больше не осталось, их зарыли и закидали землей, а жизнь шла дальше.

Американцы запросили, кто из пленных может быть водителями машин. Несколько людей откликнулось, между ними и я. Но штаб не отправил дальше мою заявку, так как офицеры не должны были исполнять обязанности шоферов. Скоро подъехали многочисленные грузовики. За рулем некоторых заняли места русские водители, на остальных водителями оказались американцы, главным образом негры. Всю толпу погрузили из расчета по 50 человек на грузовик, и все помчались со скоростью до 100 километров в час, с промежутком между грузовиками в 5–6 метров. Я поражался, как негры избегали столкновений, это было просто мастерски.

Наш путь направлялся сначала в Деннегдорф, город

поблизости от впадения Изара в Дунай. Мы проезжали по лесам, которые мне казались убежищем, как утроба матери. Как прекрасно было бы в этом лесу укрыться под кустами и елями и от всех спрятаться! Мое отношение к лесу было всегда особенным. Но мы ехали слишком быстро, и я не мог и подумать спрыгнуть. Возможно, что и другие обдумывали такую возможность — ведь никто не знал, куда мы попадем — но потом ее отбрасывали в надежде, что все как-то обойдется.

Мы оставили за собой лес и въехали в широкую плодородную равнину Нижней Баварии. Невольно я вспомнил об уроках географии в Москве, когда мы изучали карту Германии, и я открыл на карте два названия: Верхняя Бавария и Нижняя Бавария, и никак не мог понять — почему Нижняя была расположена выше Верхней…

Наконец мы приехали в Ландау-Изар. Здесь на каждом углу стояли американские солдаты и направляли наши грузовики, пока мы не остановились на большом пшеничном поле, где нас высадили. Интернирование превратилось в плен.

В замке, но не в крепости Шлиссельбург

Еще несколько слов о судьбе генерала Власова и его Первой дивизии. Мы помним, что Первая дивизия под командой генерал-майора Буняченко, вместе с чешскими повстанцами, приняла участие в Пражском восстании. Власов в это время находился в небольшом замке в деревне, в окрестностях Праги. Тем временем советские войска вступили в город, а Первая дивизия пыталась отступить на запад к американцам.

Первая встреча Власова с американцами имела место в Пильзене. В предположении, что дело идет о советском генерале, который со своей частью продвинулся слишком далеко на запад, американский генерал организовал для Власова торжественный прием. Правда, он был слегка удивлен увидеть советские войска в этом районе, который по договору был предоставлен американцам. Во время общего обеда трагическая неосведомленность американцев подтвердилась, и разговор шел только о скаковых лошадях и гончих собаках. И опять Власову пришлось услышать в последовавших потом переговорах, что за недостатком нужных полномочий никаких гарантий о невыдаче его частей Советам не может быть дано. Предпосылкой к сдаче в американский плен была капитуляция без всяких предварительных условий.

Власов поехал за своей дивизией, которая тем временем появилась вблизи Шлиссельбурга и 11 мая 1945 года сложила

оружие, предполагая, что они интернированы американцами. Сам Власов и его штаб нашли убежище в замке Шлиссельбург. Поражающе действует это название, потому что недалеко от С.-Петербурга в России существовал тоже Шлиссельбург, крепость с казематами, в которых в царское время содержались под замком и засовом государственные преступники.

Власов все еще был окружен американцами. Американский комендант капитан Донахью не только открыто общался с ним, но был единственным американским офицером, о котором стало известно, что он готов был сделать все, чтобы спасти этих русских от их жестокой судьбы. Он с интересом слушал убедительные доводы Власова о мотивах его борьбы с большевизмом и обещал сделать все, что он был в силах, для Власова и его людей. Тот же Донахью распорядился передать по радио текст меморандума, который он через свое начальство отправил Высшему командованию. В этом меморандуме Власов ходатайствовал перед союзниками не выдавать их советчикам, что было равносильно смерти. Они, руководители русского Освободительного Движения, готовы отвечать перед интернациональным судом. Они — не наемники немцев, а члены собственной политической и военной организации. И этот последний призыв к разуму и пониманию остался неуслышанным.

Донахью сообщил Власову, что Высшее американское командование отказалось принять Первую дивизию в американский плен и перевести ее в будущую американскую зону. Он советовал распустить дивизию с тем, чтобы все в одиночку попытались перейти в занятый американцами район. После разговора с Власовым Буняченко в последний раз выступил перед дивизией и приказал: «Расходитесь!»

Так мы дошли до этого. Выдача бросала тени вперед. Освобожденные от присяги люди пытались каждый по-своему найти путь, чтобы избежать предназначенной им судьбы. Однако страх и отчаяние парализовали решимость. Многие застрелились в соседнем лесу, другие сдавались советчикам в надежде, что это не кончится так страшно. Для многих судьбой стали чехи. За нашу помощь в Праге они отплатили тем, что или убивали нас, или выдавали советчикам. Немногим удалось пробраться на запад через американские линии и местность, заполненную чешскими партизанами, и скрыться.

При этом происходили своеобразные случаи. Я знаю об одной группе солдат, которых должны были направить в лагерь военнопленных в соседний город и потом выдать. Американские солдаты-негры погрузили их в грузовик и с бешеной скоростью

погнали по извилистым дорогам Богемского и Баварского лесов в направлении к этому городу. Они искали лагерь, но не нашли его и поехали назад. Остановились при въезде в город и приказали: «Все выходи!» Люди думали — сейчас они будут нас расстреливать. Но произошло нечто неожиданное. Негры вытащили коробки с сигаретами и раздали содержимое власовским солдатам. При этом они объяснили одному из пленных, который немного знал английский язык: «Теперь стойте здесь. Поднимайте руку, когда пройдет американская машина и говорите, что вы хотите, чтобы вас отвезли в лагерь военнопленных». После этого негры опять сели в грузовик и умчались в сознании, что они выполнили свой долг.

Эта группа, конечно, не стала ждать американской машины, а исчезла в направлении на запад. Такие люди, в конце концов, попадали в лагерь перемещенных лиц (ДиПи), где они после переодевания фигурировали как насильно вывезенные «остарбейтеры». Свою нашивку РОА они уже давно раньше сорвали. Но многие, которым даже удалось перейти в американскую зону, были потом выданы Советам.

Первая дивизия больше не существует

Власов еще находился в замке Шлиссельбург, но весь этот район должен был отойти к советчикам. Таким образом американскую демаркационную линию надо было перенести дальше на запад, и американцы должны были покинуть Шлиссельбург.

Донахью сообщил об этом Власову и предложил ему не в первый раз способ спасения. Но Власов отклонил все возможности к бегству. Он теперь особенно принадлежал своим солдатам. Положение становилось все опаснее. Советские части подошли на несколько километров, а их солдаты ходили по замку, не узнавая Власова.

Что же касается личной судьбы Власова, то ничего точно об обстоятельствах его выдачи сказать нельзя. Имеется несколько противоречивых показаний свидетелей, и они исключают друг друга: показания лейтенанта Весслера, который вместе с Власовым попал в плен, но потом был освобожден; помимо этого, нам известны показания адъютанта Власова капитана Ростислава Антонова, который будто бы остался в Шлиссельбурге в то время, как Власова увезли. Также имеются показания начальника отдела безопасности КОНРа, полковника Николая Васильевича Тензорова. Я не хотел бы повторять эти три отчета, о них уже упоминалось в нескольких книгах. Я не могу позволить себе

высказать мнение — какой вариант наиболее заслуживает доверия.

Иоахим Гоффман, директор Военно-Исторического Исследовательского Института во Фрейбурге-Брейсгау, после обширного изучения источников в своей книге «История Власовской Армии» так описывает выдачу Власова.

12 мая 1945 г. Власов должен был появиться для переговоров в Штабе армии. Около двух часов дня колонна покинула Шлиссельбург. Впереди ехал американский джип, за ним следовали две машины штаба дивизии, в первой был генерал Буняченко, потом две машины штаба Власова, Власов в передней. Колонна замыкалась одним или двумя американскими броневиками. У речки Копривницы колонну обогнала машина, в которой сидели капитан РОА Кучинский и советский капитан Якушев. Нужно предполагать, что Кучинский стал изменником, чтобы спасти свою жизнь… Эта машина остановилась поперек дороги. Из нее вышли советские солдаты с автоматами. Якушев и Буняченко обменялись несколькими словами. Буняченко утверждал, что он считает себя пленным американцев и ссылался на американский эскорт. Упомянутые при этом американские солдаты не вмешивались. Они рассматривали происходящее как чисто русское внутреннее дело. Якушев с револьвером в руках принудил Власова и присоединившегося к нему Весслера пересесть в его машину. Антонов в этот момент круто повернул и пытался поехать обратно в замок, чтобы оповестить Тензорова и Донахью. Принимая во внимание непроницаемое поведение американцев и их полковника Мартина, можно предположить, что все это было заранее согласованной игрой.

С этого момента мы ничего больше не знаем о дальнейшем пути Власова. Он появляется вновь в Москве как главный обвиняемый в процессе, который был проведен над ним и его ближайшими сотрудниками. Донахью выполнил свое обещание, которое он дал Власову, и лично перевез в следующую ночь Тензорова, Антонова и еще несколько русских в американский тыл. То же самое он хотел сделать и с Власовым.

Тензоров и Антонов смогли спастись. Буняченко и Николаев вместе с Власовым были захвачены в плен. В то время, как Буняченко позже был в Москве повешен, о Николаеве после ничего больше не было слышно.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Американцы не знают, что они делают

После капитуляции Германии власовские солдаты разными путями попадали в американский плен, большей частью в Каплице, в Южной Богемии. Вначале они были интернированы и носили при себе оружие. Потом началось постепенное разоружение, и в конце концов власовские контингенты были объявлены военнопленными. Это отношение к ним лишь подтверждало, что для американцев снизу и вплоть до военной верхушки существование антисоветской русской армии было полным сюрпризом. Наличие таких русских частей в немецкой форме могло быть известно американской разведке, но, конечно, не офицерам на командных постах и генералам. Те, вообще, абсолютно ничего не знали. И когда они столкнулись с этим, они не знали, как поступать, с таким явлением. Они постарались как можно скорее интернировать чинов Власова, то есть вывести их из подчинения Гитлеру, чтобы ослабить так называемую Альпийскую Крепость, с созданием которой они еще считались в первые дни после капитуляции.

Последние остатки КОНРа, которые отступили из Иннсбрука в Циллерталь, были там интернированы американцами.

Так и другие военные части РОА, между ними Штаб армии, офицерская школа и Вторая дивизия, временно могли обеспечить себе безопасность в занятом американцами районе. Что же касается Первой дивизии, которая шла походом из Праги на запад, то она натолкнулась на сопротивление американцев у Пильзена и была оттеснена в первые ряды наступавших советских танковых частей.

В лагере военнопленных в Ландау

Мы, военнопленные, попали 26 мая 1945 года в сборный лагерь в Ландау на Изаре, который был расположен на большом пшеничном поле. Генералы же были направлены в особый лагерь военнопленных в Ландсхуте, из которого они были позже выданы. Первую ночь мы спали на этом поле прямо на пшенице, выросшей на 25–30 сантиметров, в тесноте, 6000–8000 человек, окруженные американскими джипами и пулеметами. Объезжали поле также и конные патрули, которые вызывали смех у русских солдат, потому что американцы не умели ездить.

Несмотря на строгую охрану, некоторые солдаты РОА ухитрились убежать. У меня, к счастью, имелся спальный мешок, легко сворачиваемый, стеганный пухом и прекрасно согревающий. Уже на следующий день наш строительный батальон был вызван и приступил к постройке забора из колючей проволоки и вышек для часовых, на расстоянии 25–30 метров одна от другой. На каждой вышке был американский пост, вооруженный двойным крупнокалиберным пулеметом, скорее всего зенитным. По ночам дополнительно американские заставы прятались в кустах за пределами лагеря. Это мы выяснили очень скоро, после того, как целиком заполненный солдатами джип выходил из лагеря и возвращался только с водителем. У каждой группы кустов выгружался один американец.

Наиболее ловкие солдаты среди военнопленных, бросая камни, намечали такие заросли, нацеливаясь на определенные кусты. Вызываемый при этом треск сучьев и шорох вызывали часовых по соседству. Они выходили из своих засад, обнаруживая себя, и мы могли наметить наш путь к бегству на следующую ночь.

Вокруг лагеря проложили дорогу и над лагерными воротами укрепили далеко видную вывеску со словом «cage» и номером, что означало «клетка». Это звучало мало ободряюще… Несмотря на это, бегство из этого лагеря было сравнительно легким. В колючей проволоке не было еще электрического тока, что мы, конечно, немедленно исследовали. Многие власовские солдаты имели случай соприкоснуться с советскими лагерями и узнали, что так называемая зона смерти вплоть до забора из колючей проволоки, по которой проходил высоковольтный ток, занимает примерно 10 метров.

Поначалу чины власовской армии продолжали еще надеяться, что американцы используют их в предстоящем и, по их мнению неизбежном, конфликте с Советским Союзом. Не только генерал Меандров, русский комендант большого сборного лагеря, высказывал следующее мнение: необходимо сохранить военную организацию, чтобы американцы могли использовать эти войска в боеспособном состоянии и в определенном месте при предстоящем походе против Советского Союза, и для этого дать им, что называется, «перезимовать». Затем повторялся довод: «Коммунизм, против которого мы боролись, также является врагом и Соединенных Штатов».

По существу эта точка зрения была правильной, но в то время совершенно неприменимой, потому что американцы рассматривали советчиков как своих союзников. Совершенно непонятным образом они смотрели еще на Сталина как на

«хорошего старого Джо». Для власовских бойцов было абсолютно непонятно, как ни американское, ни английское руководство не хотело оценить их боевого потенциала.

Как мы только гораздо позже узнали, судьба этих людей была уже заранее определена соглашением в Ялте 11 февраля 1945 года. Тогда Соединенные Штаты, Англия и Франция обязались выдавать Сталину всех лиц, даже против их воли, которые на 1-ое сентября 1939 года были гражданами Советского Союза и были чинами Красной армии 22 июня 1941 года, или тех, которые доказано добровольно сотрудничали с врагом. Рузвельт по своей наивной доверчивости и незнанию дал на это свое согласие. По незнанию ли или потому, что его политический советник Алджер Хисс был советским шпионом? Хисс позже мог политически использовать свою двойную роль, так как срок давности за преступления шпионажа в Америке истекает после 10 лет…

Но всего этого тогда еще нельзя было предвидеть. Надежды все еще вытесняли опасения о выдаче, пока мы однажды не прочитали в номере американской военной газеты «Старс энд Страйпс», которую мы иногда получали, о выдаче власовских солдат, взятых в плен во Франции и перевезенных в Соединенные Штаты. В Нью-йоркском порту их должны были перегрузить на советское судно. Во всех подробностях мы узнали и свирепом сопротивлении, которое эти люди в отчаянии оказали в то утро в своих бараках — против погрузки. Они подожгли бараки в надежде погибнуть в пожаре. Но портовые пожарные потушили пожар, а американские солдаты перетаскивали пленных, в том числе и раненых и даже мертвых, на советский пароход, причем многие из пленных кончали с собой. Это были первые сведения, которые ясно рисовали перед нашими глазами ожидавшую нас судьбу.

Мы составляли петиции и письма, которые всеми придуманными способами рассылались всем ответственным лицам и политическим деятелям, в том числе и Элеоноре Рузвельт, которая, как было слышно, заступалась за беженцев и преследуемых. Но власовскими людьми она не интересовалась.

Предприятие «мебельный фургон»

Через некоторое время мы получили палатки. Я поселился с двенадцатью рядовыми, не офицерами, и думал, что это правильно. Потом начался большой голод, о котором я хочу написать подробнее в следующем разделе. После мы с Блумбергом захватили мебельный фургон, который стоял недалеко, вне лагеря. Мы получили разрешение привести его в

лагерь и провели его через лагерные ворота и устроились в нем.

В этом мебельном фургоне началась моя новая большая задача. Я посвятил ей свои усилия сначала как военнопленный, а потом в качестве свободного гражданина. Она состояла в спасении возможно большего числа чинов Власова от выдачи. Не только трагическое событие в Нью-Йорке, но и поведение американцев по отношению к Первой дивизии у Пильзена заставило меня много передумать.

Наша спасательная деятельность — у меня, конечно, были сотрудники и помощники — сосредоточивалась в трех местах: лагерь Ландау, лагерь ДиПи в Мюнхене-Грюнвальде и Платтлинг. Сначала мы, в общем, не знали, как начать нашу освободительную деятельность. Сперва мы топтались в полной темноте, так как возможности для меня, который сам был пленным, были крайне ограничены. Но потом я вспомнил о том материале, с которым я прибыл в лагерь военнопленных. Это были прежде всего штемпеля некоторых полевых почтовых номеров. Я ими запасся при моем последнем походе через богемские и баварские леса, находя их в ящичках для перчаток при обследовании стоящих у дороги немецких грузовых и легковых машин. Я засовывал их в карманы в расчете, что они может быть могут мне пригодиться. Так это и получилось: эти штемпеля стали основой нашей деятельности.

Очень скоро мы с Блумбергом поняли, что эти номера полевой почты могут быть использованы как подтверждение переводов с русского языка на немецкий, и мы превратили наш небольшой мебельный фургон в настоящий центр документов, который изготовлял нужные бумаги для бегства. Бумагу тем временем мы сумели «организовать» от американцев. Таким образом мы смогли начать изготовлять нужные для бегства документы для тех, кто был готов бежать из лагеря, чтобы избежать выдачи. Конечно, при этом надо было выяснять, кому мы фабриковали такие бумаги, так как мы могли быть обмануты провокатором. Правда, этого не случилось. И американцы о нашей деятельности ничего не узнали. Среди пленных быстро распространилась весть о том, что делалось в нашем мебельном фургоне. Каждый, кто задумывал попытку побега, обращался к нам за документами, которые были нужны для жизни вне лагеря. Люди приходили к нам, мы беседовали, выясняли их личные данные и изготовляли им нужные бумаги. Как место рождения мы чаще всего упоминали Белград или Двинск, или какое-либо место в Литве или Польше. Но прежде всего мы удостоверяли каждому, что он не советский гражданин. Это было особенно важно. Лучше всего было стать старым эмигрантом, который мог бы доказать,

что он, хотя и родился в России, но покинул ее еще до революции. Мы также удостоверяли принадлежность к русской этнической группе, которые вне Советского Союза существовали в Югославии, Румынии, Польше и в прибалтийских странах. Хотя мы и не видели русских подлинников, но изготовляли самые разнообразные документы, даже метрические свидетельства и удостоверения о профессиях.

Позже мы узнали, что убежавшие пленные могли с такими «документами» беспрепятственно зарегистрироваться в полиции, получали продовольственные карточки и могли обеспечить свое существование. Конечно, при этом они создавали легенду, что никогда не были военными, а только насильно перевезены в Германию.

Поскольку изготовление таких «документов» зависело от помощи извне, мы установили связь с латышским лагерем ДиПи в Мюнхене-Грюнвальде, в котором находился один из моих друзей Павел Делле, из Риги. Он был толковый парень и помогал нам, изготовляя так называемые пропуска с отпечатками пальцев. Это были первые удостоверения, которые оккупационные власти (соответственно, американские, английские и французские) стали выдавать немецкому населению. Они были снабжены подписью уполномоченного офицера военного правительства и печатью, а обычная ныне фотография заменялась отпечатками пальцев.

Делле фабриковал такие пропуска весьма удачно и в массовом порядке, а именно с печатью, подписью и свободным местом для отпечатков пальцев и для личных данных.

Образцом ему служили новые подобные удостоверения и прежние книжки зарплаты, с которых он переносил печати и подписи на свои новые экземпляры. Как он это делал? Печатей и краски для них не было. Поэтому Делле засовывал вырезанную из документа печать в сырую картофелину и переносил ее оттиск на нужный бланк. Бланки он добывал в американской комендатуре, давая взятки деньгами и сигаретами.

Сложнее дело обстояло с подписью коменданта, которая чаще всего была длинной и не умещалась в картофелине. Тут Делле прибегал к помощи крутого яйца и копировальных чернил. Яйцо покрывалось чернилами и раскатывалось по подлинной подписи, а затем сразу же и по бланку. При этом подпись получалась очень ясной. Химические чернила приставали к бумаге так хорошо, что можно было отпечатать подпись сразу на нескольких экземплярах. Заготовленные таким образом удостоверения дополнялись в нашем центре отпечатками пальцев и личными данными.

В то же время мы обзавелись двумя пишущими машинками с

помощью одного земляка, который был официантом в Ландау. Они были пронесены в лагерь женами арестованных, которые приносили дополнительное продовольствие и не подвергались обыску. У меня было много средств — прежде всего 10.000 рейхсмарок, а также частью в сигаретах, которые являлись нашей валютой. Будучи напечатаны на машинке, наши удостоверения и документы приобрели действительно выдающееся качество. Я сам мог в этом убедиться, когда предпринял свое бегство и на вопрос американцев «Ваши бумаги?» мог удостоверить свою личность. Первый раз, конечно, я с дрожью по понятным соображениям предъявил их, но безразличное «окэй» американского контролера избавило меня от страха.

Между нашим лагерем и лагерем ДиПи в Мюнхене-Грюнвальде создалась подлинная служба курьеров. В Ландау образовался комитет помощи, имевший целью оказывать поддержку военнопленным. А во главе его стоял профессор С. Гречко, украинский ученый, который, невзирая на свой маленький рост, проявлял сильную волю. Он обладал ярко выраженным чувством долга и не знал страха. Гречко организовал эту службу курьеров, при этом главным образом использовал женщин, которые были под меньшей угрозой. Я еще очень хорошо помню Нину Позднякову, привлекательную жену полковника Позднякова. Она была рижанкой и в первом браке была замужем за певцом Смирновым. Эти женщины были постоянно в дороге между Ландау и Мюнхеном, пользуясь велосипедами, и привозили нам заказанные у Делле бумаги.

Многие власовские солдаты, пользуясь этой возможностью, смогли спастись. Все те, кто предпринимал попытки к бегству, по существу были подлинными пессимистами. Это были люди, которые провели много лет в советских лагерях, потом были призваны в Красную армию, попали в немецкий плен, где они опять сидели два-три года, и в конце концов оказались снова за колючей проволокой у американцев… Перспектива попасть из этих лагерей опять в советский плен и в лагеря строгого режима была для них непереносима. Конечно, они не верили в возможность быть вновь использованными в массовых формированиях, слушая рассказы об этом.

Некоторым из этих солдат удавалось бежать из лагеря, используя следующую хитрость. Они проползали ночью под проволочным заграждением, иногда даже под самыми сторожевыми вышками, пока часовые были отвлечены «деловыми» разговорами с другими пленными. Дело в том, что американцы страстно интересовались ручными часами. Им показывали их и начинали торг на сигареты. При этом часы ни в

коем случае нельзя было выпускать из рук, тогда они были бы отняты. Пока же их держали в руке, можно сказать, что предложенное количество сигарет не соответствует стоимости часов, и можно было уйти. В течение этих 10–12 минут товарищи успевали скрыться в кустах, часто и навсегда. Но некоторые возвращались, приносили с собой картошку и даже кроликов, которых потом в лагере убивали. Свобода была для них столь необычна и широка.

Власов сам не пытался бежать, как и большинство его генералов этого не предприняли. И они все были выданы советчикам. Я знаю только один случай: генерал Богданов исчез в первую же ночь нашего американского интернирования в Крумау. Он был самым умным среди нас и не собирался ожидать того, что ему готовила судьба. Вместо этого он выбрал свободу. Он исчез ночью, не сказав никому ни слова, и раз навсегда. И впоследствии я больше ничего о нем не слыхал. Предполагаю, что он где-нибудь под прикрытием какой-либо легенды сумел незаметно начать новое существование.

После нашего перехода к американцам в Штабе армии находились еще два генерала: Севастьянов и Бородин. Последний доказывал, что ему, как старому эмигранту, ничего не угрожает, как это впоследствии и подтвердилось.

Для генерала Власова самым надежным убежищем, по всей вероятности, мог послужить один из католических монастырей. Монахи в то время принимали многих беженцев и преследуемых, и даже чинов СС. Но Власов не хотел покинуть свои войска во имя личного спасения.

Повседневность в лагере

Жизнь в лагере главным образом отличалась страшным голодом. В первые дни раздача пищи происходила следующим образом: американский грузовик на полном ходу, подавая громкие сигналы, вкатывался в лагерь, внезапно останавливался, сбрасывал мешки с мукой, ячменем, сушеной картошкой и сухими овощами и уезжал. Пленные набрасывались на эти мешки и разрывали их. Те, кто стоял поблизости, добывали себе немного еды, другие же оставались с пустыми руками.

Но весьма скоро внутренняя дисциплина была восстановлена. Генерал Меандров принял на себя руководство. Дежурные офицеры и часовые обеспечивали порядок. Из общей площади лагеря выделили большой квадрат и в нем устроили продовольственный центр. Его отделили бревнами, и никто из пленных не имел права входить в него. Тут стали выгружать

продукты, взвешивать их на глазах пленных и справедливо распределять. Но так как пайки были очень маленькие, то в общем мало что было раздавать. Половина булки должна была быть разделена между шестью пленными.

Сначала из среды пленных выбирался самый заслуживающий доверия. Он разрезал хлеб на шесть частей. Другой пленный поворачивался спиной и называл шесть имен, в то время как уполномоченный показывал пальцем на очередной кусок. Это было самое быстрое и справедливое распределение. Но что же можно было сделать с таким кусочком хлеба? Многие делили его на несколько частей: на завтрак, обед и ужин. Я не мог так поступать. Я не мог заснуть, пока знал, что в моем мешке для хлеба еще находится хоть кусочек, и всегда я съедал все сразу. Многоопытные лагерные сидельцы, побывавшие в советских лагерях строгого режима, а потом и в немецком плену, говорили мне: «Ты правильно делаешь. Если делить хлеб весом около 100 грамм на три приема, то хотя и возбуждается весь организм, желудочный сок и пищеварение но усилие тела совсем не соответствует поступлению пищи…» Вместе с хлебом мы чаще всего получали полный котелок супа. Но назвать это супом никак было нельзя, так как на самом деле это была только горячая вода, в которой плавало немного сушеных овощей. Эти овощи прибывали в громадных мешках из какого-нибудь американского продовольственного склада и высыпались прямо в котел для варки. Часто в супе не было и соли. Как важна соль для питания, я узнал только тогда, значительно важнее, чем сахар. Недостаток соли может превратиться в настоящую муку. В России были лагеря для зека, в которых они таким образом уничтожались: им вообще не давали соли, и от этого они погибали.

Зато у нас были другие добавления к рациону: мыши которые большими семьями уже гнездились в мешках! Они попадали вместе с сушеными овощами в котлы и плавали потом сваренные в воде. Я не в пример другим был в состоянии есть этот мышиный суп. Чаще всего простые власовские солдаты из крестьян не могли поглощать такое блюдо или потом их рвало. Но мне, после того как я во Франции ел устрицы, было все равно.

Однажды одному из нашей палатки удалось украсть у американцев большую коробку с молотым перцем. Этот перец который был слегка посолен, превращал для нас воду действительно в какое-то подобие супа.

По временам наш паек состоял из столовой ложки сахара такого же количества сухого молока и чайной ложки куриного желтка. Эти три порошочка мы разводили в кашицу водой и получалась небесная пища, которая напоминала нам детский сад.

По внешнему виду пленных легко было установить — к какой части лагеря они принадлежали. Повара и заведующие имели свежие лица, а остальные существовали как живые скелеты. Все повара крали и обеспечивали себя за счет остальных. И дежурный офицер по кухне тоже крал. Наверно не было ни одного офицера, дежурившего на кухне в течение 24 часов, который бы не украл жратвы…

Когда голод становился непереносимым, приходилось заявляться больным. Я тоже делал это и симулировал больную ногу и считал это совершенно честным, так как у меня на левой ноге был костяной нарост, который впрочем мне не мешал. Американская санитарная машина скорой помощи привозила меня к зданию школы в Штаубинге, где помещался один из немецких лазаретов. При моем первом посещении я получил пересыльное назначение в другой лазарет, где должны были сделать рентгеновские снимки моей ноги. Сестра милосердия Грета, 18 лет, сопровождала меня туда и обратно, так как я отказался выходить один на улицу. Любой американский патруль, увидав меня в немецкой форме на свободе, немедленно задержал бы меня.

Всех пленных, прибывающих из лагеря в лазареты, прежде всего кормили. В столовой стоял громадный бачок с очень питательным супом. И мы не покидали стола, пока не вычерпывали его до дна, мы просто не были в состоянии встать.

С докторами больницы меня быстро связал весьма дружественный контакт. Для них я был весьма ценным гостем, который мог рассказать им многое, о чем они не знали. И о власовской армии они не имели понятия. Начальник лазарета в нарушение обычая, специалист по внутренним болезням, а не хирург, проявлял к этому большой интерес.

Чтобы самим печь хлеб, мы построили собственную пекарню с открытой печью из кирпичей. Строительный материал дали нам американцы. Тесто состояло из муки и воды. И то, и другое мы получали тоже от американцев, но соли у нас не было. Тесто раскатывалось на доске в форме сапожной подметки и потом пеклось на горячих кирпичах, без всяких жиров или растительного масла. Я написал репортаж об этой пекарне в нашей стенной газете, о которой я ниже расскажу. Ведь наша пекарня дополнительно снабжала лагерь хлебом. В награду я получал по фунту хлеба в день. Медленно снабжение питанием нормализовалось. Время от времени, чтобы нас успокоить, нам выдавали даже американский военный паек.

Уже упомянутая стенная газета была для меня своего рода морфием. На большой деревянной доске, поставленной на

открытом месте в лагере, мы приклеивали картинки, которые вырезали из американских журналов и снабжали их комментариями на русском языке, причем упор был именно на эти пояснения. Журналы мы получали от американцев или от жен пленных. Тут также были и многозначительные карикатуры и заметки лагерных сидельцев. Эта стенная газета вызывала громадное стечение людей. Перед ней всегда стояла группа пленных. Кроме того, издание стенной газеты было удобным объяснением стука пишущих машинок в нашем жилом вагоне при изготовлении документов для бегства.

В лагере процветал и черный рынок. Где бы ни объединились русские, везде возникала торговля, и лагерь не был исключением. Тут можно было купить все, начиная с золотого червонца — монеты в 5 рублей царского времени, — пары сапог, штатского костюма, буханки хлеба в 2 килограмма, вплоть до бутылки водки. Все это доставлялось в лагерь, и те, у кого была жена или подруга в соседнем Ландау, оказывались в лучшем положении, чем другие.

В лагере был создан даже музыкальный оркестр с певцами, состоящий из нескольких балалаек и гитар. Он исполнял песни добровольцев антикоммунистического и антисоветского содержания. Американцы, желавшие отвлечь пленных, поддерживали такие виды деятельности. Был создан также и хор. Члены этого хора были потом выданы советчикам, а регент его даже был повешен.

В построенной нами лагерной церкви совершались церковные службы отцом Александром Киселевым. Он был выдающимся проповедником, всегда находил нужные слова для собравшихся вокруг него верующих и убеждал нас, что даже в самом безнадежном положении для каждого остается надежда на Бога. И меня он в то время утешал, сохранял мою жизненную бодрость и привел меня к христианству. Конечно, я и раньше считал себя христианином, но это сознание основывалось больше на традиции и привычке. То, что мне тогда дал отец Александр, было совсем другого порядка: нечто большое, дававшее мне надежду и ставшее мне во всей дальнейшей жизни руководством.

О. Александр охотно брал с собой письма родным и заботился о том, чтобы эти свидетельства о жизни доходили по назначению. Для нас за колючей проволокой он был не только духовником, но одновременно и другом, отцом и вместе с нами страждущим. Иногда в лагерь приезжали артисты, которые исполняли нам русские песни, и среди них была песня «Молись, кунак», которую мне потом перевела на немецкий г-жа Мария фон Холбек:

Молись, кунак, в стране чужой,
Молись, кунак, за край родной,
Молись за тех, кто сердцу мил,
Чтобы Господь их сохранил!
Пускай теперь мы лишены
Родной земли, родной страны,
Но верим мы — настанет час,
И солнца луч блеснет для нас…
Молись о том, чтобы Господь
Тебе помог все превозмочь
И, возвратясь, увидеть вновь
В краю родном мир и любовь.

Грустная песня, трогающая каждое сердце.

Пусть читатели меня простят, если я теперь перейду к теме об отхожих местах, которые в нашей повседневной жизни в лагере играли немаловажную роль.

Способы и приемы, каким образом эта проблема разрешается, дают представление о различных народных характерах. Недаром раньше на всех углах Парижа были так называемые «писуары», в которых мужчины пока они «делали свои дела», показывали прохожим свои головы и ноги. И недаром же существуют азиатские клозеты, где отметки для ступеней и дыра посредине показывают, как надо поступать. И у русских существует так называемый способ «орлом», когда надо становиться на сиденье ногами.

Все это имеет свое значение. В лагере военнопленных я мог углубить эти философские размышления… Известно, что американцы находятся во власти панического страха перед заразными болезнями, которые вызываются бактериями или недостаточной гигиеной. Их правила предвидели, если я правильно вспоминаю, выгребную яму на каждые 20–25 человек. Так как нас всех в лагере было 6000 человек, наш строительный батальон был полные две недели занят этим. Одновременно в два ряда были выкопаны ямы и над ними воздвигнуты деревянные ящики высотой в 60–65 сантиметров, с дырой посередине и крышкой сверху.

Эти бесчисленные отхожие места между палатками и проволочным ограждением нельзя было скрыть ни кустами, ни чем-нибудь другим. Их было слишком много, и они образовали непрерывный ряд. Часовые на вышках должны были следить, чтобы не применялся способ «орлом». Любой, кто собирался бы залезть с ногами на ящик, подвергался без предупреждения обстрелу с вышки. Он должен был делать свои дела, сидя по европейскому или американскому методу. И среди русских не

нашлось никого, кто решился бы влезать на ящик ногами.

Лагерь Ландау на Изаре внутренне подчинялся генералу Меандрову, который предпринял в лагере дальнейшие производства, хотя всякая военная деятельность была прервана. Было несколько «счастливчиков», которые во время пленения (между маем и октябрем 1945 года) получили производство из лейтенанта в капитаны и из капитана в майоры. Таким образом Меандров даже своего денщика произвел в лейтенанты, дав ему офицерский чин, хотя он продолжал исполнять обязанности денщика.

Я хотел бы оценить это как факт упадничества, если денщик, который продолжает служить своему генералу, производится в лейтенанты. Однако я не думаю, что такого рода меры были вызваны у генерала намерением утвердить свой авторитет.

Русское понимание авторитета противоречило американским правилам, согласно которым дежурным офицерам, стоящим на страже, полагалось иметь дубинки, чтобы использовать их в случае нужды. Употребление палок в царской и в Красной армии было строжайше запрещено. Вооружение дежурного офицера дубинкой считалось у русских оскорблением. К тому же нужно знать, что военной дисциплине власовских солдат в лагере придавалось большое значение. Меандров высоко поднял строевую четкость. Выправка, «смирно» и рапорты были обязательны. Этим он заслужил доверие у американцев.

Мое бегство

Мое решение избежать выдачи Советам с помощью бегства оставалось неизменным. Поэтому я прилагал все старания к тому, чтобы мое физическое состояние было всегда удовлетворительным, так как бегство было связано с большими усилиями. Деньги у меня еще были. Благодаря нашему центру по изготовлению документов, мы имели лучшие отношения с канцелярией и штабом генерала Меандрова, и первыми узнавали обо всех новых распоряжениях американского командования и о событиях в лагере. Приказы немедленно переводились на русский язык и тайно распространялись.

Наши документы для бегства были готовы. Штатское платье мы получили через официанта в Ландау. Но, по-моему, момент бежать еще не наступил. Я не хотел быть среди первых власовских солдат, которых бы стали подкарауливать на всех улицах и перекрестках.

Было начало октября 1945 года, когда однажды к нам пришел канцелярский служащий Штаба и сказал: «Вот, почитайте! Это

самый новейший приказ американского коменданта лагеря.»

Что в нем стояло? Из него мы узнали, что ограждение колючей проволокой вокруг лагеря должно быть расширено, а «зона смерти» в 10 метров до заграждения охраняться будет еще строже. Другими словами, каждый, кто вступит в эту зону, будет без предупреждения обстрелян часовым с вышки. Проход к отделу скорой помощи, который находился вне лагеря, будет закрыт. Впредь больные будут обслуживаться только в самом лагере. Никто больше не может выходить из лагеря, и никто из родных не смеет в него входить. В то же время мы увидели, как наши саперы протягивают вокруг лагеря дополнительную колючую проволоку.

Этот приказ, который содержал и другие более строгие меры, меня очень обеспокоил, и я решил бежать не медля, предполагая, что часовой у главных ворот об этом приказе еще ничего не знает. Прежде чем мы — Блумберг, молодой власовский лейтенант по имени Заринш, земляк, с которым мы подружились, и я — покинем лагерь, я явился официально к генералу Меандрову, который перекрестил меня, крепко пожал мне руку и отпустил меня со словами: «Да поможет вам Бог! Для вас это может быть правильный путь.»

Генерал Меандров был сыном священника. Его отец служил поблизости от нашей квартиры в Москве. Его освободили в начале войны и призвали в армию.

Потом я обратился к немецким врачам в лагере и просил о переводе меня в госпиталь. Но ни один из них на это не решился. Вероятно они заподозрили мои намерения и боялись, что такой перевод в госпиталь может быть сочтен как помощь при побеге. Я уже думал, что мое бегство не удастся, но при этом я не рассчитывал на Веру, сестру милосердия, 30-летнюю, крепкого сложения русскую, которая все слышала. Она рассердилась на трусость докторов точно так же, как и я сам, и сказала мне тихо: «Оставьте этих трусов. Я вас выведу, пройдете как больной.»

Так это и произошло. Мы устроили носилки, положили на них Заринша и запаслись удостоверениями, что мы санитары для переноски больных. Так как палатки лазарета находились вне лагеря, сестра пришла, чтобы забрать «больных». Она несла наше штатское платье на руке, покрытое шинелью, и направилась с нами к лагерным воротам. Мы с Блумбергом, прихрамывая, несли за ней Заринша. У ворот к нам из часовой будки вышла заспанная, жующая резиновую жвачку американская личность. «Три человека в госпиталь!» — сказала уверенным голосом сестра Вера. Американский часовой пробормотал «окей». Мы прошли через ворота и оказались за пределами проволочного заграждения, вдоль которого наш путь вел нас на юг. По правой

руке у нас были низкие кусты, слева — вышки с двойными пулеметами. Дорога, в общем, такая же, как в лагере, но на самом деле совсем другая…

Земля горела у нас под ногами. Близко к забору находились власовские солдаты, которые сразу поняли, что мы симулировали наши болезни. Они провожали нас глупыми замечаниями и подлыми шутками, которые понимали только мы, так как они были сказаны по-русски. Характерно, что они нас почти не трогали.

В то время, как мы в сопровождении сестры Веры шли вдоль лагерного забора, я вдруг издалека увидел джип коменданта, который только что приказал не выпускать больше никаких пленных из лагеря. Я обдумывал, что в данном случае следует делать. Бежать как зайцы в кусты? Это было бы ошибкой и немедленно вызвало бы тревогу. С вышек началась бы стрельба из двойных пулеметов через деревья, джипы с вмонтированными пулеметами окружили бы лес, и мы погибли бы. Надо было идти навстречу событиям. Мы продолжали идти хромая, с искаженными от боли лицами за сестрой Верой, как за нашим ангелом-хранителем.

Комендант проехал мимо, не обратив на нас внимания. Мы видели его сидящим в машине, причем перед ним на ветровом стекле висела белая дубинка. Но мы его не интересовали. Так мы добрались до района госпиталя, в который, однако, не попали. Наоборот, мы отступили в маленькую рощу, где переоделись. Нашу военную форму мы передали сестре Вере, которую я обнял и трижды поцеловал. С этого момента мы вступили на наш новый путь. Насколько я знаю, сестры Веры нет больше в живых. При попытке передать яд власовским генералам перед их выдачей она попалась и была арестована.

Мы направились в сторону Ландау. Чтобы попасть в город, нам нужно было перейти Изар. Уже издалека мы увидели у моста толпу людей: каждого прохожего задерживали. Естественно, что мы испугались, предполагая, что нас уже ищут. С другой стороны, однако, нас в лагере еще не могли хватиться. Но тут, очевидно, велась какая-то проверка, поэтому лучше было занять выжидательную позицию. Мы присели на берегу Изара и скоро установили, что напугавшая нас проверка на самом деле таковой не была, а тут просто собирали плату за проезд по мосту. Каждый проходящий должен был платить 10 или 20 пфенингов на починку моста. Этот взнос мы платить не хотели, подождали еще некоторое время и после, не обращая внимания на людей, нахально пошли вперед. Никто нас не задержал.

В Ландау мы знали два убежища. Первым была семья

Петерсон, состоявшая из матери и дочери. Они были владелицами фотографического магазина, который я обнаружил, когда мы с рабочей дружиной разбирали в Ландау противотанковую преграду. Так как я уже тогда задумал бежать, я пошел в их магазин с просьбой снять меня в штатском платье.

Другое убежище было у уже упомянутого официанта в ночном ресторане из Риги. Он был земляком и другом, на которого мы могли рассчитывать. Он раздобыл для нас настоящее штатское платье. Для меня нелегко было найти что-нибудь подходящее из-за моего роста. В конце концов я надел штаны, которые были мне ниже колена, но я мог скрыть это, благодаря моим высоким сапогам. Я также надел белый китель.

В то время, как Блумберг и Заринш жили у официанта, я ночевал у Петерсон. Я провел там три дня, время, которое было необходимо, чтобы хоть немного привыкнуть к свободе после того, как мы несколько месяцев провели за проволокой и под стражей.

Чтобы выполнить все предосторожности и предупредить свое обнаружение, мы распространяли весть, что в следующий понедельник мы покинем Ландау, направляясь в Мюнхен. Но мы уже в субботу отправились туда. Моя надежда, что мы в первый же день преодолеем поход в 25 километров, оказалась невыполнимой. Мы прошли приблизительно всего 15 километров по деревенским дорогам и по заросшей кустами местности с целью не идти по большой дороге, где, как мы предполагали, было большое движение.

Так началось наше странствование по свободному миру в Мюнхен-Грюнвальд, в лагерь Ди-Пи. Для этого нам понадобилось два дня. Мы ночевали у одного крестьянина на сеновале, а на следующий день даже проехали часть пути на грузовике, который довез нас до Мосбурга. Здесь со времен нацистов находился концентрационный лагерь, в котором теперь сидели так называемые военные преступники, к которым по существу и мы могли быть причислены. Поэтому американцы на базарной площади были заняты особенно строгой проверкой. Здесь мне в первый раз пришлось показать мое удостоверение с отпечатками пальцев. В одно мгновение я даже подумал спрыгнуть с грузовика и бежать. Но американский часовой почти и не посмотрел на мое удостоверение, которое я подал ему дрожащей рукой, и пропустил меня своим знаменитым «окей».

Мы осмелели и шли теперь по главной дороге, которая была почти пустой. На ней вообще почти не было автомобилей и пешеходов, в лучшем случае попадался крестьянский парень на велосипеде или американский джип. Другую проверочную

заставу, на которой я должен был показать свои документы, я просто обошел. Так нам удалось добраться до лагеря ДиПи в Мюнхене-Грюнвальде. ДиПи, то есть перемещенными лицами, считались не военные, а штатские, которые были вывезены насильно или бежали от русских. Мы заявились как латыши, которые убежали от русских, были приняты и получили соответствующие удостоверения.

В Грюнвальде наши дороги разошлись, но лишь на короткое время. Блумберг направился в Штуттгарт, Заринш стремился в Англию, куда и попал, а я хотел обосноваться в Мюнхене. Я намеревался теперь как свободный гражданин посвятить себя и дальше спасению власовских солдат. Но тут была еще одна проблема. Хотя у меня и были прекрасные латышские документы, но не было немецких. И с Блумбергом было то же самое. Вот почему мы с ним опять встретились, чтобы обсудить — что можно предпринять по этому поводу. Мы пришли к решению ночью и в тумане проникнуть в советскую зону и оттуда «бежать» в Западную Германию. Один из школьных друзей Блумберга, которого он нашел в Мюнхене, был родом из Найлы, расположенный вплотную к границе зоны, и мог нам точно описать это местечко, так что мы могли там перейти границу. В то время она еще не так охранялась.

При нашем «бегстве» на запад мы дали себя поймать западным стражникам, которым мы вручили наши удостоверения личности, полученные, нами в свое время при нашем переселении в немецкое государство. В них было указано, что мы немцы. На основании этого мы получили нужные нам документы, в которых было указано, что мы являемся немецкими беженцами. Таким образом мы могли начать новое существование.

Советские репатриационные комиссии в лагере Платтлинг

Почти год прошел после капитуляции Германии. Остатки власовской армии — около 4000 человек — находятся в лагере военнопленных в Платтлинге, в Верхней Баварии. Это — большое поле, которое вытянулось между городком и Дунаем. Лагерь обнесен несколькими рядами колючей проволоки и охраняется стражей на вышках. От главной дороги, которая тянется вдоль лагеря, отходит вновь проложенная дорога, ведущая к главным воротам лагеря. Перед лагерем, но уже внутри проволочного заграждения, то есть на месте, подпадавшим под наблюдение с вышек, находится барак для посетителей. Лагерь делится на несколько отделов, в которых главным образом помещаются

власовские солдаты. Кроме них там еще находятся немецкие военнопленные, включая сюда и чинов войск СС, и политические арестованные, выбывшие, однако, в декабре 1945 года.

При американском коменданте получил назначение для связи полковник власовской армии по фамилии Закс, старый эмигрант, владевший несколькими языками. В каждом отделе лагеря был назначен свой отдельный комендант. Настроение в этом лагере было угнетающее. Пребывание в нем его сидельцев было сплошной мукой, так как надежды, что власовские солдаты смогут избежать выдачи в Советский Союз, становилось все меньше. А выдача, понятно, означала для них худшее, чем смерть. Многие из них запаслись бритвенными лезвиями, которыми они собирались вскрыть себе вены у запястья. Другие обзавелись ядом.

Американское лагерное управление завело картотеку на чинов власовской армии, в которой отдельно были зарегистрированы старые эмигранты и те, кто были рождены внутри и за пределами Советского Союза в 1939 году. Многие из них указывали фальшивые имена. Представители советских репатриационных комиссий, которые уже появились еще в лагере Ландау на Изаре, стали пытаться проникнуть в лагерь в Платтлинге, но поначалу были выставлены американским комендантом. Но в конце концов они получили разрешение просмотреть картотеку. После этого начались допросы. Всем задавался один и тот же вопрос: «Почему вы сражались против своей родины?» И всегда звучал ответ: «Я сражался не против, а за свою родину и против тех, кто бесправно захватили над ней власть». Или, например, один молодой солдат говорил: «Мне сейчас 18 лет. Когда немецкие войска пришли в нашу деревню, мне было 15. Перед этим мои родители были высланы в Сибирь, а мой брат расстрелян. Я добровольно явился во власовскую армию и два года сражался против убийц моей семьи.»

При многих американских допросах, на которых присутствовали представители советских властей, солдаты РОА обыкновенно отвечали: «Да, я сражался против этой сатанинской власти и буду всегда так делать». Но была и другая реакция: «Я никогда не был в этой армии. Что вы мне рассказываете!» Член советской комиссии возражает: «Мы можем это доказать». Солдат смеется: «Я знаю, что вы можете доказать все, что захотите. Вы можете меня убедить, что я негр или китаец, и это вам так хорошо удастся, что я и сам почти в это поверю…» Такие люди имели шанс спастись, но кто мог тогда это знать.

Все это были обычные сказки, которыми члены советских репатриационных комиссий старались убедить пленных вернуться

в Советский Союз: «Родина вам простила, она ожидает вас, вы должны возвращаться. Должны, помочь при построении социализма. Вы вернетесь на свои рабочие места, в ваши старые квартиры, к вашим семьям. Что же вы ждите здесь? Ведь в этом нет смысла!».

Эти сказки соответствовали тайным желаниям и звучали так соблазнительно, что, невзирая на горький опыт, многие хотели им верить. Настроение в лагере стало колебаться. На некоторых палатках флажки Русской Освободительной Армии стали заменяться маленькими красными флажками. Они свидетельствовали, что здесь находились русские, которые были готовы вернуться в Советский Союз. Это неудивительно. Большинство этих людей вообще не имели соприкосновения с Германией. Они были пленными у немцев, потом солдатами РОА и теперь стали пленными американцев. Германию они знали только так, как она обнаруживала себе через колючую проволоку, знали крестьянина, который пашет свое поле и у которого можно ночью, пролезая под проволочное заграждение, украсть пару кормовой свеклы или даже кролика из клетки, чтобы не умереть от голода. Я ведь и сам это делал и не стыжусь этого.

Вербовка советских офицеров в пользу возвращения в Советский Союз не всегда протекала без выпадов. Так однажды появился власовский полковник Денисов в полковничьей форме Красной армии со всеми отличиями, которые у него раньше были. Денисов уже сам перешел к советчикам. Большинство пленных так настроилось против него, что лишь в последний момент лагерной полиции удалось спасти его от удушения в выгребной яме.

Растущий страх выдачи вызывал планы бегства не только отдельных лиц. Думали даже о массовом побеге. Поскольку я в то время был уже на свободе, я и стал заниматься этими планами. Для выполнения моего задания, я заручился согласием трех самых важных в этом отношении источников: в Мюнхене — в православном Синоде, помещавшемся на улице Донау номер 5, у управляющего его делами протоиерея графа Георгия Граббе; у власовских офицеров, большей частью штабных, которые как штатские скрывались в Мюнхене, и, наконец, у НТС, русского Трудового Союза солидаристов, политической организации. Ни власовские офицеры, ни члены НТС не рисковали приближаться к лагерю военнопленных. Но НТС предоставил в мое распоряжение пятерых школьников, детей русских эмигрантов, которые посещали немецкие школы и были членами молодежной организации НТС. Они говорили по-русски, а главное — были по тогдашним понятиям «моторизованы», то есть имели велосипеды.

Туннель, но не спасение

Удивительно, казалось бы, что я, только что сбежавший из плена, стал искать пути к этим трем источникам, чтобы с их помощью организовать более крупное начинание для бегства. Но я знал власовское подполье и знал, где скрывались эти люди. Православную церковь я тоже знал и был даже в дружбе с сыном управляющего ее делами графа Граббе, Димитрием.

Относительно НТС я тоже был хорошо информирован.

Также я хорошо знал и профессора Гречко, который основал комитет помощи в Ландау. У него были большие заслуги: он многих спас от репатриации, за что и заплатил двумя годами заключения в американском лагере в Германии. Здесь я хочу с благодарностью помянуть его, он помог и мне. В настоящее время его уже нет в живых.

Поскольку я был защищен с тыла, то у меня создалась возможность заняться организацией бегства из лагеря Платтлинг. Для его планирования была необходима надежная организация в самом лагере. За эту задачу взялся майор Владимир Черемисинов. Как русский эмигрант из Парижа, добровольно вступивший во власовскую армию, и будучи полным энергии, он развил большую деятельность в лагере. Вообще, оказалось, что эмигранты выступали гораздо увереннее, так как они меньше опасались и надеялись избежать выдачи.

Черемисинов стал моим связным в лагере. Связь между ним, мною и моими помощниками вне лагеря осуществлялась при посредстве отца Игоря, православного священника, жившего в Платтлинге. Отец Игорь имел право свободного входа в лагерь, как и другие духовные лица. Для нас это было очень важно.

Таким образом доступ информации снаружи в лагерь казался обеспеченным, а пленные могли быть осведомлены обо всех наших шагах по выполнению задуманного плана и о явочных местах. Мы оповещали их обо всем для того, чтобы внушить пленным уверенность, так как лишь их твердое решение бежать было предпосылкой для удачи нашего начинания.

Мост между Черемисиновым и мною поддерживался через моих помощников и помощниц. Большей частью это были женщины, которые мне храбро помогали. Из них я хочу упомянуть двух, которые показали себя с выдающейся стороны: Женя, которая потом вышла замуж за Филиппова, и другая, чье имя я не запомнил, которая уехала в Австралию. Их или я сопровождал, или они сами шли в барак посетителей и вызывали Черемисинова. Ради маскировки часто вызывались другие собеседники для встречи, которым или устно сообщались нужные

сведения, или передавались инструменты и приспособления, нужные для бегства.

Задуманное нами массовое бегство должно было состояться через подкоп. Для того, чтобы выкопать его, нужны были инструменты: небольшие лопатки, ножи, щипцы, карманные электрические фонари, свечи и многое другое. Эти инструменты в большом числе я мог получить от своего знакомого А. Пиранга, который начинал оптовую торговлю скобяным товаром в Мюнхене, поскольку он в свое время в Риге служил в таком предприятии. Пиранг доставил нам по меньшей мере сотню перочинных ножей и кусачек для разрезания колючей проволоки. Но чтобы пронести эти инструменты контрабандно через контроль в барак для посетителей, приходилось их прятать вплотную к телу под дождевыми плащами и куртками. К счастью, проверка была поверхностной, так что ни один из переносящих инструменты не попался. Конечно, приходилось и подкупать часовых сигаретами и другими даяниями.

Так под руководством Черемисинова началась работа на подкопе. Велась она главным образом днем, так как в это время пленные слонялись кругом и скучали, если их не использовали на работах по уборке и устранению немецких танковых преград, что бывало весьма редко. Но в связи с этим еще важнее было следующее: копание неизбежно вызывало шум, который ночью было значительно легче услышать.

При любом копании туннеля вырастает проблема — куда девать землю?

Мы поступали по классическому примеру при постройке других туннелей для бегства. По выдуманным соображениям сперва приступают к постройке барака с подвалом и сваливают туда выкопанную из туннеля землю.

Примерно в 30 метрах от проволочного заграждения стали строить барак с подвалом глубиной в 60 сантиметров. Туда стали сносить землю из подкопа. Но до этого ее надо было вынести из туннеля, и это было самой тяжелой работой при плохом воздухе, жаре и действуя на четвереньках. Днем и ночью приходилось вытаскивать мешки с землей, высыпать ее и возвращать пустые мешки в шахту туннеля.

Все шло гладко, пока однажды подкоп не достиг контрольной шахты лагерной канализации. Бараки были снабжены проточной водой и имели даже души. В этой контрольной шахте образовалась промежуточная станция для выброса земли. Из передовой выемки туннеля земля поступала быстрее, чем ее поспевали выгружать в подвал барака, и, благодаря этому, канализация оказалась забитой.

Полковник Закс, который ничего не знал о постройке туннеля, приказал строительному отряду очистить канализацию. Когда эти люди подняли крышку шахты, они обнаружили туннель за 24 часа до начала его использования. Закс, которому это сообщили, доложил обо всем американцам, боясь за будущее лагеря и за свою собственную жизнь и не видя другого выхода. Комиссии были поручены розыски виновных. Их не нашли, но наша задача провалилась. Это была моя первая неудача, за которой последовали и другие.

Попытки спасения без фантазии

Слухи в лагере менялись со дня на день. Сегодня говорилось: весь лагерь перемещается в Вернау, а оттуда начнут распускать. Американские офицеры для связи уже начинают регистрацию пленных, как говорят, для приготовления нужных документов.

На следующий день: «Никого не выпустят, все будут выданы!»

Точно ничего не было известно. Но мы составляли планы и не прекращали наших усилий по спасению власовских солдат от выдачи. Было даже предложено в случае выдачи из лагеря — штурмовать его извне. Как это могло нам удастся? Как бы выглядел этот штурм без оружия, а только с клещами, щипцами и лопатами?

Немалое число пленных мы могли спасти, снабжая их документами и под тем или иным предлогом выводя их из лагеря в лазарет, а оттуда на свободу в приготовленные для бегущих скрытые убежища. Впоследствии я встречал некоторых из тех, кто смогли проскочить с помощью таких документов.

Была также изготовлена и карта местности со всеми важными дорогами вокруг лагеря. Все нужные измерения я выполнял сам, так как никто из власовских офицеров, которые прятались в Мюнхене, не решался взяться за такую задачу: страх перед НКВД, американцами и лагерем пленных был слишком велик. При этих измерениях мне помогала одна из уже упомянутых женщин. Мы прогуливались вдоль дорог и по несколько раз исчезали в кустарнике, чтобы там зафиксировать кроки. Я ведь был тогда молод, и исчезновение с молодой женщиной в кустах никому не казалось подозрительным.

Часть власовских солдат была направлена к крестьянам в окрестностях для сбора урожая. От одной секретарши, которая работала в комендатуре лагеря, мы узнали, что и эти солдаты — их было несколько сот — должны были быть опять собраны, так как и они подлежали выдаче. Благодаря моим паренькам из НТС, говорившим по-русски велосипедистам, мы могли предупредить

этих людей. После этого они исчезали с полей или мест работы и спасались в ближайший лагерь ДиПи, который для них одновременно означал и свободу. Другой свободы они выбрать не могли, не зная языка, без соответствующей одежды и без документов. Каждый крестьянин, у которого такой пленный получал работу, должен был прописать его в полиции.

Весьма опасным было, что вокруг лагеря, кроме нас бродили и советские агенты. Они, точно так же как и мы, скрывались в кустах и крались вокруг лагеря главным образом для того, чтобы наблюдать за нами. Задача этой группы, поставленной советской тайной службой, состояла в том, чтобы воспрепятствовать любой попытке бегства. Их недовольство бдительностью американских часовых имело основания. Ведь из лагеря Ландау бегство удалось бесчисленным сидельцам. Но лагерь Платтлинг охранялся гораздо лучше.

Эту советскую группу агентов возглавлял некий Артюк, о котором я скажу подробнее в главе «Иуда из Тироля». Эти агенты ходили также и к отцу Игорю и, к сожалению, сумели завоевать его доверие. При одном его посещении я встретился там с двумя такими типами и вынужден был убедиться, что его наивность стала роковой и для меня, и для него. Вся моя деятельность в организации бегства должна была прекратиться, В этот день я вернулся, ничего не сделав, в Мюнхен и попросил три группы в подполье, давших мне поручение, официально сообщить, что «Фрёлих из-за своей неспособности от него освобождается». Другого выхода мне не оставалось. Георгий Граббе выполнил это сразу. Соответственно, было сообщено и отцу Игорю, что у меня с ним теперь нет никаких дел.

Этот случай, конечно, отнюдь не мог облегчить нашу работу. С одной стороны, у нас не было больше прямой связи с лагерем, с другой стороны, мы должны были соблюдать большую осторожность в отношении советских агентов, а теперь еще и отца Игоря.

Увеличившиеся затруднения во взаимном осведомлении с Черемисиновым заставили нас предпринять рискованный выпад. Мы узнали, что Черемисинов в определенный день будет сопровождать едущих под американской охраной на место работы власовских солдат. Дорога была мне знакома. Я встал на краю, и когда грузовик подошел, я поднял руку. Я знал, что водителем был русский, который не понимал по-английски и не мог понять приказа сидевшего рядом с ним американского часового и потому он остановится. В тот же момент я вскочил сзади на грузовик и сел рядом с Черемисиновым. Остальные пленные были вокруг нас, и мы могли обменяться нужными сведениями. На следующем

углу дороги я постучал по крыше кабины, водитель приостановился, и я соскочил.

К побочным обстоятельствам, затруднявшим наши поездки в Платтлинг, надо прибавить еще и то, что в то время между Мюнхеном и Платтлингом курсировал только один поезд в день, поэтому приходилось ночевать в Платтлинге, что создавало новую проблему. Комендантский час не допускал пребывания на улицах, и единственным местом, где можно было сидеть (я подчеркиваю, именно сидеть), был вокзал. Но провести там ночь становилось пыткой, которая лишала меня не одного сотрудника. Поначалу это звучало как романтика, как авантюра или щекотание нервов, но после первой же ночи такого сидения на вокзале всякая романтика улетучивалась. Некоторые из моих сотрудников просто отказывались сопутствовать мне второй раз. Однако обе женщины, о которых я уже писал, выдерживали и это.

В одну из таких ночей случилось следующее. Вместе с пятью моими помощниками мы опять устроились на вокзале. Но тут один из сопровождавших меня вспомнил о находившемся поблизости ночлежном доме для преследуемых по расовым и политическим причинам. Я сказал: «Хорошо, но разве мы под них подходим?» — «Ах, — возразил он, — ведь мы можем выдать себя за поляков, которые насильственно попали в Германию и теперь находятся в пути к себе на родину. Я говорю по-польски, другие товарищи тоже, мы ведь раньше жили в Польше…» — «Но я-то не знаю польского языка!» — сказал я. — «Мы объясним, что вы больны и не можете говорить.»

Так мы решили постучать в дверь этого ночлежного дома, с просьбой впустить нас. Так как больше нет поезда в Мюнхен. Пожилой еврей открыл нам. С помощью нашей согласованной выдумки нас впустили, и мы увидели в нескольких помещениях много людей на двухэтажных нарах. Большинство из них были евреями, мужчины и женщины вперемежку. И тут среди еврейских женщин я узнал бывшую секретаршу Меандрова. Ее звали Ванда. Она была еврейкой, и мы все в штабе знали об этом, но молчали. Все военное время она оставалась секретаршей одного из власовских генералов. И сейчас она сидела тут и большими глазами упорно смотрела на меня. Конечно, раньше она видела меня только в форме… «Очень плохо, — подумал я, — в следующий момент она выдаст меня.» Что же делать? Я пристально смотрел на нее, так пристально, что она должна была меня понять. И она поняла мой взгляд. Может быть, она и не собиралась выдавать меня, кто знает! Мы не приветствовали друг друга и не заговорили. Я как больной лег на нары и повернулся носом к стене. Так же неприятно было, когда однажды в бараке

для посетителей меня узнала одна из служащих канцелярии. Но и она меня не выдала.

Эти канцелярские служащие снабжали нас, в зависимости от условий, важными сведениями, в противоположность дамам, которые как служащие военной администрации, хотя и многое знали, но отказывались нас информировать. Одной из них была Ольга Разумовская, бывшая секретарша Власова. В свое время она была единственной могущей стенографировать и поэтому при всех больших собраниях сидела за отдельным столом, чтобы вести запись. Теперь она работала во французской военной администрации и очень точно знала — кого на будущей неделе схватят и выдадут. Но, будучи служащей французских властей, она молчала…

Невзирая на все трудности, мы пытались спасти то, что еще можно было спасти. Нашим усилиям препятствовала пропаганда слухов, которая обещала, что сидельцы лагеря в скором времени получат статус ДиПи и поэтому будут выпущены из плена. Но на деле это произошло совсем иначе.

Во всех американских штабах сидели люди, которые относились к нам с симпатией. Чаще всего это были русские. От них просочилась весть, что вызывающая страх большая выдача состоится в ближайшие 3–4 дня. Эта весть обеспокоила нас в Мюнхене. Опять мы стали составлять планы, на этот раз попытку организовать поддержанный извне прорыв пленных. При этом предполагалось напасть на часовых у ворот и во время схватки перерезать проволочные преграды в отдаленном месте. Для вывоза пленных должны были быть готовы грузовики.

Но как мы могли без оружия вступить в борьбу со стражей на вышках, вооруженной автоматами?! Кроме того, многие предполагали, что не следует сейчас отыгрывать последнюю карту, так как все еще продолжала жить надежда на то, что выдача все-таки не состоится. И американцы, со своей стороны, поддерживали такие надежды, считая, что выдачи не будет и что оставшихся пленных отпустят. И, действительно, им раздавали отпускные свидетельства, снабженные советскими и американскими штемпелями. Правда, мы не доверяли такого рода поведению, но все же отказались от плана насильственного прорыва. Он, конечно, стал бы кровопролитным, и это только ухудшило бы общее положение.

Наконец настал мрачный день, который русской эмиграцией отмечается как день памяти жертв Платтлинга.

24 февраля 1946 года в 6 часов утра лагерь был окружен американскими отрядами особого назначения с танками, броневиками, автомобилями, лафетами, машинами на

гусеничном ходу и джипами с пулеметами. Американские солдаты, вооруженные белыми дубинками, которые скоро окрасились в красный цвет, атаковали ярко освещенные прожекторами бараки и подняли спящих пленных. Им не дали даже времени одеться. В подштанниках, трусах и рубахах, так, как они пошли спать, стояли они тут, их обыскивали и вызывали по списку. Учитывая опыт с баррикадированием, попытками поджога бараков и покушений на самоубийство со стороны пленных, все выполнялось стремительно. Вызванные должны были влезать на грузовики, ложиться там плашмя и под строжайшей охраной препровождаться к ожидающим на станции Платтлинг поездам. И беда, если они шевелились: тогда их начинали избивать. На вокзальной площади выстроился американский оркестр, который с предельной силой трубил военные марши, чтобы заглушить крики. Живущим на соседних улицах было запрещено подходить к окнам.

Пленные договорились об условных знаках. Те, кто были погружены первыми, должны были мелом на грузовике нарисовать круг, что означало «хорошо», или крест, что значило «плохо». Так как на вокзале не было часовых, зарождалась надежда, что дело сводится к перевозке в какой-нибудь лагерь ДиПи, невзирая на этот своеобразный метод и спешку. Но из-за этого вначале на грузовиках было больше кругов, чем крестов. Но скоро появились часовые, которые загоняли пленных в вагоны, задвигали двери и снаружи накладывали засовы. Пытавшихся возражать пленных избивали при погрузке.

И скоро на грузовиках, возвращавшихся в лагерь, стали видны одни кресты. Позже грузовики стали подъезжать прямо к открытым товарным вагонам, в которые вталкивались пленные.

Многие пытались покончить с собой, это был самый верный путь избежать выдачи. Вначале это удавалось несколько раз с помощью заранее зашитого в одежду бритвенного лезвия, которым вскрывались артерии у запястья. Другим простейшим способом было камнем вонзить в сердце гвоздь. Человек умирал мгновенно. Но позднее покушавшимся стали накладывать временные повязки и потом их тоже выдавали. Даже мертвых сортировали и выдавали по списку. Поезда шли через Хоф в советскую зону и потом в Сибирь.

Черемисинов, который как старый эмигрант не был выдан, через несколько месяцев был убит советскими агентами.

Несколько лет спустя, когда я в Мюнхене работал у американцев и должен был опрашивать немецких поздних возвращенцев, людей, которые семь или восемь лет провели в плену где-нибудь на восточном склоне Урала, — я услышал от

них о так называемых власовских лагерях. Они в один голос рассказывали: «Этим людям приходилось куда труднее, чем нам. Они получали меньше еды и с ними обращались гораздо хуже».

Немногие из этих сидельцев власовских лагерей теперь еще живы. Никто из них не смог вернуться к себе на родину. Для многих пребывание в рабочем лагере, которое для многих и без того было растянуто на 20 лет, будет продолжено новыми процессами по обвинению в антисоветской агитации и тому подобном на новые семи с половиной или десятилетние сроки.

Все это было моей второй большой неудачей.

Кромиади борется с мельничными крыльями

Полковник Константин Григорьевич Кромиади много способствовал спасению от выдачи пленных чинов РОА в лагере в Платтлинге. Дело шло главным образом об остатках Второй дивизии и резервной бригады. Он сопровождал архиепископа Автономова к командиру американской 3-й армии генералу Трескотту. После того как Автономов изложил свою просьбу разрешить ему быть исповедником тех, кому предстоит выдача, Кромиади постарался убедить американского генерала в том, кем был на самом деле Власов с его идеей Освободительного Движения. При этом Кромиади не преминул раскритиковать такое лишенное понимания и враждебное отношение англичан и американцев к Власову.

Генерал Трескотт выслушал все это и потом высказался так: «Если бы все было по-моему, я бы в тот же день приказал отпустить всех пленных в Платтлинге и в других лагерях. Но я солдат и получил приказ выдать всех советчикам. Я прошу Вас, обратитесь к Главнокомандующему, может быть, он сможет вам помочь». Трескотт, однако, добавил, что он назначит комиссии, которые должны будут опрашивать людей в лагерях, чтобы установить — кто пострадал при советском режиме. Те, для которых это будет установлено, не будут подлежать выдаче. Он просил нас, в связи с этим, предоставить переводчиков для этих комиссий. Кромиади удалось в Платтлинге информировать об этом старшин отделов. Но большинство власовских солдат перед комиссиями не упоминало о личных преследованиях, а показывали, что они присоединились к Власову, чтобы бороться за освобождение родины от коммунистической диктатуры. Из-за этого их и выдавали.

23 февраля 1946 г., то есть накануне выдачи, Кромиади предпринял еще одну попытку у американцев. На этот раз он поехал в главную ставку генерала Эйзенхауэра во Франкфурте на

Майне, в сопровождении протоиерея графа Георгия Граббе и Г. Ганзюка. Он хотел просить Эйзенхауэра отложить выдачу власовских бойцов, чтобы еще раз проверить все дело. Генерал Эйзенхауэр как раз находился в это время в Берлине у маршала Жукова и сообщил Кромиади через дежурного офицера генерального штаба, что выдача людей, за которых Кромиади заступается, происходит по приказанию американского правительства, и поэтому следует обратиться туда по дипломатическому каналу.

Эта возможность была у челобитчиков отнята, так как выдача была совершена рано утром следующего дня в Платтлинге. В то время как генерал Эйзенхауэр участвовал с Жуковым на торжествах Красной армии в Берлине, его американские солдаты побоями загоняли на выдачу отчаявшихся борцов за свободу…

И позже Кромиади вместе с другими бесстрашными помощниками вступался за преследуемых власовских солдат и беженцев перед советскими репатриационными комиссиями. Будучи сам старым эмигрантом, он не был выдан.

Работе «гиен» положен конец

В то время Мюнхен был полон русских, которые скрывались от советских репатриационных комиссий. Эти последние продолжали во всех трех оккупационных зонах искать свои жертвы, частично при поддержке оккупационных властей. Большинство опрашиваемых отрицало свое настоящее происхождение. Они неожиданно стали поляками, литовцами, румынами или югославами. Все они находили какое-либо занятие. В то время оно чаще всего было связано с черным рынком, при помощи которого многие из них заложили фундамент своего нового существования. Другие шли на службу к оккупационным властям и пытались сделать себя незаменимыми, с тем чтобы американцы их прикрывали и защищали. Их обязанности были различны. Это могла быть работа в гараже или на кухне, что примерно соответствовало положению «хиви» во времена немецкого Вермахта. Иногда это могло стать осведомительной деятельностью, к которой такие русские привлекались. В связи с этим я думаю об организации «Андреевского флага» под руководством генерала Глазенапа.

Русские, преследуемые советскими репатриационными комиссиями, разыскивались также и так называемыми «гиенами». Это были лица, которые использовали чужую беду для своих личных делишек.

Люди наиболее распространенного типа этой категории

следили за теми, кто арестован. Потом неожиданно появлялись у членов их семей, выражали им свое сочувствие по случаю ареста и одновременно предлагали свою помощь для их освобождения. Самой безобидной формой при этом было вымогательство денег, драгоценностей и других ценных вещей, которые, очевидно, должны были быть переданы дальше соответственным чиновникам, бывшим якобы в состоянии освободить арестованного. Если при этом удавалось такой взяткой добиться освобождения, то «гиена» превращалась в героя и благотворителя данной семьи. Если же это не имело успеха и арестованный отсылался в рабочий лагерь, то неудачу объясняли тем, что предложенная сумма была слишком мала.

Гораздо опаснее была другая порода «гиен», которая в совместной работе с полицией обращала ее внимание на людей, которые скрывались и чем-то еще владели. Их арестовывали и в некоторых случаях освобождали за взятки, которые «гиены» раздобывали у родных преследуемых. При этом взятки делились между чиновниками соответствующего учреждения и «гиенами». Если последние при таком деле могли установить, что у семьи арестованного имеются еще ценные вещи, то только что выпущенного человека опять арестовывали, чтобы таким образом выжать из семьи и последнее.

Чтобы положить конец ремеслу таких типов, в Мюнхене возникли группы противодействия. Уже в лагере ДиПи в Мюнхене-Мозахе, где содержалось до 8.000 человек, главным образом русских, семья Цуриковых снабжала сидельцев нужными документами.

Николай Александрович Цуриков был уважаемым русским журналистом, который считал себя публицистом и политическим деятелем. В 40-х годах он ездил из города в город в эмиграции как участник Первой мировой и Гражданской войн и делал доклады об обязанностях эмигрантов по отношению к Русскому освободительному движению. У него было два сына, вместе с которыми он достиг относительного совершенства при изготовлении таких бумаг. Я могу подтвердить, что они это делали безвозмездно. Нуждающийся в помощи должен был только доказать, что он попал в беду как антикоммунист.

Невероятный страх перед выдачей в Россию заставлял предпринимать любые усилия. Я знал одного профессора, специалиста по посевным семенам, который изучил сербский язык и наизусть запомнил городской план Белграда, чтобы заставить поверить, что как эмигрант он проживал в Югославии. Конечно, не все были столь предусмотрительны, но каждый хотел стать гражданином другой страны.

Помощь оказывалась также и «остарбейтерам». Быть таковым было гораздо лучше, чем участником власовской армии или бывшим «хиви». «Остарбейтеры» в Третьем Рейхе вместо удостоверения личности имели желтый ярлычок, размером примерно в ДИН А5, в котором стояло, что владелец этого документа — «остарбейтер» и работает на такой-то фабрике. Этот желтый документ, клочок бумаги, продавался по цене от 200 до 500 рейхсмарок. Чтобы прекратить этот денежный грабеж, мы нашли в Штуттгарте типографа, который без ведома владельца типографии, в нерабочее время отпечатал нам на похожей желтой бумаге до тысячи таких «документов», за сравнительно скромное вознаграждение. Большая часть этих формуляров попала в канцелярию Цуриковых и с заполнением личными данными безвозмездно раздавалась тем, кто был в беде.

Таким образом «гиены» внезапно оказались без работы.

Изготовлялись также метрические и брачные свидетельства или школьные дипломы, вообще все документы, которые могли доказать, что данное лицо не является советским гражданином. Главным деятелем при этом оказалась организация, будто бы созданная в прибалтийских землях во время немецкой оккупации под именем «Бюро для русских беженцев». Эта организация, которая в действительности никогда не существовала, снабжала своих членов нужными удостоверениями. Это была книжечка с фотографией и печатью и имела на правой стороне следующий текст: это удостоверение выдано на основании следующих документов… И перечислялись документы. Сюда можно было вписать все, что угодно, по желанию. При необходимости можно было оправдаться такими словами: «Видите ли, я имел все эти бумаги, все эти доказательства. Но, к сожалению, они оказались потерянными». Это призрачное учреждение оказало людям много услуг.

Епископы с небольшими недостатками

В связи с этим я хотел бы описать деятельность католической церкви, которая в конце концов оказалась ошибочной. Тут опять надо упомянуть епископа Автономова, который в то время проживал в Мюнхене. Он добивался признания его Русской православной церковью за рубежом. Но при короткой проверке, которая продолжалась всего 20 минут, выяснилось, что его показания об окончании академии, о поименно названных профессорах и изученных областях, не совпадали с действительностью. В силу этого Русская Православная Церковь отказала Автономову в признании и поэтому, в поисках такового,

он обратился в Рим. После того, как он стал там уверять, что может убедить русских православных перейти в католическую церковь, если он получит поддержку из Рима, — он получил там полное признание и был даже возведен в сан архиепископа.

По ходатайству из Рима Автономов получил от американцев два автомобиля и виллу на Рентген штрассе 5 в Богенхаузене в полное свое распоряжение. Один из автомобилей (большую открытую машину) он распорядился выкрасить в кардинально-красный цвет и на двух дверях золотом выписать кресты. На этой машине он часто предпринимал поездки в Рим. Когда он проезжал немецко-итальянскую границу, то стоя в машине держал в руке крест и благословлял таможенников направо и налево. Его никогда не задерживали.

В Мюнхене он регистрировал всех, кто присоединялся к его «приходу» и выписывал им официальную охранную грамоту, которая гласила: «Господин такой-то с женой и семьей принадлежит к русскому католическому приходу в Мюнхене. Все они состоят под охраной Святейшего Престола.» Большая печать с ключами Ватикана и соответствующая подпись закрепляли такой документ.

Такая охранная грамота сама по себе не имела ценности, но считалась в то время полезным документом. Люди так желали ее получить, что за ней стояла двойная очередь от Рентген штрассе 5 до площади Галилея. Жители Мюнхена знают, что это весьма порядочное расстояние.

За каждую охранную грамоту Автономов взимал 50 рейхсмарок, которые тогда было весьма легко мобилизовать, если учесть, что коробку сигарет на черном рынке продавали за 1000 рейхсмарок. На основании такого громадного спроса, Автономов мог каждую неделю докладывать своему начальству о больших успехах. Его «приход» рос, как гриб после дождя, а возможно и еще скорее, потому что ему было трудно поспевать с регистрацией и получением денег.

После того, как наплыв прозелитов к этой «русской католической церкви» стал ослабевать, немедленно возник новый проект. На этот раз собирали желающих, которые проявляли интерес поселиться на землях, принадлежащих Ватикану в Аргентине. Для покрытия расходов взималась такса в 200 рейхсмарок, желающие регистрировались, и деньги поступали.

Но горький конец должен был наступить. У Автономова в Вене был конкурент. Этот господин, как и Автономов, называл себя казачьим епископом. Один был, по-видимому, донским казаком, другой — «епископом» кубанских казаков. Как они пришли к таким наименованиям — я не знаю, так как на самом

деле никаких «казачьих епископов» не существовало. Позже выяснилось, что, как Автономов, так и его венский коллега были женаты, что никак нельзя было совместить с званием православного епископа, который должен быть монахом. Но еще хуже было то, что могла быть доказана связь Автономова с советчиками.

В конце концов Автономов попал в католический монастырь, где он был в действительности интернирован, в то время как его жена жила за пределами монастыря. Я не знаю, что с ним случилось дальше.

Но здесь я хотел бы упомянуть и нечто положительное об Автономове. Он был бесстрашен и принадлежал к тем духовным лицам, которые поддерживали пленных там, где только это было возможно. Так он храбро хлопотал в соответствующих учреждениях об освобождении власовских солдат. Американцы обращались с ним с большим почтением. Когда он появлялся у них и был принят, то его собеседник коленопреклоненно просил его о благословении. Ему удалось освобождать власовских солдат, в том числе и церковный хор из Платтлинга с его регентом. Этот хор потом пел в католической церкви в Мюнхене, на Рентген штрассе 5.

В это время я опять встретил отца Александра Киселева в Мюнхене. Он с присущей ему энергией создал из ничего, буквально из ничего, с Божьей помощью «Русский дом» в Богенхаузене, на Мауэркирхенштрассе 5. Этот дом стал местом встреч для всех еще оставшихся русских в Мюнхене. Когда отец Александр со своей семьей через несколько лет переселился в Америку, этот дом потерял своего попечителя и в результате интриг был закрыт.

В Нью-Йорке отец Александр создал такой же дом, в котором поместилось также и издательство. Одновременно отец Александр выступил и как писатель. Уже вторым изданием вышла его книга «Духовный облик генерала Власова».

Иуда из Тироля

Самиган Артюк стоял во главе советских агентов, которые в лагере Платтлинг в первую очередь наблюдали за мной и моими помощниками. Его самым кровавым делом после войны были розыски отдельных убежищ власовских солдат в Тироле.

В промежуток между уходом американских военных сил и прибытием французских частей образовался трехдневный вакуум, в котором в Тироле оставались только советские штабы для связи. Артюк и его жена водили советчиков по убежищам власовских

солдат. Их и их семьи хватали и тут же расстреливали. В числе этих жертв были комендант Главной квартиры майор С. Хитрово, дьякон Мельников, заместитель начальника Финансового отдела КОНРа Юрковский и многие другие. Самиган Артюк и его жена Екатерина действовали самым отвратительным способом, выполняя задачи разведчиков.

После того, как выдача власовских бойцов была закончена, советская агентура послала брачную пару Артюков в Индонезию, бывшую более или менее советофильской. Однако, когда Сукарно принял власть и начал там чистку, причем он стал убивать тысячи индонезийских коммунистов, — Артюкам в этой стране, больше нечего было делать, и они вернулись в Европу. Артюк стал хлопотать о службе на радиостанции «Свобода» в Мюнхене, прилагая вызывающие интерес рекомендации русских социал-демократов, живших в Соединенных Штатах. Но американская разведка была информирована об Артюке, и он работы на станции «Свобода» не получил. После этого он прожил известное время до своей смерти в Германии.

После смерти мужа г-жа Артюк переехала в Бельгию и стала членом Союза русских дворян, так называемого РНО (Русское Национальное Объединение). Она была родом из русской аристократической семьи, которая, однако, после ее брака с Артюком ее отвергла. Печатным органом РНО был журнал «Часовой». Дерзости у г-жи Артюк было достаточно. С согласия В. Орехова, бывшего участника Белого Движения, который возглавлял РНО, она собралась выставить свою кандидатуру на выборах правления этой антикоммунистической организации. Но это ей не удалось.

Из-за переписки с Штрик-Штрикфельдтом, чью книгу «Против Сталина и Гитлера» она прочитала и которому, в связи с этим, она о себе напомнила, все дело споткнулось. Г-жа Артюк пригласила Штрикфельдта в Брюссель. Ни Штрик-Штрикфельдт, ни Орехов не могли, конечно, знать, какие цели она преследовала.

Для меня было ясно, что эта дама, обосновавшись в Брюсселе, начала новую жизнь агента и наметила в лице Штрикфельдта новую свою жертву. Штрикфельдт, который и без того посылал мне для оценки копии всех писем от ему неизвестных людей, прислал мне также фотокопию письма и г-жи Артюк. Я привлек немедленно одного из моих хороших друзей, служившего в Мюнхене в Ведомстве по защите конституции, и он препроводил Орехову, с которым был в дружбе, соответствующее осведомление. На это Орехов сообщил Штрикфельдту приблизительно следующее: «Если бы я две недели тому назад,

когда рекомендовал г-жу Екатерину С. Артюк Правлению, знал то, что знаю теперь, — я никогда бы так не поступил.» О дальнейшей судьбе г-жи Артюк мне ничего неизвестно.

Проблема для немцев

С начала октября 1945 года я был на свободе, владел подложными документами, выписанными на три разных имени, работал в одной строительной фирме и принимал участие, помимо этого, то с меньшим, то с большим успехом, в спекуляции на черном рынке. Тут я узнал, что все еще транспорты власовских сторонников, бывших «хиви» и других русских солдат двигались по железной дороге по советской оккупационной зоне (ныне Германской Демократической Республике) с целью выдачи в Советский Союз.

Что для этих людей значила выдача — я лично знал слишком хорошо. Если они выживали после первого допроса в Советском Союзе, то это надо было считать скорее несчастьем, так как их дальнейшая судьба была еще более жестокой. Многие из них пытались еще в Германии бежать из этих поездов, двигавшихся на север или северо-восток. Хотя у них не было инструментов, все же некоторым удавалось взломать пол вагона и выпасть во время движения между рельсами, чтобы потом бежать дальше. Большинство потом ловила немецкая полиция, которая тогда еще не была вооружена, и направляла их дальше к американцам, и их вновь выдавали советчикам.

Чтобы воспрепятствовать таким попыткам бегства, было придумано подлинное зверство. Перед посадкой в вагоны пленные должны были раздеться до трусов. Одетый только в подштанники человек не может в Германии никуда пробиться, даже будучи свободным, тем более если к тому же он не владеет немецким языком. Как он может найти путь в американский лагерь ДиПи? Такая возможность была полностью исключена.

Здесь надо было оказать помощь, хотя дело шло об американском мероприятии, но и немцы принимали в нем участие.

Я решил обратиться к правительству Баварского государства и вступить в разговор с лицом, ответственным за дела внешней политики. К кругу его обязанностей я причислял также и власовскую проблему. Мне было известно, что во время войны он по своим обязанностям имел соприкосновение с Власовским Движением. Ему должна была быть известна эта проблема. Я считаю неудобным называть здесь его имя. Я не предупредил его о моем посещении, и он узнал о нем только от своей секретарши.

Господин Х. принял меня. Мы сидели вдвоем в его кабинете. Я представился ему как власовский офицер, который случайно оказался на свободе, и поэтому просил его разрешить мне не называть себя по имени. Я сказал, что пришел к нему как ходатай за участников Власовского Движения. Их как раз сейчас в многочисленных эшелонах перевозят через советскую оккупационную зону в Советский Союз для выдачи. Этим людям надо помочь. Мой собеседник спросил:

— Как мы должны помочь этим людям?

— Весьма просто! — ответил я. — Отдайте приказ немецкой полиции не выдавать этих людей американцам, а направлять их в лагеря ДиПи. Этим все было бы решено.

— А почему мы должны это делать? — спросил он.

— Потому что вы имеете обязательство по отношению к ним, — ответил я.

— Какое же обязательство? — спросил собеседник.

— Да ведь эти люди в составе немецкого вермахта сражались во имя немецких интересов, за что им многое было обещано! И эти обещания следовало бы, поскольку это возможно, выполнить. Предложенное мною указание немецкой полиции соответствовало бы таким возможностям, — сказал я.

На это последовало возражение:

— Ну, здесь дело идет об обязательстве немецкого Рейха, а мы ведь находимся не в Германии…

— То есть как? Где же мы находимся!

— В Баварии, — ответил господи Х.

Я встал и захлопнул за собой дверь. Этот разговор велся с глазу на глаз. Я не могу положиться за точность отдельных слов, но по смыслу разговор происходил именно так. Это я могу клятвенно подтвердить.

И тоже за границей

Тем временем стало известно, что американские войска в Чехословакии не уступили настояниям Первой власовской дивизии и предали ее жестокой судьбе. 1 июня 1945 года за этим последовала трагедия в Лиенце — выдача казаков, которым британский офицер майор Дэвис под честным словом обещал, что выдачи их советчикам не будет.

Эта драма была уже много раз описана.

О других выдачах, которые имели место за границей, мало что известно. Так, например, нейтральная Швеция выдала бежавших туда латышских добровольцев легионеров, которые в Курляндии в составе войск СС сражались против советчиков.

Перед погрузкой на пароход имела место такая картина.

Латыши выстроились цепью и по одному подходили к своему фельдфебелю. Последний кузнечным молотом разбивал каждому ключицу, таким образом они надеялись избежать выдачи. Демократическая Швеция, невзирая на это, все-таки их выдала, равно как и немецких солдат и беженцев прибалтов. Эта тема подробно описана в книге П. О. Энквиста «Выданные».

Точно так же прославленная своей нейтральностью и гуманностью Швейцария выдавала советских солдат, которым во время войны удавалось бежать в Швейцарию из лагерей военнопленных в Германии.

Страх перед Советским Союзом заставлял политических деятелей этих стран забывать принципы и существующие международные соглашения и законы.

Совсем по-другому разворачивались события в маленьком государстве Лихтенштейн. Его исключительное поведение я хочу описать в первую очередь в этой главе. В конце апреля 1945 года в Фельдкирхе в Австрии собрался отряд из 462 мужчин и 30 женщин под сенью русского национального бело-сине-красного флага. Это был отряд, который был в Германии зарегистрирован как «Специальная дивизия R» (что означало Россия). Он действовал в конце 1944 года в Силезии при своем командире полковнике, а потом генерал-майоре Борисе Алексеевиче графе Смысловском-Регенау-Хольмстоне, а под конец в районе Бреслау. К этому отряду присоединился в последние дни апреля 1945 года в Фельдкирхе (в Австрии) русский претендент на престол Великий Князь Владимир Кириллович Романов с небольшой свитой «штатских», среди которых был австрийский эрцгерцог Альбрехт и русский эмигрантский политический деятель С. Л. Войцеховский.

Ночью со 2 на 3 мая 1945 года, в 23.00, эта часть перешла у Хинтершелленберга границу в Лихтенштейн. Вооруженные пехотинцы шли по обеим сторонам дороги, а по середине двигалась колонна, состоящая частью из машин и частью из конных повозок с традиционной русской упряжью, с дугой над головой лошади из гнутого дерева.

Лихтенштейнские таможенники и швейцарские пограничники были вызваны по тревоге и пытались задержать непрошенных гостей. Безуспешно. Только после нескольких предупреждающих выстрелов из машины вышел русский генерал в немецкой форме и попросил приступить к переговорам. Лихтенштейнский пограничник чувствовал, что он не дорос до этого и запросил решения в своем учреждении в Вадуце, пригласив на это время генерала в таверну «У Льва». Отряд оставался на улице.

Дополнительно возникли затруднения из-за «штатских», то есть Великого Князя и его свиты. В результате последовавших переговоров они на следующий день были высланы обратно в Австрию, а сам отряд остался в Лихтенштейне и был интернирован.

Для Великого Князя эта высылка была связана с личной опасностью, так как она совпадала с тем трехдневным промежутком в Тироле, когда там советские штабы для связи учинили кровавую расправу, которую я уже описал. После того, как было решено, что Лихтенштейн не будет высылать чинов этого русского боевого отряда, они были разоружены и размещены в пустых школах, а генерал со своей супругой и офицерами — в гостинице «Валдек» в Гамприне.

Князю Лихтенштейна Францу Иосифу Второму присутствие этих русских добровольцев, принимавших участие в войне на стороне немцев, создало большие затруднения. Он, как и уже упомянутые нейтральные страны Швейцария и Швеция, подвергся массированному давлению советской дипломатии. Она добивалась выдачи интернированных. Но в противовес упомянутым странам князь не уступил. 16 августа 1945 года появилась советская делегация и потребовала встречи с интернированными русскими. Переводчиком выступал уполномоченный князем Францем Иосифом Вторым барон Эдуард фон Фальц-Фейн. Он был членом знаменитой семьи Фалц-Фейн, известной из-за ее большого имения Аскания Нова в Крыму, на юге России. Барон, который свободно говорил по-русски, сумел с успехом частично опровергнуть выдвинутые советской делегацией неправильности и угрозы.

И на этот раз советчики сумели использовать неуверенность своих земляков, то есть столь сильно проявлявшуюся тоску по родине и опасение принудительной выдачи интернированных. Они обещали всем, кто теперь добровольно решится вернуться на родину, полное прощение Сталина. Около 200 интернированных обмякло и заявило о своей готовности к возвращению. Их по железной дороге перевезли в часть Австрии, занятую советчиками. Дальнейшую судьбу их описывает Солженицын в своем труде «Архипелаг Гулаг». Остальные остались в Лихтенштейне, где заботы о них взяло на себя правительство.

Тем временем советские власти неоднократно обращались к Князю с требованием выдать интернированных. Но он устоял против этого давления с согласия своего правительства и большинства народа Лихтенштейна. Даже несколько западных государственных деятелей поддерживали его в его решении, как например директор американского Центрального

разведывательного управления Аллан Даллес, во время своего приезда в Падуи.

В сентябре 1947 года эта интернированная часть после трудных дипломатических переговоров была на средства государства Лихтенштейн перевезена в Аргентину.

Это описание я хотел бы закончить двумя цитатами. Слова Князя: «Невзирая на большое проявленное давление и на дурной пример других государств, эти достойные сожаления беженцы не были выданы их палачам.»

А доктор Александр Фрик, правитель Лихтенштейна, сказал: «Мы — маленькая страна, но мы уважаем наш закон!»

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Палачи в Москве за работой

В июле 1946 г. в Москве состоялся процесс Власова и его главных сотрудников. Приговор 1 августа гласил: «Смертная казнь через повешение». Насколько мы знаем, он был немедленно после его обнародования приведен в исполнение.

Я хотел бы здесь привести сравнительно короткое описание, в связи с официальным отчетом в служебном органе Министерства юстиции «Советское государство и право». Но предварительно я хочу указать на репортаж, который предположительно мог вызвать официальную реакцию в 1973 году. Это касается отчета советского журналиста в «Известиях». К сожалению, соответствующий номер его у меня затерялся, но текст хорошо сохранился в моей памяти. Вот, что описывает журналист:

«Во время моего посещения Соединенных Штатов я провел несколько дней в Нью-Йорке. Из чистого любопытства я изучил местную русскую ежедневную газету, мне хотелось узнать — как живут, что пишут, что делают русские в Нью-Йорке.»

Советский человек начинает свой отчет с извинения за то, что он, вообще, взял в руки эмигрантскую газету. Ведь любой интерес в отношении к русским эмигрантам в Соединенных Штатах мог представить его в ложном свете и поместить его в число подозрительных, сделав для него невозможной следующую заграничную поездку. Итак, он пишет дальше:

«Представьте себе, я читаю в этом грязном эмигрантском листке нечто, что приводит меня в глубокое изумление. Это объявление о предстоящей панихиде в русской церкви в Нью-Йорке, в такой-то день смерти бандита, кровожадного пса, изменника Власова, бывшего советского генерала. Я не поверил своим глазам. Как это, вообще, возможно! В Соединенных Штатах церковная служба в честь этого предателя! Туда я должен был пойти. К назначенному часу я появился в русской церкви.

Что же я там увидел? Отнюдь не достойные жалости, запуганные фигуры. Совсем наоборот. Туда пришли хорошо упитанные, прекрасно одетые люди, которые, очевидно, не стыдились принадлежать к этой группе изменников. Они стояли в церкви самоуверенно, вызывающе, крестились и молились за упокой души преступника и предателя Власова. «Как может свободный, демократический народ Соединенных Штатов допускать это на своей территории, — думал я, — и это было для

меня непонятно».»

Так писал журналист. Почему же такая статья могла появиться в Москве? Для этого могли быть разные причины. Но одно ясно. В Советском Союзе налицо большой интерес к Власову и его бойцам. Может быть, даже ходят легенды, что Власов еще жив. Очевидно, соответствующие учреждения считали нужным убедительно подтвердить факт смерти Власова. Отчет о панихиде, которую отслужили его бывшие соратники в США, казался для этого подходящим. Эти учреждения вынуждены были считаться с теми неприятностями, которые могли появиться из-за такой информации. Ведь советский читатель, привыкший читать между строк, мог узнать из такого отчета очень многое. Оказывается, в Соединенных Штатах еще имеются власовские люди, которые там живут и хорошо зарабатывают. Они не нуждаются, организованы и собираются в определенных случаях.

Это сообщение также способствовало тому, что в народе велись разговоры о Власове и его соратниках. Я могу себе представить, с каким любопытством читали это сообщение, как пытались в дружеских кругах проанализировать эту статью и оценить отдельные места и всю информацию. Она должна была с помощью «пантофельной почты» иметь значительный успех, который вынудил Министерство юстиции в 1973 году, то есть через 27 лет, выступить с точным — по советским понятиям — отчетом о процессе. Это заслуживает внимания, так как ведь известно, что в Советском Союзе ничего не происходит случайно. Отчет о такой щекотливой теме, как процесс Власова, может быть обнародован только по приказу сверху. Но все-таки почему же?

Реакция московского Министерства юстиции

«Советское государство и право» издается Академией наук СССР (Институт государство и право) и выходит раз в месяц. Читать этот журнал обязаны высшие юридические чиновники из правительства и партии. Поэтому можно определенно утверждать, что отчет о Власовском процессе появился именно в этом журнале, чтобы направить мысли, особенно партийных кадров правительства и военных, сил, по «правильным путям». Ведь они не были непосредственными свидетелями событий с 1941-го по 1945-й год.

До этого население Советского Союза могло узнавать о личности генерала Власова и о его Освободительном Движении только из односторонне ложных газетных и «беллетристических» сообщений, которые временами появлялись в советской прессе, или еще от немногих участников, которым удалось пережить

преследования. Но даже эти несчастные люди могли рассказать сравнительно мало, так как ведь действительно хорошо осведомленные обо всем люди погибли. Кроме того, вряд ли можно предположить, чтобы выжившие решились более или менее открыто осведомить своих земляков.

Теперь прошло много лет, и становится все яснее, что абсолютная изоляция населения этой громадной страны неосуществима. Вести с запада проникают разными путями в сферы государственных служащих.

Этому влиянию должна была противодействовать указанная статья. Она была написана неким А. В. Тишковым, но возможно, что за этим именем скрывается другое лицо.

В введении к статье «Изменники перед советским судом» редакция указывает, что на Западе растет осведомленность об Освободительном Движении. Она также называет источники, которые она считает клеветническими. Особым «вниманием» при этом пользуются две книги, опубликованные о Власове в Германии, чьи авторы не были русским участниками этого начинания. Дело касается книги Свена Стеенберга «Власов — изменник или патриот (документация)» и книги Вильфрида Штрик-Штрикфельдта «Генерал Власов и Русское Освободительное Движение. Личные воспоминания». Обе эти книги появились в 1968 и 1970 гг. в нескольких изданиях и имели широкое распространение также во французском и английском переводах.

Эта многословная статья (десять страниц мелким шрифтом) напоминает показательные процессы тридцатых годов. Она содержит частично незначительные и не подлежащие проверке подробности, но не лишена интереса, так как обходит молчанием два существенных исторических факта:

а.) К борьбе против советского режима присоединилось 1,2 миллиона граждан русского и другого национального происхождения военных бойцов из России, и

б.) Власов не был нацистом. Его движение поддерживались выдающимися борцами немецкого сопротивления против нацистской диктатуры.

При наличии этих двух неоспоримых фактов советское правительство и КПСС находились в затруднительном положении, из которого они пытались как-то выпутаться. Доказательством этого служит то, что редакция правительственной газеты не стесняется заменить подлинное название книги капитана Штрик-Штрикфельдта другим заглавием — «Армия обреченных».[3]

Очевидно, первое название было слишком неудобным для

советских властей. В статье автор этих воспоминаний изображается как офицер пропаганды, с указанием на его незначительный чин капитана.

Возможно, что таким образом пытались преуменьшить военно-политическое значение Освободительного Движения.

Процесс без защиты

Больше года продолжались допросы свидетелей и проверка документов, которые должны были «сорвать маску» с Власова и пойманных вместе с ним. Обвиняемых мучили 16 месяцев в тюрьме на Лубянке. Мы знаем, что в Советском Союзе существует обычай «подготавливать» обвиняемых в политических преступлениях к показательному процессу. Эта подготовка связана с бесконечными мучениями моральными и физическими. Обвиняемым внушают бесчисленными повторениями то, что они должны показать. Перед процессом обычно устраивается «генеральная репетиция» со всеми участниками.

Благодаря, показанию свидетеля, которое генерал Петр Григоренко приводит в своей книге воспоминаний «В подполье можно встретить только крыс», мы знаем, что задуманный показательный процесс не удался, несмотря на все начатые приготовления. Это было вызвано упорным поведением власовских людей. Они отказались признать себя виновными в измене родине. Все они, важнейшие руководители Движения, утверждали, что они боролись против террора сталинского режима. Их целью было освободить свой народ от этого режима.

На процессе выступало много свидетелей, конечно, только со стороны обвинения. При этом не упоминались ни защитники, ни свидетели со стороны защиты, а также не было названо имя председателя суда. Насколько я знаю, в советских судах были и бывают только свидетели обвинения. Если и допускается защитник, то он всегда назначается судом и мало заинтересован в защите обвиняемого.

Здесь я приведу вставку на тему «Суд и судьи в Советском государстве» из труда Берта Дирнекера «Право на Западе и на Востоке»:

«В конце концов, в Советском Союзе отсутствуют независимые адвокаты, которые могли бы выступать за всестороннюю защиту интересов граждан перед судом и обеспечивать гарантии справедливости и правового следствия, особенно в уголовных делах. Влияние коммунистической партии на адвокатское сословие обеспечивается организованным объединением правозащитников в союзы, которые практически

находятся под руководством испытанных членов компартии.

Помимо того, что адвокаты против всесильной прокуратуры и политических органов следствия не имеют никакого веса, — они не могут выполнять своих обязанностей защиты и помощи гражданам в силу установленного абсолютного превосходства государственных интересов. Таким образом, в советском уголовном процессе, по словам крупного советского юриста, защитники не являются уполномоченными обвиняемых, действующими по их поручению, а членами социальной организации (адвокатской коллегии), которой поручено защищать правовые интересы обвиняемых. Поэтому защитники не имеет права ограничивать свою деятельность одной только защитой интересов своего клиента как индивидуума, а в первую очередь должен думать об интересах государства и народа.»

В статье Тишкова приводятся имена 28 главных свидетелей, чьи показания были заслушаны, среди них: Богданова, начальника артиллерии РОА, старшего лейтенанта Весслера, переводчика Власова, и Денисова, начальника Организационного штаба РОА, как и других. Среди этих свидетелей обвинения были лица, которые выдвигали клеветнические обвинения, хотя они вообще не принимали участия в самих событиях. Это были выдвинутые обвинением подставные лица.

В отчете о процессе сказано: «Кроме показаний свидетелей, были заслушаны выдержки из допросов 83 лиц, которые дали показания в связи с преступной деятельностью Власова и его соучастников».

Кроме того, были представлены документы, которые, по мнению советских властителей, представляли собой подавляющие доказательства виновности обвиняемых. Протокол упоминает о «документах, выдержках из газет и журналов, о листовках и фотографиях, которые как доказательства заполнили три больших тома. Особенно были достойны внимания выдержки из показаний Геринга и фельдмаршала Кейтеля на нюрнбергском процессе о непосредственных контактах Власова с Гиммлером.»

Суд, пишет Тишков, счел нужным просмотреть документальные фильмы «Недельных новостей», приложенные к обвинительному акту как доказательства.

Обвинительный акт

Тенденция отчета о процессе определенно ясна и подтверждается уже в введении, которое считает как общую вину «измену родине и другие опасные для государств военные преступления». Измена является самым презренным и подлым

преступлением, и власовские люди в качестве таковых совершили самые отвратительные деяния. Они представляли самые кровожадные отряды, которые использовались гитлеровскими властями в оккупированных восточных областях для наказания русских жителей. Совершенно ложно считать этих людей за идейных борцов.

Власову ставят в вину его «добровольный переход на сторону врага». На самом же деле все было иначе. После уничтожения его Второй ударной армии генерал неделями скрывался в лесах и безуспешно пытался пробиться к своим. Лишь под влиянием голода он зашел в село, чтобы попросить хлеба. И крестьянин, к которому он обратился, предал его. Власова особенно упрекают за его дружбу со Штрик-Штрикфельдтом и его многочисленные разговоры с ним, которые частично цитируются из книги Штрикфельдта. Но также в обвинительный акт включены и его разговоры с полковником генерального штаба Алексеем фон Рённе, начальником отдела «Иноземные войска Запад», казненным как участник покушения 20 июля 1944 года.

Советник посольства Густав Хилгер тоже привлечен к процессу из-за его разговоров с генералом Власовым. Согласно протоколам этих бесед (которые будто бы оказались в Москве), Власов обещал советнику посольства Хилгеру после победоносного окончания войны уступить Германии Украину. Такого рода утверждение совершенно абсурдно. Хилгер был дальнозорким дипломатом, который никогда не стая бы защищать такую аннексию, особенно в разговоре с генералом Власовым. Как уже упомянуто, Хилгер принадлежал к числу немногих немецких высших чиновников, которые полностью осознали все единственное в своем роде значение власовского начинания. Хилгер сознательно положил свое имя и звание на чашу весов в пользу успеха этого движения. Власов никогда и никому не обещал даже клочка русской земли и всегда выступал в защиту взгляда, что «никто из нас не имеет права распоряжаться русской землей». Важным пунктом обвинения против Власова было утверждение, что он выполнял как агент задания Гестапо и немецкой службы разведки. И это — чистая выдумка. Власов всегда отвергал всякое участие в шпионаже, саботаже, терроре и борьбе с антифашистами в лагере военнопленных. В связи с этим, я хотел бы указать на важное обстоятельство, которое часто не учитывается в достаточной мере. В пределах Вермахта Гестапо нечего было искать. Любой человек, который имел военную платную книжку, служившую ему как удостоверение, что он входит в состав Вермахта, был защищен ею от всякого вмешательства Гестапо. Оно могло

действовать против него только через учреждение Вермахта, и это было нелегко. В штаб Власова не решался проникнуть ни один чин Гестапо, так как Власов подчинялся Вермахту.

В дальнейшем Власова обвиняли в «признании своей преданности» Гитлеру. На самом деле текст присяги содержал клятву верности только по отношению к союзу с Германией под руководством Адольфа Гитлера как Главнокомандующего всеми антибольшевистскими боевыми силами в борьбе со сталинским режимом в России. Над такой формулировкой в свое время усиленно работали, как это уже было выше сказано. В общем, она представляла собой компромисс, ибо на практике обходились без клятвы: каждый солдат РОА знал, за что он должен был сражаться.

Власов также отказывался от всякого производства в чины со стороны немцев и никогда не носил немецкой формы. Он сам придумал себе форму: на френче и шинели у него не было погон и знаков отличия. И только на фуражке он носил кокарду в русских национальных цветах — бело-сине-красных. Все это не доказывает «признания в верности».

Как материал обвинения фигурировало также и удостоверение о награде, подписанное начальником всех добровольческих отрядов, генералом Кёстрингом. В нем было сказано: «От имени Фюрера Власов награждается медалью второго класса «за храбрость».» Такого рода грамота могла существовать. Но хотеть наградить Власова медалью второго класса — даже не орденом — было бы издевательством, и это было бы им, конечно, отвергнуто.

Обвинением были представлены также и листовки. Большинство из них было изготовлено без личного участия Власова. Но были и такие, которые он сам составил. Они содержали его программу и объясняли основы его выступления против советского режима.

К документам обвинения в первую очередь причислялся и Пражский Манифест. Он предлагал новый государственный строй с исключением коммунистов и капиталистов. «Без коммунистов» было равно богохульству, так как коммунизм является предпосылкой для существования советской республики и гарантией будущего рая на земле. Такой отказ был особенно опасным, поскольку он является самым сокровенным желанием почти каждого советского гражданина, и оно сводится к тому, чтобы жить не под давлением коммунистической партии.

Конечно, и Русская Освободительная Армия (РОА) была пунктом обвинения. Она была — так сказано в протоколе — армией военных «преступников и головорезов», которые против

их воли голодом, угрозами и другими мерами были в нее загнаны.

Высокое число русских оказавшихся на немецкой стороне, опровергает судебную версию: 5,2 миллиона военнопленных, из которых 2 миллиона умерло, и которые сдавались немцам без сопротивления, не считая нескольких миллионов «остарбейтеров».

Еще в то время, когда генерал Власов сражался в рядах Красной армии, уже создавались разные боевые отряды, как например, части РННА или РОНА, возникавшие под флагом «свобода для России». Для многих немецких военных было поражающим впечатлением, когда русское население встречало их как освободителей.

В военной истории такого числа перебежчиков никогда не было. Мотивы для этого были многообразные. Само собой разумеется, что тут были и ловкачи, рассчитывавшие на более милостивую судьбу. Но большинство добровольцев знало, что если они вступят в эту армию, то будут врагами советского режима, врагами Сталина со всеми связанными с этим последствиями. Они испытывали такую глубокую ненависть к советскому режиму, что были готовы принять на себя полную ответственность за это. Эта ненависть оправдывалась их личной судьбой или судьбой их родителей и родных. Вступая в РОА, они надеялись найти пути для изгнания мучителей русского народа.

Из многих случаев, которые могут подтвердить такого рода настроения, особенно сохранившихся в моей памяти, я хотел бы здесь упомянуть об одном. Дело касается одного добровольца РОА, с которым я подружился. Он отпустил окладистую бороду, очевидно, чтобы изменить свою внешность, и поэтому по-русски назывался «борода».

Он рассказал мне: «Мне сейчас 33 года, и я 15 лет моей жизни провел за колючей проволокой. В 18 лет меня осудили на каторжные работы в Сибири, хотя я не знал за собой ни одного антисоветского проступка. Оттуда я в начале войны был переведен в армию в штрафной батальон… Наша главная задача состояла в очищении минных полей. А это — все равно, что командировка на тот свет! Вы можете себе представить, что моим самым сильным желанием было попасть как можно скорее в немецкий плен, так как я отнюдь не чувствовал долга сражаться за родину и за «благодетеля всех трудящихся» Иосифа Сталина. В плену я попал в лагерь в Норвегии и там опять сидел за колючей проволокой. Голод и лишения были в порядке дня. При первой возможности я просил перевести меня во власовскую армию. Мне повезло, меня приняли и зачислили во Вторую дивизию. Теперь я

в плену у американцев, и мне угрожает выдача в Советский Союз. Вы меня поймете, что живым я по такому пути не пойду…»

Мне известна дальнейшая судьба этого человека. При первой выдаче из лагеря военнопленных в Платтлинге он вскрыл себе артерию на левом запястье при помощи бритвенного лезвия.

«Бороду» американские солдаты перевезли в военный лазарет в Штраубинге, и там его вылечили. Вскоре после его возвращения в лагерь пленных последовала вторая массовая выдача. «Борода» повторил свою попытку покончить с собой, но еще на железнодорожной станции он был временно перевязан американскими санитарами и погружен в товарный поезд, который находился под охраной советских солдат. Обязательная норма должна была быть выполнена. Я предполагаю, что «Борода» в поезде сорвал повязку и истек кровью. Такая судьба не является исключением. Многие предпочитали смерть выдаче.

В дальнейшем, при процессе в Москве было выдвинуто обвинение в том, что власовская армия использовалась при карательных операциях. Это, конечно, не соответствует действительности, потому что она была сформирована лишь в конце войны и приняла участие в бою только один раз при попытке занять на Одере предмостное советское укрепление. Хотя власовские солдаты храбро сражались, эта операция была отменена после однодневного сражения и занятия незначительного пространства.

Другими словами, власовские солдаты никогда не использовались при карательных операциях. Правда, существовали так называемые полицейские части, отдельные группы, бывшие в подчинении СС, но они не имели ничего общего с Власовым.

Мы сумеем умереть с достоинством

Власов на этом процессе доказал свое величие. Он был храбр, сознателен и уверен в себе. Под конец войны безнадежность и чрезмерное употребление алкоголя изменили его личность… Ему все стало безразлично, и часто он погружался в чувство безысходности.

Судя по отчету, отпечатанному в журнале «Советское государство и право», Власов довольно часто принимал всю ответственность на себя, чтобы по возможности снять обвинения с обвиняемых вместе с ним: «Я — старший в чине и тот, кто привел к этому людей. Я заставлял их это делать. Они только выполняли мои приказы. Я один отвечаю за все.»

Точно так же его описание беседы с советскими генералами

Понедельным, Лукиным и Снеговым только доказывает его достоинство. Эта беседа состоялась еще в лагере военнопленных генералов в Виннице уже после того, как Штрик-Штрикфельдт склонил Власова к участию в Русском освободительном движении. Упомянутые три генерала были чином старше его.

Власов часто мне рассказывал об этом совещании с этими тремя генералами. Об этом меня также оповестил Штрик-Штрикфельдт. При этом, как уже сообщалось, Власов перечислял доводы, выдвинутые Штрик-Штрикфельдтом, которые убедили его принять участие в освободительном движении. Три генерала внимательно выслушали его и проявили к этому интерес. Их реакция сводилась к следующему: «Ты, Андрей Андреевич, начнешь и испробуешь твое счастье. Это действительно стоящее предприятие. Но мы не доверяем немцам. Может быть, все это обман? Но, попробуй! Если выяснится, что с нами поступают честно, что они действительно хотят воевать только с советским режимом, а не с Россией, то мы готовы принять участие.»

Правдивая передача этого собеседования на суде была бы тяжким обвинением для тех генералов и грозила им смертью. Согласно протоколу, Власов показал (ведь он не мог отрицать, что вел этот разговор):

«Я побывал у них и попытался убедить их принять участие. Что они мне ответили? Они сказали: «Ты дурак. Убирайся отсюда… Не хотим ни видеть тебя, ни разговаривать с тобой…» Я больше не решился идти к ним. И у меня не было храбрости обратиться с тем же к другим.»

Таким показанием Власов не только развеял подозрение, что три генерала могли ему сочувствовать, но и исключил возможность дальнейшего заговорщического сотрудничества с лагерными сидельцами. Такое его отношение спасло жизнь Лукину и Снегову, однако не могло избавить их от многомесячных допросов. Понеделин и Лукин могли доказать, причем даже с помощью вместе с ними обвиненного Власова, что они в плену вели себя корректно по отношению к Советскому Союзу.

Семья генерал-майора Павла Георгиевича Понеделина во время войны подвергалась преследованиям из-за того, что он попал в плен, и смогла вернуться в Москву только после смерти Сталина. Михаил Федорович Лукин, который при тяжелом ранении потерял ногу и руку, был в конце концов отпущен в место своего рождения. Михаил Георгиевич Снегов находился сначала под арестом и несколько раз его допрашивали, но через год он был освобожден.

Генерал Малышкин также был в числе обвиняемых. Свое

участие во власовском движении он оправдывал перед судьями личной слабостью и трусливостью. Это можно объяснить лишь как использование последнего шанса, чтобы избежать смерти, как ту соломинку, за которую цепляются перед смертельной опасностью. Однако, вероятно, что здесь имело место точное повторение продиктованных ему показаний.

Генерал-лейтенанту Георгию Николаевичу Жиленкову его участие во власовском движении было поставлено в вину особенно жестко. В свою защиту он мало что мог выдвинуть.

Генерал Буняченко, начальник Первой дивизии, смотрел всем прямо в глаза, считая, что судьба его уже решена.

Так как в протоколе приводятся только показания, которые совпадают с обвинением, то я хотел бы привести здесь подлинные убеждения одного из обвиняемых, генерал-майора Михаила А. Меандрова. В лагере пленных в Ландсхуте он вел дневник. Последние его страницы лежат передо мной. Это запись смертельно отчаявшегося человека.

«Лагерь Ландсхут. 6 января 1946 г. Итак мы по воле победителей в плену. Мы, русские, которые вместе с американцами и англичанами сражались против общего врага (Гитлера).

Мы честно выполнили свой солдатский долг. Многие из нас получили высокие награды, многие попали в плен ранеными. А теперь мы являемся врагами наших союзников. Да так они на нас смотрят. Демократы не могут понять, что мы в немецком плену изменили наши политические взгляды. Мы их переменили потому, что нам стали ясны враждебность к народу и интернациональные грабительские намерения нашего правительства, жертвой которых стал наш народ, народ который держат в тисках однопартийной диктатуры. Мы признали это не только потому, что были в Германии, а потому, что в конце концов в плену мы могли свободно говорить между собой и критиковать настоящее и прошлое. При этом свободном обмене мнениями мы узнали все, что оставалось для нас скрытым на родине. Так для нас обозначились картины насилий при поголовной коллективизации. Мы выяснили подробности того страшного периода, называемого ежовщиной; о страданиях и пытках нашего народа в тюрьмах и концлагерях. Подготовительная политика к большой войне, проводимая нашим правительством, стала нам понятной. То, что мы считали мерами обороны, оказалось удачно скрытым планом агрессии. Мы, наконец, осознали — почему наш народ вынужден жить в такой нищете и ради чего его обманывали.

Нас охватило естественное чувство возмущения. Должны ли

мы быть послушными, и сохранять верность власти, ведущей народ в бездну? Конечно, нет! И мы призвали к протесту.

Нам могут возразить, что не все присоединились к этому протесту. Да, в этом участвовали не все. Одни из боязни за жизнь своих родных, другие — из-за сомнений в успехе, третьи — из опасения попасть в зависимость от немцев. Было много оснований, которые удерживали многих от участия в борьбе за освобождение родины.

Нас обвиняли в измене и нас называют немецкими наемниками. В это легко поверить, если судить по внешности и если не понимать принципиальности нашей борьбы.

Мы готовились к этой борьбе, в которой мы хотели быть третьей силой. Немцам мы не помогли. Им в то время, когда мы собирали свои силы, не могли помочь ни Бог, ни дьявол. Мы хотели вступить в бой в тот момент, когда судьба Германии будет решена.

Условия, в которых мы сражались, были невероятно тяжелыми и сложными. Мы вооружались в лагере врагов нашей родины. Внешне — я повторяю — это выглядело как измена. Были также допущены ошибки и непозволительные компромиссы. Но при какой работе этого не случается? Если вдуматься в наше положение, если понять наши цели и наши задачи, если знать истинный смысл большевизма и настоящее положение в России, а также и невероятное бремя народа, — тогда не найдется ни одного честного человека, который поддержал бы выдвинутое против нас обвинение.

Мы не хотим оправдываться. Это задача истории. Если формальная поверхностная точка зрения восторжествует, то мы потеряны. Но наши идеи не будут потеряны. Они принадлежат народу. Они отражают стремление русского народа в течение многих столетий к великой социальной справедливости и подлинной свободе. Наши идеи не умрут… Ведь они уже восприняты нашими земляками и перенесены ими на родину. Наступит день когда искра народной правды проникнет в сердца русских людей и разгорится ярким пламенем. Будет день, когда и те, кто считает нас изменниками и преступниками, переменят свое мнение о нас и назовут нас более достойным именем.

Советский Союз предпринимает все меры, чтобы путем насилия добиться нашего возвращения. Мы же должны оставаться за пределами границ нашей страны. Наш отказ вернуться на родину — это доказательство всему миру, что там, вопреки утверждениям советской пропаганды, нет свободной и хорошей жизни для всех. Ведь налицо не десять, не сто, а тысячи! именно тысячи «изменников». В истории русского народа ничего

подобного не случалось. В чем же причина этого «массового предательства»? Никто не хочет заняться выяснением этого вопроса или намеренно этого избегает. Ведь так спокойнее для отношений между союзниками. Их не следует портить. Нет смысла думать о судьбе тысяч людей, если при этом дружественные отношения с Советским Союзом могут быть испорчены. Но где же справедливость? Где же принципы свободы политических убеждений?

По желанию демократов, с их согласия и с их поддержкой будут пролиты потоки крови. В Советском Союзе попытаются утаить это, но это им не удастся. Кровь просочится и покроет темными пятнами лозунги свободолюбивых народов.

Мы же сумеем с достоинством умереть…»

Мы уже знаем, что генерал Меандров происходил из старой русской священнической семьи. Его отец сумел, невзирая на унижения, удары по достоинству, открытое преследование и издевательство со стороны советских учреждений, не покидать до 1932 года свой приход. В 1932 году он, дряхлый старик, был сослан в Сибирь, где он погиб от голода и холода.

Его сын прерывает семейную традицию и выбирает военную карьеру. В течение всей его жизни ему всегда дают чувствовать, что он является сыном классового врага. Он вынужден скрывать свое происхождение. Как и почему он решился на активную борьбу в рядах власовской армии — мы можем прочитать в его дневнике.

В лагере Ландсхут Меандров дважды пытался покончить с собой. Первый раз он с помощью стеклянных осколков глубоко разрезал себе горло. Его перевязали и спасли от потери крови. Второй раз он попытался еще раз взрезать едва зажившую рану, но стража ему воспрепятствовала, и после этого он был выдан.

Доклад генерала Григоренко

Самым принципиально твердо настроенным и наиболее непоколебимым из всех был генерал Трухин. Он объявлял о том, что не признает советскую власть и мужественно, храбро и логично повторял свои убеждения. Оценка генералом Петром Григоренко дополняет описание характера Трухина. Мы берем ее из книги генерала Григоренко «В подполье можно встретить только крыс».

В мемориальной литературе бывших советских военачальников нельзя не отметить этой книги, которая была издана в свободном мире. Автор ее правозащитник и диссидент. В Советском Союзе он пережил много горького. Он был помещен в

психиатрическую клинику, где его насильно лечили медикаментами. Невзирая на эти пытки, Григоренко, после своей высылки из Советского Союза в 70-е годы, имел мужество продолжать борьбу с ненавидимым им советским режимом, в качестве писателя и журналиста. В своих воспоминаниях он приводит особо ценные и потрясающие свидетельские показания о подготовке показательного процесса, который должен был быть организован против Власова и его ближайших сотрудников.

В своей книге Григоренко сообщает о разговоре в 1959 году с одним из своих старых друзей, чье имя он по понятным соображениям не упоминает:

«Разговор коснулся власовцев. Я сказал:

— У меня там довольно близкие люди были.

— Кто? — поинтересовался он.

— Трухин Федор Иванович, мой руководитель группы в академии Генерального штаба.

— Трухин?! — даже с места вскочил мой собеседник. — Ну, так твоего воспитателя в последнюю дорогу провожал.

— Как это?

— А вот так. Ты же помнишь, очевидно, что когда захватили Власова, в печати было сообщение, что руководители РОА предстанут перед открытым судом. К открытому суду и готовились, но поведение власовцев все испортило. Они отказались признать себя виновными в измене Родине. Все они — главные руководители движения — заявили, что боролись против сталинского террористического режима. Хотели освободить свой народ от этого режима. И потому они не изменники, а российские патриоты. Их подвергли пыткам, но ничего не добились. Тогда придумали «подсадить» к каждому их приятелей по прежней жизни. Каждый из нас, подсаженных, не скрывал, для чего он подсажен. Я был подсажен не к Трухину. У него был другой, в прошлом очень близкий его друг. Я «работал» с моим бывшим приятелем. Нам всем «подсаженным» была предоставлена относительная свобода. Камера Трухина была недалеко от той, где «работал» я, поэтому я частенько заходил туда и довольно много говорил с Федором Ивановичем. Перед нами была поставлена только одна задача — уговорить Власова и его соратников признать свою вину в измене Родине и ничего не говорить против Сталина. За такое поведение было обещано сохранить жизнь.

Кое-кто колебался, но в большинстве, в том числе Власов и Трухин, твердо стояли на неизменной позиции: «Изменником не был и признаваться в измене не буду. Сталина ненавижу. Считаю его тираном и скажу об этом на суде». Не помогли наши

обещания жизненных благ. Не помогли и наши устрашающие рассказы. Мы говорили, что если они не согласятся, то судить их не будут, а запытают до смерти. Власов на эти угрозы сказал: «Я знаю. И мне страшно. Но еще страшнее оклеветать себя. А муки наши даром не пропадут. Придет время, и народ добрым словом нас помянет». Трухин повторил то же самое.

— И открытого суда не получилось, — завершил свой рассказ мой собеседник. — Я слышал, что их долго пытали и полумертвых повесили. Как повесили, то я даже тебе об этом не скажу…

И я невольно подумал: «Прости, Федор Иванович».

Но это был уже 1959 год. Я уже многое успел передумать о власовском движении. Начал я думать о нем как только узнал. Сначала не поверил. Подумал: немецкая провокация. Лично с Власовым я знаком не был, но знал его хорошо. Запомнился 1940 год. Буквально дня не было, чтобы «Красная звезда» не писала о 99-й дивизии, которой командовал Власов. У него была образцово поставлена стрелковая подготовка. К нему ездили за опытом мастера стрелкового дела. Я разговаривал с этими людьми, и они рассказывали чудеса.

Вторично я услышал о Власове в ноябре 1941 года, когда его 20-я армия отвоевывала занятый немцами подмосковный Солнечногорск. Снова о нем говорили как о выдающемся военачальнике. Такие же отзывы приходили о нем и из-под Ленинграда, когда во главе 2-й ударной армии он начал наступление в лесисто-болотистой местности, нанося удар во фланг и тыл немецкой группировке, осадившей Ленинград.

Не вязалась эта фигура у меня с образом изменника родины. Провокация! — говорил я себе. Но… сведения подтвердились. Власов с помощью немцев создает из военнопленных Российскую Освободительную Армию (РОА). Встал мучительный вопрос: почему?! Ведь не какой-то выскочка — кадровый офицер, коммунист, чисто русский человек, выходец из трудовой крестьянской семьи. И сердце болело. Потом я узнал, что Трухин — начальник штаба РОА. Новой боли это не прибавило. Трухина я ценил не очень высоко. Его участие во власовском движении я считал закономерным: приспособленец. Но тут новый удар. Заместителем у Трухина — полковник Нерянин Андрей Георгиевич.

Нерянин — мой сокурсник по академии Генерального штаба. А Нерянина я знал по-особому. Очень серьезный, умный офицер, хорошо схватывает новое, не боится высказать свое мнение и покритиковать начальство. Его выступления на партсобраниях носили острый и деловой характер. Часто бывало так, что либо он

поднимал острый, злободневный вопрос, а я выступал в поддержку, либо наоборот. Наши друзья называли нас парой бунтарей.

В тактике он был авторитет для всех его сотоварищей, политически он был одним из наиболее подготовленных. На семинарах высказывал независимые суждения. Был довольно основательно начитан в философских вопросах. И вот этот человек, которого я брал себе за образец, оказался тоже во власовском движении. Я так знал этого человека, что никто не мог бы убедить меня, что он пошел на этот шаг из нечестных мотивов. Он, может, и ошибается, думал я, но у него не может не быть убеждения — честного и, с его точки зрения, благородного. Но что же это за убеждение?

В общем, Нерянин меня заставил думать. Когда верхушку РОА казнили, мысли мои стали еще тревожнее. Если они изменники, то почему их судили закрытым судом? Ведь такие преступления выгодно судить на народе. Здесь что-то не так…»

Ответ большинства обвиняемых по всем пунктам обвинения был: «не виновен». Они не сознались в обвинениях и этим не допустили успеха запланированного показательного процесса. Но мы же знаем, что вопрос «виновен» или «не виновен» никакого значения в советском судопроизводстве не имеет. Приговор был ясен с самого начала — высшая мера наказания. Он был объявлен 1 августа 1946 года и гласил: смерть через повешение. Повешение, потому что эта казнь является унижением. Казнены были: А. А. Власов, В. Ф. Малышкин, Г. Н. Жиленков, Ф. И. Трухин, Д. Е. Закутный, И. А. Благовещенский, М. А. Меандров, В. И. Мальцев, С. К. Буняченко, Г. А. Зверев, В. Д. Корбуков и Н. С. Шатов.

Глазами Ильи Эренбурга

Весьма интересно, что о своей встрече с Власовым пишет Илья Эренбург в своей биографии «Люди. Годы. Жизнь. 1942–1965».

Как газетный корреспондент Эренбург объезжал московский участок фронта после того, как немцы были оттеснены назад. При этом он, конечно, посетил большого героя этих боев генерала Власова. Эренбург описывает его с нескрываемой симпатией. Упоминает о его внешности, его импозантную фигуру, глубокий бас, любовь его солдат, его манеру говорить, причем он употреблял то цитаты из Карла Маркса, то словечки фельдмаршала Суворова. Суворов — неоспоримо самый выдающийся военный вождь, какой был в России. Он был

популярен и известен также и своими шутками и, очевидно, был для Власова прообразом и недосягаемым идеалом. Описание Эренбурга только подтверждает это.

Конечно, в своих воспоминаниях Эренбург указывает на причины, которые, по его мнению, заставили Власова совершить его «постыдный» поступок. Он пишет: «Власов — человек без чести, но с невероятным честолюбием. Он очень гордился тем, что Сталин обратил на него внимание, вызвал его на совещание и поручил ему особо важную и все решающую задачу». По мнению Эренбурга, Власов честно пытался выполнить задание, но немцы оказались сильнее. У Власова на Волхове не было успеха, его армия была уничтожена. Он сознавал, что эта неудача значила для него конец его военной карьеры и, возможно, даже стоила бы ему жизни. Поэтому он и сдался немцам. И дальше, по словам Эренбурга, он «в плену рассчитывал на то, что в случае победы Советского Союза он в лучшем случае будет разжалован и проведет остаток своей жизни где-нибудь в маленьком провинциальном городке, допустим, как начальник местного почтового отделения или чего-нибудь подобного. Вот из-за этого он делал ставку на победу Германии и делал все, чтобы ее добиться. Он рассчитывал при этом стать в новом русском правительстве, если не президентом, то, по крайней мере, военным министром…»

Нам же важно установить, что не только у власовцев, но и вообще у русских эмигрантов утвердилось следующее мнение: мы не знаем, чем кончится война, победит ли Гитлер или союзники, но ясно одно — для советского режима это будет означать конец.

Дальше Эренбург пишет: «Только честолюбие могло вызвать действия Власова. Ведь ему нечего было возражать против советского режима. В свое время он признал Октябрьскую революцию. Он с одушевлением отправился в поход против белых вместе с красной гвардией, позже с Красной армией. Благодаря своим способностям, он делал карьеру и стал генералом. Его часть в соревновании всех дивизий Красной армии заняла первое место.»

Мы же, однако, знаем, что у Власова были все основания ненавидеть советский режим. Он сам и вся его родня происходили из крестьянства, которое больше всех пострадало при советском режиме. Крестьяне вырывались из своего быта и многие умирали от голода и мученической смертью. И сейчас еще они существуют в Советском Союзе на положении крепостных и рабов. Мало кто на Западе знает, что колхозник не имеет паспорта или какого бы то ни было другого личного удостоверения, и это делает для него невозможными любые

поездки по Советскому Союзу.

Принадлежащий к такой группе бесправных людей, конечно, не может чувствовать симпатию к своим мучителям… Всего этого, конечно, Эренбург написать не мог. Однако он заслуживает признания за то, что он человечно описал личность Власова.

Я хочу закончить эту главу одним заявлением генерала Трухина:

«Мы знаем, что нас ожидает. Важно, чтобы это пережила молодежь. Она понесет дальше наши идеалы. И тогда, в конечном результате, все происшедшее не окажется бесполезным.»

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Последнее слово принадлежит генералу Власову

Во многих длительных разговорах я был единственным собеседником, которому Андрей Андреевич Власов мог высказать свое отчаяние, свое разочарование, свои еще остающиеся надежды и свои планы. Эти разговоры были дружескими и сердечными. Он часто при этом переходил на доверчивое «ты». При этом моя роль не ограничивалась только пассивным слушанием. Я был тем постоянным присутствующим, возможно, настоящим другом его, а также русским патриотом, так как Власов не сомневался в моей любви к России. Но также одновременно я был и «хитрым немцем», который в любой момент мог правдиво объяснить русскому непонятное поведение западного человека в целом ряде вопросов.

Такие разговоры велись не только в рабочем кабинете Власова, но также и во время далеких прогулок. Обыкновенно он начинал с монолога, в котором критиковал поведение немецкого руководства, которое ему была так трудно понять.

При этом он часто высказывал свое отчаяние по поводу их самоубийственных решений. Весьма часто такие разговоры вызывались выслушанными сводками Вермахта и сообщениями иностранных радиостанций или политическими новостями из немецких газет, которые я ему почти каждый день читал в переводе на русский. Эти сообщения подвергались острому анализу и разделялись на пропагандную ложь и правдивые донесения. Он внимательно слушал мои доводы и усилия придать смысл непонятному и абсурдному, но не всему верил…

Не обходилось также без уничтожающей критики военных решений «величайшего полководца всех времен» Гитлера. Будущее было мрачно. Повозка застряла безнадежно. Но не только это. В ней сидели самоубийцы, и она скользила в пропасть.

Власов не был бы русским, если бы он не верил в перемену, в чудо, в удар грома из безоблачного неба. По русскому обычаю, он в отчаянии обращался к водке.

Все, что я привожу в этой главе, является мыслями Власова. Справедливым будет предоставить ему последнее слово. Он должен получить возможность появиться перед людьми, его друзьями и врагами, еще раз во всем величии, чего он был лишен во время процесса в Москве.

«Я ненавижу Сталина и презираю Гитлера»

Власов имел мужество восстать против двух величайших тиранов этого столетия, Сталина и Гитлера. Им обоим он желал гибели, так как они сделали своей жертвой русский народ. Через несколько лет в лубянской тюрьме в Москве, в руках палачей, которые хотели заставить его согнуться перед Сталиным, он выразил свою ненависть в отчаянном вопле:

«Я ненавижу Сталина. Я считаю его тираном русского народа и повторю это перед судом!»

Гитлер — «великий вождь» — был, по его мнению, маленьким, наивным самоуверенным тупицей.

«Как это могло случиться, что немецкий народ бежит за этим злым карликом! Ведь я этот народ расцениваю и почитаю и представлял его моим офицерам как образец храбрости, мужества, сознания долга и работоспособности и еще многого другого.» (1943 г.)

Сталин и Гитлер, по мнению Власова, имели много общего.

«Оба правят железной рукой; оба нуждаются в помощи опытнейших агентов разведки; оба используют слабые стороны человеческой души; оба распространяют чувство страха, которое приводит к тому, что никто не смеет высказать властелину отрицательное мнение. Оттого они окружены оппортунистическими подхалимами. На таком пути оба теряют реальное представление о происходящем. Особенно роковым это становится в военной области. Из этих двух преступников Сталин без сомнения умнее и значительно опаснее. Поэтому против него в первую очередь надо вести борьбу. Если мне удастся для этой задачи заручиться помощью другого преступника, то я уверен в успехе не только в борьбе со Сталиным, но и в последующем неизбежном конфликте с Гитлером.» (1943 г.)

Вопрос, выиграет ли Германия войну против Советского Союза и его западных союзников, был для Власова скорее тактической проблемой. Как русский он не мог одобрять немецкую политику в занятых областях. Он был точно осведомлен о судьбе «остарбейтеров» и о положении их в немецких лагерях для военнопленных. Но и западные союзники не заслуживали его симпатии. Ведь они же заключили союз с палачом русского народа, Иосифом Сталиным!

«Я уже Слышу из русских кругов упрек, что я заключил союз с Гитлером, врагом русского народа. А что же западные державы? Они же соединяются с еще худшим тираном. Когда все будет кончено, западные союзники будут оправдываться, что они должны были сделать этот шаг, чтобы победить Гитлера. Я же

делаю такой же шаг из такого же расчета, так как хочу победить Сталина.» (1943 г.)

Отставные генералы в России

Власов охотно принимал гостей. К их числу принадлежали муж и жена Краузе, уроженцы С.-Петербурга. Г-жа Краузе работала как секретарша в Дабендорфе, а ее муж Федор Федорович служил в OKW. Для Власова было большим удовольствием беседовать с ними о России. Однажды Краузе спросил его: «Скажите, пожалуйста, дорогой Андрей Андреевич, что вы будете делать в России по окончании вашей военной службы, как вышедший на пенсию генерал? Будете ли вы писать ваши воспоминания, как это делает большинство наших генералов, или вы займетесь политикой?»

«— Дорогой Федор Федорович, вы представляете себе советскую действительность совершенно неправильно. Отставных генералов у нас вообще нет, так как любой генерал, окончивший службу и сохранивший друзей и связи в армии, мог бы стать опасным для режима. Там подобный работает пока он жив, или лучше сказать — он живет, пока он работает. Кончается его служба — это обычно значит и конец его жизни на земле. Концом иногда бывает болезнь, как у Фрунзе, которого оперировали от аппендицита, хотя аппендикс ему удалили уже в молодости… Или автомобильная катастрофа, или трагический случай на стрельбище, или еще что-нибудь подобное. Самое мучительное, если вас неожиданно объявляют шпионом и «врагом народа», за что вы расплачиваетесь вашей жизнью.» (1943 г.)

Власов правдиво описывал действительность в Советском Союзе. «Судьба» не только ударяла по военным, но и по высоким административным и политическим деятелям. Как пример, я хотел бы привести «Мировую выставку» в Париже в тридцатых годах, когда пришлось заменять большинство портретов и скульптур руководящих лиц советского государства, потому что они один за другим из героев превращались в ничто, в наемников капитализма, в изменников родины.

Эта система отставок закончилась в хрущевскую эру. Он оставлял своих предшественников продолжать жить и имел возможность даже после своего падения закончить жизнь естественной смертью.

«Унтерменш»

Власов не признавал теории «расового превосходства» или, с

точки зрения русских, теории «унтерменша». Она казалась ему настолько абсурдной, что он часто употреблял выражение «унтерменш» как насмешку и сопровождал его язвительной усмешкой. Когда денщик уронил поднос с пустыми водочными стаканами, Власов обратился к немецкому гостю со словами:

«Прошу извинить — ведь это «унтерменш».»

Однажды, когда мы уже сидели за столом, а обязательный борщ все еще не был подан, Власов рявкнул своим громовым басом: «Унтерменш, неси наконец сюда суп!» (1943 г.) Я думаю, что такой усмешкой Власов хотел скрыть свою обиду. Русского нельзя сильнее обидеть, как дать ему почувствовать, что он представляет собой нечто худшее оттого, что он именно русский. Власов часто говорил:

«Мы, русские, — естественный народ, особенно когда нас сравнивают с западными европейцами. Не только потому, что мы можем хорошо ориентироваться в местности и чувствуем опасность, но и потому, что в разговоре мы сразу же чувствуем, честно ли собеседник относится к нам. Его слова могут быть дружественными, но мы сразу чувствуем их подлинное значение. Знание языка при этом не играет роли.»

Или он громко размышлял:

«Русского нельзя погладить по щеке или покровительственно похлопать по плечу. Прикосновение к лицу взрослых в России необычно и действует отталкивающе. Запрещена и осуждена также и порка, хотя она еще неофициально применяется. В русских школах она уже много десятилетий как отменена. Я знаю случай, когда учитель, потеряв самообладание, дал пощечину ученику. Ученик ответил тем же. Оба были изгнаны из школы, причем их лишили права поступить в какую-либо другую. Это считалось у час получением «волчьего паспорта».»

Немецкое оружие

Что немецкое оружие не было пригодно при зимнем походе в русском просторе, вообще известно. Власов приводил тому примеры. «Броня бронированных машин лопалась при температурах минус 30 или 40 градусов по Цельсию при первом попадании снаряда, потому что сталь под давлением низкой температуры сжималась, отчего возникало внутреннее непредусмотренное напряжение. Удар снаряда, который нормально не мог причинить вреда плите, был достаточен для ее уничтожения. Точно так же, как мы выяснили под Москвой, и горючее, используемое немцами, не подходило при крайне низких температурах. Оно замерзало при 25 градусах по Цельсию.

Нет смысла повторять, что одежда немецкого солдата была недостаточна. В общем, нужно сказать, что конструкция немецких повозок и вооружения для похода на восток осуществлялась в подражание нашему оборудованию. При этом, однако, не учитывалось, что советские средства передвижения и вооружение были сконструированы на основании тогдашней военной доктрины для войны в чужом пространстве, то есть применительно к условиям Западной Европы.» (1943 г.)

«Тотальная война»

Когда Власов в кругу друзей услышал заявление Геббельса по радио, что война на Востоке должна будет принять форму «тотальной войны», он высказался так:

«Это означает, что война для немецкой стороны уже потеряна. Очевидно Геббельс это уже сам понял. Его заявление подчеркивает это и его изобличает.» (1943 г.)

Цифры и масштабы

Власов часто во многих беседах критиковал продиктованные манией величия военные планы Гитлера, его партийных сотрудников и также некоторых из его генералов.

«Посмотри-ка на карту! Маленькая Германия может, по мнению Гитлера, вести войну со всем миром. Где же разум у этого человека, отдавшего приказ об этом, и у его советников? Территория России равна 22 миллионам квадратных километров, И это нужно завоевать! И это должно превратиться в немецкую колонию! Давайте проделаем простое арифметическое действие. Для господства над этой землей потребуется в среднем по одному солдату или полицейскому на квадратный километр. Как может Германия выделить такую военную силу для постоянной оккупационной службы? А вот и другой вариант «великого полководца»: довести войну до Урала и установить там еще невиданное в истории положение — «ни мир, ни война». Этот вариант абсурден и наивен. Если Гитлер не пошлет свои танки в Сибирь, то вскоре по велению логики ему придется ожидать удара оттуда. Хочет ли он этого или нет, но его победы кончатся смертью.» (Нач. 1944 г.)

Игнорирование Власова

Власов прекрасно сознавал свое значение как генерала Красной армии. Поэтому ему было непонятно, как немецкое

военное руководство считало возможным его игнорировать.

«Я уничтожил все мосты к моей родине. Я пожертвовал своей семьей, которая сегодня в лучшем случае живет в ссылке, но скорее всего уже сейчас ликвидирована. Я необратимо стою вместе с немцами в борьбе против Сталина. Для меня лично это положение может закончиться или победой или поражением, которое будет означать для меня смерть. Даже самому глупому немцу должно быть ясно, что мне нет отступления. И, несмотря на это, в моем окружении меня преследуют недоверчивыми взглядами мелкие людишки. Очень часто я на их лицах читаю вопрос: «Когда этот русский перебежит к Сталину?» Такая глупость! Точно так же полностью игнорируется мое предложение привлечь меня в этот период невероятно долгого и скучного ожидания к анализу советских военных планов. А при этом, я убежден, что мой совет сделал бы не одну военную операцию успешной и помог бы избежать лишних жертв.»

Полковник Генерального штаба Гелен, из отдела «Иноземные войска на Востоке», услышал об этом предложении Власова и подал своему высшему начальству доклад о привлечении генерала Власова к анализу и учету положения врага. Ответ гласил: «Нежелательно!»

«Ну, тогда сыграем в преферанс…» — сказал Власов. (Нач. 1944 г.)

«Вы меня победили дважды»

О немцах Власов часто говорил не только с чувством признания: «Я вырос в деревне. В моем уездном городе я как подросток и потом как молодой парень познакомился с первыми немцами в моей жизни. Что это были за люди! Одного звали Карл Карлович, он был аптекарь. Это профессия совершенно соответствовала его характеру, так как он был готов оказывать помощь. Он часто давал бедным лекарства безвозмездно или по грошовой цене. Он был честен, всегда корректен и преисполнен чувства долга. Он никогда не был возбужден и редко гневался. Русские его любили и хвалили. Его личность всегда вызывала у меня уважение ко всем немцам.

Другой, Артур Оскарович, был старшим учителем. Он был педантом, сухим и сдержанным на словах. На его хорошо выглаженном мундире не было ни пылинки. Он был лютеранином, но каждый день появлялся в нашем соборе и выстаивал всю службу, подтянутый, неподвижный, в ряду с другими государственными чинами. Я думаю, что таким образом он хотел показать пример своим ученикам. И его признавали и

ценили, но не так, как Карла Карловича.

Русский народ всегда с большим почтением относился к немцам. Это доказывает и поговорка, что «немец обезьяну выдумал…» Эта вера во всезнание немцев, в их подавляющее техническое понимание, в их работоспособность и прилежание существует и ныне, несмотря на все жестокости, которые наш народ пережил в настоящей войне. Эта вера столь сильна, что наивные умы все еще продолжают верить в легенду, будто у немцев имеются таблетки, которые могут превращать в горючее колодезную воду…

Вы же, немцы, усиленно стараетесь эту положительную оценку нарушить. Для чего вы это делаете? Это же не может быть результатом каких-либо изысканий или соображений! Неужели немецкий человек за эти годы так изменился к худшему? Новый образ немцев, который я теперь, к сожалению, часто встречаю, — это только тупость, высокомерие, невероятная грубость и неспособность понимать мыслящих по-другому. Те немецкие друзья, которые меня посещают и которые со мной вместе сражаются за наше общее дело, — по существу не настоящие немцы. Подумайте только о Вильфриде Карловиче, бароне Деллингсхаузене, фон дер Роппе, капитане фон Гроте или бароне Фрейтаг-Лорингхофене! Да и ты, Сергей, только наполовину «фриц»!

Напротив нашей виллы расположено поле. В мои вынужденные часы безделья я часто наблюдаю за крестьянином, который работает на этом поле. Как точно он тянет каждую борозду! Как старательно убирает каждый камешек! Я, сын крестьянина, могу как профессионал полностью оценить результат такой работы. Только теперь я начинаю верить сведениям, согласно которым немцы могут извлечь из земли в 3–4 раза больше, чем мы.

В Руполдинге, где я временно скрывался, чтобы избежать захвата вашими партийными бонзами, я любовался красивыми, пестро раскрашенными домиками среди цветов. Я думал, что это летние резиденции каких-нибудь капиталистов, которые достигли своего благосостояния, используя класс трудящихся. Ведь так звучит формула, которую в нас вбили в Советском Союзе! И когда мне было сказано, что эти дома принадлежат лесным рабочим, самому бедному сословию в деревне, людям, которые вынуждены трудиться в баварских лесах как батраки в жару и в холод, выполняя труднейшую работу лесорубов, — я не мог этому поверить. Я думаю, что в Советском Союзе скромнее живут аппаратчики высшего класса, директора банка или фабрики. И я вынужден сказать: вы, немцы, дважды победили меня — однажды

на Волхове, а другой раз здесь, в сердце Германии.

Я все время думаю о той женщине, которая нам показала свой дом. Она обыкновенная немецкая женщина. Ее, вероятно, можно считать представительницей всех немецких женщин. Но почему же я должен ее ненавидеть? Из-за того, что она немка? Из-за того, что она послала на войну своих сыновей? Хотя я и не понимаю ее языка, но я понял звук ее слов, ее взгляд и дружескую готовность что-то объяснить мне, на самом деле врагу, русскому, «унтерменшу», — что и для меня, и для нее было важно. А именно, что мы все — люди.» (1944 г.)

Такого рода или похожие высказывания, часто повторяемые Власовым в разговорах, убедили меня в том, что, невзирая на многолетнее вколачивание советской пропаганды, из него не удалось сделать «хомо советикус».

Два доверенных лица

По русскому обычаю Власов называл капитана Штрик-Штрикфильдта по имени и отчеству. Взаимоотношения этих двух людей были очень своеобразны. Я думаю, можно сказать, что оба любили друг друга, Власов часто повторял:

«Вильфрид Карлович — моя совесть. Когда он меня убеждает, нет возможности не согласиться с его доводами. В нашем кругу он выполняет роль домашнего святого. Он — наша святыня. Я твердо убежден, что он готов ко всему, чтобы продвигать вперед наше задание. Я должен также признать, что он ни разу не давал мне ложного совета. Без него я никогда не мог бы разобраться в путанице ваших немецких взаимоотношений и связей. Да я этого и не могу. Очень часто я соглашаюсь с мерой только потому, что Вильфрид Карлович мне ее посоветовал». (1944 г.)

Отношение к полковнику генерального штаба барону Весселю Фрейтаг-Лорингхофену было совсем особое. Он видел в нем не только разумного, храброго и целеустремленного офицера, но ценил его за его гуманность и правдивость.

«Этот барон мне очень нравится. Когда я с ним что-либо обсуждаю, я забываю, что он немец. Его доводы и то, как он их излагает, доказывают, что он желает нашего успеха точно так же, как мы оба.» (Начало 1944 г.)

20 июля 1944 г.

Внешне Власов ничем себя не проявил при этом событии. На следующий день был намечен прием у Гиммлера. Капитан фон Гроте уже находился у Власова в Далеме, на Кибицвег 9. Тогда из

OKW поступило сообщение, что визит к Гиммлеру откладывается на неопределенное время из-за состоявшегося покушения на вождя. По тону Гроте, который сообщил о том, что визит отложен, Власов понял, что случилось что-то особенное.

«Меня лично это не касается. Это ваше немецкое дело.»

И позже он к этому ничего не добавил. Когда Штрикфельдт через несколько недель в разговоре коротко упомянул о трагическом конце барона Фрейтаг-Лорингхофена, который был вынужден застрелиться, Власов удивленно сказал:

«Дорогой Вильфрид Карлович, вам еще многому надо поучиться. О таких вещах вообще не говорят, это железное правило. О таких людях не думают и их никто не знал.» (1944 г.)

Об СС Власов говорил:

«Ваши молодцы из СС напоминают мне до известной степени наших энкаведистов. Я должен признать, что ваши эсэсовцы выглядят отчетливее и мужественнее. Что же касается изворотливости, беспринципности и грубости, то им еще многому надо поучиться у их прообраза, то есть энкаведистов. Но еще не все потеряно: эсэсовцы — способные ученики.» (1944 г.)

Обман с колхозами

Тот факт, что немцы при своем походе не сразу стали распускать колхозы, чего ожидали крестьяне, стало для них большим разочарованием. Власов оценивал это следующим образом:

«Русский крестьянин приветствовал Октябрьскую революцию, так как большевики обещали ему землю. Владеть куском земли было его мечтой в течение столетий. Только очень немногим удавалось, да и то только в последние десятилетия, благодаря Столыпинской реформе, превратить это желание в действительность. Когда царские войска, которые главным образом состояли из крестьян, в 1917 году узнали, что в деревне приступили к дележу имений, не было средств удержать солдат на фронте. Каждый из них хотел участвовать при дележе земли. Все поезда были переполнены солдатами, которые самовольно покидали свои сражавшиеся части. Потом их обманули и насильно заставили вступать в колхозы, применяя страшные жестокости. В смысле землепользования колхоз — куда худшая система, чем обычная до революции система общины. Тогда земля тоже не принадлежала отдельным крестьянам, а общине. Но крестьянин мог обрабатывать отведенный ему надел по своему

усмотрению. Жизнь в колхозе, за исключением некоторых незначительных подробностей, была похожа на дореволюционную жизнь при крепостном праве, то есть до 1861 года.» (1944 г.)

Необходимо передумать…

До какой меры Власов ненавидел правящую клику в Советском Союзе, показывает следующее его высказывание:

«Русский народ, и в первую очередь русский крестьянин, страдают десятилетиями под унизительным бременем большевизма и марионеточного театра, называемого Третьим Интернационалом. Положить конец этому состоянию является не только задачей нас, русских. И Германия должна была бы поддержать нас, представляющих здесь национальные элементы России, если она сама не хочет своей гибели. Необходимо все это пересмотреть с самого основания. Вы до сих пор думаете, что национальная Россия, защищая свои интересы, может стать угрозой для вас и для всей Европы. При этом вы не понимаете, что коммунистическая Россия выступает в защиту не русских, а интернациональных, охватывающих весь мир интересов коммунистической чумы. Вот где надо ощутить общую опасность. Может ли немец это понять?» (1944 г.)

Выживет ли советский режим?

Не только Власов и его особо приближенные сотрудники, но каждый взятый в плен красноармеец, солдат РОА или «остарбейтер» высказывали мнение, что вне зависимости от того, как закончится война, — конец советского строя близок.

«Участники моего движения верят в падение советского режима в конце войны. В этом убеждении я вижу гарантию, что все они останутся верными и преданными мне до конца, и если будет нужно — то пожертвуют своей жизнью за наше общее дело. И оппортунисты, порода людей, которую поддерживает советский режим, те тоже будут сражаться вместе с нами. Ведь каждый из них захочет оказаться в лагере победителей. Где он должен искать такой лагерь? Ни у коммунистов, потому что они исчезнут; ни у немцев, потому что мы их не любим; ни у западных союзников, потому что они в союзе со Сталиным.» (Осень 1944 г.)

Победа над Советским Союзом?

«Из истории народов — нужно только почитать — мы знаем, что завоевание России было испробовано несколько раз. Я хотел

бы указать на событие 1709 года, на Полтаву, победу над Швецией; 1812 год — победу над Наполеоном; и на 1942—43 г. — победу над немцами под Сталинградом. Победа над Россией при настоящем положении возможна только в союзе с русскими. Без этой помощи нацистская Германия истечет кровью. И маленькие насильно притянутые союзники — словаки, румыны, хорваты — не смогут помочь. Мне непонятно, почему Гитлер отклоняет главнейшего и единственного союзника, который помог бы ему победить Сталина, русский народ, и ищет помощи у бессильных карликов! На листке бумаги можно было бы сравнить соотношение сил таких союзников. Каждый гимназист пришел бы к выводу, что нельзя отвергать предложение помощи русского народа, который мы здесь представляем, если не хотят с открытыми глазами, из-за тупости и высокомерия, рухнуть в бездну.»

Непонятное юдофобство

«Непонятно, почему немцы все свои начинания подчиняют антисемитской доктрине? Это дополнительное бремя невероятно затрудняет и без того незавидное положение Третьего Рейха. Вот маленький, незначительный пример. Как солдат я точно знаю, какое значение имеет для сражающихся войск доставка из тыла. И эти перевозки для немецкой армии, которая завязла в боях в Советской России, постоянно прерываются транспортами евреев, которые — как мне сообщают — пропускаются вперед прежде военных поездов. Можно подумать, что для Гитлера уничтожение евреев важнее, чем победа над советской армией.»

Это заявление было сделано Власовым незадолго до Пражского Манифеста, осенью 1944 года, когда разгорелся спор о содержании манифеста. Со стороны Гиммлера было предъявлено требование включить в текст его антисемитские параграфы. Власов имел гражданское мужество отклонить это требование. Его доводы, должны были, естественно, соответствовать мышлению нацистов для того, чтобы убедить их. Соображения человеколюбия не действовали.

«Проблема еврейства в России не играет значительной роли, так как в России антисемитизм никогда не являлся мировой проблемой, как в Германии. Пользующиеся плохой славой погромы были следствием организованного бандитизма, который был начат царской полицией для травли социалистов, либералов и евреев. Совмещение антисемитских лозунгов с нашей политической программой только значительно ослабило бы убедительность этой программы.»

Митрополит Сергий

Возможно, что из-за занятий в семинарии у Власова, очевидно, выработалась способность беседовать с высшими духовными лицами русской Православной церкви. Он часто рассказывал о своей встрече с Митрополитом Сергием в Прибалтике. (Его не надо смешивать с митрополитом Сергием, который позже во время войны стал патриархом всея Руси.)

«Этот архиерей — исключительно умный человек и русский патриот, — говорил Власов. — Он во многом мне по душе. При встречах мы всегда оживленно беседовали и только за недостатком времени не могли сказать друг другу всего, что непременно надо было сказать. Он так же, как большинство нас, русских, скрывал в глубине своей Души свое настоящее отношение к коммунистической власти и к Сталину. Вовне он умел как законопослушный и церковный глава появляться везде, где требовала служба. Всю трагедию такого поведения вы здесь в Германии понять не можете. Представьте себе епископа, духовного отца своего пасомого стада, который должен выступать одновременно как христианин и как верный слуга атеистической власти, написавшей на своем знамени уничтожение церкви! Какая это душевная мука для верующего человека! И при этом такая личность, как этот митрополит, отнюдь не является исключением. Большинство из нас, будь то епископ, аппаратчик, высший чиновник или военный, — вынуждены иметь два сердца в груди…

Неспособность немцев понять это заставляет многих из нас забыть любовь к народу, совесть и, в конце концов, веру в Бога и встать в ряды защитников сталинского режима. А что вы сделали с этим человеком? Человеком, который, жертвуя своей жизнью, перешел в ваш лагерь и оказал неизмеримые услуги вашим устремлениям и мог бы оказывать их и дальше! Этого человека вы из засады на дороге подло и трусливо убили самым позорным образом, как разбойника и преступника…» (Конец 1944 г.)

Митрополит Сергий был убит во время одной из поездок. Мы подозревали в этом одну из немецких команд уничтожения. Но это могло быть также делом партизан или энкаведистов.

«Наша программа переживет нас»

О манифесте Власов в беседе с ближайшими сотрудниками говорил следующее:

«Наша программа, которую мы огласили в Манифесте 14 ноября 1944 года, соответствует, по моему убеждению, желаниям русского народа. Если всем нам суждено погибнуть (и это как раз

так и выглядит), то Манифест нас переживет. Раз сказанное не может быть уничтожено. Всегда будут возвращаться к нашей программе, пока будет существовать большевистская власть.» (Январь 1945 г.)

«Война по телефону»

Устав от бесконечного ожидания, Власов часто говорил о том, во что выразилось бы его руководство войной, если бы он мог со своей армией вступить в Россию:

«Меня там знают. С большим числом командующих генералов я был в дружбе. Я хорошо знаю — как они относятся к советской власти. А генералы тоже знают, что я об этом осведомлен. Нам не надо будет друг другу ничего выдумывать, мы сразу же поймем друг друга, хотя бы даже и по телефону!» (Начало 1945 г.)

Свои надежды на исход столь желательного столкновения с Красной армией Власов обнаруживал не только этими словами. Он до дна души был убежден, что большинство советских командиров сразу станет на его сторону. Единственной предпосылкой для этого было то, чтобы освободительная армия наступала.

О маршале Константине Рокоссовском

Рокоссовский был польского происхождения, но считал себя русским. Он как полный генерал руководил в 1942 году операциями на Донском фронте под Сталинградом, а потом в завершающей битве против Германии на Одере и в Мекленбурге. После войны он стал, будучи польским министром обороны, и главнокомандующим, прямо «вице-королем» Польши. Но и Рокоссвоский в период чисток посидел в тюрьме. Когда его вернули в армию, ему пришлось заменить выбитые зубы искусственным протезом. Власов всегда отзывался об этом талантливом полководце с полным признанием и одобрением: «Когда дело дойдет до этого, Костя несомненно примет участие. Он более способный генерал, чем я.»

После войны, когда я работал у американцев, и в мои обязанности входил допрос перебежчиков из Красной армии, у меня был случай допросить лейтенанта ВВС Григория Данилова. До этого в советской зоне оккупации он заведовал офицерским собранием. Данилов мне много рассказывал о Рокоссовском, в частности об одном особенно характерном случае. В офицерском собрании показывали западные и советские фильмы. Рокоссовский со своим ближайшим штабом часто присутствовал

при этом. Однажды, когда западный фильм закончился и должен был начаться советский с неизбежным хвалебным подхалимажем Сталину, — Рокоссовский встал и при топоте ног и перестановке стульев покинул зал со своей свитой.

«Кого Господь хочет наказать, у того отнимает разум»

Власов часто пользовался этой русской поговоркой, когда разбирал поведение немецкого руководства, которое оставалось для него неразрешимой загадкой:

«Как же можно давать столь ложные, столь опасные и, можно сказать, даже самоубийственные приказы и заставлять их выполнять?!» (Начало 1945 г.)

Власов часто говорил о том, что его ожидает в случае поражения:

«Побежденный всегда виноват, победитель всегда прав! Если мы будем побеждены в бою (а это весьма вероятно), то меня и моих сотрудников объявят изменниками, наемниками фашизма и палачами собственного народа. Наши имена можно будет найти повсюду на досках позора. Нами будут пугать детей… А на самом деле все могло бы быть по-другому. У меня чувство, что мы бьемся лбом о стену непонимания и тупости. Мне часто снится, что я нахожусь в Москве и меня притягивают к ответу. Я должен сознаться, что я просыпаюсь в отчаянии и в поту от страха и только медленно прихожу в себя, пока не пойму, что я все еще нахожусь в Берлине…» (Январь 1945 г.)

«Мое горе посвящено русскому народу»

Политическое положение, становившееся все более мрачным, отзывалось на Власове все более тяжелым бременем. Все чаще имели место припадки отчаяния и безнадежности.

«Непонимание немцев несет гибель всем нам и также самим немцам. Я, собственно, не должен жаловаться, так как моя жизнь была разнообразной и богатой событиями. Судьба мне широко благоприятствовала: я делал большую карьеру, у меня была власть и слава, много женщин, моя жизнь была красивой. Для меня схождение не станет трудным. Горюю я о русском народе, которому я не мог помочь сбросить ярмо коммунизма. А ведь эта возможность была так близка!» (Начало 1945 г.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ РЕДАКТОРА Э. фон Фрейер

Сергей Фрёлих — Сергей Борисович для своих русских друзей — был отмечен своей ненарушимой преданностью русскому народу. До своей смерти в декабре 1982 года он поддерживал борьбу за его свободу с помощью своего журнала «Зарубежье», выходившего с 1965 до 1979 г., распространяя листовки в Венгрии во время восстания 1956 г. Им же было основано общество помощи христианам в Советском Союзе, и, в конце концов, написана эта книга. Те, кто его знал, были поражены его приверженностью делу Власова.

Его отношение к большевизму было непримиримо. Молодым человеком он пережил большевистский переворот и первые годы коммунистического режима в Москве. Он чувствовал свой собственный долг перед павшими в эту роковой эпоху, перед теми русскими и немцами, которые, жертвуя своей жизнью, воспротивились в своих странах этому порабощению. И надо было выполнить обет, данный им генералу Власову, который просил его: «Опиши, что мы не были изменниками…»

Поэтому Сергей Фрёлих в своей книге обращается прежде всего к подрастающим поколениям. Большую заботу доставляла ему распространенная через все границы неспособность анализировать исторические события. Он видел опасность в том, что свободный Запад может повторить ошибки Гитлера, то есть сравнить русских с коммунистами и этим заставить русский народ встать на сторону советского режима. В связи с этим, Фрёлих говорил о «политическом водоразделе», который гораздо значительнее, чем «национальный». Своими воспоминаниями он хотел сделать вклад для лучшего понимания восточного человека и для сокращения предрассудков в политической области.

Фрёлих был убежден, что нельзя выиграть войну против Советского Союза военными средствами и нельзя победить большевизм без участия русских. «Победа» была для него возможной только в полной согласованности с русским освободительным движением и при восстании в России. Такое убеждение объединяло его со многими единомышленниками как в немецком Вермахте, так и в самых разнообразных политических лагерях. Они представлялись ему как гаранты для нового начала против расовой теории и «унтерменшей». А Гитлер был заинтересован не в освобождении, а в завоевании.

«Ну, вам придется одной закончить нашу книгу», — сказал мне как-то автор в один из последних дней своей жизни. Пока мы работали, он не думал, что ему оставалось так мало времени.

Его острая память, его умение рассказывать создавали всегда настоящее переживание. Воспоминания были наготове, но письменное изложение вызывало большое напряжение для старого писателя, и воспоминания его глубоко волновали. Он вновь оживлял всю трагедию событий. Но он сознавал, что был одним из последних свидетелей из непосредственного окружения генерала Власова, и происходившее тогда должно было стать достоянием будущего.

После смерти автора на меня легла задача закончить работу, согласно с его духом. Многое надо было расследовать и добавить. При этом выяснилось, как мало осталось людей того поколения. Документы, хотя и содержат факты и даты, но не подлинные мотивы и побуждения, которые могли бы объяснить феномен Власова и его сотрудничество с немцами… Мне очень помогло знакомство с некоторыми участниками, которых я могла расспросить. Мои усилия получить еще неопубликованные фотографии только частично имели успех. Всем, кто мне предоставил их, я выражаю здесь мою благодарность.

Под конец начались поиски издательства. Издательство Маркус проявило большую чуткость, сознавая необходимость обнародовать этот исторически спорный материал и включило тему Власова в свою программу. Я благодарю за это издательство Маркус. Кроме тог, я хотела бы поблагодарить доктора Иоахима Хоффмана, из Военно-Исторического Исследовательского Института в Фрейбурге-Брейсгау за его усиленную поддержку.

Мне была оказана значительная помощь и с другой стороны. Так я благодарю всех друзей автора, которые после его смерти предоставляли мне разные сведения и отвечали на мои вопросы. Благодарю также Маргариту фон Фе, которая проявила себя как опытная переводчица. И, наконец, благодарю госпожу Дору фон Гроте, осведомленность которой об этом периоде и ее авторитетное суждение были для меня особенно ценны.

Особым стремлением автора было подчеркнуть происхождение Власова как крестьянского сына, которое вызнало основные мотивы для его освободительного движения, что все время подтверждалось в продолжительных беседах между генералом и Фрёлихом.

Описанный период новейшей истории закончился трагично, но, по мнению автора, Власовское движение доказало, что в русском народе дремлют силы, которые оправдывают надежды.

Сергей Фрёлих — человек с немецким паспортом, но с русской душой, как его описывает Кромиади, спутник генерала и посредник между лагерями. Он хотел сделать все, что было в его силах, чтобы борьба Власова не ограничилась одними

историческими событиями. Девиз генерала «Никогда не поздно спасти народ!» стал и его девизом.

Мюнхен, июль 1987 г.,
Эдель фон Фрейер

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Автор книги Сергей Фрёлих

Сергей Бернгардович Фрёлих родился в Риге 8 февраля 1904 года. Его отец был балтийским немцем, из Пернова в Эстонии. Его мать происходила из силезского рода фон Зиберт (де Зиберт), один из членов которого, Йоганн Эрнест, в чине русского царского действительного статского советника, получил русское потомственное дворянство. С 1914 до 1920 года семья (с годичным перерывом в 1918 году в Липецке, Тамбовской губернии) жила в Москве. Там молодой Фрёлих учился в гимназии, а с 1 марта 1919 до 30 ноября 1920 г. служил в Отделе Статистики Главного правления чайной и кофейной промышленности. В декабре 1920 г. семья переселилась в Ригу, в Латвии, и Фрёлих посещал там до весны 1923 г. городскую Ломоносовскую гимназию, где и получил аттестат зрелости. Он был членом скаутской организации и, будучи успешным легкоатлетом, состоял в рижских спортивных клубах. С 1923 года

он учился в Котен-Ангальт в Фридриховском политехникуме, где в 1927 году получил диплом инженера после выдержанного главного экзамена по специальности подземного строительства.

Он продолжил свои занятия еще на год в политехникуме в Берлине-Шарлотенбурге. Будучи членом спортивного клуба Шарлотенбург, Фрёлих участвовал в нескольких спортивных турнирах в разных странах. С 1 марта 1928 по 26 августа 1929 г. отбывал воинскую повинность в латышской армии и был демобилизован с чином унтерофицера, служа, однако, в ополчении до того дня, когда оно было распущено при приходе Красной армии в июне 1940 г. Под конец он занимал должность помощника ротного командира. Все это время он работал в фирме отца «Константин Пекшенс» в качестве инженера-строителя, а позже как уполномоченный до того времени, когда в 1940 году это предприятие не перешло в ведение советского военного управления. 15 марта 1941 г. Фрёлих, участвовавший в латышском движении сопротивления, отбыл с последней группой переселенцев, немецких балтийцев, в Германию, но в том же году вернулся в Ригу вместе с немецкими войсками и посвятил себя работе на своем предприятии.

Одновременно с этим он работал в боевом союзе русских националистов. Начиная с января 1943 года, Фрёлих при посредничестве капитана немецкого Вермахта, балтийца Штрик-Штрикфельдта, стал офицером связи при генерале Власове, надев серую форму «хауптштурмфюрера» СА. Он оставался в этой должности по желанию Власова до осени 1944 года, когда власовское движение было подчинено СС. С ноября 1944 по февраль 1945 г. он состоял при генерале Малышкине, начальнике Главного организационного управления КОНРа, поддерживая оттуда связь с Власовым, и выполнял от его имени секретные поручения. В середине апреля 1945 г. Фрёлих перешел в немецкие ВВС в чине капитана на службу в штаб генерал-лейтенанта Ашенбреннера, а потом получил назначение в штаб начальника штаба Власовской армии, генерала Трухина, как офицер для особых поручений.

После капитуляции он был вместе со штабом сначала интернирован, а потом американскими частями содержался как пленный в лагере Ландау-Изар, до своего бегства в октябре 1945 года. На свободе он усилено работал над тем, чтобы спасать власовских солдат от выдачи в Советский Союз.

После войны Фрёлих возобновил свою деятельность как инженер-строитель. Его старая рижская фирма переехала в Мюнхен, где он и умер 15 декабря 1982 года.

РЕДАКТОР КНИГИ

Помощница покойного С. Б. Фрёлиха и редактор его воспоминаний Эдель фон Фрейер родилась 30 апреля 1929 года в Хоппенраде, в Бранденбурге, и выросла в родительском имении в Пригнице. В 1945 году в силу военных событий она бежала на Запад и с 1956 года работала в министерствах и военных штабах Федеративной Республики Германии и за границей. С 1962 года она стала сотрудницей в немецкой служебной группе по взаимоотношениям Востока и Запада в Мюнхене. С 1972 года она также участвует в деловом руководстве общества Карла Фридриха фон Сименса.

* * *

«Все советские граждане, освобожденные союзными военными силами, должны быть немедленно после освобождения отделены от немецких военнопленных. Такие советские граждане должны быть собраны в созданных для этого местах содержания и лагерях, причем к ним должен быть обеспечен свободный доступ представителей советских репатриационных комиссий. В целях внутреннего управления и поддержания дисциплины такие советские граждане должны быть объединены в подразделения и группы, в которых будут действовать советские законы. Освобожденные советские граждане до их репатриации могут принимать участие в управлении, руководстве и поддержании порядка в лагерях и местах пребывания, в которые они помещены.

Предназначенные для сего британские учреждения сотрудничают с соответствующими советскими учреждениями в Объединенном Королевстве при идентификации уже находящихся в нем или прибывающих сюда освобожденных советских граждан. В договоренности с советскими учреждениями британские учреждения обеспечивают перевозки таких советских граждан между местами, в которых осуществляется их передача советским учреждениям. В пределах возможности соответствующие советские учреждения оказывают помощь британским учреждениям при отправлении этих советских граждан в Советский Союз, то есть предоставляя для этой цели перевозочные средства нужного габарита.»

11 февраля 1945 года, под конец конференции в Ялте сэр Роберт Антони Идеи и Вячеслав Михайлович Молотов, британский и советский министры иностранных дел, подписали

соглашение о «Репатриации советских граждан, которые находятся на британской или занятых британцами территориях» (наверху).

Аналогичное соглашение было потом подписано представителями Соединенных Штатов Америки и Советского Союза. Соглашение, которое в порядке умолчания включало насильственную репатриацию, хранилось в тайне. Западные союзники при этом находились под давлением возможных репрессий против собственных солдат, которые как военнопленные в Германии были «освобождены» Красной армией.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Список сокращений

ВВС — Военно-воздушные силы

Гестапо — Gestapo (Geheime Staatspolizei) — Тайная государственная полиция

КОНР — Комитет Освобождения Народов России

НТС — Национально-Трудовой Союз (в настоящее время Народно-Трудовой Союз)

ОБ — ОВ (Oberbefehlshaber) — Главнокомандующий

ОКВ — OKW (Oberkommando der Wehrmacht) — Главное командование вооруженных сил Германии

ОКХ — ОКН (Oberkommando des Heeres) — Главное командование сухопутных сил

РОА — Русская Освободительная Армия

СА — SA (Sturm-Abteilungen) — штурмовые отряды нац. — соц. партии

СД — SD (Sicherheitsdientst) — служба безопасности при СС

СС — SS (Schutz-Staffeln) — охранные отряды нац. — соц. партии

Хиви — Hiwi (Hilfswillige) — букв. перевод: готовые или желающие помогать, добровольные помощники

NSDAP — Национал-социалистическая немецкая рабочая партия

Хронология

1 сентября 1901 г. День рождения Андрея Андреевича Власова, младшего из восьми детей русских крестьян в Ломакино, Нижегородской губернии.

Середина 1918 г. Власов преждевременно покидает семинарию, в которую его послал отец, и поступает в сельскохозяйственный институт для получения диплома агронома.

Март 1919 г. Власов добровольно поступает в Красную гвардию.

Середина 1919 г. Старший брат Власова за участие в заговоре казнен Чека. Его отца сгоняют со двора.

1920 г. Власов получает чин офицера — краскома, красного командира.

Март 1921 г. Власов сочувствует «кронштадтцам», матросам

крепости Кронштадт, восставшим против тирании большевиков.

1930 г. Власов становится членом коммунистической партии.

Ноябрь 1938 — ноябрь 1939 г. Власов становится начальником штаба генерала Черепанова, председателя комиссии советников при Чанг Кай Ши, в Китае.

Ноябрь 1939 г. Власова отзывают в Советский Союз, и он получает выговор: Чанг Кай Ши наградил его высоким орденом и делал ему подарки.

Конец 1939 г. Несмотря на это, Власов назначается командующим 99-й стрелковой дивизией. Из этой, одной из самых плохих частей, Власов создает лучшую дивизию Красной армии и, благодаря этому, приобретает славу.

4 июня 1940 г. Власова производят в генерал-майоры.

Лето 1941 г. Власов отличается как генерал танковых частей в первых боях с немцами. В 23-й День Красной армии он награждается орденом Ленина.

С 22 июня 1941 г. до конца войны. 5.227.650 русских попадает в немецкий плен. Из них около 2 миллионов умирает во время войны. Кроме того, до начала 1942 г, в Германии имеется 5 миллионов «остарбейтеров». В 1943 г. число русских на немецкой земле исчисляется в 7 миллионов.

1941 г. Немецкие части на Восточном фронте до известной степени (невзирая на запрещение) начинают пополняться «хиви» (готовыми помочь).

Июль 1941 г. Власов как командующий 37-ой армией получает приказ защищать Киев. Заболевает и попадает в лазарет в Воронеже. Там он получает приказ Сталина прибыть к нему. Сталин поручает ему из еще наличных в Москве резервов сформировать 20-ю армию.

С ноября 1941 г. Помимо «хиви», формируются все новые так называемые восточные отряды, которые объединяются в подчинении штабу «Генерала восточных частей», входившего в состав Главного Штаба Армии, генерал-лейтенанту Хеллмиху.

Ноябрь 1941 г. Капитан Штрик-Штрикфельдт (из отделения «Иноземные войска на Востоке» Генерального Штаба Армии) разрабатывает план создания русского антикоммунистического движения и русской освободительной армии.

Ноябрь 1941 г. Власов отбивает со своей 20-й армией занятый немцами Солнечногорск и прославляется как герой.

Декабрь 1941 г. Сталин второй раз вызывает Власова и критикует отсутствие инициативы и подготовки у офицеров.

13 декабря 1941 г. Советская газета «Известия» сообщает о героях сражения за Москву и помещает их портреты, среди них — Власов.

Конец 1941 г. Первая попытка смоленских жителей и немецких офицеров создать в Смоленске «Русский Комитет Освобождения». Он должен приступить к мобилизации русского населения в оккупированных областях для борьбы против Сталина.

Зима 1941/42 г. Предусмотренное начало советского наступления на Волхове.

Зима 1941/42 г. Части «Русской Национальной Народной Армии» (РННА), под командой генерала Иванова и майора Бочарова, пытаются захватить в плен внезапным нападением штаб окруженной немцами 33-й советской армии, Второго гвардейского кавалерийского корпуса и 5-го корпуса парашютистов. Предприятие удается только частично.

24 января 1942 г. Власова производят в чин генерал-лейтенанта.

Начало марта 1942 г. В третий раз Сталин вызывает Власова и дает ему приказ, в качестве заместителя главнокомандующего Волховским фронтом генерала Клыкова, освободить Ленинград.

21 марта 1942 г. Власов, по собственному решению, прилетает в окружение, смещает генерала Клыкова и сам принимает командование.

Март 1942 г. Русские эмигранты после обмена мнениями вырабатывают проект создания Русской Национальной Народной Армии (РННА), с возглавлением её советским пленным генералом.

Март 1942 г. В районе Орел-Брянск, в области действий 2-й немецкой танковой армии, под командой генерал-полковника Шмидта, под руководством русского (польского происхождения) Каминского, создается «Русская Народная Освободительная Армия» (РОНА), состоящая из пяти пехотных полков, саперного батальона, танковой части и зенитной батареи.

Весна 1942 г. Оттепель прекращает снабжение 2-й ударной армии, попавшей в окружение и обреченной на уничтожение.

Весна 1942 г. В немецких частях на Восточном фронте служит около 200.000 добровольных русских помощников и бойцов в разных организациях и предприятиях (РННА, РОНА, Дружина, Цеппелин).

Середина 1942 г. Майор Генерального штаба, позже полковник Генерального штаба, граф Штауффенберг получает поручение по формированию всех добровольческих частей под немецким командованием.

12 июля 1942 г. Власов попадает в немецкий плен.

Июль 1942 г. Власова допрашивает генерал-полковник Линдеман, главнокомандующий 18-й армией, после чего его

привозят в подследственный лагерь для пленных генералов и штаб-офицеров в Виннице, на Украине. Тут капитан Штрик-Штрикфельдт старается его убедить в правильности своей идеи.

Июль 1942 г. Четыре батальона пехоты, артиллерийская часть и саперный батальон из русских военнопленных готовы к действиям, с разрешения генерал-фельдмаршала Клюге, на среднем участке Восточного фронта. Несколькими месяцами позже еще пять стрелковых батальонов, батарея легких орудий, учебная, обозная и санитарная команды. Проводятся курсы для командиров.

1 сентября 1942 г. Полковник Боярский становится начальником Русской Национальной Народной Армии (РННА), которая под его руководством возрастает до 8.000 человек.

Середина сентября 1942 г. Власова перевозят в Берлин в Отдел пропаганды Вооруженных сил (Вермахта, WPr.IV) на Виктория штрассе 10.

16 октября 1942 г. Фельдмаршал Клюге делает смотр РННА, которая производит на него хорошее впечатление.

Конец 1942 г. На Восточном фронте есть немецкие полки, которые почти на одну треть состоят из бывших русских военнопленных.

Конец 1942 г. При содействии Штрик-Штрикфельдта Фрёлих становится связным при Власове. Штиркфельдт был в то время его попечителем от отдела WPr.IV.

1 января 1943 г. Фрёлих переводится в Отдел Пропаганды Восток в Дабендорф с чином капитана.

1943 г. Согласно приказу, «хиви» присваивают название «добровольцы».

1943 г. Немецкие учреждения, руководящие добровольческими отрядами, настаивают на том, чтобы немецкие психологически подготовленные и отличившиеся в бою начальники назначались в русские добровольческие отряды. Русские добровольцы могут получать немецкие военные награды. Для них создаются медали и ордена за боевые заслуги и отличия, но без свастики.

Весна 1943 г. Больше полумиллиона русских добровольных помощников служит в немецких частях, участвуя в боях.

Весна 1943 г. «Русский Комитет Освобождения» начинает пропаганду, распространяя листовки в оккупированных областях с текстом «Смоленского Воззвания».

Весна 1943 г. Штрикфельдт с помощью Отдела пропаганды Восток организует в Дабендорфе идеологический центр для Власова и его освободительной армии.

Середина апреля 1943 г. По приглашению группы войск Север

Власов едет в Ригу, Псков и Гатчину.

Апрель 1943 г. Невзирая на заслуги и успехи, РННА распускается.

8 июня 1943 г. Гитлер отдает приказ использовать Власовское движение исключительно для пропагандных целей.

Июнь 1943 г. Гитлеру подробно докладывают о росте «восточных частей». Он теряет терпение, заявляя, что ему не нужны русские солдаты, а лишь рабочие. Стоит больших трудов убедить его, что роспуск «восточных частей» может привести к развалу фронта на Востоке.

Лето 1943 г. В Берлине-Далеме, на Кибиц Вег 9, организуется личная канцелярия для Власова. Первым её начальником делают полковника Калугина, которого потом заменяет полковник Кромиади. Первым сотрудником из Риги становится Левицкий.

Лето 1943 г. Советские агенты появляются на Кибиц Вег 9.

Начало июля 1943 г. Власов едет со свитой в Вену на встречу с тамошним гаулейтером и рейхсштатхалтером Балдуром фон Ширах.

24 июля 1943 г. Генерал Малышкин и полковник Боярский, близкие сотрудники Власова, едут как его уполномоченные в Париж и выступают там перед большим числом слушателей в зале Ваграм на тему о заданиях и целях Русского Освободительного Движения.

Лето/осень 1943 г. Все русские добровольческие части сосредоточены на военном полигоне в Млаве, чтобы оттуда по не подлежащему сомнению приказу Гитлера быть направлены в Голландию, Бельгию и Францию.

Осень 1943 г. Начало формирования ВВС РОА в Морицфельде под Инстербургом в Восточной Пруссии.

1 января 1944 г. Генерал от кавалерии Кёстринг приходит на место генерал-лейтенанта Хеллмиха. Он по-новому называет свой штаб: «Генерал добровольческих частей».

1 января 1944 г. Полковник генерального штаба Хейнц Данко Херре назначается начальником штаба «Генерала добровольческих частей».

Начало 1944 г. Фрёлих сопровождает генерала Жиленкова при его объезде расположенных во Франции добровольческих частей.

6 июня 1944 г. Солдаты западных союзников сталкиваются при десанте во Франции с солдатами РОА, которые участвуют в обороне Нормандии, и зачисляют их в «союзники Третьего Рейха».

20 июля 1944 г. Власов пытается спасти свое движение и дает согласие на передачу его в ведение СС.

22 июля 1944 г. Оберфюрер СС Эрхард Крёгер назначается Гиммлером для связи с Власовым, а генерал Готтлоб Бергер, из Главного управления СС становится уполномоченным Гиммлера по всем делам русской Освободительной Армии.

16 сентября 1944 г. Встреча Гиммлера с Власовым.

Ноябрь 1944 г. Гиммлер одобряет формирование двух дивизий РОА.

14 ноября 1944 г. Начало формирования Первой русской пехотной дивизии (600 I.D.Russ.) в Мюнзингене, Вюртенберг. Начальник дивизии — генерал-майор Буняченко.

14 ноября 1944 г. Первая встреча генерала Кёстринга с Власовым при обнародовании Манифеста КОНРа в Праге.

14 ноября 1944 г. Торжественное обнародование Манифеста в Храдчане в Праге.

18 ноября 1944 г. Обнародование Манифеста в Берлине.

Поздняя осень 1944 г. Отмечается все еще значительное число перебежчиков, русских солдат.

Конец 1944 г. Главное Организационное Управление состоит из следующих Отделов: Персонального, Юридического, Идеологического, Административного и хозяйственного, Департамента для внешних сношений, Финансового, По церковным делам, Департамента народной помощи, Главного Гражданского Управления, Санитарного Управления Русского Красного Креста, Управления безопасности и Главного Пропагандного Управления. Невзирая на все обещания, формирование Власовской армии протекает очень медленно. Дабендорф становится научным центром Власовского движения.

Январь 1945 г. Немецкий фронт под Лодзью прорван советскими войсками. Штрикфельдта вызывают из Померании и назначают в штаб «Иноземных войск Восток» генерал-майора Гелена. Начальник Главного Управления внешних сношений КОНРа Жеребков, с согласия Власова, Министерства иностранных дел и оберфюрера СС Крёгера, устанавливает контакт с Интернациональным Красным Крестом, не только с целью защиты интересов русских военнопленных, но и для того, чтобы от имени КОНРа связаться с американским и английским посольствами. Эти попытки не имеют успеха. В Хойберге (Вюртенберг) начинает формироваться Вторая русская пехотная дивизия (650 I.D.Russ.). Ее начальником назначается генерал-майор Зверев. Кроме того, в Хойберге расположены Штаб Армии, Офицерская школа, Сторожевой батальон и Резервная бригада.

17 января 1945 г. В Министерстве иностранных дел подписан «Финансовый договор» с КОНРом. Открывается счет в главном казначействе Рейха.

28 января 1945 г. РОА номинально переходит в подчинение Власова.

1945 г. Латышские крестьяне сражаются в Курляндском котле на стороне немцев против Красной армии.

4 февраля 1945 г. ВВС РОА, как часть Русской Освободительной Армии, передается в подчинение Власову. Генерал-майор Мальцев назначается начальником ВВС КОНРа. Численность их около 5000 человек.

6 февраля 1945 г. «Зондеркоммандо Ост» в составе Службы безопасности СС для контроля над деятельностью КОНРа решает покинуть Берлин и с этой целью использует КОНР. Власовские генералы требуют, чтобы для этого был предоставлен специальный железнодорожный состав. На нем власовский штаб, учреждения КОНРа и отдельные русские перевозятся в Карлсбад.

7/8 февраля 1945 г. Поезд через Дрезден прибывает в Карлсбад.

10 февраля 1945 г. Генерал Кёстринг передает Власову командование Первой и Второй русскими пехотными дивизиями.

11 февраля 1945 г. Соглашение в Ялте определяет судьбу всех русских на немецкой территории.

Февраль 1945 г. Как первый русский офицер РОА полковник Сахаров награждается немецким орденом ЕК1. Главное Гражданское Управление КОНРа получает разрешение назначить представителей по всем «гау» для защиты интересов «остарбейтеров».

Март 1945 г. Генерал фон Паннвиц подчиняется Власову со своим хорошо вооруженным казачьим кавалерийским корпусом.

28 марта 1945 г. На последнем заседании КОНРа в Карлсбаде составляется план — как сконцентрировать все имеющиеся власовские части в районе Иннсбрука или Зальцбурга.

Апрель 1945 г. Назначение представителей для связи с «гау» отменяется.

11 апреля 1945 г. Первая русская дивизия выдерживает первую боевую пробу на фронте на Одере.

13 апреля 1945 г. Власов венчается в Карлсбаде с Адельхейд Биленберг, вдовой доктора СС.

Середина апреля 1945 г. Все части и отряды РОА, расположенные в Хойберге, выступают в направлении на Будвейс и в конце апреля прибывают туда.

17 апреля 1945 г. Фрёлих беседует с чехословацким генералом Клечандой о возможном сотрудничестве национальных чехов с Власовским движением. Клечанда не видит для этого шансов.

23 апреля 1945 г. Капитан Др. Оберлендер переходит линию

фронта у Фихтаха к начальнику штаба 12-го американского корпуса, бригадному генералу Кэнайну, чтобы начать переговоры.

24 апреля 1945 г. Генерал Ашенбреннер прилагает усилия оттянуть ВВС РОА из Маринебада и на выгодных условиях направить в американский плен. Генералы Ашенбреннер и Мальцев ведут переговоры с американским генералом Кэнайном о безусловном разоружении русских ВВС.

25 апреля 1945 г. Власов хочет через пражскую радиостанцию обратиться к западному миру и объяснить мотивы его сотрудничества с немцами и цели своего Движения. Государственный министр Франк пытается получить на это согласие Гитлера, но не может связаться с ним и запрещает такое воззвание.

27 апреля 1945 г. ВВС РОА складывает оружие между Цвизелем и Регеном.

27 апреля 1945 г. Жеребков советует Власову вблизи Фернпаса спасти свою жизнь для будущего России и бежать в Испанию. Власов отклоняет это, говоря: «Я до конца останусь со своими солдатами и разделю их судьбу».

28 апреля 1945 г. Др. Мартин, главный представитель Интернационального Красного Креста в Германии, советует Жеребкову нелегально перейти швейцарскую границу, чтобы начать переговоры с американцами.

2/3 мая 1945 г. 500 хорошо вооруженных русских в немецкой форме, остатки шеститысячной «Первой русской национальной армии в составе немецкого Вермахта», переходят границу в Лихтенштейн, где их принимают после первоначальных затруднений.

Начало мая 1945 г. Фрёлиха генерал Трухин принимает в РОА с чином офицера ординарца.

5 мал 1945 г. Трухин решает предложить американцам капитуляцию всех частей РОА, при единственном условии: невыдачи их Советскому Союзу.

6 мая 1945 г. Генерал Буняченко со своей Первой дивизией, против воли Власова, принимает участие в Пражском восстании.

8 мая 1945 г. Генерал Малышкин и капитан Штрик-Штрикфельдт объявляются американцами военнопленными поблизости Фюссена и через Аугсбург переводятся в Маннхейм.

9 мая 1945 г. Части Второй дивизии, штаб Армии, Офицерская школа и запасная бригада встречаются с американцами под Крумау, в Судетах, и сдаются им. Генералу Меандрову и его начальнику штаба обещают почетное интернирование с сохранением оружия.

10 мая 1945 г. Жеребков с полномочиями Власова едет к

американскому коменданту в Наудерс. После допроса его отвозят в Имст, в Тироле, где он содержится в течение двух месяцев.

11 мая 1945 г. Первая дивизия РОА складывает оружие вблизи Шлиссельбурга, Власов и его штаб находят убежище в замке.

12 мая 1945 г. Власова вызывают для переговоров в штаб американской армии. Несмотря на американское сопровождение, он попадает в советскую западню и после этого пропадает без следа.

26 мая 1945 г. Пленные чины РОА прибывают в американский сборный лагерь в Ландау-Изар.

16 августа 1945 г. Советская делегация появляется в Лихтенштейне и требует допустить ее к интернированным там русским. Эта встреча проводится под контролем властей Лихтенштейна.

Начало октября 1945 г. Фрёлих бежит из лагеря военнопленных Ландау-Изар.

22 февраля 1946 г. Полковник Кромиади пытается воспрепятствовать выдаче солдат РОА Советскому Союзу.

24 февраля 1946 г. Лагерь Платтлинг (Верхняя Бавария) окружают американские специальные отряды с танками и пулеметами, которые избивают русских солдат и грузят их в ожидающие поезда для выдачи Советам.

1 августа 1946 г. В Москве объявляется приговор Власову и его ближайшим сотрудникам: смерть через повешение.

Осень 1947 г. Интернированная русская часть в Лихтенштейне, после преодоления трудных дипломатических переговоров, перевозится на средства государства Лихтенштейн в Аргентину.

«Толчок должен быть сделан извне»

(Выдержки из протокола допросов группой войск «Центр» генерал-лейтенанта Михаила Федоровича ЛУКИНА, который, будучи тяжело раненым, находился в немецком полевом лазарете. В разговоре от 12 декабря 1941 г. генерал Лукин сделал следующие заявления. Взято из журнала «Обозрение» за Октябрь 1982 г., приложение к газете «Русская мысль».)

«Чтобы ответить на ваш вопрос: почему Красная армия и русский народ — несмотря на ненависть к советской системе — продолжает сопротивление и не собирается прогонять прочь ненавистных властителей, я буду с вами очень откровенен.

Вы говорите об освобождении народов от большевизма и о новом порядке в Европе. В то же время вы считаете русский народ

носителем большевистской идеи — в противоположность украинцам. Но это совершенно неверно! Большевизм — это чуждая русскому народу международная и еврейская выдумка. Он мог найти поддержку у народов сегодняшнего Советского Союза только в результате конъюнктуры, сложившейся после мировой войны. Крестьянину пообещали землю, рабочему — участие в промышленных прибылях. И крестьянин, и рабочий были обмануты. (…)

Несмотря не это, я не верю ни в организованное, ни в стихийное восстание на русской стороне. Уж очень обескровлен народ. Все, что в течение двух десятилетий поднималось против красных властителей, уничтожено, сослано, либо умерло. А командующий армией, который, может, и подумывает в глубине души об организованном сопротивлении, не может рискнуть ни шагу сделать в этом направлении. Он окружен комиссарами, шпионами и собственным военным советом. (…)

Поэтому толчок должен прийти исключительно извне, то есть вы должны силой опрокинуть организованную власть, не рассчитывая при этом на какую бы то ни было поддержку со стороны русского руководства или русского народа, как бы сильна ни была его ненависть к большевизму. Но этот народ нельзя больше наказывать. (…)

Не можете ли вы создать русское антиправительство?»

Ответ допрашивающего:

— Этот шаг, наверно, был бы ошибкой. Ведь вы сами сказали, что людей, которые могли бы взять на себя руководство, не осталось. Русский народ будет рассматривать сформированное нами правительство как послушный инструмент иностранного господства.

Генерал Лукин продолжает:

«В этом рассуждении есть логика. Создание вашего нового Восточного министерства мы тоже интерпретировали в этом смысле, и все же тут дело обстоит иначе. Если вы сформируете русское правительство, вы тем самым вызовете к жизни новую идею, которая будет работать сама за себя. Народ окажется перед лицом необычной ситуации:

1) есть, значит, все-таки русское правительство, которое против Сталина, а Россия все же жива,

2) борьба направлена только против ненавистной большевистской системы,

3) русские встали на сторону так называемого врага — значит, перейти к ним — не измена родине, а только отход от системы. Тут возникают новые надежды!

Даже видные русские руководители наверняка задумаются

над этим, может, даже те, кто еще может что-то сделать. Ведь не все руководящие деятели — заклятые приверженцы коммунизма, но сегодня они не видят другого выхода.»

Вопрос:

— Кто же эти видные руководители?

«Есть два человека, настолько популярных и сильных, что они могли бы вызвать изменение обстоятельств: Буденный и Тимошенко. (…) Но эти люди должны знать, что Россия останется: они не удовлетворятся постом командира призывного района или чего-нибудь в этом роде. Вот, видите, поэтому и нужно русское антиправительство. Ни Буденный, ни Тимошенко не являются в глубине души фанатичными приверженцами коммунистического принципа. (…) Эта Россия вовсе не должна быть полностью похожа на старую, так мы думаем, она обойдется без Украины, Белоруссии и прибалтийских стран, но она должна остаться Россией, которая будет идти рука об руку с Германией. Создать такую Россию — в вашей власти, не в моей. (…)

Для русского крестьянина сегодня самый важный вопрос — это вопрос о владения землей. Крестьянин пошел в революцию, чтобы стать землевладельцем. Советское правительство украло у него землю, поэтому крестьянин ненавидит систему. (…) Дайте русскому крестьянину землю — и он ваш. (…)

Я прошу вас рассматривать мои признания как высказывания русского, который хочет уберечь свой народ от худшей доли, потому что любит его. Я прошу о соблюдении тайны, так как у меня осталась семья в России.»

Обращение русского комитета в Смоленске от 27 декабря 1942 г. к бойцам и командирам Красной армии, ко всему русскому народу и другим народам Советского Союза

Друзья и братья!

БОЛЬШЕВИЗМ — ВРАГ РУССКОГО НАРОДА! Неисчислимые бедствия принес он нашей Родине и, наконец, вовлек Русский народ в кровавую войну за чужие интересы. Эта война принесла нашему Отечеству невиданные страдания. Миллионы русских людей уже заплатили жизнью за преступное стремление Сталина к господству над миром, за сверхприбыли англо-американских капиталистов. Миллионы русских людей искалечены и навсегда потеряли трудоспособность. Женщины, старики и дети гибнут от холода, голода и непосильного труда. Сотни русских городов и тысячи сел разрушены, взорваны и сожжены по приказу Сталина.

История нашей Родины не знает таких поражений, какие были уделом Красной армии в этой войне. Несмотря на самоотверженность бойцов и командиров, несмотря на храбрость и жертвенность Русского народа, проигрывалось сражение за сражением. Виной этому — гнилость всей большевистской системы, бездарность Сталина и его главного штаба.

Сейчас, когда большевизм оказался неспособным организовать оборону страны, Сталин и его клика продолжают с помощью террора и лживой пропаганды гнать людей на гибель, желая ценою крови Русского народа удержаться у власти хотя бы некоторое время.

СОЮЗНИКИ СТАЛИНА — АНГЛИЙСКИЕ И АМЕРИКАНСКИЕ КАПИТАЛИСТЫ — ПРЕДАЛИ РУССКИЙ НАРОД. Стремясь использовать большевизм для овладения природными богатствами нашей Родины, эти плутократы не только спасают свою шкуру ценою жизни миллионов русских людей, но и заключили со Сталиным тайные кабальные договоры.

В то же время Германия ведет войну не против Русского народа и его Родины, а лишь против большевизма. Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу.

Национал-социалистическая Германия Адольфа Гитлера ставит своей задачей организацию Новой Европы без большевиков и капиталистов, в которой каждому народу будет обеспечено почетное место.

Место Русского народа в семье европейских народов, его место в Новой Европе — В ПЕРВУЮ ОЧЕРЕДЬ ДЕЛО САМОГО РУССКОГО НАРОДА.

Для объединения Русского народа и руководства его борьбой против ненавистного режима, для сотрудничества с Германией в борьбе с большевизмом за построение Новой Европы, мы, сыны нашего народа и патриоты своего Отечества, создали РУССКИЙ КОМИТЕТ.

РУССКИЙ КОМИТЕТ ставит перед собой следующие цели:

а. Свержение Сталина и его клики, уничтожение большевизма.

б. Заключение почетного мира с Германией.

в. Создание, в содружестве с Германией и другими народами Европы, Новой России без большевиков и капиталистов.

РУССКИЙ КОМИТЕТ кладет в основу строительства Новой России следующие главные принципы:

1. Ликвидация принудительного труда и обеспечение рабочему действительного права на труд, создающий его материальное благосостояние;

2. Ликвидация колхозов и планомерная передача земли в частную собственность крестьянам;

3. Восстановление торговли, ремёсел, кустарного промысла и предоставление возможности частной инициативе участвовать в хозяйственной жизни страны;

4. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа;

5. Обеспечение социальной справедливости и защита трудящихся от всякой эксплуатации;

6. Введение для трудящихся действительного права на образование, на отдых, на обеспеченную старость;

7. Уничтожение режима террора и насилия, введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности и жилища;

8. Гарантия национальной свободы;

9. Освобождение политических узников большевизма и возвращение из тюрем и лагерей на Родину всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма;

10. Восстановление разрушенных во время войны городов и сел за счет государства;

11. Восстановление принадлежащих государству разрушенных в ходе войны фабрик и заводов;

12. Отказ от платежей по кабальным договорам, заключенным Сталиным с англо-американскими капиталистами;

13. Обеспечение прожиточного минимума инвалидам войны и их семьям.

Свято веря, что на основе этих принципов может и должно быть построено счастливое будущее Русского народа, Русский Комитет призывает всех русских людей, находящихся в освобожденных областях и в областях, еще занятых большевистской властью, рабочих, крестьян, интеллигенцию, бойцов, командиров, политработников ОБЪЕДИНЯТЬСЯ ДЛЯ БОРЬБЫ ЗА РОДИНУ, ПРОТИВ ЕЕ ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА — БОЛЬШЕВИЗМА.

Русский Комитет объявляет врагами народа Сталина и его клику.

Русский Комитет объявляет врагами народа всех, кто идет добровольно на службу в карательные органы большевизма — Особые отделы, НКВД, заградотряды.

Русский Комитет объявляет врагами народа тех, кто уничтожает ценности, принадлежащие Русскому народу. Долг каждого честного сына своего народа — уничтожать этих врагов народа, толкающих нашу Родину на новые несчастья.

Русский Комитет призывает всех русских людей выполнять

этот свой долг.

Русский Комитет призывает бойцов и командиров Красной армии, всех русских людей переходить на сторону действующей в союзе с Германией Русской Освободительной Армии. При этом всем перешедшим на сторону борцов против большевизма гарантируется неприкосновенность и жизнь, вне зависимости от их прежней деятельности и занимаемой должности.

Русский Комитет призывает русских людей вставать на борьбу против ненавистного большевизма, создавать партизанские освободительные отряды и повернуть оружие против угнетателей народа — Сталина и его приспешников.

Русские люди! Друзья и братья! Довольно проливать народную кровь! Довольно вдов и сирот! Довольно голода, подневольного труда и мучений в большевистских застенках! Вставайте на борьбу за свободу!

На бой за святое дело нашей Родины! На смертный бой за счастье Русского народа!

Да здравствует почетный мир с Германией, кладущий начало вечному содружеству Немецкого и Русского народов!

Да здравствует Русский народ, равноправный член семьи народов Новой Европы!

Председатель Русского Комитета
Генерал-лейтенант (А. А. Власов)
Секретарь Русского Комитета
Генерал-майор (В. Ф. Малышкин)

Манифест, обнародованный при создании Комитета для Освобождения Народов России, 14 ноября 1944 года во дворце Храдчане в Праге

Своей целью Комитет Освобождения Народов России ставит:

а) Свержение сталинской тирании, освобождение народов России от большевистской системы и возвращение народам России прав, завоеванных ими в народной революции 1917 года;

б) Прекращение войны и заключение почетного мира с Германией;

в) Создание новой свободной народной государственности без большевиков и эксплуататоров.

В основу новой государственности народов России Комитет кладет следующие главные принципы:

1. Равенство всех народов России и действительное их право на национальное развитие, самоопределение и государственную

самостоятельность.

2. Утверждение национально-трудового строя, при котором все интересы государства подчинены задачам поднятия благосостояния и развития нации.

3. Сохранение мира и установление дружественных отношений со всеми странами и всемерное развитие международного сотрудничества.

4. Широкие государственные мероприятия по укреплению семьи и брака. Действительное равноправие женщины.

5. Ликвидация принудительного труда и обеспечение всем трудящимся действительного права на свободный труд, созидающий их материальное благосостояние, установление для всех видов труда оплаты в размерах, обеспечивающих культурный уровень жизни.

6. Ликвидация колхозов, безвозмездная передача земли в частную собственность крестьян. Свобода форм трудового землепользования. Свободное пользование продуктами собственного труда, отмена принудительных поставок и уничтожение долговых обязательств перед советской властью.

7. Установление неприкосновенной частной трудовой собственности. Восстановление торговли, ремесел, кустарного промысла и предоставление частной инициативе права и возможности участвовать в хозяйственной жизни страны.

8. Предоставление интеллигенции возможности свободно творить на благо своего народа.

9. Обеспечение социальной справедливости и защиты трудящихся от всякой эксплуатации, независимо от их происхождения и прошлой деятельности.

10. Введение для всех без исключения действительного права на бесплатное образование, медицинскую помощь, на отдых, на обеспечение старости.

11. Уничтожение режима террора и насилия. Ликвидация насильственных переселений и массовых ссылок. Введение действительной свободы религии, совести, слова, собраний, печати. Гарантия неприкосновенности личности, имущества и жилища. Равенство всех перед законом, независимость и гласность суда.

12. Освобождение политических узников большевизма и возвращение на родину из тюрем и лагерей всех, подвергшихся репрессиям за борьбу против большевизма. Никакой мести и преследования тем, кто прекратит борьбу за Сталина и большевизм, независимо от того, вел ли он ее по убеждению или вынужденно.

13. Восстановление разрушенного во время войны народного

достояния — городов, сел, фабрик и заводов — за счет государства.

14. Государственное обеспечение инвалидов и их семей.

Указатель имен

Абрамов Ф. Ф. — 91, 178
Август император — 96
Автономов, архиепископ — 291, 295—297
Алдан А. Г. — см. Нерянин А. Г.
Алейс Борис — 67, 114
Александр Второй — 22
Алексеев Георгий Александрович — 184
д'Алкен Гюнтер — 85, 86, 87, 166, 167
Альбрехт, эрцгерцог — 301
Анастасий, митрополит — 90, 174
Андреев С. А. — 183, 191, 192
Антонов Георгий Ильич — 165, 218
Антонов Ростислав Львович — 72, 108, 109, 163, 211, 262, 263
Арлт Фриц Рудольф — 59
Артемов — см. Зайцев А. Н.
Артюк Екатерина С. — 297, 298
Артюк Самиган — 287, 297, 298
Асберг Владимир — 251
Ауский Станислав А. — 239
Ачесон Дин — 25
Ашенбреннер Генрих — 205, 212, 216, 234, 241, 242, 244–247, 343, 352
Бабницкий Алексей — 219
Балабин Е. И. — 91, 178
Балинов Шамба — 177
Бауман Ганс — 129
Бах-Залевский Эрих фон — 59
Белов Павел Алексеевич — 57, 58
Бенеш Эдуард — 237, 239
Бенуа, супруги — 68
Бергер Готтлоб — 91, 132, 165, 168, 350
Берия Лаврентий Павлович — 40, 41, 42, 43
Бетел Николай, лорд — 157
Биленберг Адельхейд (Хейди) — 163–166, 352
Бискупский Василий Викторович — 90, 173
Бисмарк Отто фон — 132
Бичерахов Лазарь Федорович (генерал) — 89, 90
Благовещенский Иван Алексеевич — 75, 197, 321

Блажевич (советский майор) — 60, 61
Блехер Руфь — 94, 95
Блумберг Евгений — 62, 248, 249, 250, 267, 277–280
Блументритт Гюнтер — 150
Богатырчук Федор Парфеньевич — 173, 177, 185, 187
Богданов А. С. - 255, 270, 309
Богров Дмитрий Григорьевич — 134
Борман Вернер — 28, 35, 40, 83
Борман Мартин — 114, 115
Бородин С. Ф. — 270
Боррис Клаус — 96, 168–171, 206, 207, 235, 244, 248
Бочаров Алексей Матвеевич — 56, 57, 58, 154, 155, 157, 158
Боярский Владимир Ильич — 56, 57, 82, 124, 250, 252, 349
Браухич Вальтер фон — 64
Брёдерих Сильвио — 96, 170, 171
Брюшвейлер Георгий — 231
Буденный Семен Михайлович — 83, 356
Будзилович Николай Николаевич — 173, 177, 183> 184
Буняченко Сергей Кузьмич — 151, 157, 199, 201, 202, 205, 206, 220, 221, 238–240, 260, 261, 263, 315, 321, 350, 353
Бургхард Карл Яков — 228, 229, 230
Буссе Теодор — 220
Бухардт Фридрих — 224, 246
Бухарин Николай Иванович — 83
Бухбендер Ортвин — 86
Бушманов Н. С. — 76
Бычков (капитан РОА) — 213
Ванда (секретарша Меандрова) — 288
Вартенберг Бодо фон — 149
Василевский Александр Михайлович — 28, 29, 31, 32, 33, 35, 40, 41, 42
Вашугин (корп. политком.) — 27
Вейнингер (нем, генерал) — 205
Венцель Эдгар — 157
Вера, сестра милосердия — 277, 278
Вестерманис Маргерс — 10
Виноградов (полк.) — 45, 46
Виттрам Рейнхард — 132
Войцеховский Сергей Львович — 301
Вольф Карл — 119, 120
Воронова Мария Игнатьевна — 45, 110, 111
Ворошилов Климент Ефремович — 40, 41, 42, 43
Воскобойник К. — 59
Врангель Петр Николаевич — 90, 189, 209

Гайда Радола — 235
Ганзюк Георгий Яковлевич — 292
Гартман Николай — 94, 95
Геббельс Иосиф — 129, 132, 327
Гелен Рейнхард — 50, 161, 163, 223, 328, 351
Геринг Герман — 131, 225, 309
Герст (нем. майор) — 148, 149
Гиль-Родионов В. В. — 60, 61, 62
Гиммлер Генрих — 59, 103, 114, 131, 139, 140, 160, 163, 165, 166–168, 172, 197, 218, 230, 309, 331, 334, 350
Гиргензон Томас — 67, 68, 114
Гитлер Адольф — 7, 8, 49, 55, 58, 64, 66, 72, 73, 74, 77, 78, 83, 91, 93, 100, 114–116, 118, 119, 121, 124, 128, 131, 136, 140, 148, 150, 152, 153, 154, 157, 159, 160, 166, 168, 171, 172, 175, 176, 194, 197, 198, 232, 234–236, 264, 309, 310, 315, 323, 324, 327, 328, 334, 339
Глазенап Петр (генерал) — 293
Голиков Ф. И. — 37
Головин Ф. — 192
Горбачев Михаил Сергеевич — 7
Гоффман Иоахим — 5, 6, 9, 262
Граббе Георгий, граф — 283, 292
Граббе Димитрий, граф — 283
Грета (сестра милосердия) — 273
Гречко В. М. — 82
Гречко С. (профессор) — 177, 269, 283
Григоренко Петр Григорьевич — 308, 318
Гримм Иван Давыдович — 101, 181, 192, 193
Гроте Дора, фон — 340
Гроте Николай фон — 50, 68, 91, 92, 112, 126, 129, 160, 166, 218, 330, 331
Далин Александр — 53
Даллес Аллан — 303
Данилов Григорий — 337
Двингер Вальтраут — 129
Двингер Эрих Эдвин — 126, 128, 129, 130, 132, 166, 219
Деллингсхаузен Эдуард Карлович, барон — 72, 74, 81, 82, 85, 245, 330
Делле Павел Петрович — 268, 269, 270
Денисов В. — 82, 283, 309
Дернберг фон, А. — 192
Джугашвили Василий, сын Сталина — 215
Джугашвили Яков, сын Сталина — 215
Дирнекер Верт — 308

Дистерло Верена — 219
Доманов (казачий генерал) — 56
Донахью (амер. капитан) — 260, 261, 262, 263
Достоевский Федор Михайлович — 121
Дроздовский Михаил Гордеевич — 239
Дэвис (брит, майор) — 300
Егер (нем. полковник) — 130
Егоров А. И. — 46
Егоров (Румянцев) — 60
Екатерина Великая — 164
Есенин Сергей — 90
Ефремов Михаил Григорьевич — 57
Жеребков Юрий Сергеевич — 124, 126, 182, 183, 191, 192, 226, 231, 232, 351, 353
Жиленков Георгий Николаевич — 56, 82, 86, 142, 144, 147–149, 173, 182, 183, 190, 223, 225, 243, 315, 321, 350
Жуков Георгий Константинович — 28, 29, 33, 39, 292
Зайцев (Артемов) Александр Николаевич — 75, 82, 181
Закс (полковник РОА) — 281, 285
Закутный Дмитрий Ефимович — 173, 185, 186, 187, 225, 226, 321
Заринш (лейтенант РОА) — 277, 278, 279, 280
Зверев Г. А. - 203, 253, 254, 255, 256, 321, 351
Зиберт фон — 342
Зиболд — 126, 128
Зыков Мелетий Александрович — 82, 83, 84, 85, 86, 94
Иванов (профессор) — 95, 173, 179
Иванов Сергей Никитич — 56, 57, 346
Ивин (рус. капитан) — 60
Игорь (отец Игорь) — 284, 287
Идол Адольф — 211, 212
Иомудский, хан — 177
Йост Хейнц — 122, 123
Кавас Николай Владимирович — 101, 182
Казанкин Александр Федорович — 57
Казанцев Александр Степанович — 194, 195
Казанцева — 194
Калугин Михаил Алексеевич — 60, 98, 349
Кальтенбруннер Эрнст — 201
Каминский Бронислав — 59, 60, 198, 347
Канарис Вильгельм — 115
Капп Вернер — 66, 67, 68, 69, 101, 102, 121, 122
Каретти (лейтенант РННА) — 58
Кауфман Гюнтер — 128, 132

Каштанов Михаил Васильевич — 207
Кедия Миша — 177
Кейлинг Зигфрид — 157
Кейтель Вильгельм — 72, 119, 129, 150, 309
Керль Ханс — 169
Кёстринг Эрнст Август — 54, 156, 194, 196, 197, 199, 201, 205, 257, 311, 349, 350, 351
Кефед — 134
Кирилл Владимирович, Великий Князь — 80
Кирпонос — 27
Киселев Александр 123, 124, 174, 274, 297
Клейст Хельмут, барон — 79, 80, 142, 148
Клейнерт Ханс — 62, 102
Клечанда Владимир — 233, 235, 236–238, 240, 254, 352
Клингенберг Рудольф — 126
Клуге Ганс фон — 56, 58, 63, 71, 347
Клыков Николай Кузьмич — 44, 45, 347
Койда С. Т. — 203, 207.. 250, 256
Колчак Александр Васильевич — 116, 235
Конев Иван Степанович — 239
Кононов Иван Н. — 178
Конради-Кондрашов Владимир Александрович — 101, 102
Корбуков Владимир Денисович — 321
Кортюм — 161, 223
Кох Эрих — 114
Кравченко Евгений Васильевич — 82, 108, 179, 209
Краснов Николай Николаевич — 158
Краснов Петр Николаевич — 7, 90, 158, 173, 178
Краснов Семен Николаевич — 158
Краузе Федор Федорович — 94, 95, 325
Краузе, жена Ф. Ф. — 325
Крёгер Эрхард — 95, 119, 160, 164, 165, 167, 170, 224, 225–227, 235, 240, 241, 242, 246
Кривошеин Александр Васильевич — 134, 135
Кромиади Константин Григорьевич — 56, 57, 89–91, 98 103, 165, 179, 192, 240, 291, 292, 341
Кубе Нильс фон — 47
Кутепов Александр Павлович (ген.) — 189
Кучинский (капитан РОА) — 263
Кэнайн Ральф — 244, 245
Лампе Алексей Александрович — 90, 173
Ламсдорф Георгий, граф — 208
Ларионов Виктор Александрович — 189
Ленин В. И. — 189

Лених (междун. Красный Крест) — 228
Левицкий Димитрий Александрович — 99—101, 179–181 225
Лей Роберт — 146, 185
Леп — 126
Ливенцев Николай — 180, 181
Линдеман Георг — 46, 48, 110, 347
Лоренц Вернер — 173
Лукин Михаил Федорович — 50, 57, 314, 355
Лутце Виктор — 69
Людингсгаузсн-Вольф Борис, барон — 208
Макартур Дуглас (ген.) — 193
Маклагелидзе Шалва — 177
Маленков Георгий Максимилианович — 40, 41, 44
Малышкин Василий Федорович — 8, 62, 67, 68, 70, 75, 82, 87, 88, 89, 98, 103, 125, 126, 152, 154, 165, 173, 179, 180, 192, 197, 225, 226, 241–243, 315, 343
Мальцев Виктор Иванович — 211, 215, 216, 225, 244, 245, 321, 351, 352
Мансырев Леонид, князь — 208
Мао Дзедун — 25
Маркс Карл — 75, 84, 321
Маркс Эрих — 150
Мартин (амер. полк.) — 263
Мартин (предст. МКК) — 230
Мартин Ханс Лео — 50
Меандров Михаил Алексеевич — 82, 204, 250, 251, 256, 257, 265, 271, 276, 277, 288, 315, 317, 321, 353
Мейер Юрий Константинович — 39, 185, 186
Мейерцедт — 129, 130
Мельников Владимир Васильевич — 297
Мельников Василий (протодиакон) — 297
Менде — 186
Мерецков Кирилл Афанасьевич (ген.) — 42, 43
Михаил Александрович, Великий Князь — 92
Михайлович Дража — 234
Молотов Вячеслав Михайлович — 40, 41, 42
Морозов Павлик — 19
Музыченко Ю. — см. Письменный
Мурр (гауляйтер) — 200
Мюллер Генрих — 167
Мюллер Норберт — 10, 186
Наполеон — 38
Науменко В. Г. — 178
Нерянин Андрей Георгиевич — 256, 307, 320

Нидермайер Оскар, Риттер фон — 149–152, 154, 155
Никаноров Анатолий Порфирьевич — 101
Николаев Николай Петрович — 199, 263
Николаевский Борис — 84
Николай Первый — 43
Николай Второй — 51, 80, 132
Николай Николаевич, великий князь — 189
Нирод Ф. М. — 232
Нобель Густав — 231
Новиков Александр Александрович — 40, 41, 42, 43
Новиков В. Н. (проф.) — 187
Ножин (адъютант) — 85, 94
Оберлендер Теодор — 171, 241, 244, 246, 352
Олендорф Отто — 171
Оленька — 108–110
Ориелл Джордж 40
Орехов Василий Васильевич — 298
Ошима — 193
Паннвиц Хельмут фон — 137, 138, 178, 233
Папен Франц фон — 235
Пастернак (уголовник) — 106, 107
Паттон Джордж — 244, 246, 247
Пельхау Клаус — 47
Петен Анри — 131
Петерсон — 279
Петр Великий — 77
Пех Макс — 246
Пиранг А. — 284
Письменный Юрий Александрович — 82, 173, 177
Плейгер Павел — 169
Плуме Роберт — 24
Подгайский Алоис — 130
Поздняков Владимир Васильевич — 82, 174, 251, 269
Позднякова Нина — 270
Понеделин Павел Григорьевич — 50, 314
Попенко — 149
Попов Клавдий И. (инженер) — 217, 218
Поскребышев (секретарь Сталина) — 29, 33, 36, 38, 40, 41
Пузанов — (см. Тензоров)
Путилин Александр Иванович — 82, 209.
Пэтч Александер (амер. ген.) — 243
Разумовская Ольга — 289
Рар Лев Александрович — 101
Раше Карл — 169—171

Рашхофер Герман — 232
Рейнхардт Фриц — 191
Ренненкамф Павел (генерал) — 81
Ресслер В. — 56, 262, 263, 309
Рённе Алексей фон — 310
Риббентроп Иоахим — 121
Риль Владимир Федорович — 56
Римша Ганс — 133
Риппель (казначей) — 192
Розенберг Виктор Викторович (барон) — 101
Розенберг Альфред — 87, 96, 118, 138, 151, 172, 176, 179
Рокоссовский Константин Константинович — 215, 336, 337
Романов Владимир Кириллович, Великий Князь — 80, 301
Ромашкин Анатолий — 219, 252, 253
Роммель Эрвин — 153
Ропп Георгий фон дер — 75, 95, 173, 330
Руднев Сергей Михайлович — 173
Рузвельт Франклин Делано — 222, 266
Рузвельт Элеонора — 267
Рундштедт Герд фон — 139, 150
Рышков Николай Николаевич — 101
Самсонов А. В. — 81
Сахаров Игорь Константинович — 56, 57, 207, 219, 352
Севастьянов Андрей Никитич — 270
Семенов М. А. — 234
Серафим, митрополит — 90, 175
Сергий, митрополит — 72, 335, 336
Сиверс Е. фон — 246
Симонов Константин — 213
Ситник Серафима Захаровна (Симочка) — 213, 214
Смирнов (инженер) — 104
Смирнов Дмитрий (певец) — 270
Смысловский-Регенау-Хольмстон Борис Алексеевич — 301
Снайдер Герберт (амер. полковник) — 243
Снегов Михаил Григорьевич — 314
Соколов Владимир — 6
Солженицын Александр Исаевич — 7, 18, 21, 88, 116, 302
Спиридонов Алексей Иванович — 80, 82
Сталин Иосиф Виссарионович — 7, 9, 16, 19, 22, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 51, 58, 70, 73, 77, 83, 118, 129, 134, 138, 140, 141, 150, 162, 177, 194, 198, 226, 236, 266, 298, 302, 312, 31.9, 321, 324, 325, 333, 334, 356
Стеенберг Свен — 306
Стенграхт фон Мойланд Густав Адольф, барон — 227

Столыпин Петр Аркадьевич — 51, 132, 133, 134
Суворов Александр Васильевич — 321
Сукарно — 298
Сун Куеи Чи — 26
Сун-Ят Сен — 25
Танненберг Вильгельм — 191, 192
Татаркин (казачий атаман) — 178
Тензоров Николай Васильевич — 188, 189, 262, 263
Тимошенко Семен Константинович — 356
Типпельскирх Вернер фон — 192
Тито Иосиф Броз — 234
Тишков А. В. — 306, 309
Толстой Лев Николаевич — 121
Толстой Николай, граф — 157
Трескотт Лукиан — 291
Трухин Федор Иванович — 9, 62, 76, 78, 82, 89, 173, 196, 225, 251–253, 256, 318–322, 343
Туркул Антон Васильевич — 173
Тухачевский Михаил Николаевич — 26, 46, 88, 160, 252
Фальц-Фейн Эдуард Александрович, барон — 302
Фармбахер Вильгельм — 154, 157
Фе Маргарита, фон — 340
Фейель Рудольф — 205
Филиппова Евгения (Женя) — 284
Фишер Георгий — 247
Форостивский (бургомистр Киева) — 185
Франк Карл Герман — 173, 174, 232, 234, 235, 237, 353
Франко Франциско — 209, 230
Франц Иосиф Второй, князь Лихтенштейна — 302
Фрейберг Антонина Никифоровна — 99, 101
Фрейер Эдель, фон — 9, 16, 343
Фрейтаг-Лорингхофен Вессель, барон — 115, 116, 118, 119, 330, 331
Фрёлих Сергей — 9, 11, 67, 101, 109, 124, 287, 307, 339-343
Фридрих Великий — 246
Фрик Александр — 303
Фромм Генрих — 139, 168, 169
Фрунзе Михаил Васильевич — 46, 325
Фуссенеггер Гертруда — 128
Фут Александр — 115
Ханзен Вальтер — 147, 148
Хаха Эмиль — 173
Хейдрих Рейнхард — 26
Хелмих Хейнц — 54, 196, 197, 346, 349?

Херре Хейнц Данко — 157, 196, 199, 205, 257, 349
Хилгер Густав — 120, 121, 191, 192, 310
Хиллгрубер Андреас — 11
Хисс Алджер — 266
Хитрово Сергей — 179, 297
Холбек Мария фон — 274
Холтерс (нем. подполковник) — 211, 212
Хофман Иоахим — 263, 340
Хрущев Никита Сергеевич — 7
Цагол (профессор) — 177
Цендер (работник швейцарского посольства) — 229, 230
Цинбал (представитель горцев) — 178
Цуриков Николай Александрович — 294
Чанг Кай Ши — 25, 26, 28, 131, 345
Чачук (представитель горцев) — 178
Чекалов (работник отдела безопасности при штабе РОА) — 189
Черемисинов Владимир — 209, 284, 285, 287, 291
Черепанов (советник у Чанг Кай Ши) — 25, 345
Шаберт Арнольд — 77, 165
Шаповалов Михаил Михайлович — 251, 252, 253
Шапошников Борис Михайлович — 28, 29, 33, 33, 35, 40—43
Шатов Николай Степанович — 321
Швердтнер Ахаз фон — 47
Швенингер Хельмут — 198, 240
Шверин-Крозиг Лутц фон — 170
Шейко (майор РОА) — 253
Шелленберг Вальтер — 62
Шёрнер Фердинанд — 234, 238, 239, 240, 250
Шилин П. А. (ген. — лейт.) — 7
Ширах Балдур фон — 126, 128–131, 349
Шкуро Андрей Георгиевич — 173, 178
Шлиппе фон, Ф. Ф. — 191, 192
Шмидт Рудольф — 59, 347
Шпеер Альберт — 169
Шредер Вальтер — 121—123
Штауффенберг Клаус, граф — 159, 163, 347
Штейфон (генерал) — 233
Штиф Хельмут — 163
Штифанов Николай — 75, 82
Штрик-Штрикфельдт Вильфрид — 48, 49, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68 73 74, 76, 79, 80, 84, 94, 98, 100, 112, 126, 129, 160, 161, 163, 167, 168, 222, 223, 243, 244, 298, 306, 307, 310, 314, 330, 331, 343

Эйбль Ганс — 95, 96, 232
Эйзенхауэр Дуайт — 243, 244, 246, 292
Элбен (нем. майор) — 79
Элих Ганс — 167
Энквист П. О. — 301
Эренбург Илья Григорьевич — 321, 322
Юденич Николай Николаевич — 63
Юрковский (офицер РОА) — 297
Якушев М. И. — 263

ИЛЛЮСТРАЦИИ

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ СССР

13 декабря

Битва за Москву

В ПОСЛЕДНИЙ ЧАС

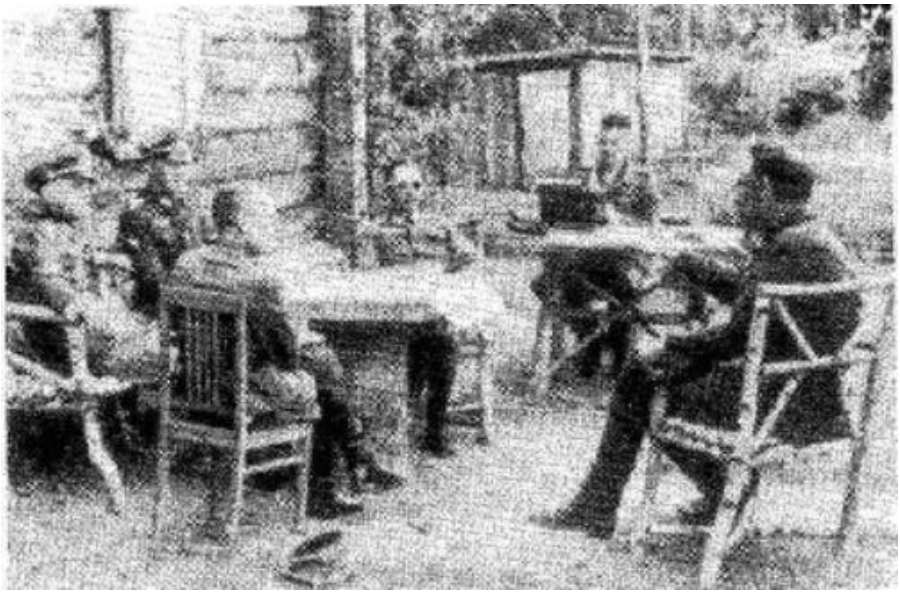
Провал немецкого плана окружения и взятия Москвы.

Поражение немецких войск на подступах Москвы.

Первая страница газеты «Известия» от 13 декабря 1941 года, на которой упоминается генерал-майор А.А. Власов (крайний слева внизу).

1. В первом ряду справа налево: автор, капитан Сергей Фрёлих, генерал-лейтенант А. А. Власов, полковник К. Г. Кромиади; в верхнем ряду слева направо: адъютант ген. Власова капитан Р.Л. Антонов в лейтенант В. Мельников.

2. 13 июля 1942 г., на следующий день после того как он попал в плен, генерала Власова принимает в своей штаб-квартире генерал-полковник Георг Линдеман, командующий 18-ой германской армии. Оба генерала обсуждают ход военных действий в битве на Волхове, в которой они были противниками.



3. Наверху: Власов в лагере для военнопленных генералов и офицеров штаба при верховном командовании германской армии в Виннице на Украине. Здесь он познакомился с капитаном Штрик-Штрикфельдтом. Судьба Власова вскоре оказалось тесно связанной с ним.

3-а. Внизу: капитан Вилфрид Штрик-Штрикфельдт.

4. Наверху: капитан Николай фон Гроте.

4-а. Внизу слева: полковник ген. штаба Алексей фон Рённе.

4-б. Справа: полковник ген. штаба Вессель фон Фрейтаг-Лорингхофен.

5. Полковник ген. штаба Рейнхардт Гелен в разговоре с капитаном Штрик-Штрикфельдтом. Справа, спиной к зрителю: генерал-майор В. Ф. Малышкин.

6. Наверху: генералы Власов и Малышкин.

6-а. Внизу справа налево: генерал Малышкин (перед отъездом в Париж), в середине со шляпой в руке, Ю. С. Жеребков, крайний слева: полковник В. И. Боярский.

7. При посещении северного участка германского фронта генерал Власов и ротмистр барон Деллингсгаузен на аэродроме.

7-а. Внизу слева направо: генерал Власов, ротмистр барон Деллинсгаузен и немецкий генерал артиллерии Лох.

8. Генерал Власов при посещении германской группы войск Север.

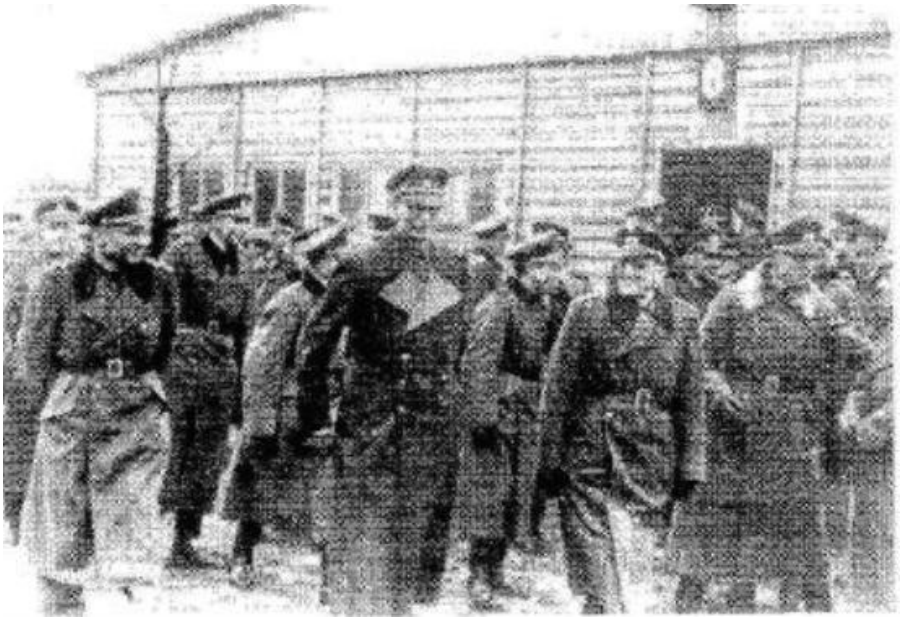
9. В Дабендорфе, который стал образовательным и научным центром Освободительного Движения, генерал Власов и слева от него генерал Трухин обходят строй очередного выпуска курсантов. Немецкий начальник лагеря капитан Штрик-Штрикфельдт — крайний слева.

9-а. Внизу: курсанты в лекционном зале.

10. Парад курсантов в Дабендорфе.

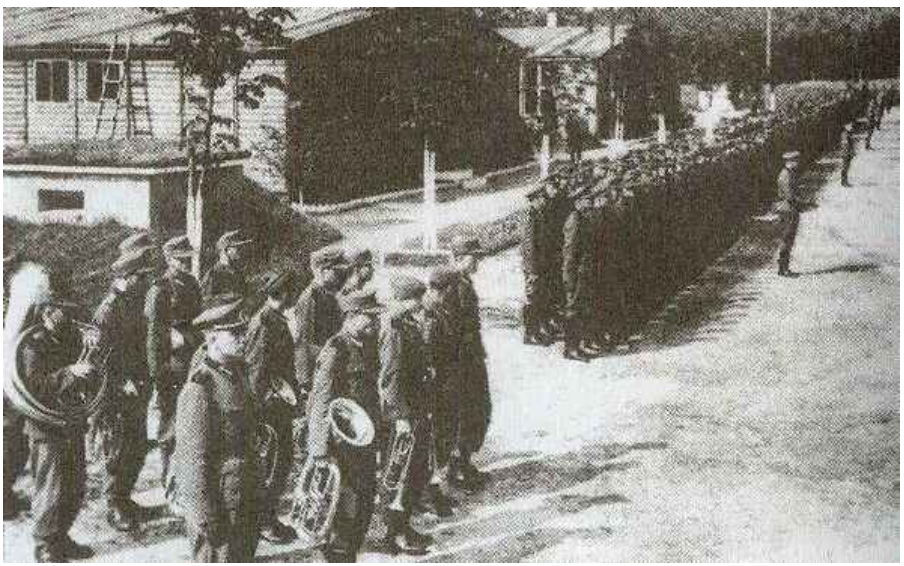
10-а Внизу: каждый курсант подписывает в присутствии генерала Власова служебное обязательство.

11. Генерал-майор Федор Иванович Трухин.



12. Сбор в Дабендорфе. Слева направо: генерал Малышкин, полковник Поздняков, генерал Власов, капитан Штрик-Штрикфельдт, ст. лейтенант барон Клейст, генерал Жиленков.

12-а. Внизу слева направо: при входе в лагерь подняты немецкий государственный флаг и русский Андреевский флаг.



12-б. Оркестр трубачей.

13. Два видных представителя советских людей и старых эмигрантов рядом в Осинторфе в 1942 г.: справа — ген. — лейт. Г. Н. Жиленков (бывший комиссар армии) и полковник И. К. Сахаров, сын генерал-адъютанта императора Николая II.

14. Министр пропаганды д-р Геббельс, принимает в 1944 г. генерала Власова. Слева направо: ген. Власов, ген. Жиленков, офицер для связи с СС д-р Эрхард Крёгер и д-р Геббельс.

14-а. Внизу д-р Геббельс принимает отличившихся на фронте солдат, некоторые из них — русские добровольцы.

15. Генерал Власов при встрече с Гиммлером 16 сентября 1944 г.

15-а. Внизу: начальник пропаганды войск СС Гюнтер д'Алькен, убедившей Гиммлера в необходимости поддержать Власова.

16. Во дворце Храдчане в Праге 14 ноября 1944 г. создается КОНР. Генерал Власов читает доклад. Слева от него: генералы Жиленков и Трухин, справа: проф. Руднев, генерал Малышкин и проф. Богатырчук.

16-а. Внизу: рядом с Власовым, представитель германского правительства обергруппенфюрер СС В. Лоренц и генерал от инфантерии Р. Туссен, главнокомандующий войсками Вермахта в протекторате Богемия и Моравия.

17. 18 ноября 1944 г. состоялось общественное собрание в «Доме Европы» в Берлине. Наверху: члены Президиума.

17-а. Внизу: молебен. Служит протоиерей Александр Киселев при дьяконе Мельникове. В глубине: ген. — майор Трухин, ген. — лейтенант Ашенбреннер и генерал Власов.

С Власовым за свободную, счастливую Россию!

Ген. Власов на занятиях Н-ской части Русской Освободительной Армии.

Слушайте клич Русского Комитета:—

На бой за святое дело нашей Родины!

На смертный бой с большевизмом, за счастье Русского народа!

Знаешь ли ты о договоре, заключенном Командованием Русской Освободительной Армии с Верховным Командованием Германской Армии?

197,6 – 43

PASSIERSCHEIN

ПРОПУСК — Passierschein

Пропуск действителен для неограниченного числа командиров, бойцов и политработников РККА, переходящих на сторону Германских Вооруженных Сил, их союзников, Русской Освободительной Армии и украинских, кавказских, казачьих, туркестанских и татарских освободительных отрядов.

Ш. в З.

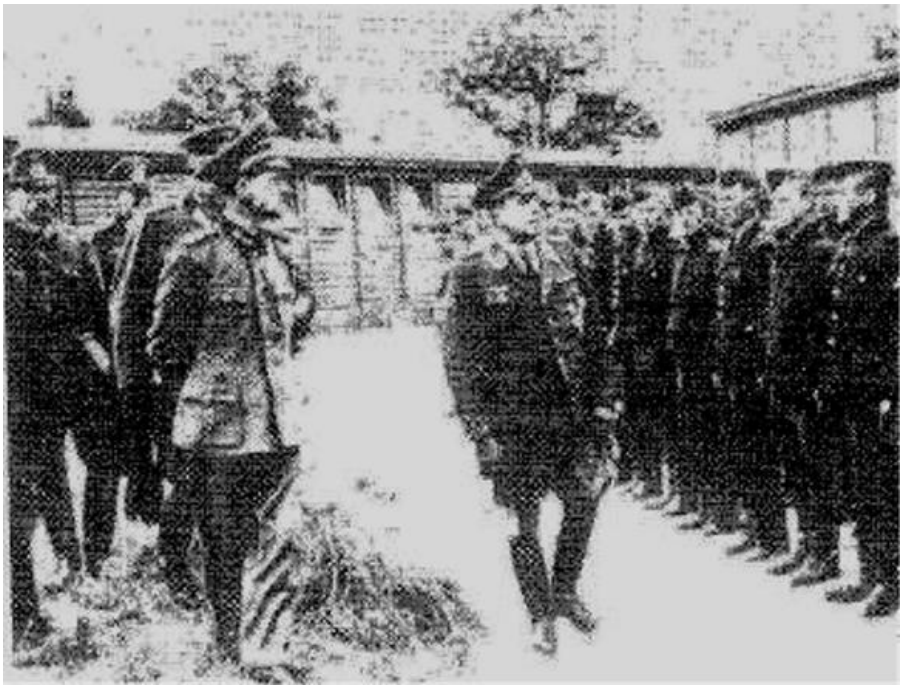
Dieser Passierschein gilt für Offiziere Politarbeiter und Mannschaften der Sowjetarmee

Переходить можно и без пропуска: достаточно поднять обе руки и крикнуть «Сталин капут» или

«ШТЫКИ В ЗЕМЛЮ!»

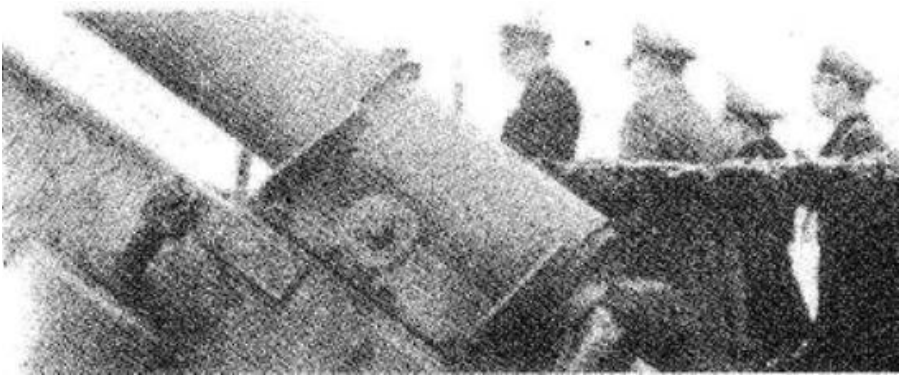
18. Одна из листовок, сбрасывавшихся на фронте. На обороте листовки текст пропуска для перехода через фронт (внизу).

19. Наверху: генерал-майор Виктор Иванович Мальцев — начальник Военно-Воздушных сил КОНРа.



19-а. Внизу: генерал германских ВВС на смотру летных курсов КОНРа.

20. Наверху: 10 февраля 1945 г. в Мюнзингене. Первая дивизия Русской Освободительной Армии передается под команду генерала Власова.

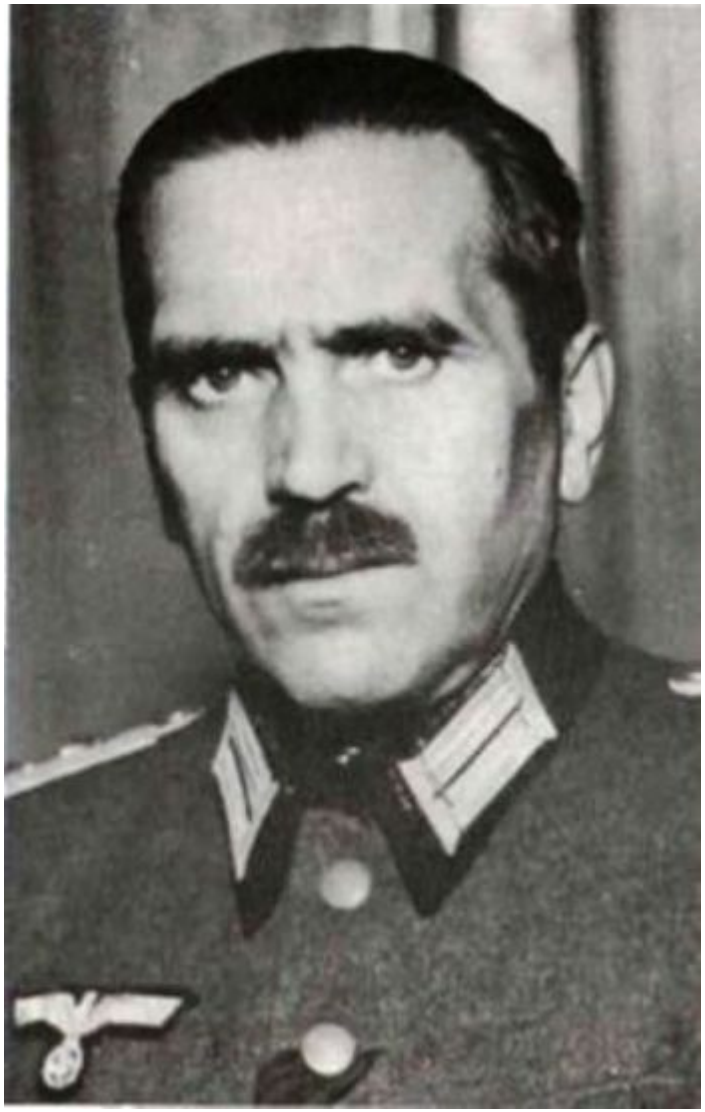


20-а. Внизу: генерал Власов выступает с речью.

20-б. Справа: церемониальный марш.

21. 4 мая 1945 г. в местечке Бераун под Прагой. Справа: генерал Власов, командир дивизии ген. — майор С. К. Буняченко и командир 4-го полка полковник И. К. Сахаров.

21-а. Внизу: чешское население следит за походом Первой дивизии.



22. Генерал-майор Михаил Алексеевич Меандров.

Сообщение Военной Коллегии Верховного Суда Союза ССР

23. Портреты осужденных и текст сообщения о приговоре, напечатанный в «Правде» от 1 августа 1946 г.

24. Памятник погибшим власовцам в Ново-Дивееве в штате Нью-Йорк, сооруженный в 1972 году.

notes

Примечания

1

Примечание переводчика: Штифанов никогда не был председателем НТС.

2

В одном письме к автору Жеребков писал, что смягченное содержание речи генерала Малышкина, исходившее от него, было представлено Штабу Главнокомандующего во Франции 26 июля 1943 г., и он попросил объяснить ему направленные против немцев выражения в речи Малышкина.

3

Примечание переводчика: Как переводчик труда С. Б. Фрёлиха я вынужден внести следующую поправку. Дело не в том, что советская сторона заменила заглавие книги Штрик-Штрикфельдта, назвав ее «Армией обреченных», на самом деле она ссылается здесь на третий источник: книгу полковника А. Г. Алдана (Нерянина), начальника Операционного отделения Главного Штаба генерала Власова, изданную в Нью-Йорке в 1969 г. на русском языке под таким заглавием. (Ю. М.)